

Вісник

Дніпропетровського
університету

Науковий журнал

№ 11

Том 25

2017

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (голова редакційної ради); старш. наук. співроб., проф. **В. І. Карплюк** (заст. голови); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгальок**; чл.-кор. НАПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. НАПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р іст. наук, проф. **В. С. Савчук**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**; д-р філос. наук, проф. **О. С. Токовенко**; д-р екон. наук, проф. **Н. І. Дучинська**; д-р філол. наук, проф. **І. С. Попова**; **Вятр Єжи Йозеф**, ректор Європейської школи управління, професор (Польща); д-р фіз.-мат. наук, проф. **Ю. Мельников** (США)

СЕРІЯ: МОВОЗНАВСТВО

Випуск 23 (1)

Дніпро

Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара

УДК 811(060.55)
ББК 81Я5

*Надруковано за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
(протокол № 8 від 22 грудня 2016 р.)*

Р е ц е н з е н т и:

д-р філол. наук, проф. В. І. Ліпіна
д-р філол. наук, проф. Т. В. Філат

Розглянуто актуальні проблеми сучасного мовознавства на широкому матеріалі української, російської та інших слов'янських і західноєвропейських мов. Багатоаспектний аналіз мовних явищ та одиниць різних рівнів виконано в синхронії та історичній перспективі. Значну увагу приділено дослідженню інноваційних процесів у сучасних мовах, опису функціональних різновидів мовлення, у тому числі інтернет-комунікації, питанням перекладу і лінгводидактики.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, які цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы современного языкознания на широком материале украинского, русского и других славянских и западноевропейских языков. Многоаспектный анализ языковых явлений и единиц разных уровней выполнен в синхронии и исторической перспективе. Большое внимание уделено исследованию инновационных процессов в современных языках, описанию функциональных разновидностей языка, в том числе интернет-коммуникации, вопросам перевода и лингводидактики.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of contemporary linguistics based on phonetics, grammar and semantics of Ukrainian, Russian and other Slavonic and West European languages are regarded. A multi-sided analysis of language phenomena is performed synchronically and diachronically. A great attention is paid to the research of innovation processes in contemporary languages, description of language functional varieties, including the internet-communication, issues of translation and linguodidactics.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор); д-р філол. наук, проф. **Н. В. Дьячок** (заст. відп. ред., відп. за вип.); канд. філол. наук, доц. **Г. А. Донскова** (Казахстан); д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко**; д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**; д-р філол. наук, доц. **І. С. Попова**; д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**; д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель**; д-р гуманіт. наук, проф. **Людмила Шипелевич** (Польща)

© Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, 2017

УДК 81'23

Н. В. Акімова

*ПВНЗ «Кіровоградський інститут державного та муніципального управління
Класичного приватного університету»*

МОВЛЕННЄВИЙ КОД САЙТІВ НОВИН: ВИКОРИСТАННЯ НЕОЛОГІЗМІВ

Розглянуто одну з рис новинної інтернет-комунікації – використання неологізмів, яка є характерною для мовленнєвого коду сайтів новин. За допомогою методів словникової дефініції, компонентного, лінгвокультурного і порівняльного аналізу, моделювання, семантичних і прагматичних інтерпретацій проаналізовано специфіку використання та розуміння неологізмів на новинних ресурсах, їх прагматичний та маніпулятивний потенціал, вплив на мовну свідомість та поведінку. Авторську позицію аргументовано тезами інтернет-лінгвістики, психолінгвістики тощо.

Ключові слова: сайт новин, девіантна мовленнєва одиниця, значення, сенс, інтернет-комунікація, інтернет-лінгвістика, нейропсихолінгвістика.

Акімова Н. В. ЧВУЗ «Кіровоградский институт государственного и муниципального управления Классического частного университета». **РЕЧЕВОЙ КОД НОВОСТНЫХ САЙТОВ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ**

Рассмотрена одна из особенностей новостной интернет-коммуникации – использование неологизмов, характерная для речевого кода новостных сайтов. С помощью методов словарной дефиниции, компонентного, лингвокультурного и сравнительного анализа, моделирования, семантических и прагматических интерпретаций проанализированы специфика использования и понимания неологизмов на новостных ресурсах, их прагматический и манипулятивный потенциал, влияние на языковое сознание и поведение. Авторская позиция аргументирована тезисами интернет-лингвистики, психолингвистики и под.

Ключевые слова: сайт новостей, девиантная речевая единица, значение, смысл, интернет-коммуникация, интернет-лингвистика, нейропсихолингвистика.

Akimova N. V. Kirovohrad Institute of State and Municipal Administration of the Classic Private University. **THE SPEECH CODE OF NEWS SITES: USING OF NEOLOGISMS**

Using of neologisms as one of the characteristics of news online communication is analyzed in the article. The author claims that this is the feature of news site speech code. The purpose of the article is to show how the neologisms in online text change usual understanding and speaking ways, and what manipulations of language consciousness they hide. The following methods were used: descriptive method, dictionary definitions, component analysis, contextually-interpretative analysis, modeling, method of semantic and pragmatic interpretations and comparative analysis. They clear specifics of use and understanding of neologisms on news resources, their pragmatic and manipulative potential, impact on the linguistic consciousness and speech behavior. The author proves his position by the theses of the modern Internet linguistics, neuropsycholinguistics and communication theory. Using of neologisms usually complicates communication and provokes understanding variability. Difficulties of the interpretation are explained by polysemy of a neologism in this context or a mismatch new meaning and dictionary meaning. Speakers often use new words for manipulative purposes.

Keywords: News site, deviant speech unit, meaning, sense, online communication, internet linguistics, neuropsycholinguistics.

Останнім часом стає все більш помітним, що мовлення в Інтернеті набуває специфічних рис, увиразнюється його відмінність від традиційних дискурсів. З накопиченням контенту з'являються підстави говорити про характерний мов-

леннєвий код різних жанрів інтернет-комунікації. Зокрема, для мовлення сайтів новин властиві гібридність і високий ступінь проникності, мультимедійність, схильність до мовної гри, варіативність, презентативність, насиченість неологізмами та okazіоналізмами, фрагментарність, використання «смайликів» і специфічних скорочень, колективне співавторство і співредагування тексту, недотримання мовних норм, необмеженість у виборі мовних засобів, функціонування особливого мовленнєвого етикету, персоналізація. Ці риси є свідченням своєрідності існування в Інтернеті, проте вони також ускладнюють розуміння інтернет-тексту і, що важливіше, змінюють звичні способи комунікації та уявлення про спілкування загалом. У цьому дослідженні пропонуємо прослідкувати, яким чином насиченість інтернет-тексту неологізмами змінює звичайні способи розуміння та говоріння, а також які маніпуляції мовною свідомістю за цим приховано.

Українські дослідники неодноразово відмічали специфічну роль неологізмів та okazіоналізмів в інтернет-комунікації [1, с. 23; 5, с. 11; 6, с. 9], проте міждисциплінарного поглибленого дослідження маніпулятивного та прагматичного потенціалу цього феномену не проводилося.

Між тим вживання неологізмів та okazіоналізмів, як правило, ускладнює комунікацію та сприяє виникненню варіативності розуміння. Іноді складнощі тлумачення пов'язані з актуалізацією в певному контексті кількох значень неологізму або з невідповідністю нового значення словниковим. Наприклад: «Якщо мовне питання перестане бути предметом політичних спекуляцій, якщо його вдасться зняти з політичного порядку денного, саме школа може стати опорою і ресурсом для найважливішої культуртехнічної, культуртрегерської, соціоінженерної діяльності, спрямованої на якісну **інсталяцію** сучасної української мови в сучасній Україні» [7 від 6.09.12]. За словником, текстова домінанта **інсталяція** значить «1. Різні настановні роботи, монтаж споруд, освітлювальної мережі і т. ін. 2. У системах обробки інформації: а) встановлення програмного виробу на персональній ЕОМ; б) одне з обмежень на програмний виріб у разі продажу його фірмою» [3, с. 499]. На етапі інтерпретації жодне зі словникових значень не застосовуване у наведеному контексті. Отже, кожен читач змушений шукати свій варіант тлумачення, використовуючи механізми аперцепції та ймовірного прогнозування, відповідно існуватимуть і кілька варіантів інтерпретації цього тексту. Відсутність сталого сенсу змусить мозок активізувати мовленнєві центри лівої півкулі (зони Брока, Верніке, нижню тім'яну ділянку) для здійснення кросмодальної абстракції. Далі вентромедіальна ділянка кори має надати усвідомленого змісту новому сенсу, а потім права півкуля узгоджуватиме його із загальним контекстом.

Проте навіть якщо мозку вдасться узгодити нове значення, ймовірність того, що ці нові сенси лексеми «інсталяція» у різних читачів збігатимуться, низька, отже, анонс розумітиметься по-різному. Поширенню подібного складного тексту сприяли такі риси новинної інтернет-комунікації, як презентативність, насиченість неологізмами та okazіоналізмами, персоналізація. Окрім надлишкової мовленнєвої девіантної одиниці «інсталяція», текст новини насичений низкою складних для розуміння слів: *культуртехнічна, культуртрегерська, соціоінженерна*, також мають місце синтаксична неузгодженість (*школа може стати опорою для... діяльності*) та тавтологія (*сучасної української мови в сучасній Україні*). Усі названі чинники сприяють висновку, що надмірна ускладненість тексту має бути певним мовленнєвим паролем, який або визначає коло «гідних» читачів, або є «візитною карткою» автора. Вживання названих лексем має створити враження, що мовна проблема з соціальної точки зору дуже складна і звичайний читач у ній погано розуміється, а, отже, його думка неважлива. Тим часом зазначена позиція має стати зразковою у розумінні цього питання. Таким чином автор суперечить

собі: з одного боку, він нібито відкрито закликає зняти мовне питання з політичного регламенту, а з іншого – сам же його наголошує, чим провокує політичні коментарі. Друга частина думки невмотивовано ускладнена, хоч не несе в собі ніякої оригінальної ідеї, а лише вкотре наголошує, що школа має сприяти поширенню української мови у нашому суспільстві. Подібні новинні тексти створюють враження, що у країні нічого не відбувається, відповідно немає про що писати, окрім дискусій з традиційних питань. Призначення таких анонсів, на жаль, маніпулятивне, вони мають відволікати від нагальних проблем та важливих подій, замічуючи мовну свідомість, формуючи стереотип недолугого українця.

Іншим прикладом маніпулятивного потенціалу неологізмів може слугувати новинний анонс від 11 вересня 2012 року на сайті «LB.ua Вибране для всіх»: *«Одяг для силовиків шие "регіоналка"»* [7 від 11.09.12]. Текстова домінанта *«регіоналка»* має очевидний семантичний зв'язок зі словотвірною базою *«регіональний»*, що позначає *«стос. до регіону»* [3, с. 1206], що легко встановити на етапі інтерпретації за допомогою механізму ймовірнісного прогнозування. Проте попередній політичний контекст дає підстави для виникнення асоціації з онімом *«Партія регіонів»*, членів якої називають *«регіонали»*, активізуючи механізм аперцепції. Яке саме значення реалізоване у цьому анонсі, залишається незрозумілим, тому кожен реципієнт тлумачить текст на власний розсуд, використовуючи можливості лівої півкулі та кросмодальну абстракцію. Рецепція наведеного фрагменту ускладнюється також через немотивоване правилами мови використання лапок. У цілому в аналізованому тексті позначилися такі риси новинної інтернет-комунікації, як проникність, схильність до мовної гри, презентативність, насиченість неологізмами та оказіоналізмами, недотримання мовних норм. Використання розмовної мови нібито наближує текст до читача, робить його більш зрозумілим та сприяє більш емоційній реакції.

У рунеті на новинних сайтах також поширена подібна манера спілкування, наприклад: *«“Сушки” и “Рапторы”: как отличаются операции США и России против ИГ»* [8 від 6.02.16]. Лексема *«сушка»* відома давно, проте серед її лексикографічних значень немає жодного, що узгоджувалося б із контекстом. За тлумачним словником *сушка* – це *«1. к Сушить; 2. Сухое хлебобулочное изделие в виде маленькой тонкой баранки»* [2, с. 1293]. У популярній інтернет-енциклопедії – Вікіпедії – представлено чотири значення (1. Процесс принудительного удаления жидкости (чаще всего влаги/воды, реже иных жидкостей, например летучих органических растворителей) из веществ и материалов. 2. Кулинарное изделие из теста. 3. Река в Серпуховском районе Московской области. 4. Деревня, Алькеевский район, Татарстан, Россия [4]) цього слова, але жодне з них також не можна пов'язати з контекстом. Відповідно, мається на увазі якесь нове значення, проте пояснень з цього приводу не надано. Тлумачення девіантної мовленнєвої одиниці *«Рапторы»* ще складніше, оскільки словниками не зафіксовано жодного її значення. Але у Вікіпедії представлено дванадцять значень, які також погано узгоджуються з контекстом: 1. Американский фильм 2001 года. 2. Неформальное название велоцирапторов или дромеозавридов. 3. Конвенция в бридже, иначе называемая «Варшавский БК». 4. Роман Паула Зиндела. 5. Патрульный катер проекта 03160 ВМФ России. 6. Российский бренд, производитель средств от насекомых. 7. Raptor (англ. хищная птица). 8. Truvelo Raptor – южноафриканский автомат, разработанный компанией Truvelo. 9. Lamborghini Raptor – концепт итальянского спортивного автомобиля. 10. Raptor: Call of the Shadows – компьютерная игра в жанре скролл-шутера. 11. Lockheed/Boeing F-22 Raptor – американский истребитель пятого поколения. 12. AGM-142 Raptor – израильская тактическая ракета класса «воздух – земля» [Там же]. У цьому випадку ми маємо справу з недостат-

ньою девіацією. Крім того, розуміння анонсу ускладнене також через ще одну недостатню девіацію – маловідому аббревіатуру «ИГ». Отже, той факт, що три з восьми текстових домінант новинного повідомлення реалізовано девіантними мовленнєвими одиницями, значно ускладнить процес розуміння на етапі інтерпретації. Для тлумачення тексту реципієнт змушений буде задіяти механізми аперцепції (для інтерпретації надлишкової девіації) та можливісного прогнозування (для осмислення недостатніх девіацій), активізувавши при цьому мовленнєві центри лівої півкулі та вентромедіальну кору. Проте змістових опор для однозначної адекватної інтерпретації у цьому повідомленні замало. Поширенню цього тексту сприяли такі риси новинної інтернет-комунікації, як проникність, презентативність, насиченість неологізмами та okazіоналізмами, використання специфічних скорочень, персоналізація. В цілому складається враження, що мова йде про якісь військові операції двох схожих за силою держав проти спільного ворога. Проте у такому трактуванні відчутно одразу кілька інтенційних помилок: по-перше, конкуруючі у політичній сфері держави представлені партнерами, що не може не викликати підозр. По-друге, зіставлення їх міці також викликає сумніви, оскільки позиція Росії сьогодні значно слабша, ніж США. Ідея спільного ворога теж здається штучною. Окрім того, не може не викликати занепокоєння той факт, що про військові операції йдеться, як про щось звичайне, невже війна сьогодні стала для росіян нормою? Навряд. Розповсюдження подібних текстів обумовлює мілітаризацію свідомості громадян Росії та інших читачів ресурсу (за півтора місяця цю новину прочитали близько 400 тис. разів), що сприяє поширенню медіавірусу щодо буденного ставлення до війни.

Отже, неологізми та okazіоналізми є досить поширеними в інтернет-мовленні, зокрема на сайтах новин, їх можна вважати специфічною рисою мовленнєвого коду Мережі. Між тим, як правило, вони ускладнюють розуміння тексту. Продуценти часто використовують їх із маніпулятивними цілями, при цьому також змінюються звичні способи розуміння та спілкування.

Бібліографічні посилання

1. **Асмус Н. Г.** Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Асмус Нина Геннадиевна. – Челябинск, 2005. – 265 с.
2. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2009. – 1536 с.
3. **Бусел В. Т.** Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
4. **Википедия** – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>.
5. **Гришина Н. С.** Интернет-портал «Грамота.ру» как лингвокультурологический инструмент развития культуры русской речи: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. С. Гришина. – Москва, 2008. – 22 с.
6. **Карпа І. Б.** Функціональні та прагматичні характеристики інтерактивної віртуальної комунікації (на матеріалі інформаційно-довідкового сервісу Yahoo!Answers). : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І. Б. Карпа. – Херсон, 2010. – 22 с.
7. **Новини України від LB.ua:** оперативна аналітика української політики, економіки, новини культури та спорту [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ukr.lb.ua/>.
8. **РосБизнесКонсалтинг** – новости, акции, курсы валют, погода, доллар, евро [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.rbc.ru/>.

References

1. Asmus, N. G. (2005) *Linguistic specifics of virtual communication space: dissertation [Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: dis. ... kand. filol. nauk]*. Cheljabinsk. 265 p.
2. Kuznetsov, S. A. (Eds.). (2009) *Large dictionary of Russian [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka]*. Norynt, St. Petersburg, 1536 p.
3. Busel, V. T. (2005) *Great Dictionary of Modern Ukrainian [Velikij tlumachnij slovník suchasnoï ukrains'koï movi]*. Irpen: Perun, Kyiv, 1728 p.
4. Wikipedia – the free encyclopedia [Vikipedija – svobodnaja jenciklopedija], available at: <https://ru.wikipedia.org>
5. Grishina, N. S. (2008) *Internet portal "Gramota.ru" as linguacultural tool of Russian speech culture development: Author's thesis [Internet-portal «Gramota.ru» kak lingvo-kul'turologičeskij instrument razvitija kul'tury russkoj reči: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Moscow, 22 p.
6. Karpa, I. B. *Functional and pragmatic characteristics of interactive virtual communication (on the basis of information and reference service Yahoo! Answers): Author's thesis [Funkcional'ni ta pragmatični harakteristiki interaktivnoï virtual'noï komunikacii (na materiali informacijno-dovidkovogo servisu Yahoo!Answers): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Herson, 22 p.
7. "News of Ukraine from LB.ua: operational analytics of Ukrainian politics, economy, sports and culture news" ["Novyny Ukrai'ny vid LB.ua: operatyvna analityka ukrai'ns'koï polityky, ekonomiky, novyny kul'tury ta sportu"], available at: <http://ukr.lb.ua>
8. "RosBusinessConsulting – News, Stocks, Exchange rate, weather, dollar, euro" ["RosBiznesKonsalting – novosti, akcii, kursy valjut, pogoda, dollar, evro"], available at: <http://www.rbc.ru/>

Надійшла до редколегії 17.01.2017

УДК 811.161.1'42

В. М. Ваняркин

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ЗАГОЛОВКА И ПАНХРОНИЯ (на материале газетно-публицистического стиля)

На материале газетно-публицистического стиля рассмотрены основные функции заголовка как самостоятельного специфического явления. Предпринята попытка определения зависимости художественной выразительности (экспрессивности) заголовка и его силы воздействия от мотивированности отношений «заглавие – текст». Проанализированы внутренние направленные названия, активизирующие комбинаторно-парадигматические возможности языка, и внешне направленные заглавия с использованием комбинаторно-синтагматических возможностей языковых единиц на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, словесном, синтаксическом.

Ключевые слова: жанр, экспрессивность, номинативность, информативность, парадигматический, синтагматический.

Ваняркін В. М. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ЕКСПРЕСИВНІСТЬ ЗАГОЛОВКА І ПАНХРОНІЯ (на матеріалі газетно-публіцистичного стилю)

На матеріалі газетно-публіцистичного стилю розглянуто основні функції заголовка як самостійного специфічного явища. Здійснена спроба визначення залежності художньої виразності (експресивності) заголовка і його сили впливу від мотивованості відношень «заголовок – текст». Проаналізовано внутрішньо спрямовані назви, які активізують комбінаторно-

парадигматичні можливості мови, і зовнішньо спрямовані заголовки з використанням комбінаторно-синтагматичних можливостей мовних одиниць на різних рівнях: фонетичному, морфологічному, словесному, синтаксичному.

Ключові слова: жанр, експресивність, номінативність, інформативність, парадигматичний, синтагматичний.

Vaniarkin V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *THE EXPRESSIVE CHARACTER OF HEADLINE AND THE PANCHRONIA (on the basis of the journalistic and publicistic style)*

The article is devoted to the analysis of speech influence in the titles of modern mass media, its studying as the main factor determining the text perception and the reader's interest arousing. As exemplified in journalese style the main functions of a title are described as an independent specific phenomenon, its role as an important text-forming feature of the writing, which is already apparent in precycle of perception and stimulates the reader's intellectual and emotional activity both in the selection of the writing and in the process of reading.

An attempt to determine the dependence of the title artistic expression (expressivity) and its impact from the motivation of the "title-text" relations was made. Two types of relations – internally and externally directed – are underlined and analyzed. The first ones activate combinatorial and paradigmatic features of the language and function on semantic and compositional levels of the text organization. The basic sources of formation of the semantic and compositional relations are determined. The externally directed titles are aimed at direct reader's response and at the impact on his/her emotional sphere of perception. Their major factor in the creation of expressiveness is the use of combinatorial and syntagmatic features of linguistic units at different levels: phonetic, morphological, verbal, syntactic.

Key words: genre, expressiveness, nominativity, informativeness, paradigmatic, syntagmatic.

В исследованиях последних десятилетий большое внимание уделяется изучению экспрессивно-оценочных элементов в структуре высказывания. Поэтому правомерным представляется анализ функционирования таких компонентов текста, которые, благодаря своей языковой природе, активно способствуют осуществлению того прагматического воздействия, которое отправитель сообщения желает достичь по отношению к получателю текста.

В этой связи для анализа с позиций коммуникативной лингвистики особый интерес представляют газетно-публицистические тексты, поскольку их авторы должны не только правильно выбрать актуальную тему, но и соответствующим образом расположить материал, чтобы композиция была коммуникативно значимой, способной реализовать основную целеустановку – не только информировать читателя, но и убедить его в правильности излагаемых событий, взглядов.

Автор газетно-публицистического текста выражает свое коммуникативное намерение более эксплицитно, чем автор художественного текста, так как публицистическому стилю свойственен в основном эмоционально-личностный характер, т. е. такой тип речи, в котором повествование ведется от имени автора. Совершенно очевидно, что функция воздействия является преобладающей для данного стиля, что, естественно, предполагает широкое использование экспрессивных единиц на всех языковых уровнях.

Особый интерес и актуальность приобретают исследования источников образования экспрессивности газетных заголовков, которые представляют концентрированно «смысловое пространство текста, взятое в дискурсе определенного периода» [10, с. 3] и могут функционировать автосемантически.

Таким образом, *цель* настоящей статьи – рассмотреть, как проявляется речевое воздействие через использование экспрессивных средств в заголовках современных СМИ.

Многие исследователи считают наличие названия (заголовка) одной из существенных характеристик текста [5, с. 133] и определяют его как целостную единицу речи (текстовый знак), «которая является обязательной частью текста и имеет в нем фиксированное положение – перед и над текстом» [7, с. 188].

Заголовок в качестве имени любого текста является важным текстообразующим признаком произведения, проявляющимся уже в прецикле восприятия и, таким образом, первоначально стимулирует интеллектуальную и эмоциональную деятельность читателя как в выборе произведения, так и в процессе его чтения [1, с. 24].

Одним из первых российских лингвистов, обративших внимание на заголовок как самостоятельное специфическое явление, был Г. О. Винокур. В своей работе «Глагол или имя?» он выделил обозначающую, указательную и рекламную функции заголовков и определил, что значение заголовка заключается в том, чтобы «указать на событие и его обозначить» [3, с. 88].

Еще А. М. Пешковский подчеркивал, что заголовок «всегда есть нечто больше, чем название» [9, с. 178]. Под этим «нечто большим» подразумевается информативная и другие функции заголовка.

Среди лингвистов, занимающихся изучением заголовка, нет единого мнения о количестве функций, выполняемых заголовком в тексте, и их особенностях [2, с. 3]. Это объясняется тем, что заголовок представляет собой сложное структурно-семантическое целое, включающее, наряду со смысловым фактором, также эмоциональный, психологический и социальный аспекты [Там же, с. 5].

В. С. Мужев [8] выделяет следующие основные функции заголовков: 1) номинативную, основное значение которой состоит в простой номинации; 2) информативную; 3) экспрессивно-апеллятивную (в заголовках с этой функцией отражено отношение автора к содержанию текста; они также оказывают определенное воздействие на читателя, психологически подготавливают его к нужному восприятию текста, вызывают определенную реакцию, отношение); 4) рекламную (заголовок с данной функцией призван заинтересовать читателя, привлечь его внимание); 5) разделительную (в соответствии с которой заголовок призван отделять один текст от другого, выделить текст из окружающего контекста).

Если, например, для заголовка информационных сообщений информативная функция является облигаторной и ведущей [12, с. 7], то в заголовках текстов оценочного типа преобладает функция экспрессивно-оценочная, направленная прежде всего на то, чтобы заинтересовать читателя, привлечь его внимание.

Заголовок – это единица текста, несущая особую функциональную нагрузку: помимо основной своей задачи – быть единицей речевого общения, заголовок должен быть для текста своеобразным условным обозначением, «именем», которое отличило бы сразу один текст от другого и позволило бы читателям не только сравнительно быстро ориентироваться среди миллионов произведений, но и выражало бы, по возможности, отношение автора к тому, что он пишет [11, с. 40].

Несмотря на имеющиеся различия в существующих классификациях функций заголовка, всех их объединяет указание на номинативность, информативность и рекламность. На наличие и относительную важность функций в заголовке оказывает влияние и жанр публикации. Так, например, личностный характер жанра «политический фельетон» допускает ярко выраженную оценку событий и фактов в целях усиления воздействия на получателя речи. Часто уже в самом заголовке, который то в ясной, конкретной форме, то в завуалированной, имплицитной, выражает основной замысел, идею, концепт создателя текста [5, с. 113], стилистические значения слов, слова и фразеологические обороты, употребленные в ироническом значении, отражают отношение автора к описываемому факту, явлению, событию: «*Охранители природы*» (Дн. веч., 27.02.2001).

Функционально закреплённой является позиция заглавия – перед и над текстом. Это самая сильная позиция текста: она позволяет заглавию выступать в качестве доминанты смысла произведения, подчиняющей и организующей всё его построение, а следовательно, и восприятие [4, с. 204]. Другими словами, название

нацеливает на определенную смысловую перспективу, «направляет внимание читателя», мобилизует его творческий потенциал предугадывать то, что будет изложено в дальнейшем развертывании текста» [5, с. 105–106].

Ретроспективная функция заглавия заключается в том, что, воспринимая содержание текста, читатель периодически возвращается к заглавию, устанавливает соответствие воспринятого содержания с тем, что заключено в заглавии. В ходе чтения текста происходит наращение смысла заглавной конструкции: она наполняется содержанием всего произведения, заглавие становится формой, в которую отливается содержание текста как целого.

Разные стили, жанры по-разному организуют восприятие заглавия читателем, активизируют различные экспрессивные возможности языковых единиц и их связей.

Художественная выразительность (экспрессивность) и сила воздействия заглавий зависит от мотивированности отношений «заглавие-текст» [6, с. 113].

Внутренне направленные названия активизируют комбинаторно-парадигматические возможности языка и работают на семантическом и композиционном уровнях организации текста. Источниками образования семантических и композиционных связей в них являются:

1) сочетания слов из семантических групп, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции: «*Замшелый министр*» (Дн. пр., 06.02.2001);

2) использование оксюморона: «*Блеск тьмы*» (Дн. пан., 04.02.2000);

3) антонимические конструкции с союзом «и»: «*Смешно и грустно*» (Дн. веч., 10.10.2000);

4) активизация внутренних семантических отношений между словами (часто соединенными в заголовке союзом «и») и проекция этих отношений на композиционный уровень: «*Генерал и его логика*» (Дн. пр., 09.03.2000).

Внешне направленные заглавия рассчитаны на прямой отклик читателя и воздействие на его эмоциональную сферу восприятия. В них основным фактором создания экспрессивности служит использование комбинаторно-синтагматических возможностей языковых единиц на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, словесном, синтаксическом. Представляется возможным выделить следующие способы воздействия на читателя:

1) на фонетическом уровне – использование приема паронимической аттракции (в широком понимании): «*Персона нон жрата*» (Дн. веч., 24.03.2001);

2) на фонетико-морфологическом уровне – построение заглавия с использованием междометий, обладающих лишь эмоциональным значением: «*Караул!*» (Дн. веч., 10.07.1999), или ритмических сочетаний с семантически опустошенными словами, имеющими лишь эмоционально-оценочную коннотацию: «*Мули-Мули*» (Дн. пр., 21.06.2001);

3) на морфологическом уровне – использование словообразовательных способностей языка: а) учет экспрессии аффиксальных элементов: «*Одесские хохмочки*» (Дн. веч., 25.09.2000); б) словотворчество: «*С кистеухим поклоном*» (Дн. пр., 13.04.2000);

4) на уровне словесной сочетаемости: а) образование эпатирующих сочетаний, слов или создание нарочито сложных, часто не сочетающихся по своей семантике заглавий: «*Стратегические ясли*» (Дн. пан., 10.10.2001); б) конденсация в заглавиях слов, эмоционально выразительных по своей семантике, в дидактических целях: «*Идея Хико, или Как экономить миллиарды*» (Дн. веч., 15.11.2002); в) использование однокоренных слов и тавтологий в целях дополнительной экспликации смысла: «*Анти-против-против*» (Дн. пр., 26.10.1999); г) введение в заглавие устойчивых фразеологических сочетаний, поговорок, пословиц: «*Поне-*

дельник – день тяжелый» (Дн. веч., 11.09.2002); д) использование авторских сочетаний: «Невыносимый сор» (Дн. веч., 27.10.2000); е) употребление в названиях фразеологизмов, которые, являясь готовыми, доступными конструкциями, легко внедряются в газетный материал; для усиления экспрессивных качеств фразеологических оборотов часто используются такие приемы, как внедрение в ткань фразеологизма различных определений, усиливающих его значение, разложение фразеологизма либо его полная трансформация (замена одного компонента другим, авторские вставки, эллиптическое употребление фразеологизма): «Си-би-эс попугая» (Дн. пан., 14.02.2001); ж) использование в названиях разговорной лексики, столкновение разных (книжных и разговорных) элементов, сочетание которых и создает нужный контраст: «Телогрейка от Кардена» (Дн. пр., 12.02.2001); з) использование в заглавных конструкциях цитат из общеизвестных текстов, поговорок, пословиц с заменой одного из компонентов конструкции другим: «Взвод моих мыслей шальных» (Дн. веч., 12.11.2002);

5) на синтаксическом уровне: а) использование двойных заглавий с союзом «или», часто построенных на контрасте двух составляющих их частей и одновременно стремящихся примирить логику и эмоцию, понятие и образ: «Урок честности, или Миллионы тью-тью» (Дн. веч., 05.07.2000); б) вопросительная интонация и форма в заглавиях: «Кто следующий?» (Дн. пр., 10.08.2001); в) реализация экспрессивных возможностей восклицательной интонации и формы: «Держите за руку!» (Дн. пан., 04.09.2001); г) употребление заголовков-вопросов, императивно требующих ответа, получить который читатель может лишь по прочтении всего текста. Сама постановка вопроса в заглавии есть своего рода завершение [5, с. 132], основа для интеграции текста как целого: «Что за дом такой?» (Дн. веч., 15.02.2002); г) реализация экспрессивных возможностей восклицательной интонации и формы: «Спать нужно!» (Дн. пр., 14.05.2001); д) использование конструкций с нулевой глагольной связкой, конденсирующих в себе экспрессивно-эмоциональный заряд всего текста: «Главное – прокукарекать» (Дн. веч., 17.08.2002); е) обращение к императивно-лозунговым конструкциям, служащим для выражения динамичности описываемых событий и, как правило, заключающим в себе иронический подтекст: «Дави на яблоко...» (Дн. пр., 12.09.2001).

Таким образом, как видно из приведенных примеров, основным источником образования экспрессивности газетных заголовков является использование комбинаторно-синтагматических возможностей языковых единиц и знаков на разных уровнях. А от того, насколько успешно заглавие осуществляет свою экспрессивную функцию по отношению к тексту, во многом зависит восприятие произведения, реализация его коммуникативной целеустановки и, в конечном итоге, эффективность коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностр. яз. в шк. – 1978. – № 4. – С. 23–27.
2. Богданова О. Ю. Заголовок как элемент текста / О. Ю. Богданова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – № 1. – С. 3–10.
3. Винокур Г. О. Глагол или имя? / Г. О. Винокур // Русская речь. Новая серия. III. – Л., 1928. – С. 26–32.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М., 1968. – 576 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 139 с.
6. Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных текстов / Н. А. Кожина // Проблемы экспериментальной стилистики. – Ростов н/Д, 1987. – С. 111–116.

7. **Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – 425 с.
8. **Мужев В. С.** О функциях заголовка / В. С. Мужев // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца. – М., 1976. – С. 112–119.
9. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
10. **Речевое воздействие: проблемы психолингвистики:** сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1972. – 144 с.
11. **Солганик Г. Я.** Лексика газеты (функциональный аспект) / Г. Я. Солганик. – М., 1981. – 112 с.
12. **Фоломкина С. К.** Текст в обучении иностранным языкам / С. К. Фоломкина // Иностр. яз. в шк. – 1985. – № 3. – С. 18–22.

References

1. Arnold, I. V. (1978), “The meaning of a strong position for the interpretation of an artistic text” [“Znachenie sil'noj pozicii dlja interpretacii hudozhestvennogo teksta”], *Injstrannue jazyki v shkole*, № 4, pp. 23–27.
2. Bogdanova, O. Yu. (2007), “Headline as a part of the text” [“Zagolovok kak jelement teksta”], *Vestnik of N. A. Nekrasov KSU*, V. 13, № 1, pp. 3–10.
3. Vinokur, G. O. (1928), “A verb or a name?”, *Russian speech* [Glagol ili imja?], *Russkaja rech'*, pp. 26–32.
4. Vygotsky, L.S. (1968.), *Psychology of Art* [Psihologija iskusstva], Moscow, 576 p.
5. Galperin, I. R. (1981), *Text as an object of a linguistic research* [Tekst kak obekt lingvističeskogo issledovanija], Moscow, 139 p.
6. Kozhina, N. A. (1987), “Ways how to show the expression in the headlines of artistic texts”, *Problems of experimental stylistics* [“Sposoby vyrazhenija jekspressii v zaglavijah hudozhestvennyh tekstov”, *Problemy eksperimental'noj stilistiki*], Rostov n/D, p. 111–116.
7. *The culture of Russian speech: Collegiate Dictionary Directory*, ed. L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryayev and others [Kul'tura russkoj rechi: jenciklopedičeskij slovar'-spravochnik], Moscow, 2003. – 425 p.
8. Muzhev, V. S. (1976), “About headline functions”, *Scientific Records of M. Toreza Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages* [“O funkcijah zagolovka”], Moscow, pp. 112–119.
9. Peshkovskyy, A. M. (1956) *Russian syntax in a scientific issue* [Russkij sintaksis v nauchnom osvewenii], Uchpedgiz, Moscow, 511 p.
10. *Speech influence* (1972), *Speech influence: problems of psycholinguistics* [Rechevoye vozdeystviye: problemy psikholingvistiki], Moscow, 144 p.
11. Solganik, G. Ya. (1981), *Vocabulary of the newspaper (functional aspect)* [Leksika gazety (funktsional'nyy aspekt)], Moscow, 112 p.
12. Folomkina, S. K. (1985), “The text in teaching foreign languages”, *Foreign languages at school* [“Tekst v obuchenii inostrannym yazykam”], *Inostrannyye yazyki v shkole*, No 3, pp. 18–22.

Список условных сокращений

Дн. веч. – Днепр вечерний
 Дн. пр. – Днепровская правда
 Дн. пан. – Днепровская панорама

Надійшла до редколегії 27.01.2017

УДК 811.161.1 + 81'373.611

Н. В. Дьячок

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА КВАЗИУНИВЕРБАЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Описаны особенности механизма квазиунивербации в русском языке. Объектом анализа стали квазиунивербализационные процессы в их разнообразии. Предметом – ряд универбов, модель квазимодификации которых отличается от более частотных моделей. Используются описательный и структурный методы. Установлено, что соответствия «словосочетание – слово» исследуемого типа являются формами абстрактной лексической единицы, именуемой номинатомой и характеризуются целым рядом формальных и семантических особенностей, присущих только этим лексическим структурам.

Ключевые слова: деривация, мотивация, номинатема, слово, словосочетание, универб, универбализация, квазиуниверб, квазиунивербация.

Дьячок Н. В. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

ОСОБЛИВОСТІ МЕХАНІЗМУ КВАЗІУНІВЕРБАЦІЇ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Розглянуто особливості механізму квазіунивербації в російській мові. Об'єктом аналізу поклали квазіунивербализаційні процеси у їхній різноманітності, предметом – низка універбів, модель квазимодифікації яких відрізняється від найбільш вживаних моделей. Використано описовий і структурний методи. Встановлено, що відповідності «словосполучення – слово» досліджуваного типу є форми абстрактної лексичної одиниці, що називається номінатомою і характеризуються цілою низкою формальних і семантичних особливостей, притаманних лише цим лексичним структурам.

Ключові слова: деривація, мотивація, номінатема, слово, словосполучення, універб, універбализація, квазіуниверб, квазіунивербація.

Diachok N. V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **PECULIARITIES OF QUASIUNIVERBATION MECHANISM IN RUSSIAN LANGUAGE**

Object of the paper is to define a notion of quasiuniverbation and to describe the peculiarities of quasiuniverbation mechanism in Russian language. Object under analysis is quasiuniverbalizing processes in the context of their diversity. Subject under analysis is a variety of quasiuniverbs which modification model differs from more frequency models. In our investigation we proposed the theory of several ways of quasiuniverbation in definite lingual context. The paper applies descriptive method and structural one for decision of main tasks. Result of the analysis is signification and description of quasiuniverbation mechanism and description of both models of modification of univerbs as well as determination of processes following the modification. We came to conclusions which show that «word combination – word» parallels of the type under analysis are forms of abstract lexical unit called nominatheme characterizing by a number of formal peculiarities and semantic ones typical for the lexical structures only. Application of the analysis results can be implemented in a dictionary of Russian language univerbs making.

Key words: derivation, motivation, nominatheme, word, word combination, univerb, univerbalization, quasiuniverb, quasiuniverbation.

Целью статьи является анализ механизма квазиунивербации как одной из особенностей номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб».

Предмет исследования здесь представлен рядом образований типа *кожанка – кожаный плащ, автомат – автоматическая коробка передач, автомат – автоматическое оружие, валерьянка – корень валерианы, песенник – сборник песен, наружка – наружное наблюдение, нежданчик – нежданная новость* и т. п., где модель квазимодификации словосочетания в универбе отличается от более частотных моделей.

Существует целый ряд определений универбации как процесса и универба как результата этого процесса. Большинство из них считаются традиционными и относят указанные понятия исключительно к области словообразования.

Универбацией считают «образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов» [2, с. 74–75]: *брюшняк* – *брюшной тиф*, *фрагментировать* – *выполнять фрагментацию*, *декрет* – *декретный отпуск* и т. п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии «Русская разговорная речь» относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем: *трехэтажка* – *трехэтажный дом*, *подсобка* – *подсобное помещение* и т. п. Другое образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называют стяжением: *пятнадцатка* – *пятнадцатая рабочая неделя* и т. п. Указанное явление непременно должно сопровождаться функционированием в языке (речи) двух форм обозначения одной и той же формы содержания – лексического значения: аналитической и синтетической. А. В. Исаченко предложил трактовать термин *универбация* как процесс утраты формальной и семантической расчлененности наименования.

Однако выводы практически всех исследователей этой проблематики были одинаковы: они считали универбацию явлением деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *наружка* и *наружная реклама*, *незавершенка* и *незавершенное строительство*, *пятилетка* и *пятилетний период* и т. п.

В связи с разнообразием мнений естественно желание найти единый терминологический эквивалент приведенному процессу и тем единицам, которые в результате этого процесса возникли. Вслед за В. И. Теркуловым мы считаем абсолютно целесообразным рассматривать каждый такой дериват как универбализованный (вербализованный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [7, с. 134], а данная вербальная, синтетическая интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. Каждую же конкретную исследуемую нами единицу вообще мы определяем как номинатему типа «словосочетание + эллиптический универб». Она наряду с подобными ей единицами составляет группу структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является единицей, семантически тождественной словосочетанию, которая отождествляется на его уровне. А номинатема представляет собой некую абстрактную языковую единицу, реализующуюся в вербальных формах (гlossах, дублетах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово-универб, например *премиальная выплата* и *премиалка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *детеныш льва* и *львенок*, *настойка валерианы* и *валерьянка*.

Таким образом, под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы.

Следует определить семантические рамки номинатом исследуемого типа. Мы настаиваем на том, что о словообразовании нельзя говорить, сопоставляя словосочетание и универб как наименования одной и той же реалии. В этом случае речь может идти лишь об имитации словообразовательного акта.

Ранее нами уже была предпринята попытка определить критерии выделения и дифференциации квазиунивербов и лексикализованных универбов [1, с. 72]. Мы пришли к выводу, что одним из таких критериев может стать принцип этимологизирования. Этот принцип помогает установить словосочетание-источник для универба, пережившего (или не пережившего) в определенный период времени процесс лексикализации, и установить утрату соответствующего словосочетания для квазиуниверба.

Процесс лексической универбации (деривации) выделяется на фоне процессов универбализации, лексикализации универбов и квазиунивербализации.

Лексическая универбация является исключительно деривационным процессом, при котором между исходным и финальным элементами возникают именно деривационные мотивационные отношения. В связи с этим исходный элемент в данном случае нами определяется как производящее словосочетание, финальный элемент – как производное слово.

Отличительной чертой универба деривационного типа является присутствие в его семантике частично семантики базового словосочетания, соединенной с семантикой форманта, а в форме частично – особым образом соединенных планов выражения всех компонентов словосочетания. В этом случае отношения деривационной зависимости производного слова от производящего словосочетания можно определить как отношения внешней мотивации.

Это позволяет считать, что для дериватов-универбов производящими являются уже не словосочетания, а соответствующие слова. Таким образом, каждый универб подобного типа мотивирован формой и содержанием простого слова. Мотивационные отношения (отношения словообразовательной зависимости) между исходным словом и образованным на его базе здесь определяются как отношения внешней мотивации.

Квазиунивербацию мы определили как «образование универбов по аналогии, точнее, включение конкретных единиц в группу универбов при условии наличия так называемых квазиунивербальных параметров, один из которых – развертывание на базе генетического деривата псевдогенерирующего словосочетания» [1, с. 72].

Так, при квазиунивербации может наблюдаться явление возникновения псевдогенерирующего словосочетания, которое логичнее было бы определить как квазисловосочетание, представляющее собой по сути квазидублет соответствующей номинатемы. Наличие квазисловосочетания является одной из основных характеристик существования квазиунивербов. Однако пути возникновения этих псевдогенерирующих словосочетаний могут быть разными.

В данном исследовании мы сконцентрируем внимание на одном из них.

С одной стороны, можно рассматривать универбы типа *песенник*, *гадалка*, *валерьянка* и т. п. как реализации различных номинатом с доминантой-словосочетанием, например: *песенный сборник* – *песенник*, *сборник песен* – *песенник*, *валерианная настойка* – *валерьянка*, *настойка валерианы* – *валерьянка*. На первый взгляд в данном случае может показаться, что формирование универбов осуществляется по двум моделям.

Однако мы предполагаем, что впервые в речи универб возникает посредством имитации словообразовательного акта на базе только одного генерирующего

словосочетания. Второе словосочетание, семантически тождественное универбу, можно считать псевдогенерирующим.

Например, *песенный сборник* – *песенник*₁ (универб) → *сборник песен* (псевдогенерирующее словосочетание) – *песенник*₂ (квазиуниверб): *Было издано специальное письмо «Музыкально-ритмическая работа по дошкольному воспитанию», выпущен песенный сборник, включающий народные и современные песни для всех групп детских садов, а также ряд сборников музыкальных произведений для слушания, занятий ритмикой, подвижных игр и постановок* (М. Шабаева (ред.). История педагогики (1981); Национальный корпус русского языка) – *Когда я в детстве поехала в пионерский лагерь, то начала писать там песенник. Не дневник, а именно песенник. Записывать песни, которые где-то слышала, в тетрадку* (Егор АРЕФЬЕВ. Вера Сотникова: Моя первая любовь прошла под песни Людмилы Зыкиной // Комсомольская правда, 2013.05.08) – *От «Комсомолки» Леонид получил фирменные подарки: коллекционный сборник песен Юрия Визбора, первый том из коллекции «Великие художники» с репродукциями картин Рафаэля, подарочное издание Александра Твардовского «Василий Теркин» и справочник на каждый день «Сто советов водителям»* (Катерина КЛЕПИКОВСКАЯ. Мисс Таможня Екатерина Дроздова любит танцы и волейбол // Комсомольская правда, 2011.03.01).

Мы также считаем, что словосочетание, генетически соответствующее универбу, должно совпадать с ним не только в плане семантики, но и по грамматическим параметрам.

При квазиунивербации же наблюдается несоответствие грамматического рода, выражаемого в форме словосочетания и универба (*кожанный плащ* – *кожанка*, *открытое письмо* – *открытка*, *пальто из дубленой кожи* – *дубленка*). Это обусловлено, среди прочего, тем, что построенные по определенной существующей модели универбы спродуцировали соответствующие псевдогенерирующие словосочетания, например: *кожаная куртка* – *кожанка*₁ (универб) – *кожанный плащ* (псевдогенерирующее словосочетание) – *кожанка*₂ (квазиуниверб): *Для ориентира стоит иметь в виду, что даже самая навороченная и качественная кожанная куртка в Турции редко стоит больше 500 долларов* (Елена АРАКЕЛЯН. Шоппинг на отдыхе: какие товары лучше привезти из отпуска // Комсомольская правда, 2013.05.01) – *На крупных молодежных праздниках глава области часто появляется на своей «Ямахе» в одежде заправского байкера: проклепанная кожжанка, черные перчатки и сияющий шлем* (Сергей БОГРОВ. Губернатор Калининградской области Боос полетит на истребителе // Комсомольская правда, 2009.10.10) – *Сильно сомневаюсь я, что кто-то совсем недавно готов был выложить 19–23 тысячи рублей за дамский кожанный плащ в пол, с воротником и манжетами из черно-бурой лисы, плащ на подкладке даже не из модного тинсулейта, а из дешевого тонкого синтепона* (Горжальцан Юлия. 'МИР КОЖИ' // Труд-7, 2001.07.30).

Действительно, очень часто связь между универбом и соответствующим ему словосочетанием перестает быть актуальной, становясь достоянием истории языка. Это зависит от процесса лексикализации, которому в определенных случаях подвергается универб. Однако для возникновения и функционирования квазиунивербов выход из употребления генерирующих словосочетаний и лексикализация соответствующих универбов вовсе не являются обязательным условием. Параллельно могут существовать, в связи с этим, универбы и их квазиомонимичные формы, генерирующие и псевдогенерирующие словосочетания.

Библиографические ссылки

1. Дьячок Н. В. Об особенностях квазиунивербов в русском языке / Н. В. Дьячок // Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 71–74.
2. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.
3. Милославский И. Г. Синтез словосочетания и производного слова / И. Г. Милославский // Вопр. языкознания. – 1977. – № 5. – С. 53–61.
4. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие [для студ. филол. фак-тов] / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
5. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
6. Сидоренко О. М. Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / О. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42–47.
7. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського нац. пед. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. – Луганськ : Альма-матер, 2006. – № 11 (106). – С. 127–137.
8. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. язык, 1985. – 576 с.

References

1. Diachok, N. V. (2014) "About peculiarities of quasiuniverbs in Russian language", *Proceedings of the Gomel State University named after F. Skorina* ["Ob osobennostyakh kvazi-univerbov v russkom jazyke", *Izvestija Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*], No 1, pp. 71–74.
2. Kudryavtseva L. A. (2004), *Modeling of vocabulary dynamics* [*Modelirovanije dinamiki slovarnogo sostava jazyka*], Kiev, 208 p.
3. Miloslavsky I. G. (1977), "Synthesis of word combination and derivative", *Problems of linguistics* ["Sintez slovosocetaniia i proizvodnogo slova", *Voprosy jazykoznanii*], No 5, pp. 53–61.
4. Mokiienko V. M. (1989), *Slavic phraseology : schoolbook : for Faculties of Philology students* [*Slavyanskaja frazeologija : uchebnoje posobie : dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov*], Vysshaja shkola, Moscow, 289 p.
5. Shvedova, N. Yu., ed. (1980), *The Russian grammar : in 2 vol.* [*Russkaja grammatika : v 2 t., red. N. Yu. Shvedova*], Nauka, Moscow, vol. 1, 784 p.
6. Sydorenko O. M. (1992), "About notion of univerbization in modern Slavic linguistics", *Linguistics* ["Pro ponyattja univerbizatsiji v suchasnomu slovians'komu movoznavstvi"], *Movoznavstvo*, No 4, pp. 42–47.
7. Terkulov V. I. (2006), "Once more about the main unit of linguistics", *Philological sciences* ["Jeshche raz ob osnovnoj jedinitse jazyka", *Filologicheskije nauki*], No 11 (106), pp. 127–137.
8. Tikhonov A. N. (1985), *Word-formation dictionary* : in 2 vol. [*Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka : v 4*], Russkij jazyk, Moscow, 576 p.

Надійшла до редколегії 22.11.2016

УДК 811.134.2

В. Н. Дядя

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ УТВОРЕННЯ НЕОЛОГІЗМІВ (на матеріалі іспанської преси)

Розглянуто лексико-граматичні особливості сучасної іспанської преси, яка є одним з головних засобів масової інформації. Встановлено основні передумови поповнення лексичного складу іспанської мови. Досліджено та проаналізовано найважливіші засоби утворення неологізмів, які з'явилися останнім часом.

Ключові слова: неологія, неологізм, ЗМІ, суфіксація, префіксація, аббревіатура, запозичення.

Дядя В. Н. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ (на материале испанской прессы)**

Рассмотрены лексико-грамматические особенности языка современной испанской прессы, являющейся одним из главных средств массовой информации. Установлены основные предпосылки пополнения лексического состава испанского языка. Исследованы и проанализированы важнейшие способы образования неологизмов, появившихся в последнее время.

Ключевые слова: неология, неологизм, СМИ, суффиксация, префиксация, аббревиатура, заимствование.

Dyadya V. M. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF NEOLOGISMS' FORMATION (based on Spanish press)**

Recently the processes that occur in society have been creating favorable conditions for the appearance of a large number of new formations (neologisms) in the lexicon. Spanish media represents linguistic and cultural changes taking place in the country, which is the product of historical development of society, a reflection of its spiritual and material culture.

The article reveals lexical and grammatical features of contemporary Spanish press which is one of the major media. The basic premises of the replenishment of Spanish vocabulary have been established. The most important means of recent neologisms' formation have been investigated and analyzed.

During the performance the actual researches on the topic have been analyzed, thematic literature and different sources of the media texts have been studied. Consequently it may be admitted that modern Spanish possesses a lot of ways of new words' formation, though not all of them are equally productive. The basic means of neologisms' formation as components of Spanish media lexicon are derivation, semantic neology and linguistic borrowing. Among the most efficient word-building tools in modern Spanish media affixation takes priority, firstly the prefixal one. This is followed by suffixation, compounding, abbreviation and borrowing. It attests that the growing role of neology in linguopragmatics of Spanish media will persist in the near future.

Key words: neology, media, suffixation, prefixion, abbreviation and borrowing.

Проблема виникнення та вживання нових слів цікавила лінгвістів завжди, але особливої **актуальності** вона набула в сучасну епоху, відмінними рисами якої стали розкутість носіїв мови, ослаблення «внутрішнього цензора» і, як наслідок, велика кількість всіляких новоутворень. Дійсність, що змінюється, вимагаючи нових найменувань, активізує, в свою чергу, окремі ланки словотворчої системи мови. Багато дослідників відзначають своєрідний неологічний вибух у сучасних засобах масової інформації.

Актуальність дослідження визначає **мету**: дослідити і проаналізувати основні лексико-граматичні особливості утворення неологізмів у мові іспанських засобів масової інформації.

Лексика відображає не тільки стан суспільства, а й стан свідомості і мислення людини. Поява нових слів є одним із важливих процесів у розвитку лексики. Регулярна поява нових слів – невід’ємна риса текстів засобів масової інформації, оскільки вони оперативно реагують на новий мовний матеріал, висвітлюють найбільш актуальні питання сучасного життя. Особливо інтенсивно ці процеси розвиваються в періоди активності суспільно-політичного і культурного життя нації, які створюють сприятливі умови для збагачення лексики. Відображаючи світ «тут і зараз», преса розхитує рамки традиційного і консервативного, активно вводячи в ужиток все більше і більше нових слів, а також стираючи межі між нормою і відхиленням від норми, літературною мовою та жаргонами.

Встановлення тенденцій розвитку словотворчих процесів у мові, вдосконалення теорії і практики лексикографії завжди були найважливішими проблемами лексикології. Величезний приплив нових слів та необхідність їх опису зумовили створення особливої галузі лексикології – **неології** – науки про неологізми, що займається вивченням різновидів, способів утворення і вживання неологізмів.

Неологізм (від грец. Νέος – молодий, новий і λογισμός – судження, вислів) – новостворений термін, авторське слово або фраза, що перебуває в процесі входу в загальне використання і ще не включена до державної та загальноживаної мови. Неологізми – категорія історично змінна, один із розрядів пасивного словника, тобто це одиниці, які ще не встигли ввійти (або вже не ввійдуть, оскільки, виникнувши, майже відразу ж і зникли) до активного слововжитку.

У розвинених мовах щороку з’являються десятки тисяч неологізмів. Більшість із них мають недовге життя, але деякі закріплюються в мові надовго і стають невід’ємною частиною словесності.

Протягом десятиріч ХХ століття та на початку ХХІ багато вчених, як іспанських, так і іноземних, присвятили свої дослідження питанням неології: М. Кабре, Р. Герреро, Л. Гілберт, Р. Моралес, Х. Міранда, В. С. Виноградов, В. Г. Костомаров, Н. З. Котелова, Н. М. Фірсова, Г. Й. Винокур та інші.

Для поняття «неологізм» у сучасній мові існує ряд визначень, і кожен лінгвіст трактує його по-різному. Наприклад, на думку Н. З. Котелової, неологізмами слід вважати не тільки новостворені або запозичені з інших мов слова, але також і слова, раніше відомі, але маловживані, або слова, які пішли з мови, а в даний час повернулися і стали широкоживаними [3, с. 73].

За визначенням Б. М. Головіна, «неологізми» – це слова, що виникли на пам’яті покоління, яке їх застосовує [2, с. 91]. А ось О. Г. Ликов вважає, що обов’язковою ознакою неологізму є «об’єктивне відчуття новизни», оскільки воно існує у всіх носіїв мови, хоча і може бути різним по відношенню до деяких конкретних слів у окремих людей [5, с. 100]. Хоча і це поняття відносне, мінливе в часі, тому що слово залишається неологізмом тільки доти, поки воно не освоїлося в мові. Після освоєння воно втрачає відтінок новизни і стає загальнодоступним.

Основними факторами появи неологізмів є науково-технічний прогрес, з одного боку, і взаємодія з іншомовною культурою – з іншого [4, с. 71].

Дослідження сучасного стану іспанської преси видається важливим у зв’язку зі значним історико-культурним потенціалом іспанської мови, широтою її поширення в світі. Розвиток іспанської мови протікає в умовах постійного вдосконалення і розширення її функційних можливостей, що особливо інтенсивно реалізується на лексичному рівні в постійному двоєдиному процесі старіння – поновлення лексики. Завдяки дії словотворчих і лексико-семантичних механізмів мови іспанська преса оперативно освоює і відображає весь потік інформації, що супроводжує історичний розвиток країни та її народу. Яскравим свідченням динаміки мови є виникнення нових слів та їх проникнення в ЗМІ, що обумовлено, в числі

інших факторів, змінами в об'єктивній дійсності, оскільки суспільство завжди прагне знайти мовні засоби для номінації нових реалій.

Іспанські ЗМІ надають мовний і культурний зріз змін, що відбуваються в країні і є продуктом історичного розвитку суспільства, відображенням його духовної і матеріальної культури.

Так, на думку Н. М. Фірсової, вступ Іспанії до Європейського союзу спричинив зміни у функціонуванні національної валюти. Як відомо, з 2002 року в країні національна грошова одиниця *peseta* (песета) була замінена прийнятою в Євросоюзі європейською грошовою одиницею – євро, яка в іспанській мові передається словом *euro* (скорочена форма €). Дане запозичення набуло широкого вживання в усіх функціональних сферах іспанської мови, поступово витісняючи реалізацію слова *peseta* [9, с. 112]. Наведемо приклади: *Los depositos de los hogares caen en 1.800 millones de euros en julio* [11, р. 39]; *ABC Precio: 1 euro. Con el Semanal ABC: 1,65 euros* [10].

Зв'язок з Євросоюзом знайшов, зокрема, відображення в словотворчих неологізмах. Так, у сучасній іспанській пресі вживаються складні слова, що включають формант *euro*: *eurodiputado* (євродепутат), *eurocomisión* (єврокомісія), *euromercado* (європейський ринок), *eurovisión* (євробачення), *eurocomisaría* (європейський комісаріат), *eurodebate* (євродебати), *euroelecciones* (євровибори), *euroizquierda* (букв. євроліві): *En este programa, España se ha apuntado la mayor tasa de crecimiento de la eurozona* (Згідно з цією програмою, Іспанія показала найбільший темп зростання в Єврозоні) [Тамо само]; *Fuentes de la Eurocomision denunciaron ayer una serie de maniobras realizadas por los gobiernos de la UE* (Джерела в Єврокомісії оголосили вчора про серію маневрів, реалізованих через уряди ЄС) [12, р. 25].

Залежно від способу появи розрізняють неологізми лексичні, які створюються за продуктивними моделями або запозичуються з інших мов, і семантичні [1, с. 99], які виникають унаслідок присвоєння нових значень вже відомим словам. Основними засобами творення іспанських лексичних неологізмів є **суфіксація** (*esencialismo, esencialista* і т. д.), **префіксація** (*extraartístico, binacional* і т. д.), **словоскладання слів** (*cazaautógrafos, salvavidas* і т. д.), **складноскорочені слова** (*la ONU, la OTAN, la CEI, el FMI, TV, PP, PSOE* і т. д.), **запозичення** з інших мов.

1. Пріоритетне місце в словотвірному процесі займає **префіксальний** спосіб утворення неологізмів. Це пояснюється тим, що префікс як словотвірний інструмент, з одного боку, легко дозволяє змінювати значення похідного слова на протилежне (*globalismo* – глобалізм і *antiglobalismo* – антиглобалізм; *contradiscursio* – контрвиступ, контраргумент). З іншого боку, приставки актуалізують семантику основи або надають слову додаткову модальність, таку, як повтор, інтенсифікація, перевищення межі, віртуалізація та ін.

У табл. 1 надано приклади префіксації, які домінують у журналістській лексичній [13, с.139].

Таблиця 1

Префікси, які часто зустрічаються в мові преси

Префікс	Значення, яке надає префікс	Приклади
<i>Des-</i>	Невідповідність, протилежність, протиріччя; розширення сфери дії	<i>Desestructuración, desmovilizado, desideologizar</i>
<i>Anti-</i>	Протиставлення, протилежність	<i>Anticatalanismo, antinuclear</i>
<i>No</i>	Заперечення, протиставлення	<i>Las fuentes no identificadas</i>
<i>Pro-</i>	На чийсь користь	<i>proárabe, proeuropeo</i>
<i>Extra-</i>	Вища ступінь чого-небудь	<i>Extraescolar, extraprovidencial</i>
<i>Inter-</i>	Положення між чим-небудь, взаємодія, втручання	<i>Interárabe, interpersonal</i>

<i>Pos-, post-</i>	Положення в просторі або в часі після чого-небудь, слідування	<i>Postrumático, poselectoral</i>
<i>Pre-</i>	Передування, перевага	<i>Preadolescente, preolímpico</i>
<i>Re-</i>	Повторність, багаторазовість, посилення якості чого-небудь	<i>Reasfaltado, removable</i>
<i>Ultra-</i>	інтенсифікація	<i>Ultracatalanista, ultradefensivo</i>

Ще одна особлива група так званих препозитивних елементів – це **префіксоїди** грецького або латинського походження, які часто з'являються в сучасних ЗМІ. В газетах найчастіше можна зустріти такі префіксоїди, як *tele-* (*telecompra*), *euro-* (*eurohotel*) у *ciber-* (*cibercafé*).

2. Дуже поширеним в іспанській мові є словотвір за допомогою суфіксів (суфіксація), коли відбувається приєднання суфіксів до основи слова. Іспанські граматисти поділяють суфіксальне словотворення на два типи: іменне і дієслівне.

2.1. Іменний словотвір

Таблиця 2

Суфікси, які часто зустрічаються в мові преси

Суфікс	Значення	Приклади
<i>-ismo</i>	Політичний рух, вчення, доктрини і т. п.	<i>Cesarismo, reformismo, esnobismo</i>
<i>-ista</i>	Заняття, посада, приналежність до якої-небудь організації	<i>Pujolista, franquista, catastrofista, madridista</i>
<i>-ción</i>	Абстрактні поняття, якість	<i>Politización, flexibilización</i>
<i>-azo</i>	Збільшувальний, зневажливий	<i>Tiranazos, tarifazo</i>

2.2. Словотвір дієслів.

У мові преси неологізми-дієслова утворюються набагато рідше, ніж іменники або прикметники. Найбільш часто зустрічаються неологізми першої дієвідміни на *-ar*, утворені від іменників: *ancianar* (*envejecer* – старіти), *antologar* (*elaborar una antología* – складати антологію) і т. д. Серед найбільш продуктивних дієслівних суфіксів можна назвати *-ear*, *-izar*, *-ificar*. На думку Мервіна Ланга, це пов'язано з інтернаціоналізацією іспанської лексики у науково-технічній галузі [9, с. 135].

Дуже поширеним у сучасному газетно-публіцистичному дискурсі є суфікс *-izar*, однак найчастіше за допомогою цього суфікса створюються етимологічні дублети вже існуючих у мові дієслів першої дієвідміни на *-ar*: *valorizar* – *valorar*, *concretizar* – *concretar*, *culpabilizar* – *culpar*, *optimizar* – *optimar*, *ilegitimizar* – *ilegitimar*, *liderizar* – *liderar*. Активно функціонують у пресі також неологізми, створені за допомогою цього суфікса від географічних назв, наприклад: *vietnamizar* (*dar carácter vietnamita*), *japonizar*, *cubanizar*, *palistinizar* тощо, які утворюють цілий дериваційний ланцюжок. На думку Серрано Доладер, це відбувається через інтернаціональний характер даного суфікса, який має свої аналоги у французькій, англійській та німецькій мовах [8, с. 74].

Іншим продуктивним дієслівним суфіксом у сучасній іспанській мові мас-медіа є суфікс *-ear*. Новоутворення з цим суфіксом нерідко виникають для заміни більш складних аналітичних конструкцій «дієслово + іменник», наприклад: *chistear* (*hacer chistes de algo*), *chuletear* (*hacer chuletas*), *lambadear* (*bailar la lambada*), *marrullear* (*hacer marrullerías*), *masajear* (*dar masajes*), *papear* (*tomar comidas, comer*), *pendulear* (*ir de un lado hacia otro*) etc. [7, с. 152].

Дієслова, утворені за допомогою цього суфікса, також можуть мати значення повторюваної дії, наприклад: *mitinear* (*dar mítines frecuentemente*), *mensajear* (*enviar mensajes de un teléfono móvil a otro*) [1, с. 186].

Нерідко основою новоутворення з суфіксом *-ear* є запозичені слова (*whiskear, chatear, rapear, chartear*) або власні імена, наприклад: *pujolear* – застосовувати тактику Х. Пухоля, *aznarear* – керувати, як Х. М. Аснар, *maradonear* – діяти, як Дієго Марадона і т. д. [Ibid., с. 85].

3. Через свою простоту та експресивність, **словоскладання**, поряд із суфіксацією та префіксацією, є одним з найбільш продуктивних способів словотворення в дискурсі іспанських ЗМІ. Складні слова-неологізми, завдяки прозорості своєї семантичної структури, надають багаті можливості для створення каламбурів, мовної гри, полегшуючи сприйняття текстової інформації реципієнтом: *nosequé* – не зрозумій що, *arreglaloiodo* – паличка-стукалочка (про людину), *buenaminos* – відмовки (від *bueno, a mi no* – цур не мене), *trotaclubes* – тусовщик, любитель клубів (номінація-каламбур), *poderdependiente* – залежить від влади, *drogadependiente* – наркозалежний чоловік та ін.

4. Ще одне явище, на яке потрібно звернути увагу, тому що воно дуже поширене в публіцистичному жанрі, і особливо в сфері політики, – це **аббревіація**. Йдеться про спосіб словотворення, при якому нове слово утворюється з частин слів, що входять у вихідне словосполучення. При використанні цього способу словотворення велике значення має милозвучність і зручність вимови [7]. Можна виділити кілька типів аббревіації:

- ініціальна (*BCE* – ЄЦБ, Європейський центральний банк, *OPA* – публічна оферта акцій, *PP, PSOE, UE, CEE, CCO* та ін.);
- складова (*Spinochet* – *Spinola* + *Pinochet*, *Borrellpierre* – *Borrel* + *Robespierre*, *fantapolítica* – *fantástica* + *política*);
- змішана (*Psocialistas* – *PSOE* + *socialistas*).

Найбільш поширені акроніми і літерна аббревіація, тому що вони найбільшою мірою, порівняно з іншими моделями структурної компресії, відповідають принципу стислості подання матеріалу в ЗМІ. Більшість акронімів, застосованих у ЗМІ Іспанії, відноситься до політичної та економічної тематики і є скороченими найменуваннями різних організацій і компаній. Наведемо приклади: *Iglesias dará un no rotundo y meterá presión al PSOE* [11, p. 15]; *El primer secretario del PSC, Miguel Iceta, reiteró ayer que si Mariano Rajoy fracasa en la investidura, el secretario general del PSOE, Pedro Sanchez, deberá reunirse con el resto de fuerzas y "explorar otras alternativas", ya que en ningún caso los socialistas facilitarán un Gobierno del PP* [Ibid., p. 15].

5. У мові іспанської преси сьогодення спостерігається істотне поповнення лексичного фонду за рахунок реалізації процесу **запозичення**. При цьому в ЗМІ присутні рівною мірою як запозичені слова з дуже довгою історією і складною етимологією, так і відносно недавні запозичення, ще не до кінця адаптовані мовою. Більшість із них складають англіцизми і галліцизми.

Серед причин того, чому англіцизми отримали таке широке поширення в іспанській мові в двадцятому столітті, зарубіжні вчені називають вплив двох світових війн, загальноновизнану технологічну, соціально-економічну та військову перевагу США, культурний англосакський престиж, масовий туризм і вплив засобів мови масової інформації [14, с. 173].

5.1. У процесі аналізу англійських запозичень-неологізмів виявлено, що величезна кількість **запозичень з англійської** мови спостерігається у сфері культури і суспільства, особливо в індустрії моди, спорту, кіно і розваг (*it girl* – ікона стилю, *must have* – ультрамодна річ та ін.); науки й інформаційних технологій (*spam* – спам, електронне сміття, *software* – програмне забезпечення, *bluetooth* – блютуз, вид безпроводного зв'язку та ін.); економіки і фінансів (*coaching* – коучинг, професійний тренінг, *ranking* – рейтинг та ін.). Входячи в мову іспанських

ЗМІ в якості неологізмів, багато англіцизмів отримують іспанські відповідності, які функціонують паралельно з ними.

Y, por otra parte, escuchaba mucho soul, mucha música negra. Por eso soy una gipsy fanky... [11, с. 30]; *Y estos dispositivos forman un hardware que, como sucede en los computadores, puede actualizarse con nuevos software* [Ibid., p. 38].

5.2. Наступна найбільш численна група запозичень – галліцизми. Багато галліцизмів продовжують грати роль модних, престижних, статусних слів, які використовують з метою надання мові індивідуального і творчого характеру (*gourmet* – гурме: вишуканий (про їжу), *matiné* – матине (уранішні зустрічі для любителів богемного життя), *dossie* – дос'є (особова справа).

5.3. Хотілося б відзначити, що переважна більшість запозичень з усіх інших мов семантично «виправдані», тому що позначають реалії тієї країни, звідки вони прийшли в іспанську мову. В іспанській пресі активно функціонують такі зовнішні запозичення, як **арабізми** (*intifada* – інтифада, збройна боротьба палестинських арабів проти ізраїльтян, *yihad* – джихад, метафоричне позначення терористичної та екстремістської діяльності на захист ісламу, *hiyab* – хіджаб, мусульманська хустка), **русизми** (*troika europea* – євротрійка, *siloviki* – силовики), **запозичення з німецької** (*putsch* – путч, *kitsch* – кіч, несмак, *realpolitik* – політика, яка виходить із практичних міркувань, відмова від використання ідеології) та **італійської** (*paparazzi* – фоторепортер світської хроніки, *sorpasso* – випередження, обгін, *omertá* – кругова порука), **японської** (*tsunami* – висока хвиля, стихійне лихо, *sudoku* – судоку, різновид ігрової головоломки) і **китайської** мов (*feng-shui* – фен-шуй, *mah-jong* – гра маджонг, *taichi* – вид єдиноборства) та ін.

Висновки. 1. Сучасна іспанська мова в своєму розпорядженні має багато засобів утворення нових слів, проте не всі вони однаково продуктивні, і питома вага кожного з них у словотвірному процесі неоднакова. 2. Головними засобами утворення неологізмів як компонентів лексичного складу мови іспанських ЗМІ є деривація, семантична неологія і процес запозичення. 3. У числі найбільш продуктивних словотворчих інструментів у мові сучасних іспанських ЗМІ пріоритетне місце займає афіксація, в першу чергу префіксальний засіб утворення неологізмів. За ним слідує суфіксація, словоскладання, аббревіація і запозичення.

Проведений комплексний аналіз дериваційних процесів, семантичної неології і запозичень у дискурсивному контексті дозволяє стверджувати, що ці мовні ресурси дають можливість ефективно маніпулювати структурою слів, їх змістом, а значить, свідомістю аудиторії. Це свідчить про те, що зростаюча роль неології в лінгвопрагматиці іспанських ЗМІ в найближчому майбутньому буде зберігатися.

Бібліографічні посилання

1. **Виноградов В. С.** Лексикология испанского языка / В. С. Виноградов. – М. : Высш. шк., 2003. – 191 с.
2. **Головин Б. Н.** Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – Изд. 3-е, исправл. – М. : Высш. шк., 1977. – 176 с.
3. **Котелова Н. З.** Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : СЭ, 1990. – С. 331.
4. **Котелова Н. З.** Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука ЛО, 1983. – С. 71–81.
5. **Лыков А. Г.** Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учеб. пособие / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 118 с.
6. **Мега енциклопедія Кирила и Мефодія** [Електронний ресурс]. – Режим доступа: megabook.ru/article
7. **Стриженко А. А.** Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания / А. А. Стриженко. – Барнаул : АлтГТУ, 2003. – 470 с.

8. Терентьева Е. Д. Чужая речь как элемент структуры текста испанской газеты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Терентьева Екатерина Дмитриевна. – М., 2004. – 198 с.
9. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки : учеб. пособие / Н. М. Фирсова. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 352 с.
10. ABC, 12.10.2003.
11. EL País, 27.08.2016.
12. El Mundo, martes 28 de octubre de 2003.
13. Hurtado Gonzáles, Silvia. El uso del lenguaje en la prensa escrita. – Valladolid, Universidad de Valladolid, 2003.
14. PRATT, Ch. El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. – Madrid, Gredos, 1980.

References

1. Vinogradov, V. S. (2003), Spanish Lexicology [Leksikologiya ispanskogo yazyka], Moscow, 191 p.
2. Golovin, B. N. (1977), Introduction to Linguistics. 3rd ed. corrected. [Vvedeniye v yazykoznanie. Izd. 3-ye, ispravl.], Moscow, 176 p.
3. Kotelova, N. Z. (1990), “Neologisms”, Linguistic Encyclopedic Dictionary [“Neologizmy”, Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’], Moscow, p. 331.
4. Kotelova, N. Z. (1983), “First experience in the lexicographical description of Russian neologisms”. New words and dictionaries of new words [“Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov”, Novyye slova i slovari novykh slov], Leningrad, pp. 71–81.
5. Lykov, A. G. (1976), Modern Russian lexicology (occasional Russian word) [Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazyional'noye slovo)], Moscow, 118 p.
6. “Mega Encyclopedia of Cyril and Methodius. Abbreviation in linguistics” [“Mega entsiklopediya Kirilla i Mefodiya. Abbreviatsiya v lingvistike”], available at: megabook.ru/article/
7. Strizhenko, A. A. (2003), International and Russian journalism: the transformation of world view, and its contents [Zarubezhnaya i rossiyskaya zhurnalistika: transformatsiya kartiny mira i yeye soderzhaniya], Barnaul, 470 p.
8. Terentyeva, E. D. (2004), Strange it as an element of the structure of the text of the Spanish newspaper [Chuzhaya rech' kak element struktury teksta ispanskoy gazety], Thesis, Moscow, 198 p.
9. Firsova, N. M. (2007), Modern Spanish in Spain and Latin America [Sovremennyy ispan-skiy yazyk v Ispanii i stranakh Latinskoy Ameriki], Moscow, 352 p.
10. ABC, 12.10.2003.
11. EL País, 27.08.2016.
12. El Mundo, martes 28 de octubre de 2003.
13. Hurtado, G. S. (2003), The use of language in the written press, Valladolid.
14. Pratt, Ch. (1980), Anglicism in contemporary Spanish peninsular, Madrid, Gredos.

Надійшла до редколегії 26.01.2017

УДК 801.311

С. И. Галаздра

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ (на материале французского языка)

Рассмотрены результаты исследований особенностей мужской и женской речи на разных уровнях коммуникации. Особое место в работе уделено мужскому и женскому стилям общения. Установлено, что языковая личность занимает определённую социальную позицию в

обществе и выполняет определённые социальные роли. Языковая дифференциация связана с принятием стереотипных половых ролей в обществе. В связи с этим можно утверждать, что стиль мужчин более директивный и информативный, а стиль женщин более эмоциональный и интерактивный.

Ключевые слова: гендер, речь, особенности гендерного стиля, гендерные стереотипы, речевое поведение.

Галаздра С. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ОСОБЛИВОСТІ ГЕНДЕРНОЇ ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ (на матеріалі французької мови)**

Розглянуто результати досліджень особливостей побудови чоловічого та жіночого мовлення на різних рівнях комунікації. Особливу увагу приділено чоловічому та жіночому стилям спілкування. Визначено, що мовна особистість займає обумовлену соціальну позицію в суспільстві та здійснює певні соціальні ролі, завдяки яким мова чоловіків більш директивна та інформативна, а мова жінок більш емоційна та інтерактивна.

Ключові слова: гендер, мовлення, особливості гендерного стилю, мовленнєва поведінка, гендерні стереотипи.

Halazdra S. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk national university. **THE PARTICULARITIES OF GENDER DIFFERENTIATION (French language)**

Introduction. Last years the interest to the development of language grows up, particularity to gender that permits to receive new facts about the particularities of language usage. There are a lot of scientists who study the gender regularities in the language, the man speech and woman speech.

Results. Linguistics maintain, there are the man style of the speech and the woman style. Because the language differentiation connects with the acceptance of stereotyped gender roles in the society/community. The dominate man principles are the principle of visual information, the principle of communication order, priority of his mental, of his idea. The principals of woman communication are principals of interest/sympathy, priority of communication, openness.

Conclusion. So, the man style is more directory and more informative. And the woman style is more emotional and more interactive. Scientists underline the aspiration of women to normative use of the language standards, while man's speech is characterized by the loose fooling of norms, casuistry, manifestation of humor.

Key words: language, speech, gender, particularities of gender style, gender stereotypes, speech conduct.

Гендерный подход в лингвистике позволяет получить новые данные о языке, его функционировании и особенностях употребления языковых единиц. Это приводит к появлению новых исследований. Учёные-лингвисты выстроили «двухъярусную модель» изучения языка (термин А. В. Кириловой), состоящую из метагендерного (общечеловеческого) уровня и гендерного (относящегося к тому или иному полу) [8]. *Целью* данной статьи является анализ исследований гендерного коммуникативного поведения; выявление основных особенностей разговорной речи с семантикой гендерных отношений во французском языке. Достижение указанной цели предполагает в качестве задачи обзор основных точек зрения лингвистов по данной теме. Актуальность статьи обусловлена как теоретической, так и практической значимостью данной тематики, т. к. знание специфики гендерных стилей общения – одно из важнейших условий бесконфликтного общения с близкими, налаживание контакта с малознакомыми людьми, что является залогом успеха межличностного общения, особенно в деловой сфере.

Гендерные исследования в лингвистике сохраняют свою актуальность уже на протяжении четырёх десятилетий, но работа по объяснению гендерных закономерностей в языке и использованию гендерно обусловленных коммуникативных стратегий, а также природы гендерных стереотипов всё ещё далека от завершения. Гендерные исследования стали проводиться относительно недавно: в середине прошлого века в зарубежной и в конце XX века в отечественной науке. Эти исследования показывают отражение в языке отношения общества к противоположным полам, к их обязанностям и социальному статусу.

Одной из первых, заинтересовавшихся гендерной дифференциацией, была Р. Лакофф. И хотя некоторые учёные были не согласны с её выводами, именно она первая высказала мнение, что языковая дифференциация связана с принятием стереотипных половых ролей в обществе. П. Треджилл поддерживает её и объясняет это таким образом: «Лингвистические половые вариации возникают потому, что язык тесно связан с социальными “аттитюдами”. Мужчины и женщины социально различны в обществе, предполагающем разные поведенческие модели» [3; 4; 10; 12].

Считается, что язык просто отражает этот социальный факт. Более того, чем больше и закоренелее различия между социальными ролями мужчин и женщин в определённом сообществе, тем больше и ярче выражены лингвистические различия. Эту точку зрения поддерживают многие исследователи, среди которых С. Ричард, утверждающий, что «...примеры отличительных мужских и женских вариаций в языке происходят из сообществ, где половые роли намного более чётко предписаны» [11, с. 43].

Интересный исторический факт наблюдался в Средние века (IX–XII) в японской придворной среде – существование «мужской» и «женской» литературы, основанной на разных системах письма и во многом на разных языках. Так, научные и религиозные трактаты, деловые бумаги писались мужчинами и язык их сочинений был полон заимствований из китайского. Придворные дамы, сочиняя «женские» романы и эссе, писали на чисто японском языке. Считается, что именно женщины создали тогда великие произведения японской литературы. Однако художественная проза считалась несерьёзным занятием, недостойным мужчин.

Действительно, представление мужской и женской речи есть у всех народов. Чаще всего мужская речь рассматривается как норма, а женская – как отклонение от нормы. Следует упомянуть, что языковая норма – это противоречивое и сложное явление и существуют различные трактовки данного понятия. Тем не менее, по общепринятому определению, языковой нормой считается исторически обусловленная совокупность общеупотребительных языковых средств, а также правила их отбора и использования, признаваемые обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период. Понятие языковой нормы принято трактовать как образец общепринятого единообразного употребления таких элементов языка, как словосочетания, слова, предложения [2; 10].

Отметим, что в 80-е годы всё чаще стали возникать мнения о мужском языке, незаслуженно возведённом в норму и сделанным мерилом для оценки женского. Однако Д. Спендер полагает, что характеристики женского языка нельзя оценивать отрицательно. Скорее наоборот, сдержанность и вежливость в разговоре свидетельствуют о силе женщины. М. Джонсон также критикует предположение, что женщины выигрывают от того, что будут имитировать речевое поведение мужчин. По его мнению, «...язык женщин и так вполне адекватен и не нуждается в изменениях» [4, с. 7]. А. В. Кирилина считает, что различие оценок речи мужской и женской обусловлено тем, что всё человеческое сознание, «...независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с её приоритетами мужского начала, логики, рациональности и объективности женщины» [9, с. 20].

Согласно Б. Н. Головину, норма – регулятор речевого поведения многих людей. Так, уже в 90-е годы лингвисты пришли к необходимости изучать речь женщин и мужчин в конкретном контексте, подчёркивая, что речевое поведение во многом связано с социальными ролями. При этом исследователи отмечают, что мужчины имеют склонность к ролям, требующим социальной и физической мощи, а женщины – к ролям, связанным с опекой. У. Лабов доказал, что речевое

варьирование в большей степени является результатом взаимодействия таких характеристик говорящих, как социально-экономический статус, этническая принадлежность, пол и возраст, т. е. общественная структура основана не на половой, а на социальной дифференциации, что естественно отражается в языке [14, с. 17].

Ученые не раз отмечали важность учета гендерного параметра личности в процессе анализа живой речи, подчеркивая, что «гендер и гендерные роли участников диалога играют заметную роль среди параметров, определяющих характер протекания, структуру и содержание диалога» [1, с. 15], а «...пол говорящего... относится к числу важных параметров самоидентификации личности и, следовательно, оказывает определенное влияние на процессы обработки, структурирования поступающей в сознание информации, что сказывается как на вербальном, так и на невербальном поведении индивида» [14, с. 9].

Исследователь гендерной дифференциации во французском языке Е. М. Бакушева также отмечает, что, согласно стереотипам, для женщины нехарактерно быть инициатором в беседе с мужчиной: мужчина является директором, начальником и т. д., а женщине, обычно, отводят роль секретаря, она также занята в сфере обслуживания.

Свои исследования Е. М. Бакушева построила на анализе диалогов, утверждая, что диалог является идеальным языковым материалом для исследования, «...актуализатором статусных признаков и психологических особенностей говорящих» [3, с. 97]. Проведя анализ книги Гюстава Кана «Женщина во французской карикатуре» (которая представляет собой сборник карикатур французских авторов) и проанализировав ситуативные диалоги, взятые из французских учебников для иностранцев, она зафиксировала прямую зависимость инициативности от того социального положения, которое занимает говорящий в данной ситуации.

Исходя из полученных данных, при одинаковом соотношении реплик: 52 (муж.) – 51 (жен.), по количеству инициативных реплик в смежных диалогах мужчины значительно опережают женщин: 18 (муж.) – 7 (жен.) (данные первой книги). Во втором исследовании было взято 66 диалогов, и соотношение инициативных реплик разделилось таким образом: 43 (муж.) – 23 (жен.). Как мы видим, согласно Е. М. Бакушевой, мужчины опережают женщин в инициативных репликах почти в два раза; женщина не только менее инициативна, она реже задаёт вопрос, не использует императивов, редко начинает разговор с мужчиной с экскламативных реплик [3, с. 99].

На основании данного материала можно заключить, что лидерство мужчин в диалогах выглядит абсолютно естественным, а ситуация с женщиной, занимающей превосходную позицию перед мужчиной, выглядит комичной и всячески высмеивается.

Как известно, в основе речевого акта лежит желание достижения определённых результатов в рамках коммуникации. Такие учёные, как В. И. Карасик, Р. Ф. Абдуллаев и другие, работающие с теорией гендерных различий, утверждают, что мужчины и женщины по-разному используют языковые средства для достижения коммуникативных целей, что ведёт к формированию двух дистинктивных стилей общения – мужского и женского [1; 6; 7].

Е. М. Бакушева основным отличием между мужским и женским речевым поведением считает реализацию противоположных стратегий: мужской тип – «соревновательный», женский тип – «сотрудничающий» [3, с. 107].

В. И. Карасик выделяет статусно-нейтральные (утверждения, повествования, описания) и статусно-маркированные (приказы, требования, просьбы, предписания) речевые акты. Учёный подчёркивает, что женский стиль речи характеризуется также косвенными речевыми актами, когда требование может быть вы-

ражено в виде просьбы, совета, вопроса или констатации; когда намёк используется вместо просьбы.

В соответствии с классификацией вопросов Э. Гуди, в основе которой используется пересечение двух осей: информативность-риторичность и уважение-контроль, Е. М. Бакушева полагает, что женский стиль тяготеет к полюсам «уважение» и «риторичность», женщине более свойственны вежливые вопросы, вежливые просьбы, приказы в виде вопросов. Она чаще задаёт вопросы с целью не получения информации, а установления контакта с собеседником: это вопросы с оборотом *n'est-ce pas?*, а также его синонимы, используемые в разговорной речи: *non?*, *pas vrai?*, *hein?* Мужской стиль отличается категоричностью, авторитарностью, и мужчина выбирает «риторичность – информативность». Согласно схеме Э. Гуди, для них больше характерны вопросы заинтересованности, т. е. вопросы, нацеленные на информацию конкретного свойства [3, с. 96].

Проанализировав 26 литературных произведений, Е. М. Бакушева утверждает, что простой количественный подход не даёт чёткого представления о зависимости употребления определённого типа вопроса от пола говорящего. Из всего объёма материала не удалось обнаружить разницу в употреблении верификативных вопросов.

Работа с литературными источниками показала, что в анализе гендерной дифференциации важна не количественная характеристика (сколько общих или частных вопросов задают друг другу разнополюсные участники коммуникации), а качественная сторона вопроса: целеустановка говорящих, психологический контекст отношений между ними, обстановка и т. д.

Опираясь на исследования своих коллег, Р. Ф. Абдуллаев приходит к выводу о том, что женская речь характеризуется как «...более эмоциональная, ориентированная на устранение межличностных отношений с адресатом в процессе коммуникации и поэтому содержащая больше стратегий положительной вежливости, в то время как мужская речь ориентирована на устранение соответственного статуса в разговоре, связана скорее с содержательным, а не эмоциональным аспектом высказывания, поэтому содержит больше стратегий отрицательной вежливости» [1, с. 32]. Позитивной вежливостью следует считать выражение в рамках речевого акта солидарности с адресатом, а негативной – выражение определенных ограничений и сохранение дистанции.

Бесспорно, что в основе полноценного общения лежит вежливое, доброжелательное отношение к партнёру в различных ситуациях речевого общения.

Поэтому с осознанием роли вежливости для речевого общения и для прагматики вообще возникла необходимость создания фундаментальной теории вежливости. Ее авторами следует считать П. Браун и С. Левинсона, опиравшихся прежде всего на упомянутые теории П. Грайса, Дж. Лича, Э. Гоффмана. Они рассматривают вежливость как способ защиты от агрессии (и говорящего, и адресата) и способ ее устранения или смягчения.

По мнению Н. И. Формановской, вежливость – это отведение собеседнику той социальной роли, которая соответствует его социальным признакам, или (в некоторых ситуациях) даже её завышение [13].

Основой исследований речевого этикета, который проявляется в функции вежливости, являются принципы П. Грайса. Диалог обычно представляет собой совместную деятельность его участников. В нормальной ситуации участники диалога признают общую цель или направление диалога. В соответствии с ними они следуют некоторому общему принципу, который П. Грайс называет принципом кооперации и объясняет следующим образом: «Коммуникативный вклад участников на каждом шаге диалога должен соответствовать тому, что тре-

бует совместно принятая цель (направление) диалога» [7, с. 4]. Общий принцип кооперации заключается в том, что самым главным для коммуникантов является взаимопонимание.

В. А. Геодакян подчёркивает стремление женщин к нормативному употреблению языковых норм, в то время как мужской речи свойственны нестрогое соблюдение норм, игра слов, проявление чувства юмора. В. В. Колесов замечает, что «...мужчины проявляют больше индивидуальности в выборе лексики, таким образом, мужчины создают штампы, а женщины их сохраняют» [5, с. 22].

Если взять результаты гендерных исследований в области разговорной речи в разные годы 20-го века, то можно отметить следующее: 1) склонность мужчин использовать в общении стилистически сниженную, грубую и бранную лексику; 2) склонность мужчин к сквернословью, использованию нецензурных слов и выражений; 3) стремление мужчин к точности наименования предметов; 4) склонность мужчин использовать в своей речи большое количество терминов и профессионализмов; 5) стремление мужчин избегать каких-либо проявлений теплоты в общении с другими мужчинами, что, в частности, проявляется в использовании довольно грубых прозвищ в обращении к собеседнику.

К числу основных лексических особенностей разговорной речи женщин исследователи относят: 1) аккуратность женщин в выборе лексики для общения и их склонность к использованию эвфемизмов; 2) меньшую склонность женщин к сквернословью; 3) вежливость женщин в обращении к собеседнику. Женщины также чаще используют просодические средства для выражения многих значений, чем мужчины.

В ходе исследования модальных частиц в речи мужчин и женщин Р. Ф. Абдуллаев пришёл к выводу, что в целом модальные частицы чаще встречаются в высказываниях женщин (864 случая употребления), чем мужчин (633) [1].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В гендерном коммуникативном поведении, бесспорно, выявляются существенные различия: существуют доминирующие принципы мужского и женского общения. К доминирующим принципам мужского общения относятся принцип приоритета визуальной информации, принцип регламента общения, экономии речевых усилий, приоритета своих мыслей, действий над коммуникацией, принцип обособления и ответственности. Принципами женского общения являются принцип участия, кооперации, открытости общения, приоритета коммуникации над действием.

2. Выделяются мужской и женский коммуникативные стили. Мужской коммуникативный стиль может быть описан как деловой, доминантный, демократичный, прямой, рациональный, логичный, обобщенный, объективный, точный, монологичный, стереотипный, лаконичный. Женский коммуникативный стиль описывается как гармонизирующий, паритетный, косвенный, эмоциональный, алогичный, детализированный, субъективный, интерактивный, диалогичный, творческий, мобильный, многословный.

3. Изучение распределения модальных частиц четырёх категорий (вопросительные, побудительные, усилительные и смягчающие) позволило установить, что женщины чаще, чем мужчины, использовали вопросительные модальные частицы, а также частицы, смягчающие категоричность императива. Напротив, в речи мужчин преобладали побудительные и усилительные модальные частицы. В речи женщин чаще всего встречались вопросительные частицы, что в очередной раз подтверждает стремление женщин создать ситуацию гармоничного общения и вовлечь собеседника в разговор. В речи мужчин преобладали усилительные

частицы, отражающие стремление говорящего повысить степень прагматического воздействия высказывания на адресата.

4. Вопросы общего типа со стороны мужчины – показатель превосходной мужской позиции в диалогах, причём эта позиция в определённых ситуациях независима от индивидуальных характеристик говорящего, т. к. предопределена социально; вопросы общего типа со стороны женщины – показатель её зависимого положения перед мужчиной. Иными словами, мужчина задаёт больше диктальных вопросов, которые одновременно являются информативными, женщина в своём стремлении поддержать контакт с собеседником чаще задаёт вопросы риторического характера, ей также свойственны верификативные вопросы.

Резюмируя сказанное, отметим, что исследователей привлекает фактор пола в языке, как он влияет на использование языка мужчинами и женщинами, какими средствами располагает язык для создания гендерной идентичности. Несмотря на ряд достаточно серьёзных работ в области гендерной лингвистики, тема остаётся актуальной.

Библиографические ссылки

1. **Абдуллаев Р. Ф.** Роль категории наклонения в формировании модальных значений (гендерный аспект) / Р. Ф. Абдуллаев // Вестник Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. – 2015. – № 5. – С. 8–12.
2. **Арустамова А. А.** Фактор «гендера» в исследовании молодежного сленга / А. А. Арустамова // Наука. Образование. Молодежь : матер. II науч. конф. молодых ученых АГУ (10–11 февраля 2005 года). – Майкоп : Изд-во АГУ, 2005. – С. 288–293.
3. **Бакушева Е. М.** Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Бакушева Елена Михайловна. – М., 1995. – 193 с.
4. **Беляева Ю. А.** Речь и речевое поведение мужчин и женщин / Ю. А. Беляева. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
5. **Геодакян В. А.** Теория дифференциации полов в проблемах человека / В. А. Геодакян // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 171–189.
6. **Казанчян Н. П.** О направлениях гендерных исследований в лингвистике / Н. П. Казанчян // Исследования молодых ученых : сб. ст. асп-тов : в 3 ч. Ч. 3. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 1999. – С. 43–53.
7. **Карасик В. И.** Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
8. **Кирилина А. В.** Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа : <http://www.gender-cent.ryazan.ru>.
9. **Кирилина А. В.** Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина // Отечеств. записки. – 2005. – № 2. – С. 15–23.
10. **Пермякова О. В.** Явление гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пермякова Оксана Владимировна. – Пермь, 2007. – 176 с.
11. **Попова Е. А.** Об особенностях речи мужчин и женщин / Е. А. Попова // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 40–49.
12. **Скаженик Е. Н.** Гендерный аспект коммуникативного поведения / Е. Н. Скаженик // Деловое общение : уч. пособ. – ТРТУ, 2006.
13. **Формановская Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход : монография / Н. И. Формановская. – М. : Рус. язык, 2002. – 216 с.
14. **Халеева И. И.** Гендер как интрига познания / И. И. Халеева // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – М. : МГУ, 1999. – С. 7–14.

Reference

1. Abdullaev, R. F. (2015), "The role of the category of inclination in the formation of modal values (gender aspect)", *Bulletin of the Moscow Regional State University* ["Rol' kategorii nakloneniya v formirovanii modal'nyh znachenij (gendernyj aspekt)", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*], No 5, pp. 8–12.
2. Arustamova, A. A. (2005), "The factor of "gender" in the study of youth slang", *Science. Education. Youth: Mater. II scientific. Conf. Of Young Scientists of ASU (February 10–11, 2005)* ["Faktor «gendera» v issledovanii molodezhnogo slenga", *Nauka. Obrazovanie. Molodezh': Materialy II nauchnoj konferencii molodyh uchenyh AGU (10–11 fevralja 2005 goda)*], Majkop, pp. 288–293.
3. Bakusheva, E. M. (1995), *Sociolinguistic analysis of speech behavior of men and women: dissertation* [Sociolingvisticheskiy analiz rechevogo povedenija muzhchiny i zhenshiny: dis. ... kand. filol. nauk], Moscow, 193 p.
4. Beljaeva, J. A. (2000), *Speech and speech behavior of men and women* [Rech' i rechevoe povedenie muzhchin i zhenshin], Moscow.
5. Geodakjan, V. A. (1989), "Theory of Sex Differentiation in Human Problems", *Man in the System of Sciences* ["Teorija differenciacii polov v problemah cheloveka", *Chelovek v sisteme nauk*], M., pp. 171–189.
6. Kazanchjan, N. P. (1999), "On the Directions of Gender Studies in Linguistics", *Research of Young Scientists* ["O napravlenijah gendernyh issledovanij v lingvistike", *Issledovanija molodyh uchenyh: Sb. statej aspirantov: V treh ch. Ch.3. / Otv. red. N.P. Baranova*], Minsk, pp. 43–53.
7. Karasik, V. I. (2002), *Language of social status*, [Jazyk social'nogo statusa], Moscow, 333 p.
8. Kirilina, A. V. "The study of gender in linguistic scientific disciplines" ["Issledovanie gendera v lingvisticheskikh nauchnyh disciplinakh"], available at: <http://www.gender-cent.ryazan.ru>
9. Kirilina, A. V. (2005), "Linguistic gender studies", *Domestic notes* ["Lingvisticheskie gendernye issledovanija", *Otechestvennye zapiski*], No 2, pp. 15–23.
10. Permjakova, O. V. (2007), *The phenomenon of gender stylization in modern women's literature (on the basis of French and Russian languages): dissertation* [Javlenie gendernoj stilizacii v sovremennoj zhenskoj literature (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov), dis. ... kand. filol. nauk], Perm, 176 p.
11. Popova, E. A. (2007), "On the peculiarities of speech of men and women", *Russian speech* ["Ob osobennostjakh rechi muzhchin i zhenshin", *Russkaja rech'*], No 3, pp. 40–49.
12. Skazhenik, E. N. (2006), "Gender aspect of communicative behavior", *Business Communication* ["Gendernyj aspekt kommunikativnogo povedenija", *Delovoe obshhenie: Uchebnoe posobie*], TRTU.
13. Formanovskaja, N. I. (2002), *Speech communication: communicative and pragmatic approach* [Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod], Moscow, 216 p.
14. Haleeva, I. I. (1999), "Gender as an Intrigue of Cognition", *The Gender Factor in Language and Communication* ["Gender kak intriga poznaniya", *Gendernyj faktor v jazyke i kommunikacii*], Moscow, pp. 7–14.

Надійшла до редколегії 09.02.2017

УДК: 81.111'25'374

Е. П. Гончаренко, А. В. Кривошея

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

РОБОТА ЗІ СЛОВНИКОМ ЯК ОДИН ІЗ ЗАСОБІВ ВИВЧЕННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ: MERRIAM WEBSTER ON-LINE

Запропоновано розгорнутий огляд одного з розділів найсучаснішого словника Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line. Підкреслено, що професійно упорядкований словник – це один із основних інструментаріїв у процесі не лише вивчення іноземної мови, а й у роботі фахівців з текстом оригіналу.

Ключові слова: словник, двомовний, одномовний, інструментарій, наочний матеріал, мова, переклад (усний, письмовий).

Гончаренко Е. П., Кривошея А. В. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **РАБОТА СО СЛОВАРЕМ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: MERRIAM-WEBSTER ON-LINE**

Предложен детальный обзор одного из разделов обновлённого словаря Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line. Подчёркнуто, что профессионально составленный словарь является одним из основных инструментов не только в процессе изучения иностранного языка, но и в процессе работы специалистов с текстом оригинала.

Ключевые слова: словарь, двуязычный, одноязычный, инструментальный, наглядный материал, язык, перевод (устный, письменный).

Goncharenko Y. P., Krivosheia A. V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **WORK WITH THE DICTIONARY AS ONE OF THE WAYS TO LEARN ENGLISH: MERRIAM-WEBSTER ON-LINE**

The authors suggest herewith their comprehensive review of one of the sections of the up-to-date dictionary – Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line.

This paper deals with structured sections of Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line. In our opinion, monological dictionaries provide students and translators with an opportunity to get a better perception of the meaning of words and phrases to be reproduced in the course of translation. As regards bilingual dictionaries, such as Ukrainian-English and English-Ukrainian, those may also serve as a supplementary facility, though might cause false translation to a certain extent. This may occur due to the fact that bilingual dictionaries sometimes lack specific meanings as may be necessary to reproduce the content of the source text.

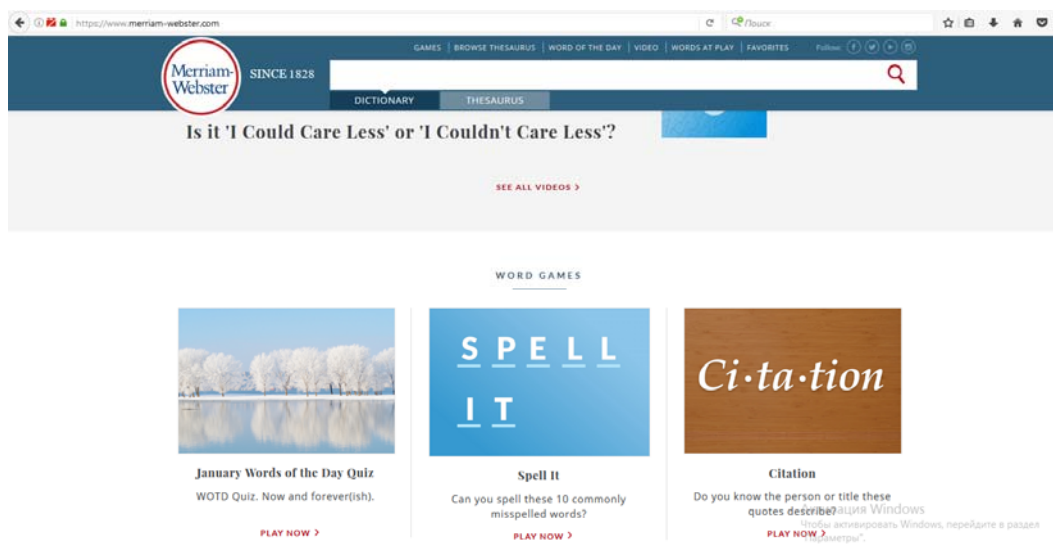
The relevance of this paper is substantiated by the fact that students need to be guided on their way to mastering a foreign language. In this context, the best possible guide ever is a live «authoritative» resource, such as Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line, which is continuously updated, replenished, modified and improved by expert speakers of the target language.

Key words: dictionary, bilingual, monological, tools, visual material, language, translation and interpreting.

Постановка проблеми. Як відомо, робота студентів, аспірантів, викладачів, перекладачів із довідковою літературою (маємо на увазі різноманітні словники (двомовні, одномовні), словники синонімів, словники сполучуваності слів, лінгвокраїнознавчі словники тощо) є одним із суттєвих засобів у процесі опанування іноземною мовою. Професійно упорядкований словник є також основним інструментарієм у процесі роботи з текстом оригіналу. А якщо йдеться про словник, упорядкований носіями мови, то рівень ефективності та результат засвоєння іншомовних слів значно підвищується. У наданій статті йдеться про одномовний словник Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line. На нашу думку, одномовні словники надають можливість і студентам, і перекладачам отримати краще сприйняття значення слів та словосполучень, які потребують відтворення в про-

цесі перекладу. Щодо двомовних словників, як, наприклад, Ukrainian-English та English-Ukrainian, вони є також допоміжним засобом, але іноді призводять до хибного перекладацького рішення. Це відбувається тому, що у двомовних словниках іноді наведено не всі значення, які потрібні для відтворення змісту тексту оригіналу. Перекладачеві (і не лише) необхідно знати основні двомовні й одномовні словники і також намагатися якомога більше використовувати їх у своїй роботі.

Виклад основного матеріалу. До уваги читачів – студентів, аспірантів, викладачів англійської мови, перекладачів – пропонуємо огляд найсучаснішого Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line [8], який, на наш погляд, містить різноманітний спектр словникових статей, викладених у відповідних розділах, головна мета яких полягає не лише у тому, як найкраще унаочнити матеріал, а й заохотити поціновувачів англійської мови до набуття та розширення словникового запасу, продемонструвати її невичерпні можливості. На зазначеному сайті представлено такі розділи: «Word of the Day» (Слово дня), «Word of the Year» (Слово року), «New Words» (Нові слова), «Words at Play» (Слова, які варто обговорити), «Word Games and Quizzes» (Словникові ігри та вікторини), «Trending Words» (Сучасні слова), «Merriam-Webster's New Words Quiz» (Merriam-Webster's Вікторина нових слів), «Word History» (Історія слова), «Test Your Vocabulary» (Перевірте свої знання з лексики) тощо [7]. Кожний із зазначених розділів представлено розлогою статтею та ілюстративним матеріалом, що не лише впливає на читача і захоплює його увагу, а й значно стимулює бажання щонайшвидше ознайомитися з цікавим текстом опису предмета. Отже, маємо можливість підписатися на розсилку матеріалу і не лише опановувати нове слово кожного дня («Get Word of the Day Daily email»), але й вчитися його правильній вимові. Головна сторінка сайту виглядає так:

Спробуємо продемонструвати роботу сайту і навести деякі приклади. В одному із представлених матеріалів у розділі «Слова, які варто обговорити» нашу увагу привернула стаття: «**Happify**», «**Imparadise**», and **5 More Words to Get You Through Winter**» [9]. («Почуватися на сьомому небі», «Раювати», а також ще 5 «щасливих» слів, щоб легко перезимувати. Зима може бути суворою, але ці слова підвищують настрій». – Переклад усюди наш, за винятком перекладу цитат, які внесено до списку Бібліографічних посилань. – Е. Г., А. К.). Розглянемо цю статтю, яку надаємо у нашому перекладі з залученням розлогих коментарів.

Вважаємо, що цей матеріал може бути корисним і з точки зору опанування лексичного запасу, і з точки зору розширення фонових знань із питань лінгвокраїнознавства.

Слово 1: «Happify»

Автори розділу подають таке тлумачення цього слова: «робити щасливим». На наш погляд, тут варто додати такі значення: «відчувати себе на сьомому небі», «раювати».

«Здається трохи дивним, – починають свою розповідь автори, – коли замислюємося над тим, скільки часу витрачається у гонитві за щастям, проте існує невеличка кількість слів, які насправді означають “робити щасливим”, “раювати”. Слово “happify” – одне з таких слів, хоч є й кілька інших; це такі ж самі незрозумілі слова, як “embliss” і “enhappy”. Жодне з цих слів не було насправді прийняте англомовними мовцями, і “happify”, при всій його чарівності звучання, отримало спротив на тій підставі, що до саксонського прикметника “happy” додається латинський суфікс “-fy”». Далі автори сайту цитують приклад вживання слова «happify» (Для зручності ми виділили в цитатах жирним шрифтом ті слова, які подано до розгляду в нашій статті. – Е. Г., А. К.):

«His whipper mistook in using “miserified”, as the contrary of “happified;” for “miserified” is all Latin, whereas only one-half of **happified** is such. Miserablefied would have been a better word for their purpose» (Ebenezer Hazard, letter to Jeremy Belknap, 14 Jan. 1791). («Його погонич помилявся, вживаючи слово “miserified” (пригнічений, жалюгідний) як протилежне до “happified”, бо “miserified” – це повністю латинське слово, водночас як лише половина “happified” походить з латини. Слово “miserablefied” було б доречнішим, щоб висловити його думку») (Ебенезер Хезед, лист до Джеремі Белкнепа, 14 січня 1791 року).

Слово 2: Schadenfreude

Подано тлумачення: «насолада, отримана від неприємностей інших людей; зловтіха». Пропонуємо ще й таке значення, як «почуття задоволення, зловтіха, викликана чиясь невдачею, чийось нещастям» [2, с. 370].

«Чесно кажучи, – продовжують далі упорядники розділу, – “schadenfreude” – це слово, що передає почуття, які більшість з нас відчуває, коли спадають на думку такі слова, як “радість” і “щастя”». Простежимо етимологію цього слова. Воно запозичено англійською мовою безпосередньо з німецької, в якій поєднуються наступні значення: «збиток, шкода, вада» («Schaden») і «радість» («Freude»), звідси «schadenfreude» – зловтіха.

«Schadenfreude» використовується в англійській мові з 1860-х років, і хоча письменники зазвичай надавали пояснення, коли вперше використовували його у друкованих виданнях, наразі воно стало зрозумілим і сприймається як «повноправний громадянин» (виокремлено нами. – Е. Г., А. К.). До запозичення слова «schadenfreude» була невдала спроба англівувати грецьке слово «epicaricasy» (іноді пишеться *epikharikaky*), значення якого було тотожним. Проте цей термін, вочевидь, не отримав достатньої підтримки, залишившись за межами небагатьох словників XVIII століття.

«All things considered, I must confess to feeling a certain **schadenfreude** in contemplating this result» (Aliquis, The British Journal of Photography, May 12, 1868). («З огляду на всі обставини, я мушу визнати, що відчував певну **зловтіху** (“schadenfreude”), адже очікував саме на такий результат») («Aliquis» (лист до редактора), журнал *The British Journal of Photography*, 12 травня 1868 року).

Слово 3: Conjubilant

Тлумачення: вигукувати з радістю (радісно) разом з іншими; радіти разом, радісно вигукувати. Слово «conjubilant» є неясним, незрозумілим; чи пов’язано це

з тим, що існує не так багато випадків, коли б люди кричали всі разом із радістю, або причина криється в якійсь іншій особливості цього слова, про це нам невідомо. Але відтепер, знаючи це слово, уявіть, як наступного разу, коли кричатимете радісно разом із товаришем, радітимете вже тому, що вам відомо доречне значення слова, за допомогою якого можна описати ваш внутрішній стан.

They stand, these halls of Zion,

Conjubilant with song,

And bright with many an angel,

And all the martyr throng.

(Hymns of the Church: With Tunes, 1869)

(Вони стоять, ці зали Сіону,

Осяяні радісною піснею,

І освітляє багатьох ангел,

І всі страдники збираються разом. – Переклад наш. – Е. Г., А. К.)

(Церковні гімни: з мелодіями, 1869 рік)

Слово 4: Fleshment

Упорядники розділу тлумачать слово «fleshment» як «радісне хвилювання з приводу успішного початку». В тексті зазначено:

«Вочевидь, слово “fleshment” вперше використано в друкованих виданнях творів Вільяма Шекспіра. Воно також зустрічається в працях незначної кількості авторів (якщо взагалі хтось уживав його), які використовували це слово після Шекспіра (крім тих, хто писав про його вживання Шекспіром). Проте до Шекспіра ставляться з такою повагою, що, навіть якщо з’ясується, що він був єдиним митцем, хто вживав це слово, воно все одно буде включене до словників. У деяких джерелах стверджується, що це слово походить від значення “плоть”, що означає “годувати (яструба або гончака) плоттю вбитої тварини, щоб привчати смаком крові до полювання”, водночас, в інших джерелах автори припускаються думки, що слово “fleshment” походить від значення “набуття (солдатом) досвіду в бою”.

And in the **fleshment** of this dead exploit,

Drew on me here againe (William Shakespeare, King Lear, 1623)».

Надаємо переклад цієї цитати у викладі Максима Рильського:

І так припав до серця королеві

Наругою над бідним, беззахисним,

Що похвалу із уст його здобув.

Тепер ізнов напався він на мене

(Вільям Шекспір, Король Лір, 1623 рік) [5, с. 235–343].

Слово 5: Felicitate

Тлумачення: «вважати щасливим або таким, що має удачу». Слушним виглядає також переклад «щастити, фортунити».

«Припускаємося думки, – відзначають укладачі розділу, – що слово “felicitate” має латинське походження – від слова “felix” (“родючий”, “плодючий”, “плодоносний”, “щасливий”)*, що стало основою для багатьох інших слів, які стосуються щастя (або браку щастя). Слово “felicity” має низку значень: “те, що викликає щастя”, “приклад щастя” тощо** . І далі продовжують: «Досить неясним (незрозумілим) виглядає слово “felicificativeness”, яке має значення “схильність викликати / спричиняти щастя”». (Пропонуємо свій переклад слова

* Додамо ще кілька значень: «який (такий, що) благоденствує (раює)», «блаженний», «сприятливий»; «такий, що пророкує, віщує щастя» [3, с. 321].

** Доречними вважаємо також і такі значення: 1) щастя, блаженство; 2) здібність, щасливий дар (писати, малювати); 3) вдалість, влучність (вислову); 4) достаток [1, с. 178].

«felicificativeness», яке можна перекласти як «фортуністість» (везіння, удача, талан), щось на кшталт перекладацького рішення Марії Габлевич:

Не смію, Любий, вибач, мій Коханий,
Не смію вийти – схоплять! А не хочу –
Не дам собою здобити парад

Фортуністого Цезаря... [4, с. 92].

«Додавши префікс “-in”, – зазначають автори, – доходимо висновку, що слово “felix” слугує основою для створення деяких, безсумнівно, “нещасливих” слів, таких як “infelicitous” (“недоречний”, “скрутий”, “невдалий”, “незручний”)).»

Onely she comes too short, that I professe
My selfe an enemy to all other ioyes,
Which the most precious square of sense professes,
And finde I am alone **felicitate**
In your deere Highnesse loue (William Shakespeare, King Lear, 1623).

Надаємо переклад Максима Рильського:

В її речах любов, з моєю схожу,
Та сказано, проте, занадто мало.
Ненавиджу всі радощі земні,
Хоч би які були вони принадні.
Одно лише чуття мене **щасливить**:
До вашої величності любов [5, с. 235–343].

Слово 6: **Imparadise**

Надається тлумачення: «робити надзвичайно щасливим, передавати стан захоплення або радість».

«Іноді потрібно використати слово з потужнішим емоційним забарвленням, аніж “enrapture” (“викликати захоплення, приводити в захват, надихати”). Можливо, для цього необхідно використати чотирискладове, а не трискладове слово. Але, можливо, вам просто не подобається, як виглядає слово “enrapture”. Чи, припустимо, ви настільки щасливі у своєму житті, що одного слова “enrapture” просто недостатньо для змалювання свого стану. Якою б не була причина, ми не маємо права осуджувати вас». «So this **imparadised** neighbourhood made Zelmanes soule cleaue vnto her, both thorow the iuory case of her body, and the apparell which did ouer-clowd it» (Philip Sidney, The Countesse of Pembrokes Arcadia*, 1590). (Так, це надзвичайне відчуття **щасливих хвилин** близькості відкрили їй душу Зелмана, як і через її тіло кольору слонової кістки, так і через одяг, який немов хмарою оповивав його») (Філіп Сідні «Аркадія Графині Пемброк», 1590 рік).

Слово 7: **Gratulate**

Тлумачення: вітати, висловлюючи радість, задоволення; вітати з задоволенням.

Описуючи останнє слово у цьому списку, автори пишуть: «Чи є різниця між словами “gratulate” та “congratulate”? Ну, не така вже й велика, за винятком того, що, коли ви опускаєте перші три літери у слові “congratulate”, ви таким чином також позбавляєте можливості більшості людей зрозуміти, що саме мається на увазі. Проте слово “gratulate” може також функціонувати як прикметник у значенні “утішний”, “приємний”, “привабливий”, водночас слово “congratulate”, при всій його багатоскладовості, не може виступати прикметником». «Aristides beholdynge

*Варто звернути увагу, що автори цього розділу припустилися помилки, загубивши апостроф у прізвищі Графині Пемброк. Графиня Пемброк – сестра Філіпа Сідні, який створив пасторальний роман «Аркадія» для її розваги. Правильна назва – «The Countesse of Pembroke’s Arcadia».

Themistocles enterprise great matters, wyth a patheticall incitacion of the minde, wherof he had prosperous successe, althoughe he dyd **gratulate** the comon weales prosperity...» (Philip Melanchthon, A Famous and Godly History, 1561). («Арістид, споглядаючи за Фемістоклем, порушував суттєві питання, розпалюючи сумні думки, в чому він досягав значних успіхів, хоча **вітав з задоволенням** процвітання співдружності) (Філіп Меланхтон * «Відома та божественна історія», 1561 рік).

Висновки. На все викладене можна висловити заперечення, що слова, наведені у статті «**“Happify”, “Imparadise” and 5 More Words to Get You Through Winter**» не є часто вживаними, винятковими чи навіть рідкісними, і без знання цих слів можна чудово обійтися. Але, на наш погляд, потрібно мати на увазі, що словник (тим більше, якщо йдеться про словники рівня Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line) – це не підручник або навчальний посібник. У ньому обов'язково повинно бути вміщено не лише ті слова, які потрібно знати і студіювати, а й ті, які зустрічаються в мові і можуть, безперечно, зустрічатися в текстах оригінальної літератури. І, на нашу думку, Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus On-line якраз і відповідає цим вимогам сьогодення: в ньому можна знайти інформацію на будь-яке фахове питання. Вважаємо, що запропонований розгляд одного з розділів такого вкрай потрібного і корисного словника стане в нагоді не лише в процесі роботи студентів, викладачів, аспірантів, перекладачів із текстами, створеними мовою оригіналу, але й потужним «знаряддям» у процесі сприйняття і розуміння щонайменших відтінків значень слова, бо слово – живий організм такої плинної субстанції, як мова.

Бібліографічні посилання

1. **Великий англо-український словник** : 112000 слів и словосполучень / укл. Зубков М. Г. – Харків : Фоліо, 2006. – 790 с.
2. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** : 170000 слів / гол. ред. В. Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : Перун, 2002. – 1428 с.
3. **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь : 200000 слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский яз., 2002. – 846 с.
4. **Шекспір В.** Антоній і Клеопатра / В. Шекспір / пер. з англ. Марія Габлевич. – Львів : ЛА «Піраміда», 2013. – 188 с.
5. **Шекспір В.** Твори в шести томах : Т. 5. / В. Шекспір. – К. : Дніпро, 1986. – 696 с.
6. **Энциклопедия читателя**: Литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии / под. ред. Ф. А. Еремеева. – Т. 3 : Л–М. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, Издательский дом «Сократ», 2003. – 776 с.
7. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
8. URL: https://www.merriam-webster.com/news-trend-watch/see-all?utm_campaign=newsletter&utm_medium=email&utm_source=wordt&utm_content=footertrending.
9. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/7-new-happy-words/>

References

1. Large English-Ukrainian Dictionary: 112,000 words and word combinations (2006) [Velykyj anglo-ukrai'ns'kyj slovnyk], Zubkov M. G., Folio, Kharkiv, 790 p.
2. Large Thesaurus of the Contemporary Ukrainian Language: 170,000 words (2002), chief editor V. T. Busel [Velykyj tлумachnyj slovnyk suchasnoi' ukrai'ns'koi' movy], Irpin, Perun, Kyiv, 1428 p.
3. Dvoret'skiy, I. Kh. (2002), Latin-Russian Dictionary: 200,000 words and word combinations [Latinsko-russkij slovar'], Russkiy Yazyk, Moscow, 846 p.

* Меланхтон, Філіп (1497–1560) – німецький філософ, історик і педагог, один з ідейних вождів германської Реформації [6, с. 539].

4. Shakespeare, W. (2013), Antony and Cleopatra, Translated by Maria Gablevych. LA Piramida, Lviv, 188 p.
5. Shakespeare, W. (1986) Writings in Six Volumes [Tvory v shesty tomah], Vol. 5, Dnipro, Kyiv, 696 p.
6. Yermeyev, F. A., ed. (2003), Encyclopedia: Literary, Biblical, Classical and Historical Allusions, Reminiscences, Themes and Subjects, Mythological Fairy-Tale Characters, Literary Masks, Characters and Prototypes, Real and Fictional Place Names, Brief Biographies and Recommended Bibliographies [E'nciklopediya chitatelya: Literaturnye, biblejskie, klassicheskie i istoricheskie allyuzii, reminiscencii, temy i syuzhety, mifologicheskie skazochnye geroi, literaturnye maski, personazhi i prototypy, real'nye i vymyshlennye toponimy, kratkie biografii i rekomenduemye bibliografii, pod red. F. A. Yermeyeva], Publishing House of the University of Ural, PH Sokrat, Yekaterinburg, V. 3: L–M, 776 p.
7. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
8. URL: https://www.merriam-webster.com/news-trend-watch/see-all?utm_campaign=newsletter&utm_medium=email&utm_source=wotd&utm_content=footertrending
9. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/7-new-happy-words>

Надійшла до редколегії 05.01.2017

УДК 811.112.2'42

И. Д. Гречухина, И. А. Сахно

*Днепропетровский государственный университет внутренних дел
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара*

СОВРЕМЕННОЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО: ЖАНРОВО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Рассмотрены нормативно-стилистические и лексические особенности современного рекомендательного письма как важной разновидности текстов деловой коммуникации. Уделено внимание национально-специфическим традициям составления такого документа, структурной и содержательной нормированности, уровню формальности изложения, лексическому наполнению рекомендательных писем. Путем сравнения рекомендаций на английском, немецком и украинском языках сделаны выводы о традициях, общих и отличительных тенденциях в развитии соответствующего делового дискурса. Подчеркнута важность соблюдения норм, принятых в конкретном лингвистическом сообществе.

Ключевые слова: рекомендательное письмо, деловая коммуникация, жанр, оценочная лексика, нормированность, моностилистичность, интерференция.

Гречухина І. Д. Дніпропетровський державний університет внутрішніх справ,
Сахно І. А. Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара. **СУЧАСНИЙ
РЕКОМЕНДАЦІЙНИЙ ЛИСТ: ЖАНРОВО-ФУНКЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА**

Досліджено нормативно-стилістичні та лексичні особливості сучасного ділового дискурсу. Проаналізовано рекомендаційний лист як важливий жанр ділової комунікації. Приділено увагу національно-специфічним традиціям укладання такого документу з точки зору лінгвокультури окремих країн. Співставлено структурну та змістовну нормованість, рівень формальності та моностилистичності висловлювання, лексичне наповнення рекомендаційних листів. Через порівняння рекомендацій, укладених англійською, німецькою та українською мовами, надано висновки про загальні особливості, відмінні та схожі тенденції у розвитку відповідного ділового дискурсу.

Ключові слова: рекомендаційний лист, ділова комунікація, жанр, оцінна лексика, нормованість, моностилистичність, інтерференція.

Grechukhina I. D. Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs, **Sachno I. A.** Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **MODERN LETTER OF RECOMMENDATION: GENRE AND FUNCTIONAL PECULIARITIES**

The article examines standards of style and vocabulary peculiarities of modern business discourse. The authors' attention is focused on recommendation letters (mainly those for academia) as an important genre of business communication. National traditions of drafting documents of this kind are analysed in terms of linguistic culture of individual countries. The authors compare standards of structure and contents of recommendation letters, their level of formality as well as the diction of letters of recommendation. The modern trends in writing recommendation letters are examined. Through comparing letters of recommendation written in the English (British and American), German and Ukrainian languages the authors come to a number of conclusions as to general features, similarities and differences in this kind of business discourse in various countries. These conclusions are to be taken into consideration so as to avoid negative interference in cross-language business communication. The underlying factors of excessively complimentary style of letters of recommendations in several language and cultural communities are revealed. The article shows that recommendation letters constitute a composite genre in which the elements of business, publicistic and scientific genres are fused.

Key words: recommendation letter, business communication, genre, appraisive words, standardization, monostylisticity, interference.

Одним из наиболее активно разрабатываемых и перспективных направлений современного языкознания является лингвистика текста. В отечественной и зарубежной лингвистике проблемы текста рассматриваются в разных аспектах: дискурсивном, коммуникативном, функционально-стилистическом, лингвостилистическом и т. д.

Особый вид текстов – документные тексты – изучает так называемая «документная лингвистика». Актуальной учебно-исследовательской задачей является при этом рассмотрение знаковой основы документных текстов, ее изменение в динамических координатах современной официально-деловой и научно-технической коммуникации [4].

В связи с этим представляет интерес анализ жанрообразующих черт конкретных типов документных текстов, их структурно-стилистических параметров, степени нормативности и допустимой стилистической вариативности. Заслуживают внимания также проблемы коммуникативной точности [3], проблемы кодирования и адекватного декодирования информации, заложенной в документных текстах, а также вопрос вектора развития отдельных жанров документных текстов. Рекомендательные письма являются объектом научных исследований в качестве широко распространенного в коммуникативной практике речевого жанра [2].

Особое значение подобный подход приобретает в условиях активизации международных экономических, культурных, научно-образовательных контактов. Необходимым сопроводительным документом в таких процессах часто выступает рекомендательное письмо.

Написание рекомендательных писем имеет многовековую историю. Первоначально рекомендательные письма были неофициальными и представляли собой просьбу приютить у себя, взять на работу либо учебу какое-либо лицо и были написаны в произвольной форме. Письма такого рода не были обязательными, но могли реально помочь их подателю в достижении поставленной цели. С течением времени во многих обществах они приобрели характер факультативного, но увеличивающего шансы на достижение цели, а во многих случаях и обязательного документа. Хотя одно из древнейших известных рекомендательных писем было составлено в Киеве ориентировочно в X веке, в Украине написание рекомендательных писем на протяжении длительного времени не было общепринятой практикой. Поэтому изучение зарубежного опыта, сопоставление особенностей рекомендаций и других типов письменной коммуникации представляется важной практической и теоретической задачей.

Термин *рекомендація* походить від латинського *recomendo*, що означає «доверяю». В розглядаваних соціокультурах прийняті наступні позначення рекомендацій: Empfehlungsschreiben, Empfehlungsbrief, Empfehlung, Referenzschreiben, Referenz (нім.), letter of recommendation / recommendation letter, reference, testimonial (англ.), рекомендація, рекомендаційний лист (укр.).

В основу класифікації рекомендаційних писем можуть бути покладені наступні критерії: а) тип дискурсу; б) тип комуніканта; в) ступінь стандартності письма; г) статусний вектор між рекомендуєчим і рекомендуємим і між відправителем і отримувачем рекомендації; д) обов'язковість або факультативність письма; е) визначеність або невизначеність адресата [2]. В залежності від об'єкта рекомендації бувають різних типів: рекомендаційні писем до співробітника, компанії, студенту і т. д. Для випускників вузів України отримання рекомендацій такого роду стає все більш актуальним. Особливо часто випускники со ступенню «бакалавр» стикаються з бажанням надати рекомендації при продовженні навчання в магістратурі.

В межах ділового спілкування жанр «рекомендаційне письмо» можна віднести до адміністративно-канцелярського підстилю, характерного для документів, необхідних для встановлення офіційних, ділових, службових, партнерських контактів між організаціями, установами і громадянами. Загальними особливостями цих документів називають офіційність, точність, конкретність змісту, чіткість, лаконічність, логічну послідовність, однозначність формулювань, стандартизацію [6].

Складання подібних писем на іноземній мові нерідко ставить перед їх авторами ряд проблем, а саме: необхідність враховувати національно-специфічну законодавчу базу, прийняту в відповідному лінгвокультурному суспільстві традиції і стилістику такого роду писем. Можливо, наявність негласно прийнятого між учасниками комунікації специфічного мовного коду/підтексту, особливого ритуалу, передшляху до написання рекомендаційного письма і наступного після розгляду рекомендаційного письма відборочної комісії і т. д.

Все сказане вище підкреслює актуальність поставленої в цій статті задачі – розглянути в контрастивному плані рекомендаційні писем, написані на англійській, німецькій і українській мовах з залученням даних деяких інших мов. Матеріалом для дослідження послужили тексти рекомендаційних писем, представлені в відкритих інтернет-джерелах [7; 8; 10]. Також були узагальнені відповідні спостереження вітчизняних і зарубіжних лінгвістів.

Для досягнення поставленої мети пропонується освітлення наступних питань: 1) місце рекомендаційних писем в системі ділової комунікації (їх різноманітності і жанрово-стилістичні особливості); 2) відмінності в законодавчих нормах і національно-специфічних традиціях складання даної документації в різних лінгвокультурних суспільствах; 3) композиційні, структурні, прагмалінгвістичні подібності і відмінності рекомендацій, складаних на англійській, німецькій, українській мовах; 4) нові тенденції складання документних текстів і їх «існування».

В практиці німецькомовних країн рекомендації є не суворо обов'язковим, але бажаним доповненням стандартної документації при продовженні навчання. Позитивний відгук підвищує шанси при прийнятті.

В англійськомовних країнах, які во багато диктують стандарти ділової переписки для решти світу, рекомендаційні писем зберігають свою значимість в сфері освіти і роботи на викладацьких посадах, в то

время как в других сферах деятельности они уже не так важны. В системе образования многие профессора считают рекомендательные письма необходимыми: с их точки зрения, если у них есть такая возможность, они обязаны положительным рекомендательным письмом помочь студенту, как когда-то помогли им.

В постсоветских же странах рекомендательные письма используются всё чаще, причем именно при приёме на работу. Тенденция в сфере занятости такова, что чем выше должность кандидата и чем больше ориентирована фирма на западные стандарты, тем чаще вместе с резюме предоставляются рекомендательные письма. При продолжении учебы рекомендательные письма не слишком востребованы, если речь идет о местном учебном заведении, однако становятся практически необходимыми для поступления в зарубежные университеты.

За рубежом между тем всё громче раздаются голоса о необходимости отказа от рекомендательных писем и в академической среде или об изменении формата их использования. При этом выдвигаются следующие аргументы против рекомендательных писем:

- существенные затраты времени для написания писем (составление, редактирование и оформление одного письма занимает примерно 3 часа; помимо этого, 1–3 часа расходятся на проверку информации, заполнение сопроводительных документов и т. д.);

- многие отборочные комиссии формально относятся к рекомендательным письмам и принимают в расчет только резюме, опыт исследовательской работы и количественные данные;

- нередко профессора, как показывают неофициальные исследования, не хотят включать отрицательную информацию в письма, надеясь, что в комиссии смогут прочесть ее между строк.

Кроме того, как показывает практика, рекомендательные письма плохо прогнозируют будущую научную деятельность; не всегда объективны. Также, хотя об этом не принято говорить, автором письма нередко является сам соискатель, а профессор лишь корректирует и подписывает его. Тем не менее на сегодняшний день большинство университетов Великобритании и США требуют от соискателей ученых степеней и грантов предоставить рекомендации.

Рекомендательные письма, как и другие жанры деловой документации, сложились в их современном формате под существенным влиянием англоязычных стран. С точки зрения композиции в академическом рекомендательном письме сохраняются основные структурные, информационные и аргументативные элементы.

Можно говорить о типовом формате рекомендательного письма. Оно состоит, как правило, из следующих структурных элементов:

- 1) вводная часть (какие отношения связывают рекомендующего и рекомендуемого; откуда, с какого времени, насколько хорошо известен претендент на учебу);

- 2) основной текст (профессиональные качества, личные качества);

- 3) заключение (общая оценка и пожелание дальнейших успехов).

В конце или в начале письма могут присутствовать факультативные элементы: контактные данные (телефон, адрес, адрес электронной почты), печать учебного заведения и т. д.

Конкретный адресат письма указывается не всегда, хотя в англоязычных странах это в высшей степени желательно и фраза *«To whom it may concern»* используется в крайних случаях. Напротив, автор письма нередко составляет свой текст в расчете на особенности конкретного читателя. В такой же степени нем. *Sehr geehrte Frau... / Sehr geehrter Herr...* более уместно, чем *Sehr geehrte Damen*

und Herren! Обращение в рекомендации на украинском языке *Шановна... / Вельмишановна... (Шановний... / Вельмишановний...)* предпочтительнее обезличенного *Шановні доброді!* В наши дни в немецкоязычных странах часто предлагается заполнить формуляр-рекомендацию. Основные содержательные моменты при этом сохраняются, ср. формуляр рекомендаций для стипендиатов DAAD с соответствующими пунктами для заполнения: *Woher, wie lange und wie gut kennen Sie die Bewerberin / den Bewerber? Die Bewerberin / der Bewerber zählt(e) zu den besten Studierenden / Doktoranden in %.* *Wodurch zeichnet sich die Bewerberin / der Bewerber fachlich aus und wie beurteilen Sie ihr / sein Potenzial? Wie beurteilen Sie die Vorbereitung, Durchführbarkeit, Relevanz und den Zeitplan des Vorhabens?*

В основной части автор дает оценку профессиональным и моральным качествам претендента. Обычно в рекомендациях как на английском, так и на немецком и украинском языках находят отражение следующие концептуальные моменты:

ability – Fachkompetenz – професійна компетентність;

performance – Leistung – досягнення;

honesty – Ehrlichkeit, Vertrauenswürdigkeit – чесність;

timekeeping, attendance – Pünktlichkeit und Präsenz – пунктуальність.

Как видим, относительно большое место уделяется, помимо профессиональных, также и социальным компетенциям.

Тем не менее в разных культурах сложились свои лингвистические и экстралингвистические особенности рекомендательных писем (связанные с ритуалом их составления, подачи, прочтения). В каждой стране действуют свои требования как к содержательной, так и к формальной стороне рекомендаций.

Стилистику рассматриваемых нами писем характеризует целый ряд специфических черт. Прежде всего, это авторское сочинение, отражающее мнение отдельной (как правило, творческой) личности из академической среды, а не трудового коллектива в целом или его руководителя. Подобная рекомендация может быть написана и любыми «третьими лицами». Следовательно, наблюдаем большую степень отступлений от требования однозначности формулировок, краткости, лаконичности. Свобода импровизации не воспринимается больше как нарушение норм документного стиля и уступает место очевидному авторскому «Я».

В английском языке хорошим тоном считаются письма с минимальным количеством клише (они в изобилии приводятся в многочисленных пособиях по составлению деловых писем) и вдумчивым отбором максимально значимой и точной лексики, характеризующей адресата. В сравнении с характеристикой с места работы тексты рекомендаций на немецком языке отличаются большей эмоциональностью и меньшим количеством штампов и канцеляризмов. Грамматические формы *wir, unser* заменяются более конкретными *ich, mein*. Хорошо составленное письмо невольно дает дополнительные бонусы кандидату на место в учебном заведении. Несмотря на официально-деловой стиль письма, незначительные вкрапления разговорной лексики допускаются, а в некоторых вузах даже приветствуются, поскольку они дают возможность читателю почувствовать живую связь как с автором рекомендации, так и с кандидатом. Практически обязательным является также использование профессиональной и научной лексики при характеристике достижений рекомендуемого.

Как правило, рекомендации отличаются позитивным и благожелательным тоном. Вместе с тем автор несет моральную ответственность за правдивость и объективность рекомендации. Представленные в нашей выборке отдельные критические моменты реализуются как в английском, так и в немецком языках на лексико-стилистическом уровне в форме эвфемизмов или с помощью приема умолчания. Негативный подтекст может передаваться сложными синтаксически-

ми структурами с придаточным уступительным предложением (ср.: укр. *однак, на жаль, я не можу взяти на себе відповідальності високо оцінити...*).

Сегодняшние рекомендательные письма в англоязычных и немецкоязычных странах характеризуются безусловным преобладанием в них положительной оценки. Это довольно новая тенденция, и она усиливается. Ранее, например в 30-е годы XX века, рекомендательные письма чаще были откровенными и нередко иронически унижительными (вплоть до так называемых «закрытых рекомендаций» с исключительно негативной информацией о претенденте). Сегодня из опасения сломать жизнь конкретного человека, страха за обвинение в клевете, боязни иска за отрицательный отзыв письма носят ярко выраженный положительный характер, нередко необъективный. В разных культурах похвала в рекомендательных письмах проявляется по-разному: в Великобритании сдержанно, в США – принимает характер раздутой, гиперболизированной многословной хвалы. Письма изобилуют оценочными прилагательными, обозначающими выдающиеся качества (*superb, outstanding, remarkable*). Сложился так называемый «парадокс похвалы», когда один и тот же профессор пишет рекомендательные письма нескольким кандидатам на одну и ту же стипендию и характеризует каждого из них как абсолютно лучшего студента, который когда-либо у него был. Завышенные оценки, содержащиеся в рекомендательных письмах, формируют в академической среде мнение, что всё, что не относится к высшей оценочной категории, – плохо. Стремлением создать позитивное впечатление объясняется обилие средств субъективной оценки и в немецких текстах (например: *hervorragender Bachelor-Absolvent, engagierter Student, mit besonderem Engagement und großem Erfolg, sehr gute Prüfungsleistungen, besondere Kenntnisse*). В текстах рекомендаций на украинском языке характеристика профессиональных качеств отличается рациональной оценкой (ср.: *нестандартне мислення, націленість на досягнення результату*). Личностные же особенности претендента описываются, на наш взгляд, более эмоционально (*сумлінний, дбайливо ставиться до..., добра, чуйна, врівноважена людина*).

Практика чрезмерной похвалы приводит к тому, что опытные сотрудники, отбирающие лучших среди претендентов, критически относятся к излишне хвалебным рекомендательным письмам, особенно если они не подкреплены конкретными фактами. Тенденция к написанию необъективно хвалебных писем повышает важность дополнительных каналов информации в процессе отбора наиболее достойного кандидата: телефонных звонков и электронных писем. В ряде зарубежных вузов ищут альтернативу и переходят к двухступенчатой системе отбора. На первом этапе рассматриваются лишь резюме, вкладыш к диплому, небольшое эссе с кратким описанием цели поступления (*personal statement*), а уже у отобранных кандидатов требуют рекомендательное письмо.

Тенденция к усилению статуса английского языка как языка международного общения не вызывает сомнений. Поэтому анализ рекомендаций на английском (британском и американском) представляет особый интерес. Более того, именно на английском языке как языке международного общения и *lingua franca* современной науки пишутся письма для претендентов на учебу и гранты не только в вузы США и Великобритании, но и в университеты других стран.

Исследования убедительно показывают, что при одинаковых форматах рекомендательного письма в разных странах (международный стандарт) в них явно присутствует национальная специфика. Она проявляется, среди прочего, в таких моментах: в объеме письма (американские письма длиннее британских, немецкие короче их обоих, а восточноевропейские – немного длиннее); в наличии отклонений от основной темы письма (оно встречается в рекомендательных

письмах из стран Восточной Европы); в симметрии/асимметрии введения и заключения письма (американские письма симметричны, немецкие – асимметричны); в интегрированности/неинтегрированности данных о достижениях в текст письма для подтверждения какого-либо тезиса; в организации изложения материала и содержательной структуре абзаца и т. д. [9]. Эти особенности целесообразно принимать в расчёт, поскольку отборочные комиссии ориентируются на привычный для них формат рекомендательного письма и несоблюдение этого формата может отрицательно сказаться на оценивании кандидата.

Для объективности восприятия и доверительного отношения к информации рекомендательного письма важно соблюдение принципа «моностилистичности», понимаемого нами как соответствие нормам, принятым в данном лингвистическом сообществе. В социолингвистическом плане «стиль» означает языковые варианты, отражающие восприятие социального контекста с точки зрения уместности тех или иных форм и конструкций [1, с. 171]. Несоблюдение данного принципа может привести к предвзятости отборочной комиссии, к определённому недоверию по принципу «свой/чужой». Непрофессиональный перевод с родного языка на иностранный часто приводит к формальной и содержательной интерференции. А это, в свою очередь, нарушает коммуникацию и взаимопонимание между адресатом и адресантом.

Между тем авторы рекомендательных писем, даже прекрасно владеющие английским языком и знакомые с требованиями к написанию таких писем на английском языке, невольно отражают в них национальные лингво-культурные и академические традиции. Обилие оценочной лексики и оценочных синтаксических конструкций, четкое формулирование личной позиции, использование, пусть и в умеренных количествах, разговорных слов и научных терминов делает рекомендательное письмо пограничным жанром. В нем деловой стиль сочетается с элементами публицистического и научного стилей. Поскольку написанию рекомендаций научных работников специально не обучают (в отличие, к примеру, от научных статей), в них ярче отражаются особенности местной культуры и личного авторского стиля.

Разнообразие традиций, творческий подход авторов, отсутствие жестких норм, субъективность оценки – всё это приводит к известной диффузности, пограничности жанра «рекомендательное письмо» в сравнении с другими типами документных текстов. С другой стороны, составляя рекомендацию на иностранном языке, следует соблюдать принцип «моностилистичности», то есть учитывать черты писем, наиболее релевантные для адекватности процесса коммуникации в конкретном языковом сообществе.

В дальнейшем представляется любопытным рассмотрение рекомендательных писем в контексте билингвизма, а также в дидактическом плане в связи с формированием компетенции делового общения у студентов, изучающих иностранные языки.

Библиографические ссылки

1. **Интерференція і перемикання мовного коду** : хрестоматія. – Дніпро : Ліра, 2016. – 227 с.
2. **Канеева Т. Р.** Речевой жанр «Рекомендательное письмо»: характеристики и типы (на материале русского, английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Канеева Татьяна Рашидовна. – Волгоград, 2011. – 209 с.
3. **Ковшикова Е. В.** Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ковшикова Елена Владимировна. – Волгоград, 1997. – 147 с.

4. **Кушнерук С. П.** Документная лингвистика: учеб. пособие / С. П. Кушнерук. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2007. – 313 с.
5. **Рекомендаційний лист, характеристика, відгук: у чому відмінність.** – URL: <http://hrliga.com/index.php?id=454&module=profession&op=view>.
6. **Шонц О. П.** Українська мова за професійним спрямуванням / О. П. Шонц. – Одеса : Друкарня редакційно-видавничого центру ОНАЗ ім. О. С. Попова, 2010. – 56 с.
7. **Englische Arbeitszeugnisse. Empfehlen statt bewerten.** – URL: <http://www.e-fellows.net/Karriere/Bewerbung/Arbeitszeugnis/Englische-Arbeitszeugnis>.
8. **Muster-Empfehlungsschreiben.** – URL: <https://www.mba-master.de/master/bewerbung/empfehlungsschreiben/muster-empfehlungsschreiben.html>
9. Precht Kristen. A Cross-cultural Comparison of Letters of Recommendation // English for Specific Purposes. – Vol. 17, No. 3. – Pergamon: Elsevier Science Ltd, 1998. – P. 241–265.
10. **Tschumi Martin. Arbeitshandbuch für die Zeugniserstellung.** – URL: <http://www.exlibris.ch/de/buecher-buch/deutschsprachige-buecher/martin-tschumi/arbeitshandbuch-fuer-die-zeugniserstellung/id/9783952271209>

References

1. *Speech Code Interference and Switching*, (2016) [*Interferencija i peremykannja movnogo kodu. Hrestomatija*], Dnipro, 277 p.
2. Kaneeva, T. R. (2011), *Letter of Recommendation Speech Genre (based on the Russian, English and French languages): dissertation* [*Rechevoj zhanr «Rekomendatel'noe pis'mo»: harakteristiki i tipy (na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk*], Volgograd, 209 p.
3. Kovshikova, Ye. V. (1997), *The Category of Communicative Precision (on the basis of business letters texts): dissertation* [*Kategoriya kommunikativnoj tochnosti (na materiale tekstov delovyh pi-sem): dis. ... kand. filol. nauk*], Volgograd, 147 p.
4. Kushneruk, S. P. (2007), *Documantary Linguistics. Manual.* [*Dokumentnaja lingwictika Utshebnoe pocobie*], Volgograd, 313 p.
5. “Recommendation Letter, Reference Letter, Review: What is the Difference” [“Rekomendacijnyj lyst, harakterystyka, vidguk: u chomu vidminnist”], available at: <http://hrliga.com/index.php?id=54&module=profession&op=view>
6. Shonts, O. P. (2010), *Ukrainian for Specific Purposes.* [*Ukrai'ns'ka mova za profesijnym sprjamuvannjam*], Odessa, 56 p.
7. “English Letters of Reference from Work: Recommending instead of Appraising”, available at: <http://www.e-fellows.net/Karriere/Bewerbung/Arbeitszeugnis/Englische-Arbeitszeugnis>
8. „Muster-Empfehlungsschreiben“, available at: <https://www.mba-master.de/master/bewerbung/empfehlungsschreiben/muster-empfehlungsschreiben.html>.
9. Precht, K. (1998), „A Cross-cultural Comparison of Letters of Recommendation”, *English for Specific Purposes*, Vol. 17, No. 3, pp. 241–265.
10. Tschumi, M. Guide for Writing References. – URL: <http://www.exlibris.ch/de/buecher-buch/deutschsprachige-buecher/martin-tschumi/arbeitshandbuch-fuer-die-zeugniserstellung/id/9783952271209>

Надійшла до редколегії 22.12.2016 р.

J. Kesselová

Prešovská univerzita v Prešove

OSOBNÉ ZÁMENO JA AKO PROSTRIEDOK PERSONÁLNEJ DEIXY V DIALOGICKEJ KOMUNIKÁCI V SLOVENČINE

Особовий займенник «я» як засіб персонального дейксису в діалогічній комунікації у словацькій мові. Персональний дейксис включає засоби, якими мовці звертаються до себе та інших учасників та неучасників діалогу. Його ядро утворюють особові займенники. Однак у мовах pro-drop, до яких належить і словацька мова, особа чітко граматично ідентифікується морфемою дієслів. Що мотивує мовців неекономно використовувати займенники? У розвідці використано словацький розмовний корпус (майже 6 млн. одиниць), показано прагматичні функції та суспільну прийнятність я-висловлювання залежно від соціолінгвістичних атрибутів діалогу, властивостей мовців та їх стосунків.

Ключові слова: персональний дейксис, самозвертання, займенник «я», прагматика, словацька мова.

Kesselová Jana. Prešovský univerzita v Prešove, Filozofický fakultet, katedra slovačského jazyka. **ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «Я» КАК СРЕДСТВО ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ НА СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Персональный дейксис выражается при помощи разных средств, которыми говорящий пользуется для указания на себя и других, а также для указания участнику речевого акта на неучаствующих в нем. Основным дейктическим элементом являются личные местоимения. Однако в языках «pro-drop», к которым относится и словацкий, на грамматическое лицо четко показывает морфема глагола. Что же мотивирует говорящих к неэкономному референтному употреблению личных местоимений? В данном исследовании используется «Словацкий разговорный корпус» (почти 6 миллионов единиц), выявляются прагматические функции и социальная рефлексия «я-высказываний», в соответствии с социолингвистическими атрибутами диалога, характеристиками говорящих и отношений.

Ключевые слова: персональный дейксис, самореференция, личное местоимение «я», прагматика, словацкий язык.

Kesselová Jana. Faculty of Arts, Institute of Slovak Studies. **PERSON PRONOUN “I” AND PERSON DEIXIS IN SLOVAK DIALOGUE COMMUNICATION**

Person deixis allows a speaker to refer to himself or herself and other (non)participants of an interaction. To study this category is to learn about ways a man, social relationships and conventions are coded in a language but also in a culture of the users' language. This is because the opposition of *I* versus *you*, *mine/ours* versus *other's* has not only a referential validity but also represents one of the oppositions that structures our daily experience. Person pronouns are the grammatical core of this category. Pragmatics of person pronouns is widely discussed in foreign literature (Clyne et al. 2009, Deringer et al. 2015, Gardelle a Sorlin, eds., 2015 etc.). However, in a group of pro-drop languages, where Slovak-language belongs, the person is explicitly identified by verb morphemes. What then motivates a speaker to uneconomical use of pronouns? This study focuses on the pronoun *I* and tries to answer the following question: Under which circumstances Slovak-language speakers' use explicit and more prominent self-reference? We use texts from Slovak spoken corpus with almost 6 million units. The collocation method reveals typical concurrences of pronoun *I* with verbs and their pragmatic motivation. We see a relationship between self-reference and the type of dialogue (spontaneous, informal conversation vs. formal, directed discussion of strangers). We compare self-reference between men and women with different educational background.

Key words: person deixis, self-reference, pronoun *I*, pragmatics, Slovak-language.

Úvod. Štúdia je súčasťou riešenia grantového projektu Vega 1/0099/16 *Personálna a sociálna deixa v slovenčine (človek v jazyku, jazyk o človeku)*. V duchu

tradície lingvistickej pragmatiky personálnu deixu konštituuju prostriedky, ktorými hovoriaci počas rečového aktu odkazujú na seba a iných, t. j. účastníkov aj neúčastníkov komunikácie. Referovanie na osoby je pritom prirodzene podmienené ich sociálnymi rolami, sociálnym statusom, vzťahmi medzi komunikantmi i konvenciami spoločenského správania, súvisiacimi s používaním jazyka v istej societe, a preto sa ustálil i súvzťažný termin sociálna deiza [8, s. 61]. Personálna a sociálna deiza predstavuje orientáciu výskumu na odkrývanie spôsobov, akými sú človek, sociálne vzťahy a konvencie zakódované v jazyku, ale i v kultúre jeho používateľov. To implikuje, že preferované formy, ktorými hovoriaci referujú na seba a na druhých počas rečového aktu, jazykovo i kultúrne varirujú.

Oscilácia medzi zameraním na *ja* alebo *ty* predstavuje konštituent každej verbálnej interakcie, avšak s dôsledkami, ktoré presahujú hranice referencie. Opozíciu *ja* verzus *ty* možno chápať aj ako súčasť antropologického protikladu *ja* verzus *iní*, resp. *môj*, *vlastný* verzus *cudzí*. Tento protiklad nemá len referenčnú platnosť, ale zasahuje do prežívania človeka každodenne. V rámci teórie jazykového obrazu sveta sa o opozícii *ja* verzus *ty* uvažuje ako o podloží, na ktorom sa zakladá obava z iného, nedôvera voči ľudskej inakosti, xenofóbia či rasizmus.

Fundamentálnosť opozície *ja* a *ty* v interakcii aj v prežívaní sveta človekom pokladáme za dôvod, pre ktorý sa kultúrne i jazykovo diferencované prostriedky personálnej a sociálnej deixy stali súčasťou multidisciplinárneho poľa záujmu. Teória textu vidí v kolísaní medzi zameraním na *ja* alebo zameraním na *ty* osciláciu medzi monológom a dialógom, ktorá stojí pri zrode jazykového prejavu. V osobných a posesívnych zámenách, tvoriacich centrum personálnej a sociálnej deixy, sa zvyrazňuje špecifická povaha referencie, závislá od striedania perspektívy hovoriaceho a adresáta. Pre tieto prostriedky sa ustálilo označenie shifters [6, s. 123]. V sociologickom zmysle sa reciprocitou perspektív vysvetľuje používanie jazyka vôbec, nielen jeho deiktickej štruktúry. Reciprocitou perspektív sa prekonáva bariéra plynúca z faktu, že „moje vlastné vedomie a vedomie druhého nemôžu byť úplne identické, a to jednak pre rozdielny dosah (akčný rádius) môjho a cudzieho každodenného sveta sústredeného okolo môjho a cudzieho *hic-et-nunc*, jednak pre rozdielne biografické skúsenosti“ [12, s. 89]. V sociológii „všedného dňa“ sa reciprocita perspektív chápe ako prvý krok na ceste od individuálneho vedomia k sociálnemu svetu. Uplatňuje sa v mene praktických potrieb, súvisiacich s každodenným konaním, a je motivovaná kooperačným účelom. Seba-interpretácia však nie je človeku daná a priori. Premena zo stavu nediferencovanosti medzi *ja* a *nie-ja* na zrod vedomia vlastného ega sa v psychológii hodnotí ako zásadný vývinový medzník, ktorému sa napríklad piagetovskom prístupe pripisuje hodnota „kopernikovskej revolúcie“.

Z lingvistického hľadiska je personálna a sociálna deiza objektom samostatných i porovnávacích výskumov značného rozsahu. Práce z ostatných rokov dokumentujú, že výskumný záujem sa preferenčne orientuje na jazykové (hlavne nekonvenčné spôsoby použitia osobných zámen), ale aj sociálne a kultúrne aspekty deixy:

- a) komparácia deixy v rámci geneticky príbuzných (napr. románskych) jazykov [7];
- b) komparácia deixy medzi jazykmi geneticky a morfológicky nepríbuznými, napr. švédčina a fínčina [10, s. 75–96], ruština a mandarínska čínština [9, s. 71–89];
- c) špecifické komunikačné realizácie deiktických prostriedkov, napr. neosobné použitie primárne osobných zámen [3, s. 148–162];
- d) pragmatika osobných zámen vo vybraných rečových aktoch a komunikačných situáciách [2];
- e) synchronno-diachronne súvislosti fungovania deixy [5, s. 176–189];

f) relácie medzi deiktickými prostriedkami a medziľudskými vzťahmi [1];

g) kultúrne aspekty personálnej a sociálnej deixy. [4, s. 281–302].

Osobitná pozornosť sa venuje komunikačnej realizácii jadra personálnej a sociálnej deixy, t. j. osobných zámen, a to vzhľadom na štruktúrne odlišnosti jazykov. Kým v jazykoch non-pro-drop osobné zámena predstavujú obligatórny identifikátor gramatického tvaru verba, v jazykoch pro-drop osobu gramaticky zreteľne identifikuje relačná morféma verba. Z jazykov pro-drop sa zámena ako prostriedky sociálnej a personálnej deixy skúmali hlavne v ruštine, bulharčine a poľštine.

Z predchádzajúceho prehľadu výskumov vyplýva viacero otázok:

Ak je gramatickým identifikátorom osoby v pro-drop jazyku verbálna flexia, čo hovoriacich motivuje k nákladnejšej referencii zámenami?

Ako osobné zámena modifikujú zmysel a pragmatickú funkciu výpovede?

Ako interakčné okolnosti komunikácie, sociálne vzťahy medzi komunikantmi a sociolingvistické charakteristiky komunikantov korelujú s prostriedkami personálnej a sociálnej deixy?

Výskumná otázka a metóda. V tejto štúdii zúžime výskumný problém takto: Aké sú komunikačné realizácie osobného zámena *ja* ako autoreferenčného prostriedku v dialógu používateľov slovenčiny? Inými slovami, za akých interakčných okolností v ústne realizovanom dialógu používateľa slovenčiny preferujú explicitný, a teda menej ekonomický odkaz na seba pomocou zámena *ja*? Cieľom štúdie je parciálnou sondou prispieť k odkryvaniu kontextových realizácií zámena *ja*, pragmatických funkcií a spoločenskej akceptability *ja*-výpovedí, a to v závislosti od sociolingvistických atribútov dialógu, vlastností hovoriacich aj ich vzťahov.

Štúdia materiálno vyživá Slovenský hovorený korpus. Podľa údajov korpusového oddelenia JÚLEŠ SAV na webovej stránke korpusu (<http://korpus.sk/shk.html>) aktuálna verzia *s-hovor-5.0* obsahuje 5 mil. 720 tisíc textových jednotiek, čo zodpovedá 695 nahrávkami. Je to viac ako 600 hodín zvukových záznamov. Z korpusu *s-hovor-5.0* sme pomocou nastavenia atribútov vytvorili dva subkorpusy s komplementárnou distribúciou konštitutívnych atribútov:

a) Jeden tvoria ústne realizované dialogické komunikáty s vlastnosťami spontánnosť (+ doc.spontaneous) a neformálnosť (–doc.formal), vzájomná známosť účastníkov rozhovoru (+doc.familiar) a rovnocennosť partnerov (+doc.equal).

b) Druhý subkorpus predstavujú transkripty rozhovorov, vymedzených atribútmi riadenosť (–doc.spontaneous) a formálnosť (+doc.formal), v ktorých sa účastníci rozhovoru navzájom nepoznajú (–doc.familiar) a z hľadiska vzájomných vzťahov sú nerovnocennými partnermi (–doc.equal).

V každom subkorpuse sme porovnávali autoreferenciu zámenom *ja* medzi mužmi a ženami, pričom transkripty hovoriacich oboch pohlaví sme diferencovali podľa vzdelania v opozícii medzi krajnými pólmi nižšie vzdelanie – vysokoškolské vzdelanie.

Výskum textových realizácií zámena *ja* je založený na korpusovej metóde vyhľadávania kolokátov. Ide o výrazy, vyskytujúce sa v blízkosti kľúčového slova (v tomto prípade zámena *ja*) častejšie, než je štatisticky nevýznamné, a vytvárajúce s kľúčovými slovami zmysluplné syntagmatické spojenia. Pri skúmaní kolokátov (presnejšie kolokačných paradigiem – celých súborov kolokátov) sme z asociačných mier využívali mieru logDice. Pri jej výbere sme vychádzali z charakteristiky P. Rychlého, v ktorej sa uvádza, že táto miera na rozdiel od iných lepšie zohľadňuje nielen frekvenciu výskytu jednotlivých slov, ale aj to, že spoločný výskyt dvoch slov je nenáhodný [7, s. 6–9]. Zámerom výskumu je odhaliť typické kontextové realizácie zámena *ja* (preferenčne používané modely až neuvedomované stereotypy), a preto

nenáhodnosť a typickosť súvýskytov s autoreferenčným zámenom *ja* je podmienkou výskumu. Kolokáty sme skúmali v rozpätí do piatich textových jednotiek vpravo od kľúčového zámena *ja* so zobrazením lemmy v kolokačnej paradigme.

Korpusové dáta. Z korpusových dát vyberáme prvých päť kolokátov zoradených podľa miery logDice v každom subkorpuse zvlášť.

S- HOVOR- 5.0 SPONT	LOG DICE	HOVORIACI=MUŽ				HOVORIACI=ŽENA			
		nižšie vzdelanie		VŠ vzdelanie		nižšie vzdelanie		VŠ vzdelanie	
nevedieť	10,3	robiť	2,9	nevedieť	9,0	nastúpiť	7,8	nevedieť	10
vedieť	9,5	ísť	2,2	vedieť	8,1	pýtať si/sa	7,7	vedieť	10
mať	9,1	mať	1,2	myslieť	7,6	nejst'	6,2	myslieť	10
myslieť	9,0	byť	0,9	nemať	7,4	doniesť	6,0	mať	9,7
byť	9,0	-	-	mať	7,4	vravieť	6,0	chcieť	8,9

Tabuľka 1: Kolokačná paradigma zámena *ja* na prvých piatich miestach podľa štatistickej miery logDice v dialógu s atribútmi +doc.spontaneous, -doc.formal, +doc.familiar, +doc.equal (dialóg 1)

S-HOVOR-5.0 RIADENÝ	LOG DICE	HOVORIACI=MUŽ		HOVORIACI=ŽENA	
potvrdiť	7,7	nespochybňovať	8,0	vítat'	8,2
opýtať sa, pýtať sa	7,7/7,5	reagovať	8,0	opýtať sa	8,1
reagovať	7,5	nesúhlasiť	7,7	potvrdiť	7,8
doplniť	7,5	doplniť	7,7	ďakovať	6,8
myslieť	7,4	tvrdiť	7,3	pamätať sa	6,7

Tabuľka 2: Kolokačná paradigma zámena *ja* na prvých piatich miestach podľa štatistickej miery LogDice v dialógu s atribútmi -doc.spontaneous, +doc.formal, -doc.familiar, -doc.equal (dialóg 2)

Interpretácia dát.

1. Autoreferencia zámenom *ja* v dvoch typoch dialógu (spontánný verzus riadený).

KOLOKÁTY	
DIALÓG 1	DIALÓG 2
nevedieť	potvrdiť
vedieť	opýtať sa, pýtať sa
mať	reagovať
myslieť	doplniť
byť	myslieť

Tabuľka 3: Kolokačná paradigma zámena *ja* na prvých piatich miestach podľa štatistickej miery LogDice v dialógu 1 (s atribútmi -doc.spontaneous, +doc.formal, -doc.familiar, -doc.equal) a v dialógu 2 (s atribútmi +doc.spontaneous, -doc.formal, +doc.familiar, +doc.equal)

Z kolokačnej paradigmy zámena *ja* s verbami (tabuľka 3) vyplýva, že explicitná autoreferencia na hovoriaceho sa preferenčne objavuje v súvislosti s odkazmi na:

- kognitívne stavy hovoriaceho (*nevedieť*, *vedieť*),
- myšlienkový proces (*myslieť*),
- komunikačné aktivity (*potvrdiť*, *opýtať sa*, *pýtať sa*, *reagovať*, *doplniť*),

d) stav vlastníctva a existencie (*mať* a *byť*).

Hovoriaci sa zámenom *ja* v dialógu preferenčne prezentuje ako (ne)vlastník informácie. Popritom k informácii pristupuje z dvoch perspektív. Jednu perspektívu predstavuje smerovanie k získaniu informácie (*opýtať sa*, *pýtať sa*) a druhú „zaobchádzanie“ so získanou informáciou (*myslieť*, *potvrdiť*, *reagovať*, *doplniť*).

V spontánnom dialógu známych a rovnocenných účastníkov (dialóg 1 v tabuľke 3) sa autoreferenčné *ja* prednostne vyskytuje s verbami cogitandi *nevedieť*, *vedieť*, *myslieť*, ktoré vo valenčnej štruktúre neotvárajú pozíciu pre adresáta, a tým upopredňujú hovoriaceho a obsah informácie, ktorú hovoriaci nevlastní (*ja neviem*), vlastní (*ja viem*) alebo predpokladá, tuší (*ja myslím*, *že*).

V riadenom formálnom dialógu 2 (tabuľka 3) sa v kolokačnej paradigme zámena *ja* preferenčne vyskytujú spojenia zámena *ja* s verbami dicendi s funkciou špecifikovať komunikačnú funkciu výpovede (*potvrdiť* = dosvedčiť správnosť súhlasom, *opýtať sa/spýtať sa* = potreba získať informáciu, *doplniť* = dokončiť výpoveď partnera tak, aby sa podľa hovoriaceho stala úplnou) alebo so všeobecnou sémantikou „verbálne vstúpiť do dialógu“ (*reagovať*). Každá z funkcií uvedených verb dicendi však implicitne okrem obsahu informácie predpokladá aj orientáciu na reč adresáta.

Z porovnania interakčných kontextov zámena *ja* vyplýva oscilácia medzi zameraním na hovoriaceho a zameraním na adresáta. Spontánnny dialóg smeruje bližšie k pólu *ja*, čo okrem valencie verb cogitandi zvyrazňuje súvýskyt zámena *ja* s verbom vlastníctva a existencie (*ja mám*, *ja som*). V riadenom formálnom dialógu aj vo výpovediach s explicitnou autoreferenciou je v sémantike verb dicendi implicitne prítomné zameranie na reč adresáta.

2. Autoreferencia zámenom *ja* v prehovoroch mužov a žien s rozdielnym vzdelaním v dialógu s atribútmi spontánnosť, neformálnosť, vzájomná známosť a rovnocennosť partnerov komunikácie.

Kolokačná paradigma verb, predstavujúcich preferenčné súvýskyty so zámenom *ja* v tabuľke 1, dokumentuje, že v spontánnom dialógu rozdiely nie sú v spôsobe autoreferencie mužov a žien, ale plynú z rozdielneho vzdelania hovoriacich každého pohlavia.

Medzi vysokoškolsky vzdelanými mužmi a ženami takmer niet rozdielu. Preferenčné súvýskyty zámena *ja* predstavujú spojenia *ja neviem*, *ja viem*, *ja myslím*, *ja mám*, u žien *ja chcem*, u mužov *ja nemám*. Dominantnú kolokáciu v reči oboch pohlaví s vysokoškolským vzdelaním predstavuje súvýskyt *ja neviem*. Vypovedá o tom, že preferenčným motívom explicitnej autoreferencie u hovoriacich s najvyšším sledovaným vzdelaním je uvedomenie si a prežívanie deficitu v poznaní (*ja neviem kto, čo, kde, ako, kedy, prečo, koľko...*) alebo v schopnostiach (1).

(1) ...bola to pre mňa trauma, že ja som nevedela určovať.

U vysokoškolsky vzdelaných komunikantov sa spojenie *ja neviem* často vyskytuje ako epistemický komentár s viacerými funkciami. Hovoriaci prejavuje pochybnosť vo vzťahu k vlastnej kompetentnosti (2), externalizuje rozpaky a nerozhodnosť (3), pripúšťa neúplnosť a nepresnosť v propozičnom obsahu (4) alebo približnosť podávanej informácie, zvlášť o kvantite (5). Ďalšou textovou konkretizáciou je hodnotiaci komentár. Spojenie *ja neviem* pôsobí ako výraz negatívneho postoja až pohoršenia nad skutočnosťou prezentovanou vo výpovedi. (6).

(2) Áno, no len v tomto, ja, neviem, stále mám pocit, že budem rozprávať o niečom, v čom už nie som tak doma.

(3) Dobré, tak ja neviem, tak si to mám zobráť, či máš ty?

(4) Ten svoj život naplnila úžasnými charitatívnymi vecami alebo je neviem už akými.

(5) To je asi, ja neviem, tristo, dvesto tristo takýchto sumčekov centimetrových...

(6) *Všade to Atény, smrdí tam, ja neviem, proste slnko udiera do všetkého, aj do tých výkalov tých psov.*

Spojenie *ja neviem* sa v reči vysokoškolsky vzdelaných komunikantov vyskytuje v negatívnych hodnotiacich komentároch s funkciou podať kritický postoj, avšak zhovievavejším spôsobom (7) a pred obsahom, o ktorom hovoriaci predpokladá, že by pre adresáta mohol byť nepríjemný a prijatý s nevôľou (8). V tomto prípade sa autoreferencia spája s taktom a empatiou produktora voči adresátovi. Na druhej strane, spojením *ja neviem* produktor uvádza aj propozičný obsah, ktorý je preňho samotného citlivý, obávaný, nepríjemný, príliš osobný, intímny, vyžadujúci diskretnosť (9).

(7) *Ako, ja neviem, ten môj tatino, to je proste prípad.*

(8) *...ja neviem, ja nechcem jej klamať, že by som povedala, že idem do Rakúska niekde na preteky, že že vieš, lebo bude my každý deň voláme spolu...*

(9) *Proste, ja neviem, že niekto sa mi páči, tak teraz sa s ním vyspím alebo čo.*

Od prípadov, keď spojenie *ja neviem* funguje ako referencia na poznávací a schopnostný deficit, ako epistemický komentár k vlastnému poznaniu alebo propozičnému obsahu, negatívnohodnotiaci postoj, prejav empatie k adresátovi a senzitivnosti voči sebe samému odlišujeme spojenia *ja neviem*, v ktorých sa autoreferencia pritlmuje a ktoré sa funkčne modifikovali na partikuly typu *dajme tomu, povedzme, napríklad*. V takom prípade uvádzajú exemplifikáciu (10) alebo enumeráciu (11).

(10) *...súrodenci sú, ja neviem, narkomani...*

(11) *Technika, áno, ja neviem, autá, stroje, mašiny, počítače, všetko proste ako sa mení okolo vás, vyvíja sa, no len vy starnete.*

Spojenie *ja viem* v spontánnom dialógu vysokoškolsky vzdelaných používateľov slovenčiny je primárne odkazom na produktora ako „majiteľa“ informácie. Avšak sekundárne plní aj ďalšie komunikačné funkcie relativizátora podávaného obsahu. Ide o epistemické komentáre vyjadrujúce:

a) pochybnosť až deficit informácie v spojení *čo ja viem* (...oni majú iný ten vysokoškolský systém, že vlastne tí mladí musia akože čo ja viem...),

b) nesúlad medzi vlastnou a cudzou informáciou (z toho, čo ja viem) ako poistku pred obvinením z porušenia princípu kvality.

Spojenie *ja viem* je zhrnujúci a členiaci signál dialógu, ktorým hovoriaci nielenže štruktúruje dialóg, ale prejavuje nespokojnosť s reakciou partnera a explicitne alebo implicitne opätovne žiada informáciu (12).

(12) *Ja viem, ale ako hovorím, že či si či by si nezvykla už tu v bývať, vieš?*

Od uvedených komunikačných realizácií odlišujeme prípady desémantizácie verba *vedieť* a posun spojenia *čo ja viem* k uvádzacej častici, stojacej pred exemplifikáciou, enumeráciou alebo vysvetlením (13).

(13) *Proste keď už človek je vyp tak zvyknutý, tak ťažko už proste vypne, že, čo ja viem, pospím si dlhšie alebo tak.*

Kognitívne verbum *myslieť* v spojení s autoreferenciou zámenom (*ja myslím*) pozorujeme v situácii, keď produktor uvádza svoj predpoklad, tušenie v kontraste s mienkou ostatných alebo v kontraste s realitou (14).

(14) *Ale ja som nevedela, že oni ma ocigánia, vieš? Ja som teda myslela, že ozaj, ani som nespávala.*

U hovoriacich s vysokoškolským vzdelaním sa autoreferencia v spontánnom dialógu preferenčne spája s odkazom na kognitívne stavy, epistemické a hodnotiace komentáre, s prejavom taktu a empatie k adresátovi i senzitivnosti k sebe samému. Pri verbách *mať*, *nemať* a *chcieť* (tabuľka 1) sa v spojení so zámenom *ja* upopred'uje porovnanie, odlišnosť, kontrast až rozpor medzi produktorom a adresátom, resp. neúčastníkom dialógu (15).

(15) *Aj na služobnú cestu som ochotná po o polnoci zložiť veci a ísť sa pozrieť po meste, lebo ja chcem vedieť, kde som a aspoň aký ráz má to mesto* (z kontextu vyplýva: na rozdiel od ostatných, ktorí o mesto záujem nemajú).

Vo výpovediach mužov s nižším vzdelaním sa zámeno *ja* v celom skúmanom materiáli korpusových textov spája so štyrmi verbami *robím, idem, mám a som*. Autoreferencia je poukazom na existenciu, vlastníctvo, pohyb a pracovnú aktivitu, t. j. na archetypálne vlastnosti človeka. Vo výpovediach žien s nižším vzdelaním sa podľa dát z korpusu autoreferencia zámenom *ja* preferenčne vyskytuje s verbami *nastúpiť* (do zamestnania), *pýtať si/sa*, *nejst'*, *doniesť* a *vrať*. Explicitná autoreferencia sa vyskytuje predovšetkým ako odkaz na získanie zamestnania (*ja som nastúpila*), na požadovanie veci alebo informácie (*ja si/sa budem pýtať*), na zabezpečenie veci (*ja som si doniesla*), na negáciu pohybovej aktivity (*ja nejdem, nepôjdem, som nešla*) a na komunikačnú aktivitu (*ja som vrela*). Verbá v súvislostiach so zámenom *ja* vo výpovediach žien sú síce viac špecifikované, avšak rovnako súvisiace s bazálnymi aktivitami človeka: práca, nadobudnutie vlastníctva veci/informácie, pohyb a komunikácia.

Zhrnúc možno povedať, že v spontánnom dialógu sa do autoreferencie výrazne premieta rozdiel vo vzdelaní. *Ja*-repliky hovoriacich s vysokoškolským vzdelaním sú odkazom na (ne)vlastníka informácie, epistemické a hodnotiace postoje hovoriaceho, prejavy taktu a empatie k adresátovi alebo neúčastníkovi dialógu i senzitivnosti k sebe samému. Vo výpovediach hovoriacich s nižším vzdelaním sa autoreferencia zámenom *ja* preferenčne objavuje vo výpovediach s odkazom na pracovnú (*robiť – nastúpiť*) a pobytovú aktivitu (*ísť – nejst'*), na vlastníctvo (*mať*) a zabezpečenie vlastníctva (*doniesť, pýtať si*), u žien na rečovú aktivitu (*pýtať si/sa, vrať*), u mužov na stav existencie (*byť*). S rastúcim vzdelaním sa zintenzívňuje autoreferencia ako odkaz na kognitívne stavy a myšlienkový proces, so znižujúcim sa vzdelaním na bazálne prejavy (existencia, vlastníctvo, pohyb, reč a práca). Tieto rozdiely vyplývajú z kolokačných paradigiem zámena *ja*, ktoré možno na škále hovoriacich podľa vzdelania pozorovať v tabuľke 4 a 5.

VZDELANIE	HOVORIACI = MUŽ				
základné	robiť	ísť	mať	byť	-
odborné	chodiť	byť	.	.	.
stredoškolské	čítať	pozrieť	myslieť	nevedieť	vedieť
vysokoškolské	nevedieť	vedieť	myslieť	nemať	mať

Tabuľka 4: Kolokačná paradigma zámena *ja* na prvých piatich miestach podľa štatistickej miery logDice v dialógu s atribútmi + doc.spontaneous, -doc.formal, +doc.familiar, +doc.equal v prehovoroch mužov podľa vzdelania

VZDELANIE	HOVORIACI = ŽENA				
základné	nastúpiť	pýtať sa/si	nejst'	doniesť	vrať
odborné	nevedieť	vedieť	.	.	.
stredoškolské	nevedieť	vrať	myslieť	nechápať	spať
vysokoškolské	nevedieť	vedieť	myslieť	mať	chcieť

Tabuľka 5: Kolokačná paradigma zámena *ja* na prvých piatich miestach podľa štatistickej miery logDice v dialógu s atribútmi + doc.spontaneous, -doc.formal, +doc.familiar, +doc.equal v prehovoroch žien podľa vzdelania

3. Autoreferencia zámenom *ja* v prehovoroch mužov a žien v dialógu s atribútmi riadenosť, formálnosť, nerovnocenný status hovoriacich, ktorí nie sú v blízkom vzťahu.

Pre absenciu dokladov *ja*-výpovedí hovoriacich s nižším vzdelaním v tomto type dialógu sme zámer výskumnej sondy modifikovali tak, že sme autoreferenciu skúmali v dialógoch mužov a žien celkovo, teda bez diferenciácie podľa vzdelania. Kým v spontánnom dialógu je kolokačná paradigma zámena *ja* v reči mužov a žien takmer totožná, v riadenom formálnom dialógu bez vzájomného poznania sa komunikantov je rozdiel výrazný:

a) v reči mužov kolokačnú paradigmu zámena *ja* tvoria verbá *nespochybňujem, reagujem, nesúhlasím, doplním, tvrdím* (tabuľka 2);

b) v reči žien verbá *vítam, opýtam sa, potvrdím, ďakujem, pamätám sa* (tabuľka 2).

Vo výpovediach hovoriacich-mužov sa autoreferencia zámenom *ja* preferenčne uplatňuje v dialógu s tendenciou presadzovať svoj názor v argumentácii (16), reagovať protikladným spôsobom (17), nesúhlasiť (18) a doplniť repliku partnera komunikácie tak, aby sa stala úplnou (19).

(16) *Táto súťaž, ktorá bola, ja by som ju nespochybňoval za žiadnych okolností...*

(17) *Ved' toto je nonsens. Sám to musíte si uznať, že toto, čo sa sa tu rozprávate, samozrejme, na to ja budem reagovať, ja na to budem reagovať...*

(18) *...sa všetci sťažujú, že naša diaľnica je dvojprúdová, ja tvrdím, že je trojprúdová...*

(19) *No ja snáď len doplním k tomu srdce a tlak, jednu dôležitú vec...*

Explicitnú autoreferenciu vo výpovediach žien charakterizujú atribúty spoločenskosti, zdvorilosti a vďačnosti (*ja vítam, ja ďakujem*), afirmatívnosti (*ja potvrdím*), potreba získať informáciu od komunikačného partnera (*ja sa opýtam*). Spojenie *ja si pamätám* je nielen subjektívnym vkladom do formálneho riadeného dialógu, ale aj afirmáciou (obsahom spomienky býva informácia potvrdzujúca propozičný obsah výpovede komunikačného partnera).

Celkovo je na základe typických súvýskytov zámena *ja* s verbami viditeľná tendencia spájať autoreferenciu u žien s afirmatívnosťou, u mužov s kontroverznosťou. Tento vzťah potvrdzujú aj kontextové realizácie verb dicendi *pýtať sa, opýtať sa* s rovnakou sémantikou „klásť otázku“. V prehovoroch žien korpusové dáta uvádzajú doklady na zdvorilú žiadosť o informáciu s oslovením, kondicionálom zjemňujúcou partikulou *len* (20), v komunikácii mužov aktualizácia spojenia *ja sa pýtam* uvádza nesúhlasný postoj (21) až výčitku (22).

(20) *ja sa len opýtam; a ja by som sa opýtala pána docenta; ja sa opýtam, páni; ja sa však opýtam; ja sa ešte opýtam.*

(21) *Ja sa pýtam ešte raz. Je toto Disneyland? A je toto Disneyland? To sa nedá porovnávať. Prepáčte, ja som ja som. On ma on sa ma opýtal pán, takže ja odpoviem.*

(22) *...viete, to je bohužiaľ, viete ja sa pýtam, ako je možné, že schválili vedľa tú vežu auparkovú. Ja sa vás pýtam!*

Záver. Pomocou kolokačnej metódy sme zisťovali súvýskyty zámena *ja*, typického prostriedku autoreferencie, v spontánnom dialógu s rovnocenným statusom hovoriacich, ktorí sa vzájomne poznajú, a v riadenom formálnom dialógu, v ktorom sa komunikační partneri nepoznajú. Po preskúmaní textov Slovenského hovoreného korpusu možno vysloviť tieto závery:

1. Hovoriaci sa zámenom *ja* v dialógu preferenčne prezentuje ako (ne)vlastník informácie.

2. V spontánnom dialógu sa do autoreferencie výrazne premieta rozdiel vo vzdelaní, rozdiel v pohlaví produktorov textu je zanedbateľný. S rastúcim vzdelaním sa zintenzívňuje autoreferencia ako odkaz na kognitívne stavy, myšlienkový proces, epistemické a hodnotiace komentáre, so znižujúcim sa vzdelaním sa explicitná autoreferencia presúva k bazálnym prejavom človeka, akými sú existencia, vlastníctvo, pohybová, rečová a pracovná aktivita.

3. V riadenom oficiálnom dialógu sa do autoreferencie výrazne premieta rozdiel v pohlaví. Explicitná autoreferencia vo výpovediach žien sa skôr spája s atribútmi spoločenskosti, zdvorilosti a afirmatívnosti, mužov sa autoreferencia zámenom *ja* preferenčne uplatňuje vo výpovediach s tendenciou ku kontroverznému postoj.

References

1. Clyne M., Norrby C. & Warren J. (2009), *Language and Human Relations. Styles of Address in Contemporary Language*, Cambridge University Press, 183 p.
2. Gardelle L. & Sorlin S. (eds.) (2015), *The Pragmatics of Personal Pronouns*. Studies in Language Companion. Series 171. John Benjamins Publishing Company, 337 p.
3. Gast V., Deringer L., Haas F. & Rudolf O. (2015), "Impersonal uses of the second person singular: a pragmatic analysis of generalization and empathy effects", *Journal of Pragmatics* 88, pp. 148–162.
4. Gołabek R. (2015), "In-between language, society and culture: *Tu-vous* distinction, naming and address terms", *Journal of Language and Cultural Education* No 3, pp. 281–302.
5. Helmbrecht J. (2015), "A typology of non-prototypical uses of personal pronouns: synchrony and diachrony", *Journal of Pragmatics*, No 88, pp. 176–189.
6. Jespersen O. (1922), *Language; its Nature, Development and Origin*, London, pp. 123–137.
7. Jungbluth K. & Da Milano F. (eds.) (2015), *Manual of Deixis in Romance Languages*, De Gruyter, 773 p.
8. Levinson S. C. (1983), *Pragmatics*, Cambridge, 420 p.
9. Luchkina T. (2015), "Social deixis in motion: the case of 'COMRADE' in Russian and Mandarin Chinese". In: Terkourafi M. (ed.), *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness*. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins (AILA Applied Linguistics Series; 14), pp. 71–89.
10. Norrby C., Wide C., Nilsson J. & Lindström J. (2015), "Address and interpersonal relationships in Finland-Swedish and Sweden-Swedish service encounters". In: Norrby, Catrin / Wide, Camilla (eds.), *Address Practice as Social Action: European Perspectives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 75–96.
11. Rychlý P. (2008), "A lexicographer-friendly association score", *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing*, RASLAN, pp. 6–9.
12. Schütz A. & Luckmann T. (1973), *The Structures of the Life-World*, Evanston, 335 p.

Надійшла до редколегії 19.01.2017

УДК 811.161.1

Л. А. Ким

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ С АТРИБУТИВНЫМИ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ

Рассмотрены составные термины с неизменяемыми определителями, примыкающими к основному компоненту и представляющие собой в функциональном плане условное название, а в структурном – предложно-именную группу. Установлены семантические особенности таких определителей, дана их структурная характеристика; прослежена формальная адаптация терминов с такими атрибутами в терминсистемах русского языка.

Ключевые слова: составной термин, атрибутивный предложно-именный компонент-название, терминология экономики, права и информатики.

Kim L. A. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. СКЛАДЕНІ ТЕРМІНИ З АТРИБУТИВНИМИ ПРИЙМЕНИКОВО-ІМЕННИКОВИМИ КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАМИ

Розглянуто складені терміни з незмінними визначниками, що прилягають до основного компоненту і є у функціональному плані умовними назвами, а в структурному – прийменниково-іменниковими групами. Встановлено семантичні особливості таких визначників, надано їх структурну характеристику; досліджено формальну адаптацію термінів із такими атрибутами у терміносистемах російської мови.

Ключові слова: складений термін, атрибутивний прийменниково-іменниковий компонент-назва, термінологія економіки, права та інформатики.

Kim L. A. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. COMPOUND TERMS WITH ATTRIBUTIVE PREPOSITIONAL-NOMINAL COMPONENTS-NAMES

The aim of the article is to regard compound terms with non-changeable definers which are connected to the main component and represents from the functional point of view the so-called name, whereas from the structural point of view- conjunctive noun group.

The targets of the research: 1) to describe structural types of terms with the so-called names; 2) to identify semantic peculiarities of the so-called names and 3) to trace the formal adaptation of terms with analyzed types of components in term-systems of the Russian language.

The results of the research: 1) terms with components – the so-called names expressed with the help of noun complexes dominate in economic termsphere, sometimes they function in IT termsphere; 2) from the structural point of view – the so-called names are the conjunctive noun phrases formed with the help of different models; seldom-sentences. There are some special types i.e. conjunctive noun groups with word-forms such as, like; 3) from the semantic point of view the described nominations name the types of affairs, bargains and operations, etc. that regulate the relations among the participants; characterize the conditions and situations in financial sector or stock exchange, etc.; 4) many components-the so-called names are the word-to-word neologisms, the novelty and undeveloped idea of which are marked by the authors of special dictionaries with the help of inverted commas; 5) the main part of analyzed components according to their nominative status is referred to pre-terms where the final part can be defined by the time.

Key words: compound term, attributive prepositional-nominal component-name, terminology of economics, law and IT.

Одной из особенностей развития системы номинативных средств, используемых в различных терминосистемах современного русского языка, является наличие в них значительного числа терминокомпонентов, выступающих в функции неизменяемых определителей в составе расчлененных терминов. Терминологические номинации, в состав которых входит неизменяемый зависимый компонент (далее НЗК), всё еще относятся к малоизученным объектам современного терминоведения, несмотря на то, что в отдельных терминосферах их количество исчисляется сотнями единиц [6; 7]. Многие из таких единиц представляют собой инновации, состав которых постоянно расширяется как за счет появления новых наименований, так и за счет появления новых разновидностей таких обозначений. К последним, в частности, относятся и составные термины с неизменяемыми определителями, примыкающими к основному компоненту и представляющие собой в функциональном плане условное название, а в структурном – предложно-именную группу, например: *ссуда типа «пуля», сделка «на сегодня», биржевая сделка по типу «минус кредит»* и др.

Детальное изучение подобных образований и явилось **целью** настоящей работы. В **задачи** исследования входило: 1) описать структурные типы терминов с НЗК-условными названиями; 2) установить семантические особенности НЗК-условных названий и 3) проследить формальную адаптацию терминов с анализируемым типом НЗК в терминосистемах русского языка.

Источником фактического материала для исследования послужили толковые и переводные словари терминов по экономике и праву.

Предварим анализ фактического материала изложением необходимых, на наш взгляд, теоретических положений, так как вопрос о синтаксической природе НЗК-условных названий относится к дискуссионным вопросам русской грамматики.

Традиционно такие определения рассматриваются как особый вид согласования – приложение, характеризуемый параллелизмом падежных значений двух существительных, выступающих в роли определяемого и определяющего [11, с. 57–59; 8, с. 352, 354]. При этом академические грамматики отмечают, что многие приложения-названия «обнаруживают тенденцию к сохранению формы им. пад. во всех случаях падежного изменения определяемого имени» [11, с. 58], что выводит их за рамки слов с согласовательной связью и сближает с примыкающими словами.

Примыкание собственно названий, пишущихся обычно (но необязательно) в кавычках, некоторые авторы называют именным (падежным) примыканием [9, с. 87]. Определяющий компонент в такого рода словосочетаниях остается в форме именительного падежа, независимо от падежной формы определяемого; число определяющего компонента также не зависит от числа определяемого: *метод «лоцман»*, *облигация «медведь»*. Другие же лингвисты безоговорочно называют такую связь примыканием, без выделения каких-либо разновидностей ее: «Примыканием является связь между существительным и несогласованной с ним формой зависимого существительного или группой форм существительных, в целом составляющей зависимый компонент словосочетания: *озеро Байкал* (ср.: *на озере Байкал*) ... *журнал «За рубежом»* (ср.: *о журнале «За рубежом»*)... Форма зависимого существительного в этих словосочетаниях сама по себе не служит для выражения связи, т. е. ведет себя как неизменяемая. Связь выражается специфическим для примыкания способом: контактным постпозитивным расположением примыкающего компонента, вхождением его в одну синтагму с определяемым словом, соотношением значения главного и зависимого компонента словосочетания» [14, с. 645].

Согласно принятой нами концепции, мы будем рассматривать связь определений-названий с опорным термином как падежное (именное) примыкание, при котором к главному слову присоединяется падежная (в нашем случае с предлогом) форма имени с определительным значением. Примыкать могут не только отдельные словоформы, но и разнообразные синтаксические конструкции, характеризующиеся различной семантикой [11, с. 62–69]. «При именном примыкании возобладавшим оказывается не предметное значение примыкающего имени, а атрибутивное (в широком смысле этого слова) значение самой падежной формы или всей предложно-падежной группы, которая выступает в этом случае как потенциальное наречие или потенциальная «прилагательная форма»» [3, с. 516].

Объектом нашего изучения, как уже было отмечено выше, являются термины с атрибутивными предложно-именными компонентами-названиями.

С точки зрения структуры среди примыкающих определителей-названий, представляющих собой падежные формы с предлогами, можно выделить несколько разновидностей, различающихся общим значением НЗК.

На условия проведения финансово-экономических операций, заключения договоров указывают примыкающие формы род. пад. с предлогом *без* (*аут-трейд «без фирмы»*, *аут-трейд «без цены»*, *дата «без дивиденда»*; *индоссамент «без оборота на меня»*, *поручение «без потерь»*, *ситуация «без товара»*); предл. пад. с предлогом *при* (*опцион «при своих»*); твор. пад. с предлогом *с* (*опцион «с возвратом»*, *заказ трейдеру «с переключением»*) и др.

По отнесенности во времени и пространстве опорный термин определяется примыкающими формами вин. пад. с предлогом *на* (*сделка «на завтра»*, *сделка*

«на ночь», сделка «на сегодня»); предл. пад. с предлогом **в/во** (арбитраж «в пространстве», арбитраж «во времени», приказ «в начале дня») и **на** (рынок «на обочине», сделка «на расстоянии вытянутой руки»); род. пад. с предлогом **с** (сделка «с пристани», регистрация «с черного хода»).

Качественно характеризующее значение, осложненное указанием на специфический признак, свойство и т. д., передается формами род. пад. с предлогом **против** (гарантия «против течения» – гарантия дочерней компании по обязательствам материнской» [2]); вин. пад. с предлогом **на** (биржевая сделка «на разнице»); твор. пад. с предлогом **с** (ценные бумаги «с золотым обрезом», облигация «с подстраховкой», облигация «с подушкой»); предл. пад. с предлогом **на** (покупка «на шнурке», покупка «на марже», регистрация «на полке»).

Большинство предложно-именных НЗК-названий представляют собой кальки-неологизмы, неосвоенность и новизна которых маркируется составителями специальных словарей с помощью кавычек, например: **сделка «на ночь»** (англ. *overnight*) – ‘сделка со сроком действия с текущего торгового или банковского дня до следующего’ [13]; **облигация «с подстраховкой»** (англ. *cushion bond*) ‘облигация с высокой купонной ставкой, реализуемая по цене, превышающей ее отзвучившую цену или цену погашения’ [Там же] и др.

Во многих случаях калькируется НЗК-метафора: **покупка «на шнурке»** (англ. *buying on shoestring*) – ‘покупка ценных бумаг с минимальным доходом (сделка не приносит прибыли)’ [Там же]; **рынок «на обочине»** (англ. *curb market*) – ‘торговля ценными бумагами вне фондовой биржи’ [Там же]; **облигация «с подушкой»** ‘облигация с купоном выше текущих рыночных ставок и продаваемых с премией’ [2]; **сделка «на расстоянии вытянутой руки»** – ‘сделка, проводимая так, как будто между сторонами нет никаких связей во избежание конфликта интересов’ [Там же]; **регистрация «с черного хода»** – ‘нетрадиционный способ проникновения в списки членов фондовой биржи компании, не отвечающей требованиям листинга. Обычно происходит путем поглощения сильным аутсайдером меньшей по размеру, но зарегистрированной компании с последующей регистрацией под своим именем’ [10] и др.

В сфере биржевых отношений с помощью номинаций анализируемого типа, как правило, регулируются отношения между участниками сделок, клиентом (заказчиком) и исполнителем, ср.: **приказ брокеру «без финансовой ответственности»** – ‘приказ, который не налагает финансовой ответственности на исполнителя за его персональное решение о цене сделки или времени ее исполнения’ [2] и др.; характеризуются ситуации, возникшие на рынках ценных бумаг в результате деятельности агентов и контрагентов сделок, например: **предложение «при условии»** – ‘предложение, которое не является твердым обязательством и предназначено для информации или для того, чтобы вызвать контрпредложение со стороны покупателя’ [Там же]; **ситуация «без товара»** ‘ситуация, при которой участники сделки пытаются купить и продать разные товары’ [13]; **условие «без залога»** – ‘письменное обязательство должника перед своим кредитором не прибегать к другому залоговому кредиту относительно активов своей фирмы’ [Там же] и др.

С точки зрения структурной и семантической характеристик особое место в кругу рассматриваемых единиц занимают НЗК, в состав которых входит словоформа род. падежа информативно недостаточного слова *тип*, например: **ссуда типа «пуля»** (‘кредит, который погашается по истечении срока единым платежом’ [2]), **судно типа «ро-ро»**, **обслуживание судами типа «ро-ро»**, **счет типа «С»** и др.; а также НЗК-названия, которые в форме им. падежа примыкают к информативно недостаточным лексемам *тип* и *принцип*, в свою очередь примыкающим к опорному компоненту составного термина в форме дат. пад. с предлогом

по: сделка по типу «арбитраж дисконтный», сделка по типу «арбитраж конверсионный», сделка по типу «базисный арбитраж с опционом на покупку» и др., ценообразование по принципу «издержки плюс наценка», ценообразование по принципу «средние издержки плюс прибыль» и др. Примечательно, что функция компонентов по типу / по принципу в таких номинациях в целом аналогична функции компонента типа, однако сам НЗК никогда не бывает однословным и представляет собой словосочетания разной структуры, а иногда и предложение, ср.: сделка по принципу «всё или ничего».

Специфика рассматриваемых НЗК заключается в том, что существительное в их составе примыкает к словоформам *типа / по типу* в именительном падеже, что не позволяет рассматривать отмеченные лексемы в качестве предлогов, управляющих родительным или дательным падежами (ср.: *ткань типа ситца, гостиница типа пансионата, устройство по типу самоката*). В таких НЗК слово *тип* сохраняет свое лексическое значение «форма, вид чего-н., обладающие определенными признаками» [12, т. 4] и выполняет классифицирующую функцию, формируя компонент-название, обозначающий видовой признак.

В ряде случаев рассматриваемые НЗК можно расценивать как переходные единицы, появляющиеся в процессе освоения заимствования, входящего в их состав иногда в графической форме языка-источника: *сделка типа «today», сделка типа «tomorrow», операции типа «инжиниринг»* [2] и др. По мере интеграции заимствований в принимающую терминосистему словари фиксируют их формально освоенные или полуосвоенные интерпретации. Ср.: *сделка «на сегодня»* [10; 13], *сделка «на завтра»* [10; 13], *инжиниринг* [13].

О переходном, недоосвоенном характере таких единиц свидетельствует и субституция одного и того же термина, порождаемая его функционированием в тексте, ср.: «С определенной долей условности к коустерам можно причислить и *суда типа река – море*. Хотя грузоподъемность *судов река – море* больше, их с коустерами объединяет совпадающая сфера деятельности – *судам типа река – море* не разрешено удаляться от берегов...» [2, с. 410].

Можно предположить, что словоформы *типа / по типу* в составе рассматриваемых НЗК-названий осознаются как информативно излишние, не несущие концептуально важной смысловой информации. Этим объясняется появление вариантов НЗК в составе анализируемых терминов, ср.: *заем «воздушный шар»* [10; 13] и *ссуда типа «воздушный шар»* [2]; *судно типа «река – море»* [Там же] и *судно смешанного плавания «река – море»* [5]; *сделка по принципу «всё или ничего»* [1] и *поручение брокеру «всё или часть», приказ брокеру «всё или ничего»* [2] и др., а также вариантность структурных типов одного и того же термина, возникающая вследствие различной интерпретации его в разных словарях: *трудовое соглашение типа «золотой парашют»* [1] и «*золотые парашюты*» («способ защиты от попытки поглощения корпорации: поглощаемая корпорация заключает со своими менеджерами соглашения, по которым при увольнении им должны выплачиваться крупные суммы» [2, с. 657]).

Следует отметить, что многие из рассмотренных выше номинаций, в том числе и с НЗК со словоформами *типа / по типу*, с точки зрения их терминологического статуса представляют собой предтермины – «специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину» [4, с. 44]. От терминов предтермины отличает «временный характер, неустойчивость формы, невыполнение требований общепринятости, зачастую и отсутствие нейтральности» [Там же, с. 45]. О предтерминологическом статусе проанализированных номинаций может свидетельствовать и их лексикографическая интерпрета-

ция. Помимо отмеченного выше, следует обратить внимание и на то, что некоторые терминологические единицы, включающие словоформу *типа*, подаются в словаре с указанием в скобках синонимичного обозначения, ср.: *счет типа «Ф» (счет физического лица)*, *счет типа «Н» (неконвертируемый счет)* [2] и др. Словарная статья таких терминов может фиксировать степень их устарелости, например: **Счет типа «И» (инвестиционный)** – рублевый банковский счет, который открывается нерезидентами для ведения на территории РФ инвестиционной деятельности. ... Отменен в 2001 г. [Там же]; **Счет типа «Т» (текущий)** – рублевый банковский счет, который открывается нерезидентами для обслуживания экспортно-импортных операций... Отменен в 2001 г. [Там же]. Думается, что со временем в употреблении останутся лишь синонимические обозначения обсуждаемых номинаций.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**: 1) термины с НЗК-условными названиями, выраженными предложно-именными комплексами, преобладают в терминосфере экономики, реже они фиксируются в терминосистеме информатики; 2) с точки зрения структуры НЗК-условные названия представляют собой словосочетания, образованные по моделям «без, с, против + род. пад.», «в, на, при + предл. пад.», «с + тв. пад.», «на + вин. пад.». В редких случаях НЗК могут быть оформлены как предложение. К особой разновидности НЗК-названий относятся компоненты, представляющие собой предложно-именные группы со словоформами *типа*, *по типу*; 3) в семантическом плане рассмотренные номинации называют типы сделок, операций и т. д., регулирующих отношения между их участниками; характеризуют условия и ситуации в финансовой сфере, на бирже и др.; 4) многие НЗК-условные названия являются кальками-неологизмами, неосвоенность и новизна которых маркируется составителями специальных словарей с помощью кавычек; 5) значительная часть проанализированных номинаций по своему номинативному статусу относится к предтерминам, окончательную судьбу которых определит время.

Перспектива исследования составных терминов с атрибутивными предложно-именными компонентами-названиями видится нам в обращении к вопросу о когнитивной природе подобных образований и выяснении факторов, влияющих на их рост в современных терминосистемах.

Библиографические ссылки

1. **Беляк Т. А.** Русско-английский полезный словарь терминов / Т. А. Беляк. – М. : Р. Валент, 2002. – 352 с.
2. **Большой экономический словарь** / под ред. А. И. Азриляна. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
3. **Грамматика современного русского литературного языка**. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
4. **Гринев-Гриневиц С. В.** Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
5. **Жданова И. Ф.** Русско-английский экономический словарь. – М. : Р. Валент, 2000. – 523 с.
6. **Ким Л. А.** Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : моногр. / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 147 с.
7. **Кім Л. А.** Терміни з незмінюваним залежним компонентом у системі засобів спеціальної номінації : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Л. А. Кім. – Дніпропетровськ, 2006. – 18 с.
8. **Краткая русская грамматика** / под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – М., 1989. – 682 с.

9. **Молошная Т. Н.** Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках / Т. Н. Молошная // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. – М., 1973. – С. 87–105.
10. **Райзберг Б. А.** Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М, 2000. – 480 с.
11. **Русская грамматика** : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
12. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Рус. язык, 1981–1984.
13. **Словарь современных экономических и правовых терминов** / под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. – Мн. : Амалфея, 2002. – 816 с.
14. **Современный русский язык** / под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2003. – 928 с.

Reference

1. Belyak, T. A. (2002), *Russian-English useful dictionary of terms [Russko-anglijskij poleznyj slovar' terminov]* R. Valent, Moscow, 352 p.
2. *Big economic dictionary*, (2002), ed. By Azriliyan, A. I., 5 edition, corrected and added [Bol'shoj jekonomicheskij slovar'], Institute of new economy, Moscow, 1280 p.
3. *Grammar of modern Russian literary language* (1970). [Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka], Science, Moscow, 767 p.
4. Grinev-Grinevich, S. V. (2008), *Terminology [Terminovedenie]*, Academy, Moscow, 304 p.
5. Zhdanova, I. F. (2000), *Russian-English dictionary of economics [Russko-anglijskij jekonomicheskij slovar']*, R.Valent, Moscow, 523 p.
6. Kim, L. A., Prystaiko, T. S. (2008), *The features of analyses in term-spheres of the Russian language [Cherty analitizma v terminosistemah russkogo jazyka: monografija]*, Porogy, Dnipropetrovsk, 147 p.
7. Kim, L. A. (2006) *Terms with non-changeable dependent component in the system for special nomination: Author's thesis [Termini z nezminjuvanim zalezhnim komponentom u sistemi zasobiv special'noi nominacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Dnipropetrovsk, 18 p.
8. *Brief russiann grammar under the ed. Shvedova N. U. and Lopatina V. V.* (1989) [Kratkaja russkaja grammatika], Moscow, 682 p.
9. Moloshnaya, T. N. (1973) "Two-component substantive formations of appositive type in Slavic languages" *Structural-typical researches in the sphere of grammar of Slavic languages* ["Dvuhkomponentnye substantivnye obrazovanija appozitivnogo tipa v slavjanskijh jazykah"] Science, Moscow, p. 87–105.
10. Raizberg, B. A., Lozovskiy, Sh., Starodubtseva, E. B. (2000), *Modern economic dictionary [Sovremennij jekonomicheskij slovar']*, Infrac-M, Moscow, 480 p.
11. *Russian Grammar: in 2 volumes* (1980), chief editor N. U. Shvedova [Russkaja grammatika: v 2-h t.], Science, Moscow, 784 p.
12. *Dictionary of the Russian language: 4 volumes* (1981–1984), under the ed. A. P. Evgeneva, 2nd ed. [Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.], Russian Lang., Moscow.
13. *Dictionary of modern economic and law terms* (2002) under the ed. V. N. Shimova and V. S. Kamenkova. [Slovar' sovremennyh jekonomicheskijh i pravovyh terminov], Almalpheya, Minsk, 816 p.
14. *Modern Russian language* (2003) under the ed. V. A. Beloshapkova, 3rd edition, corrected and added. [Sovremennij russkij jazyk], Azbukovnik, Moscow, 928 p.

Надійшла до редколегії 05.01.2017

І. С. Кіркowska

*Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара***ЛІНГВО-ФІЛОСОФСЬКІ ТА КУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ
ВИВЧЕННЯ КАТЕГОРІЇ ЧАСУ (на матеріалі французької мови)**

Розглянуто питання реалізації категорії часу мовними засобами в сучасній французькій мові та окреслено перспективи її дослідження в контексті взаємодії лінгво-філософського та культурологічного підходів. Подано огляд основних етапів та напрямків в історії формування уявлень про час в лінгвістиці, філософії та культурології. Досліджено лінгвістичні концепції часу на матеріалі французької мови.

Ключові слова: категорія часу, циклічна/лінійна модель часу, субстанціональна концепція, реляційна концепція, граматичні категорії дієслова, психосистематика, хроногенез.

Кирковская И. С. Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара. **ЛИНГВО-ФИЛОСОФСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ (на материале французского языка)**

Рассмотрены вопросы реализации категории времени языковыми средствами в современном французском языке. Очерчены перспективы исследования данной категории в контексте взаимодействия лингво-философского и культурологического подходов. Представлен обзор основных этапов и направлений в истории формирования представлений о времени в лингвистике, философии и культурологии. Предложено изучение лингвистической концепции времени на материале французского языка.

Ключевые слова: категория времени, циклическая/линейная модель времени, субстанциональная концепция, реляционная концепция, грамматические категории глагола, психосистематика, хроногенез.

Kirkovska I. S. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **LINGUISTIC, PHILOSOPHICAL AND CULTURAL PURPOSES OF STUDYING THE CATEGORY OF TENSE (the case study of French)**

An interdisciplinary approach has become one of the main requirements to get the veridical results of the research in modern linguistics. There is an obvious leveling of the borders between particular spheres of science. Thus, the integral approach has been used instead of narrow-focused approaches. It connects and adds to different scientific paradigms. The article aims to investigate the peculiarities of the category of tense based on the French language. The target was reached with the help of the following tasks: to study the main stages of the evolution of the category of tense in the philosophical and cultural aspects; to find out the main characteristics of the category of tense in linguistics; to explore the main approaches of studying the category of tense within the theory of psychosystematics in modern French.

The category of tense in French is common for the indicative system, and is a core of the functional-semantic field of temporality that can be presented with the help of opposition of *passé simple* (*imparfait*)/ *présent/futur simple* (*futur dans le passé*). According to the chronogenetic conception by Guillaume G., the action develops in the time, which he presents in a form of axis of chronogenesis.

Key words: category of tense, cyclic/lineal model of tense, substantial conception, relational conception, grammatical categories of the verb, psychosystematics, chronogenesis.

Актуальність дослідження пояснюється інтегративними тенденціями розвитку мовознавства і спрямованістю сучасної лінгвістики на впровадження новітніх підходів до вивчення різних мовних явищ, у тому числі тих, які стосуються форм дієслова. Крім того, вважається, що у сучасній мовознавчій науці інтердисциплінарний підхід стає однією з необхідних вимог для здобуття достовірних результатів дослідження. Наразі відбувається нівелювання кордонів між окремими науками, і на зміну вузькопрофесійним поглядам приходить інтегральний підхід, що пов'язує і взаємно доповнює різні наукові парадигми.

Мета представленої статті полягає у вивченні специфіки категорії часу на матеріалі сучасної французької мови.

Поставлена мета передбачає розв'язання таких **завдань**: 1) розглянути основні етапи еволюції категорії часу у філософському та культурологічному аспектах; 2) дослідити основні характеристики категорії часу в лінгвістиці; 3) з'ясувати основні підходи до вивчення категорії часу в позиційній лінгвістиці Г. Гійома на матеріалі французької мови.

Об'єктом дослідження є категорія часу, а **предметом** – філософські, культурологічні та лінгвістичні засади вивчення категорії часу на матеріалі французької мови.

Постановка проблеми та аналіз останніх досліджень

Поняття часу у східноєвропейській культурній традиції. Сприйняття чи відображення часу соціумом має якісний та кількісний аспекти. Перший – більш характерний для найдавніших суспільних утворень, другий – для більш сучасних: раціональній гомогенності часу протиставляється його архаїчна гетерогенність. З цієї точки зору виділяються дві базові моделі часу – циклічна та лінійна. Архаїчні суспільства мали антиісторичну свідомість: колективна пам'ять поступово перетворювалася на міф. Протягом варварської епохи не існувало чіткої різниці між минулим та майбутнім, час сприймався як циклічне явище [16, с. 96]. У найдавніших соціумах засобом упорядкування часу був ритуал. Ритуал повністю співвідноситься з циклічним часом, повертаючи його кожного разу на вихідну позицію. Ритуал спрямований на збереження стабільності. Стабільність є характеристикою циклічного часу. Циклічна модель часу обмежує часову перспективу, їй не властиві поняття історії та прогресу. В ній послаблено «відчуття нового», але підсилено «відчуття тотожності». Дії людини підпорядковані зміні циклів та природним потребам, що ритмічно відновлюються [14, с. 65].

Перехід від язичництва до християнства супроводжувався істотною перебудовою всієї структури уявлень про час у середньовічній Європі. Для нової (історичної) людини більш характерне сприйняття часу як лінійного. Такий час є здебільшого кількісним. Відповідно його можна виміряти. З винаходом механічного годинника у XIII ст. час остаточно стає лінійним: від минулого до майбутнього через теперішнє. З культурологічної точки зору особливо важливим є те, що лінійно-трифазове розуміння часу екстраполювалося з індивідуального буття на буття народів, а потім усього людства. Це є важливим для виникнення історичного мислення та об'єктивно-наукового осмислення майбутнього [Там само, с. 65].

Категорія часу у філософії. В європейській філософській традиції склалося два основних напрямки в розумінні часу, які стверджують його об'єктивність та суб'єктивність, субстанціональність та реляційність, абсолютність та відносність. Вони походять від субстанціональної концепції Платона та реляційної концепції Аристотеля [2, с. 13]. Субстанціональна концепція Платона полягає у розумінні часу як самостійної сутності (субстанції), рухомого образу вічності, який підпорядковується правильній чисельній послідовності та такої, яка виявляє себе у русі небесних тіл. Суть реляційної концепції часу Аристотеля полягає у розумінні часу як числа (виміру) руху, як системи відносин між об'єктами, що взаємодіють. Так, час не є рухом, а є таким по мірі того, як рух має одиницю виміру та передається певним числом [Там само, с. 378–379]. О. В. Шарипов зазначає, що час у розумінні Аристотеля є відносним, він розглядається як сутність, яка упорядковує враження індивідуальної свідомості й існує лише у свідомості і завдяки свідомості [21, с. 5–10].

Так склалися два основні підходи до визначення часу у філософії: абсолютний та релятивний. У межах абсолютної теорії час розглядали як своєрідний контейнер, всередині якого існує універсум та відбуваються зміни, а існування та

властивості часу є незалежними від фізичного універсуму. Згідно з релятивістською теорією, час – це зміни у фізичному універсумі, при цьому простір та час розуміли не як самостійні сутності, а як системи відношень, які утворюють матеріальні об'єкти при взаємодії, які не існують поза цією системою взаємодій. Згідно з цією концепцією, простір та час виступають як загальні форми координації матеріальних об'єктів та їх станів [14, с. 66].

На розвиток уяви про час у природознавстві вплинула концепція І. Ньютона та А. Ейнштейна, а у філософії такий різкий оберт пов'язаний з ідеями І. Канта, який кардинально змінив погляд на зв'язок, який існує між часом та свідомістю: він розглядав свідомість у контексті часу, а функції часу в структурі пізнавальної здатності [10, с. 4]. І. Кант визначив час як засіб діяльності трансцендентальної свідомості, який перебуває в послідовному визначенні предмету: «Час ми можемо розуміти не інакше, як звертаючи увагу виключно на дію всебічного синтезу, за допомогою якого ми послідовно визначаємо внутрішнє відчуття, і, тим самим, маємо на увазі послідовність цього визначення» [8, с. 206]. Погляди І. Канта були покладені в основу філософської традиції вивчення часу у зв'язку зі свідомістю (пам'яттю, духом), які отримали свій розвиток у роботах Е. Гуссерля, А. Бергсона, М. Хайдеггера [7; 20] та інших.

Лінгвістичний час. Граматичні категорії дієслова протягом тривалого періоду розвитку мови зазнали великих змін. На початковому етапі розвитку мови вони значно відрізнялися від сучасних граматичних категорій. Вагомий внесок у розробку питань, пов'язаних із проблемою еволюції дієслівних категорій у французькій мові, зробили такі мовознавці, як Ш. Брюно, Ф. Брюно, Е. Літре. Серед російських учених слід підкреслити праці Л. М. Скредіної, Н. А. Катагощиної, В. Ф. Гака, К. А. Аллендорф, Н. А. Шигаревської, М. А. Бородиної. Окремі аспекти цієї проблеми висвітлюються в працях Р. К. Кулієва, Є. А. Реферовської, Н. П. Хохлової, С. Х. Серебрякової. Мовний час у сучасному мовознавстві трактується двояко: як час буття мови або як зміна мовної системи у часі, де мова – це особлива форма матерії, яка знаходиться у постійному русі (розвитку). Таке розуміння мовного часу як способу вираження часових понять у мові походить від Ф. де Соссюра, який на кожному рівні мови виділяв одиниці, які мають часове значення: на морфологічному рівні такими одиницями є певні граматичні форми, на лексичному – лексичні одиниці з часовим значенням, на рівні речення – синтаксичні конструкції.

На рівні лексико-семантичної системи вплив чинника лінгвістичного часу виявляється у змінах, пов'язаних із прогресивним, регресивним, циклічним або хвилювим рухом певних мовних феноменів. За такої інтерпретації, лінгвістичний час є однією з форм реального часу – час буття мови як реального об'єкта [14, с. 67].

Лінгвістичний час, який пронизує майже всі рівні мовної системи, в лінгвістиці позначають загальним терміном «темпоральність». Темпоральність – це об'єктивно-суб'єктивна категорія, яка, з одного боку, співвідноситься з об'єктивним (реальним) часом, а з іншого – з відображенням часових характеристик і відношень дійсності у свідомості людей, тобто концептуальним і перцептивним часом. Дослідженню часу в лінгвістиці присвячено багато робіт науковців як з близького (О. І. Смирницький, Л. С. Бархударов, Н. А. Слюсарєва, Г. А. Воронцова та ін.), так і далекого (R. Quirk, J. Lyons, J. Leech, Ch. Fries, F. Palmer, O. Jespersen та ін.) зарубіжжя.

Особливого значення для вивчення категорії темпоральності набуває теорія функціонально-семантичних полів О. В. Бондарко. В межах цієї теорії, поряд із модальністю, аспектуальністю, часовою локалізованістю, розглядається функціонально-семантична категорія темпоральності, яка, в свою чергу, охоплює різноманітні

засоби вираження часових відношень. За визначенням О. В. Бондарко, «темпоральність – це функціонально-семантична категорія, яка виражає сутність фізичного та філософського аспектів часу, яка реалізується різними мовними засобами вираження часу: сукупністю граматичних, лексичних та комбінованих засобів, де ядром темпоральності є граматичний час» [4, с. 19]. За О. В. Бондарко, темпоральність – це єдина функціонально-семантична структура, яка включає в себе, поряд із граматичними формами категорії часу та синтаксичними структурами, багаточисельні комбінації лексичних об'єднань [11, с. 2].

В історії мовознавства лінгвістичний час нерідко ототожнюється з граматичною категорією часу дієслова. Однак така вербоцентрична теорія була неоднозначно сприйнята лінгвістичною думкою XX сторіччя: «Категорія присудка, хоча і не співпадає з категорією дієслова, є дуже тісно пов'язаною з нею». Підкреслюючи синтаксичний характер проблеми, О. О. Шахматов відзначає, що категорія часу поєднується, перш за усе, з уявленням про предикат. Розвиваючи ці положення, В. В. Виноградов створив свою концепцію речення, згідно з якою одним із компонентів предикативності, поряд із модальністю і синтаксичною особою, є синтаксичний час. Як відзначила Г. О. Золотова, категорію часу не можна звести до парадигмального протиставлення морфологічних форм дієслова. Те, що синтаксична категорія часу ширша морфологічної категорії дієслівного часу, підтверджується великою складністю та багатоманітністю синтаксичних часових значень, а також можливістю виражати часове значення конструктивно-синтаксичним. Таким чином, категорія часу дієслова та синтаксичний час – це не рівнозначні поняття, оскільки час речення-висловлювання містить не тільки морфологічні, але й лексичні, синтаксичні та контекстуальні засоби вираження [14, с. 64].

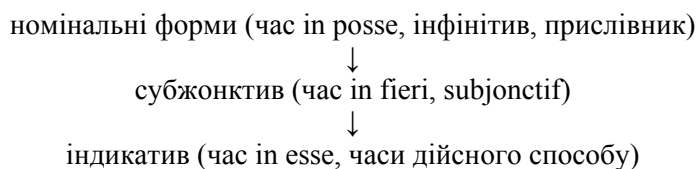
Основний виклад матеріалу

Багато лінгвістів, серед яких Г. Гійом, П. Імбс, Ж. Фуке, Є. А. Реферовська, Л. П. Піцкова та інші, вважають, що граматичний час представлений трьома термінами: теперішнє (*présent*), минуле (*imparfait*, *passé simple* / *passé composé*, *plus-que-parfait*) та майбутнє (*futur simple*) [5; 22]. Згідно з хроногенетичною концепцією Г. Гійома, дія розвивається у часі, який сам автор представляє за допомогою вісі – хроногенезиса. Форми індикативу знаходяться в кінцевій точці хроногенезиса та позначають реальну дію. Форма *présent* відображає реальний час, який містить частку часу, що вже наступив, часу, який йде, що представлений хронотопом зі значенням декаденції, та частку часу, що ще не наступив, який приходить, тобто хронотопа зі значенням інциденції. В плані минулого та майбутнього значення інциденції та декаденції виражені різними формами. *Futur* и *passé simple* є інцидентними формами, а *imparfait* и *conditionnel* – декадентними. Г. Гійом виділяє чотири семантичні поля, які обумовлюють вибір способу дієслова. Це поля можливості, передбачуваності, впевненості, реальності. Перше поле вимагає вживання бажального способу, а останні три – індикатива [17, с. 170].

Дуже важливу функцію в теорії Г. Гійома несе на собі розмежування між психосистематикою мови та психомеханікою мови. Таке розрізнення ілюструє ставлення Г. Гійома до проблеми співвіднесеності мови та мислення. Г. Гійом відходить від традиційної постановки питання – чи є тотожними мова та мовлення, і якщо ні, то де і як вони перетинаються? Г. Гійом вдається до зовсім іншої постановки питання – він розрізняє власне мислення і можливість мисленнєвого самоконтролю. За Г. Гійомом, мова – це механізм мислення для перехоплення своєї власної діяльності. Тому те, що ми відкриваємо, досліджуючи мову, – це і є «механізми перехоплення», перехоплення мисленням самого себе. Психосистематика досліджує не відношення між мовою та мисленням, а певні готові механізми, якими володіє мислення для перехоплення самого себе. І якщо мова представляє

собою систему засобів, які «породжуються» мисленням для миттєвого перехоплення своєї власної діяльності, то вивчення мови опосередковано призводить нас до пізнання мислення вербального. «Механічний», за Г. Гійомом, означає, що мовленнєва діяльність у своїй основі має психічні процеси, які реально протікають [5; 15]. Реальне, видиме буття, мова знаходить тільки в мовленні. Саме в мовленнєвих актах інтегруються властивості мови та мовлення. Інтеграція мови і мовлення бере свій початок у провєрбальний період, основою якого є діалектичне співвідношення мова/мислення [9, с. 9]. На думку Л. М. Скредіної, лінгвістика Г. Гійома протиставляється усім відомим теоретичним концепціям насамперед особливістю підходу до одиниць мови як таким, що володють позиційною (системною) характеристикою [15, с. 27]. Г. Гійом не заперечує необхідність спостереження за формами та їх вживанням, але і не перебільшує важливості емпіричних даних.

Система дієслівних форм, за Г. Гійомом, становить собою поетапний розвиток «образу часу» в лінгвістичній свідомості мовця від найбільш загального до розчленованого. Різні етапи формування уявлення про час відповідають часу «в потенції», «у становленні» та «в бутті» (*in posse*, *in fieri*, *in esse*). Ці етапи по-різному характеризують час, у який вміщується дія. У системі мови процес формування уявлення про час можна графічно зобразити так [5, с. 77]:

На кінцевому етапі (*temps in esse*) «образ часу» досягає повного розвитку і відбувається розділ на три епохи – три часових плани: минуле, теперішнє, майбутнє. На думку Г. Гійома, мовець усвідомлює, що теперішній час конструюється часткою, яка щойно відбулась, і часткою, яка ось-ось відбудеться. Г. Гійом називає хронотипом ω частку, яка поринула в минуле, а хронотипом α частку, яку принесе із собою майбутнє. Співіснування цих двох хронотипів є необхідною і достатньою умовою для того, щоб відділити теперішнє від минулого і від майбутнього одночасно. У ході такого «розподілу» виокремлюється форма презенса. Саме цей факт приводить Г. Гійома до думки про те, що в мовному відношенні такий стан речей виражається в існуванні єдиної часової форми для цього часового плану, теперішній час дає дві часові граматичні форми: теперішній недоконаний (*Présent de l'inaccompli*) і теперішній доконаний (*Présent de l'accompli*), який, як Г. Гійом сам вважав, він назвав не надто вдало – *Passé composé* [9, с. 15].

Поняття часу тісно пов'язане з поняттям дії. Для ілюстрації механізму протікання часу Г. Гійом запроваджує такі поняття, як *інциденція* (час, який наближається) та *декаденція* (час, який минає). Інциденція – це значущий момент, що фіксується мовою, який передає момент перетину двох понять дії та часу в дієслові [12, с. 18]. У дієслівних формах під інциденцією розуміють момент перетину дії з плином часу і розчленування часу на відрізки: дія, яка попадає на потік часу, розсікає його формою теперішнього на відрізок минулого часу і відрізок майбутнього. Сам момент теперішнього, який передається формою презенса, є двоскладовим. Він складається з моменту минулого і моменту майбутнього. Це можна представити такою схемою (рис. 1) [1, с. 76; 5, с. 55–56]:

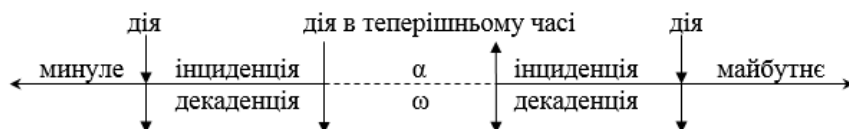

Рис. 1

Форма презенса розсікає лінію часу в точці перетину дії з часом, тобто в точці інциденції, на минуле та майбутнє, причому сама дія, разом із часом, поринає у минуле, спускаючись у царину декаденції. Розділ лінії часу моментом теперішнього на минуле та майбутнє визнається практично усіма лінгвістами і філософами. А ось вплив його вертикального розділу на частини інциденції і декаденції, як правило, не береться до уваги. Саме ця особливість «теперішнього» часу пояснює наявність у французькій мові кількох форм минулого часу та двох форм майбутнього (Futur simple та Futur dans le passé). Вони відображають момент інциденції (момент «зустрічі» дії з часом) і момент декаденції («відхід» дії в минуле). Верхній рівень (інциденція) відповідає моменту перетину дії з часом. У цей момент дія представлена формою Imparfait (претеріт) та Futur simple (футурума простого). Нижній рівень (декаденція) відповідає моменту «відходу» дії в минуле. Така дія представлена і в інциденції, і в декаденції, тобто в процесі розгортання дії і в частковій доконаності форм імперфекту (Imparfait) та футурума гіпотетичного (Futur dans le passé). Схематично це буде виглядати так (рис. 2):

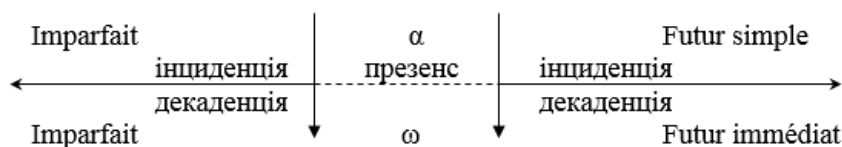

Рис. 2

Так, претеріт (Imparfait) означає процес здійснення дії в минулому в момент інциденції, яка утворює часову рамку дії. Дія не виходить за межі цієї рамки, але може повторюватись, бути тривалою. «Відходу» дії у минуле форма претеріта не означає. Форма імперфекта представляє дію в інциденції плюс декаденції, тобто як таку, що відбувається в минулому і вже частково здійснилась. Оскільки форма гіпотетичного майбутнього при формуванні системи французького дієслова знаходиться на одну сходинку нижче простого категоричного футурума, то декаденцією відносно цієї форми постає гіпотетичний футурум, який виражає некатегоричне твердження. Звідси походять і вживання цієї форми в умовному способі: *s'il travaille, il réussira – s'il travaillait, il réussirait* [1, с. 98; 15, с. 30].

Висновки. 1. У культурологічному плані час виступає як форма ставлення людини до Всесвіту, він є істотним аспектом картини світу: з ним пов'язане світовідчуття епохи, поведінка людей, їх свідомість, ритм життя, ставлення до речей. Для кожної цивілізації характерне власне ставлення до часу. Категорія часу є категорією антропоцентричною, процес формування якої в людській свідомості відбувається поетапно. Поняття часу належить до числа базисних категорій картини світу, мовне вираження яких має почасти універсальний, почасти національно-специфічний характер, властивий даному мовному колективу.

2. Граматична категорія часу властива системі індикативу та базується на протиставленні passé simple (imparfait)/présent/futur simple (futur dans le passé). Так, граматична категорія часу у французькій мові представлена опозицією passé simple (imparfait)/présent/futur simple (futur dans le passé) і ґрунтується на формальних критеріях: -a, -ît, -ût, -ait/нульова флексія, відсутність/наявність г. Граматична

категорія часу є ядром функціонально-семантичного поля темпоральності французької мови, яке може бути представлено опозицією *passé simple* (*imparfait*)/*présent/futur simple* (*futur dans le passé*).

3. Згідно з хроногенічною концепцією Г. Гійома, дія розвивається у часі, цю дію він представляє у вигляді вісі хроногенезу. Теорія психосистематики Г. Гійома вивчає ментальну структуру мови через мовленнєву структуру, яка від неї залежить. Аналізуючи часові форми дієслова, Г. Гійом використовував метод позиційної лінгвістики, який передбачає спостереження над формоутворюючою роботою думки, що формує поняття. Під час актуалізації дієслівних форм відбувається розширення або звуження семантичного обсягу їх систематичного (інваріантного) значення шляхом зупинки думки в необхідній точці, де актуалізатором виступає певний контекст, маркери часу (обставини часу) або сполучники часу, які оточують дані граматичні форми.

Бібліографічні посилання

1. Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания / А. Ю. Агафонов. – Самара: ИД «Бахнах-М», 2007. – 336 с.
2. Аристотель. Метафизика; О Душе: пер. с древнегреч. / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 371–448.
3. Бабушкин А. П. Калейдоскопическая образность концепта «время» / А. П. Бабушкин // Категоризация мира: пространство и время: матер. науч. конф. – М., 1997. – С. 148–150.
4. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб., 1999. – 260 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
7. Дарбанова Н. А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность / Н. А. Дарбанова // Вестник БГУ. – 2010. – № 10. – С. 50–54.
8. Кант И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.
9. Минкин Л. М. Феноменология, эпистемология, психосистематика и психомеханика языка / Л. М. Минкин // Вісник Київ. нац. лінгвіст. ун-ту. Сер.: Філологія. – 2009. – Т. 12. – № 1. – С. 7–24.
10. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В. И. Молчанов. – М.: Высш. шк., 1988. – 144 с.
11. Мордкович Ж. В. К вопросу о природе функционально-семантической категории темпоральности / Ж. В. Мордкович // Материалы VIII Междунар. научно-практ. конф. 22 июля 2015 г.: сб. науч. тр. – Краснодар, 2015. – С. 41–49.
12. Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя / Е. В. Падучева // Изв. Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 2010. – № 3. – С. 16–20.
13. Платон. Сочинения в четырех томах / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 2. – 626 с.
14. Романова А. К. Філософські, культурологічні та лінгвістичні засади вивчення категорії часу / А. К. Романова // Наук. часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Сер. № 9: Сучасні тенденції розвитку мов. – 2006. – Вип. 1. – С. 64–67.
15. Скрелина Л. М. Систематика языка и речевой деятельности / Л. М. Скрелина. – Л., 1980. – 38 с.
16. Словарь средневековой культуры / под. ред. А. Я. Гуревича. – М.: Росспэн, 2003. – 623 с.
17. Торопова Е. Н. Функционально-семантическое поле темпоральности во французском языке / Е. Н. Торопова // Вестник АГТУ. – 2006. – № 5. – С. 168–172.

18. **Філософський енциклопедичний словник** / Шинкарук В. І. та ін. – К. : Абрис, 2002. – 742 с.
19. **Фунтова Ю. С.** Категорія часу у когнітивній лінгвістиці / Ю. С. Фунтова // Вісник Черкаського держ. ун-ту. Сер. : Філол. науки. – 2001. – Вип. 25. – С. 55–59.
20. **Хайдеггер М.** Бытие и время: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003.
21. **Шарыпов О. В.** Философские вопросы научных представлений о пространстве и времени: Введение : учеб. пособие / О. В. Шарыпов. – Новосибирск : Новосиб. госун-т, 2000. – 226 с.
22. **Referovskaia E. A.** Essai de grammaire francaise / E. A. Referovskaia, A. K. Vassilieva. – М. : Высш. шк., 1983. – Р. 258–283.

References

1. Agaphonova, A. Y. (2007), *Cognitive psychomechanics of the consciousness or how the consciousness unconsciously makes decisions about realization* [Kognitivnaja psichomekanika soznaniya ili kak soznaniye neosoznanno prinyimayet resheniya ob osoznanii], Samara, 336 p.
2. Aristotel (1975), *Metaphysics; About the soul* [Metaphizika; O dushe], Moscow, pp. 371–448.
3. Babushkin, A. P. (1997), *Kaleidoscopic imagery of the concept of "time"* [Kalejdoskopicheskaja obraznost' koncepta "vrem'a"], Moscow, pp. 148–150.
4. Bondarko, A. V. (1999), *The basics of the functional grammar. Linguistic interpretation of the idea of time* [Osnovi funktsional'noj grammatiki. Jazykovaja interpretatsiya idei vremeni], St. Petersburg, 260 p.
5. Gijom, G. (1992), *The principles of theoretical linguistics* [Principi teoreticheskoy lingvistiki], Moscow, 224 p.
6. Gurevich, A. J. (1984), *The categories of medieval culture* [Kategorii srednevekovoj kultury], Moscow, 350 p.
7. Darbanova, N. A. (2010), *Time in the linguistic researches: background and modernity* [Vremya v lingvisticheskikh issledovaniyah: predistoriya i sovremennost'], Belgorod, pp. 50–54.
8. Kant, I. (1964), *Writings: in 6 volumes* [Sochineniya v 6 tomah], Moscow, V. 3.
9. Minkin, L. M. (2009), *Phenomenology, epistemology, psychosystematics and psychomechanics of language* [Phenomenologiya, epistemologiya, psichosistematika i psichomekanika jazyka], Kyiv, pp. 7–24.
10. Molchanov, V. I. (1988), *Time and consciousness. The criticism of phenomenistic philosophy* [Vrem'a i soznaniye. Kritika fenomenologicheskoy filosofii], Moscow, 144 p.
11. Mordkovich, J. V. (2015), *The question of the nature of functional and semantic category of temporality* [K voprosu o prirode funktsional'no-semanticheskoy kategorii temporal'nosti], Krasnodar, pp. 41–49.
12. Paducheva, E. V. (2010), *Reflexive symmetry of the past and future: the figure of observer* [Zerkalnaya simetriya proshedshego i budushhego: figura nabludatelya], Moscow, pp. 16–20.
13. Platon (2007), *Writings: in 4 volumes* [Sochineniya v 4 tomah], St. Petersburg, V. 2, 626 p.
14. Romanova, A. K. (2006), *Philosophical, cultural and linguistic peculiarities of the study of the "time" category* [Filosovskie, kulturnye i lingvisticheskie zasady vivcheniya kategorii chasu], Kyiv, pp. 64–67.
15. Skrelin, L. M. (1980), *The system of language and oral activity* [Sistematika jazyka i rechevoj dejatel'nosti], Leningrad, 38 p.
16. *The dictionary of the medieval culture* (2003) [Slovar' srednevekovoj kul'tury], Moscow, 623 p.
17. Toropova, E. N. (2006), *Functional and semantic field of the temporality in French* [Funktsional'no-semanticheskoye pole temporal'nosti vo frantsuzskom jazyke], Astrakhan', 168 p.
18. *Philosophical encyclopaedical dictionary* (2002) [Filosovskiy ensiklopedichnij slovník], Kyiv, 742 p.
19. Funtova, J. S. (2001), *The category of time in cognitive science* [Kategoriya chasu u kognitivnij lingvistiki], Tcherkasi, pp. 55–59.
20. Heidegger, M. (2003), *Existence and time* [Bitiye i vrem'a], Karkov.

21. Sharipov, O. V. (2000), *Philosophical questions of the scientific views on the space and time* [*Philosovskie voprosy nauchnykh predstavlenij o prostranstve i vremeni*], Novosibirsk, 226 p.
22. Referovskaia, E. A. (1983), *Essai de grammaire francaise*, Moscow, pp. 258–283.

Надійшла до редколегії 06.02.2017

УДК 811.161.1'42

В. В. Мальцева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ДИСКУРС ВО ВЛАСТИ СТЕРЕОТИПОВ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА «НОРМА»

В данной статье художественный текст рассмотрен как соединение дискурсивных формаций, порождающее расщепленную, неоднородную картину мира. Исследованы задачи и пути реализации полидискурсивности в романе Владимира Сорокина «Норма». На фактическом материале показаны взаимосвязь обыденного и советского политического дискурсов, мимикрия дискурсов власти и насилия под «норму» и «стереотипность». Выявлено, что деконструкция текста является закономерным и художественно оправданным методом преодоления власти какого-либо дискурса.

Ключевые слова: дискурс, полидискурсивность, советский политический дискурс, обыденный дискурс, постмодернизм.

Мальцева В. В. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. **ДИСКУРС ПІД ВЛАДОЮ СТЕРЕОТИПІВ: ДЕКОНСТРУКЦІЯ МОВИ У РОМАНІ ВОЛОДИМИРА СОРОКІНА «НОРМА»**

У статті художній текст розглянуто як сукупність дискурсивних формаций, що породжує розщеплену та неоднорідну картину світу. Досліджено задачі та шляхи реалізації полідискурсивності у романі Володимира Сорокіна «Норма». На фактичному матеріалі показано взаємовплив буденного та радянського політичного дискурсів, мімікрію дискурсів влади та насилля під «норму» та «стереотипність». Виявлено, що деконструкція тексту є закономірним та художньо виправданим методом здолаття влади будь-якого дискурсу.

Ключові слова: дискурс, полідискурсивність, радянський політичний дискурс, буденний дискурс, постмодернізм.

Maltseva V. V. V. N. Karazin Kharkiv National University. **DISCOURSE UNDER THE POWER OF STEREOTYPES: LANGUAGE DECONSTRUCTION IN SOROKIN'S NOVEL «NORM»**

The study is devoted to the interpretation of the functions, transformations and meaning of the discourse in the postmodern literary fiction. The object of the work is polydiscursivity in Sorokin's novel «Norm». Postmodern study represents a mosaic picture of the world and gives a blend of contexts and discourses: soviet political, criminal, juridical, ordinary and others. The presuppositions of this phenomenon lie in the dissolution of narratives. A participant of a conversation can combine several discourses, change various communicative and social roles, goals, intentions and purposes. Global context plays a fundamental role in the description and explanation of a text. Split postmodern consciousness generates different pictures of the world and different types of the discourse, that's why, involves many aspects of society and culture in the analysis.

Practical part is represented by the analysis of the interrelations between significant discourse fragments, which helps to understand multiplicity and heterogeneity of the chosen text. Vladimir Sorokin in his novel «Norm» shows how ordinary consciousness become a sphere of the stereotypes and violence. Deconstruction of the narrative is the only way to defeat power of discourse.

Key words: discourse, polydiscursivity, soviet political discourse, ordinary discourse, postmodern literature.

Філософія постмодернізму постулює пан'язикову природу людського свідомості і несвідомого, а відповідно, і породжуваною їм культури, науки, соціальних практик і пр. В центрі уваги художника-постмодерніста опиняється слово, буття мови, його функціонування в різних соціальних, історичних і культурних рамках.

Вивчення мови постмодерністських текстів представляється особливо продуктивним з позиції дискурсивного аналізу. **Актуальність** дослідження обумовлена можливістю нового погляду на конституювання художественного тексту. **Об'єктом** даної роботи є багатомірний художественний дискурс, що включає в себе і творчо переосмислює інші види дискурсивних формацій; **предметом** – накладення і взаємодія різних дискурсів (полідискурсивність) в романі Володимира Сорокіна «Норма». Як представляється, на даний момент феномен полідискурсивності сучасної прози досліджено недостатньо. Аналіз роману «Норма» дозволяє прослідкувати за реалізацією полідискурсивності в художественному просторі, виявити «борьбу» дискурсів за владу.

Вслід за В. Е. Чернявської ми розуміємо дискурс як мисльову діяльність, нерозривно пов'язану з культурно-історичним, соціальним, ідеологічним, психологічним контекстами, т. є. екстралінгвістичним компонентом. В дискурсі реалізуються комунікативно-прагматичні і когнітивні установки автора, які направлені на взаємодію з адресатом, що обумовлює особливий порядок вибору і функціонування мовних одиниць в тексті [9, с. 75–78]. Відповідно зміна дискурсивної формації супроводжується зміною прагматичного статусу мовлячого.

Художественна проза, являючись складним, багатоступінчастим конструктом, представляє собою, по думці М. М. Бахтіна, «організоване соціальне розмовлення, іноді різномовність, і індивідуальну різномовність» [2, т. 3, с. 15]. Перекладаючи це визначення на метамову дискурсивного аналізу, приходимо до усвідомлення полідискурсивності художественної форми.

Природа дискурсу представляє собою когнітивний простір, окреслений ментальними (обумовлюючими конвенційний спосіб мислення), методологічними (перешкоджаючими появі альтернативних, конкуруючих, «чужих» ідей), змістовними (групує ті чи інші тексти як тематичні, близькі, «свої», виключаючи інші теми як нерелевантні, «чужі») і лінгвістичними межами (оперуючими конвенційними мовними засобами) [9, с. 80].

При всій декларованій дослідниками однорідності і замкнутості дискурсу (що виключає експліціювання суб'єктів-протидіючих), він не реалізується без Другого. Навіть в авторитарному радянському політичному дискурсі спостерігаються протилежні тенденції: декларована монолітність, єдність, гомогенність співпадають з зовнішніми по відношенню до дискурсу факторами [4, с. 380]. Як представляється, даний феномен реалізується не тільки в високій частотності використання номінативів, що передбачає переклад відповідальності за висловлювання на імпліцитного «Другого» (так званого «двоїтного мови»), але і в існуванні потенційного ворога, носія іншого свідомості / дискурсивної формації. Останнє може виражатися в наступних дискурсивних слідах: капіталізм, імперіалізм, буржуїзм і пр.

Дискурс не існує обособлено: всередині нього постійно присутствує його Друге [Там же, с. 380]. Суб'єкт актуального висловлювання відчуває потребу в цьому «Другому». Щоб говорити про себе, потрібно знайти межі, які, відповідно, і породжують твою самість (ти можеш зрозуміти, хто ти є, знайшовши те, чим

ты не являешься). В свою очередь, наличие «Другого» предполагает возможность иного взгляда на мир, т. е. «Другой» потенциально обладает иным дискурсом, что при столкновении, наложении, контаминации порождает эту многоголосицу.

Культура каждого исторического периода представляется как сумма текстов или дискурсов, эклектический конгломерат смыслов. Зачастую те или иные дискурсивные формации представлены точно или свернуто, однако мы можем реконструировать их из преконструкта, представляющего собой «дискурсивные следы», «дискурсивное всегда-уже-здесь существовавшее» [4, с. 34]. Доминантные коды не исчезают без следа, а продолжают воздействовать на сознание людей, пребывая в рассеянном виде вездесущей, но невидимой власти господствующей идеологии. Завладевая культурой и СМИ, идеология навязывает людям свой язык [3, с. 136].

Дискурсивный анализ художественного произведения представляется невозможным без глубинного макросемантического анализа, а именно без учета тех языковых и композиционных единиц, которые оказываются прагматически сфокусированными в данном художественном произведении – стратегий и факторов текстопорождения, а также без экстралингвистических связей [9, с. 88–89].

Так, для вдумчивого прочтения романа В. Сорокина «Норма» необходимо актуализировать в памяти период «застоя» в истории СССР (с момента прихода к власти Л. Брежнева в 1964 году по XXVII съезд КПСС в 1986 году), идеологию той эпохи, которая нашла отражение в языке (советском политическом дискурсе) и в литературе, получившей название соцреализма (о которой говорится как о наскучившей и посредственной в следующем контексте: *«Муть мутью. Производственный роман. <...> Кошмар»* [5, с. 28–29]).

На поверхности в произведении В. Сорокина оказывается понятие «нормы», его семантические трансформации, связанные с функционированием лексической единицы в различных контекстах. «Норма» вынесена в заглавие романа, которое, являясь рамочным знаком, нуждается в возвращении и переосмысливании после прочтения текста [6, с. 89]. В начале романа «нормой» называют упакованный в бумагу кал, который предписано употреблять в пищу сознательным гражданам советского государства (*«Мам, а зачем ты какашки ешь?»* [5, с. 44]). Норма выступает не только как предельно опредмеченная повинность (не абстрактный «долг» перед государством и народом), но и как обычный, установленный порядок, рутина: у каждого потребителя есть свои привычные способы поглощения фасованного кала, обстоятельства употребления его в пищу (всего 31 микросюжет): *«Норма была старой, с почерневшими, потрескавшимися краями. Николай наклонил банку над тарелкой, варенье полилось на норму»* [Там же, с. 39], *«Прохоров разрезал пакет, вытряхнул норму на блюдо и стал опрыскивать ее из пульверизатора до тех пор, пока одеколон не скопился под ней желтоватой лужицей. <...> Отложив пульверизатор, Прохоров вытащил из нагрудного кармана пакетик с молотым перцем и тщательно поперчил норму. Потом схватил ее и, стараясь не глядеть, стал откусывать и глотать, не жуя»* [Там же, с. 46], *«Норму как следует заесть надо. Чтобы ни запаха, ничего... Отец мой покойный квасом запивал. А после водки и поест поплотней»* [Там же, с. 66]. Стереотипное поведение и мышление, демонстрируемое в данном нарративе, характерно для обыденного дискурса. Таким образом автору удается показать, что обыденный дискурс формируется вокруг концепта «норма», который предстает как совокупность ментальных и поведенческих стереотипов, организующих процессуальность жизни советского человека во всех ее проявлениях (семейная жизнь, интимные отношения, профессиональная и социальная реализация и пр.).

Все сюжеты первой части романа представляют собой бытовую сторону жизни, разница состоит лишь в наполнении этого быта содержанием. Нарратор изображает все слои населения: от элиты (политической и интеллектуальной) до социальных низов (криминалитет, алкоголики), что обуславливает различную реализацию обыденной дискурсии. Для математика [5, с. 21–24] его профессиональная терминология («*скаляры*», «*матрица*»), его профессиональная деятельность в целом становится частью быта (неслучайно кличка кота математика – *Синус*). Это дает возможность полагать, что обыденный дискурс может трансформироваться в зависимости от рода и вида деятельности, он легко принимает в себя то, что близко и понятно конкретному индивиду, в том числе властные / идеологические структуры, за которыми мыслится «сила», «большинство», «коллективное счастье».

В романе препарируется категория «нормальности»: «нормальным» является то, что представляет собой стереотипное, посредственное, статистически усредненное, например: «*Получают много, а жить нормально не умеют. <...> Машка приходит вся разодетая... Эра, дай взаймы*» [Там же, с. 28]. Подразумевается, что жить «нормально» значит умеренно, «как все»; «вся разодетая» представляет эмоционально-оценочную характеристику с отрицательным значением (ср. «*вся из себя*»).

Развернутое описание универсальных понятий «нормы» и «нормальности» дает вторая часть, которая воплощает собой «индексальную дискурсивность», предполагающую использование слова в его указательной функции [7, с. 292]. Текст организован как список существительных, сопровождаемых прилагательным *нормальный/ая/ое* (реже – глаголов с наречием *нормально*), своеобразный реестр жизни среднестатистического человека, являющегося не более чем объектом описания, начиная с его появления на свет (*нормальные роды / нормальный мальчик / нормальный крик...*), заканчивая кончиной (*нормальная кома / нормальный разряд / нормальное массажирование / нормальная смерть*). При этом значения прилагательного *нормальный* меняются и зависят от семантики главного слова. Например, словосочетания *нормальная температура, нормальные анализы* или *нормальное давление* передают готовые смыслы, которые можно объединить в тематическую группу «здоровье» («правильная, нормальная деятельность организма»), в то же время *нормальная музыка, нормальная любовь* лишены той выразительности, которой «в норме» должны обладать: «нормальная» музыка – это «никакое», даже скорее плохое, чем хорошее музыкальное произведение, поскольку оно не выполняет своей эстетической функции; *нормальная любовь* – это чувство, низведенное до обывательского уровня, лишенное индивидуальных черт, «как у всех». То же можно сказать о *нормальном героизме, нормальной самоотверженности, нормальной доблести*, которые актуализуются в тексте в связи с призывом объекта описания в армию [5, с. 95–134].

Подобная игра на полисемантичности «нормы» разворачивается также в шестой части романа, написанной в форме лозунгов плакатно-идеологической тематики: «*Я СВОЮ НОРМУ ВЫПОЛНИЛ!*» (норма здесь – это норматив, установленная мера выработки чего-либо), «*ТЫ СВОЮ НОРМУ ВЫПОЛНИЛ?*» (ср. большевистский агитационный плакат «*Ты записался добровольцем?*»), «*ПРАВОВЫЕ НОРМЫ СОБЛЮДЕНЫ!*», «*ГОРОД НОРМА РАСТЕТ И СТРОИТСЯ!*», рекламного содержания «*ГРУЗИНСКИЙ ЧАЙ НОРМА АРОМАТЕН!*» или представляющих собой обывательские высказывания «*У ВАСИ С ЛЕНОЙ ВСЕ В НОРМЕ!*», «*ЛИТР – ДИМКИНА НОРМА!*» [Там же, с. 258–259]. Смешение лексической репрезентации различных сфер жизни общества в контексте одной гла-

вы порождает расщепленную, неоднородную картину мира, множество голосов, сплетенных в единую, но нестройную мелодию.

Авторство в романе лишь имитируется: «инициатор высказывания – всего лишь исполнитель хорového ничейного слова» [7, с. 292]. «Ничье слово» не предполагает ответственности за это слово. Как упоминалось выше, подобное самоустранение субъекта речи свойственно для советского политического дискурса, «деревянного языка», реализующегося в большом количестве номинативов. «Хоровое» слово также является выражением доксы, общепринятого мнения, предельно упрощенного, схематизированного взгляда на мир, что характерно для обыденной дискурсивной формации. Представляется, что позиция говорящего в таких «бессубъектных» дискурсах по своей природе универсальна: адресант предстает здесь как транслятор готовых смыслов, их носителем может стать каждый, кто способен к самоидентификации в данной позиции [4, с. 369].

Речь, за которую никто не отвечает, порождает хаотический, «перевернутый» мир, в котором преобладают деструктивные, человеконенавистнические тенденции. «Норма» становится квазинормой. Она регулярно нарушается в рамках той или иной дискурсивной формации: так, в эпистолярном дискурсе части пятой разрушается ритм наррации, т. е. нарушается ритмическая норма. С этим связаны такие фрагменты писем, в которых содержится упрек в долгом молчании, сомнение в стабильности отношений автора с адресатом [8, с. 99]: *«вы что-то никак не пишете мне, я уже беспокоюсь»* [5, с. 229], *«Что-то вы мне совсем не пишете, напишите, не забывайте»* [Там же, с. 232], *«Мартин Алексеевич, я закругляюсь, вы что-то совсем не пишете, забыли старика совсем»* [Там же, с. 236].

Эпистолярный дискурс как потенциально бесконечный, регулярный тип коммуникации не реализуется, т. к. один из участников в ней не заинтересован. Принуждая другого к общению, автор писем пытается навязать свою позицию и мировидение как единственно правильные, ссылаясь на авторитет власти, которая, как видится адресанту, представляет собой общество и его интересы. Закономерно, что при этом речь героя включает выражения и формулировки советского политического дискурса: *«...мы с ней писать будем куда только можно мы обратим **внимание общественности** на вас и вашу деятельность кулака. Вы кулак и жена ваша – буржуйка, которая позорит и которую надо тоже приструнить как следует. <...> Я общественность расстрою и дом вы не получите потому что кулаков надо раскулачивать. Потому как вы сами не работаете а эксплуатируете меня вот как. А за это вас уничтожат как класс. Вы вредный элемент. <...> Таких учёных надо раскулачивать и показывать всем чтобы так вот больше не было!»* [Там же, с. 244]. Сама природа обыденного дискурса представляется подходящей ареной для внедрения и реализации властных интенций, поскольку обыденное, коллективное, «ничье» сознание нуждается в том, чтобы кто-то руководил его свободой.

Таким образом, «Норма» представляет собой предзаданную картину мира, которая формирует восприятие, оценки, суждения, отсекая тем самым возможность для появления другой точки зрения. Стереотип становится бессодержательным ритуалом. Так, в главе «Летучка» представлен бессмысленный, установочный, формальный дискурс, которым говорящие пытаются прикрыть тот экзистенциальный вакуум, обезличенное Das Man (термин М. Хайдеггера), в которое ввергает индивида монструозная сила идеологии: *«СЕГОДНЯ В 11:15 СОСТОИТСЯ ЛЕТУЧКА № 1430.<...> Первый материал – “В кунгада по обоморо” – мне понравился. В нем просто и убедительно погор могорам досчася пробормо Гениамрос Норморок. И, знаете, что больше всего меня порадовало? Рогодтик прос»* [Там же, с. 300–301].

За «нормальністю» прячется диктат влади, ідеологія, заставляюча приймати свої взгляди як істинні, правильні, єдині можливі. Дискурс влади перемагає готові культурні значення, нав'язуючи свої ідеологічні патерни, маніпулюючи мнением суспільства. Сховане впровадження в свідомість радянського громадянина установок комуністичного режиму, реалізується шляхом еufемізації і зміни конотацій (семантичних відтінків) в наступних висловлюваннях: *норма* замість *кал*, *живе удобрення* замість *погребення жертви терору*, *госплемзавод* замість *ГУЛАГ*, *нераскажаний шкідник* замість *опозиціонер* і т. д. В оповіданні здійснюється заміна понять, столь характерна для дискурсу влади (спр. «вирішення єврейського питання» замість «геноцид євреїв» в фашистському дискурсі, «інформувати владу» замість «донести властям»), і маніпулювання свідомістю. «Син нераскажаного шкідника», що знаходиться в загонах для скотів, не сприймається персонажами як людина.

В частині сьомій «СТЕНОГРАММА РЕЧІ ГЛАВНОГО ОБВИНТЕЛЯ: (продовження)» представлені твори анонімного, «ничейного» голосу, в яких деконструкція фразеологічних одиниць, метафор, культурної пам'яті оборачається встановленням дискурсу влади: «— *Золоті руки у парнишки, що живе в квартирі номер п'ять, — доповідав, листая справу № 2541/128, загорілий лейтенант. — К майстру приходять понаслышке зробити ключ, кавчовик запакувати. <...> Мати руками цими гордиться, товариш полковник, хоча всього парнишке десять років... Полковник усміхнувся: — Як же їй, гниді бухаринській, не гордиться. Такого послідьш себе вигодувала... Через чотири дні переплавлені руки парнишки з квартири № 5 пішли на покупку поворотного пристрою, виготовленого на філіалі фордівського заводу в Голландії і призначеного для регулювання годинників ленинської голови у восьмидесятиметрової скульптури Дворца Советов» («САМОРОДОК» [5, с. 268]). Від інтертексту дитячого віршоповіщення, написаного З. Александровою, залишається тільки привід для здійснення дискурсу насильства. Гіпербуквалізація відомого фразеологізму «золоті руки» стає приводом для актуалізації ідеологічного контексту і радянського політичного дискурсу. Виникає заміна цінностей: значимим стає те, що може послужити на користь правлячим верхам. Ідеологія стає новою культурою, новим богом, тому «норма» сприймається як сакральна категорія. Обыденний дискурс, що представляється говорящому як «своя» територія, притулок від зовнішнього світу (спр. «мій дім — моя фортеця»), оборачається таким ментальним простором, в якому конвенціональні поняття витісняють суб'єкт висловлювання на периферію, роблячи його об'єктом маніпуляцій.*

В наступному контексті «*Война шумить у нас над головами. Але нас, Любаша, не розучила і війна зберігає в серцях з великими словами прості наших милих імена. <...> На долоні лежало димляче серце. Капітан потряс його над другою долоньєю. З різнокалиберних артеріальних отворів посипалися різнобарвні слова: РАСКУЛАЧІВАННЯ, ЕМПІРІОКРИТИЦИЗМ, ІНДУСТРІЯ, СТАЛІН, ЕЛЕКТРИФІКАЦІЯ, НКВД, ЖДАНОВ, СОЦІАЛІЗМ, ЛЕНІН, ВКП(б), СТАХАНОВ, ІНТЕРНАЦІОНАЛІЗМ і інші» («В СЕРЦІ СОЛДАТСЬКОМУ» [Там же, с. 273]) дискурс влади тісно пов'язаний з дискурсом насильства: в людині не залишається людського, він перетворюється в квінтесенцію політичної пропаганди, складається з лозунгів і хибних ідеалів, не зрозумілих йому самому.*

Пошуки підходящого «слова» зазвичай закінчуються руйнуванням дискурсу, наприклад символічним похованням тексту в третій частині роману: «— Суровий розповідь... <...> Давай його знову закопаємо? — Закопати? — Ага.

Точно говорю – лучше будет. Поверь мне» [5, с. 203]. Как представляется, это лишь утверждает дискурс насилия, а не снимает его. Прочитанный или услышанный текст остается в памяти воспринимающего, но альтернативы, которая могла бы принести катарсис, очищение, нарратор не дает, напротив, он продолжает транслировать дискурс власти, тиражирует насилие, которое стало нормой.

Деконструкция нарратива достигает своего апофеоза в пятой части «Нормы». Автор писем Мартину Алексеевичу выражает свой внутренний Хаос, деструктивные силы, порожденные бездуховной, обывательской жизнью, полной мелких забот, в дискурсе насилия. От письма к письму назойливо повторяются (будто ритуализированно) одни и те же занятия автора писем, оставшегося неизвестным: поправить калитку, достать «*рубироиду*» и «*шиферу*», посадить огурцы и картошку, транслируется ненависть по отношению к родственникам Мартина Алексеевича, которые приезжают на дачу в конце лета: «*Они приедут только в августе когда все поспеет и давай жрать. А после насрут нагадят и уедут к чертовой матери. А вы с ними сидите чаи гоняете. Их надо дубиной поучить*» или «*Старый человек работает а они только жопой вертят и пьют а после приедут поедят насрут и все*» [Там же, с. 241; с. 245].

Постепенно ненависть распространяется и на Мартина Алексеевича, нарратор теряет способность говорить: «*Вы срать на нас а мы тоже напишем и общественность будет вас просветить. Вы на нас как хотите а мы тоже ученые*»; после разрушения синтаксической связи, начинает искажаться и распадаться само слово: «*Я тега мого тада мого*»; далее нарратив ритмизуется, представляя собой безумный реестр несуществующих слов, под которыми могут скрываться неартикулируемые понятия: «*...пиро пата мана кера...*», затем пропадает и эта ритмизованность, речь предстает как нерасчленимый поток экстатического бормотания: «*... самаратира залогоука самараниперити...*», который в конце перерастает в крик «*aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa...*» [Там же, с. 244–257].

Ненависть достигает своей кульминации, и это разрушает нарратора, он «деградирует, превращается в истерический вопль безумного садистического упоения, разваливается на глазах, сходит на нет» [1, с. 138]. Сам дискурс объективирует акт насилия: насилие одного персонажа по отношению к другому, насилие над языком и формой, в которой он воплощается, и насилие над читателем, который не в состоянии прочитывать последние страницы главы.

Нарратив предстает единственной формой означивания бытия, именно он творит реальность данного текста. Теряя способность артикулировать знания, дискурс перестает существовать. Тогда «*aaaaaaa...*» – крик до-сознания, крик (пере)рождения или смерти.

Поскольку дискурс власти настолько силен, что проникает в другие дискурсы, внедряется в сознание, остается только разрушить его. Деструкция представляется не только единственно возможным сценарием, но и закономерным, оправданным с художественной точки зрения. Деконструкция языка приводит к снятию аксиологической дуальности «добро – зло», «значимое – ненужное», отрицает власть одной системы над другой.

Эклектизм, проявляющийся в смешении разных родов литературы (лирики, эпоса), разных дискурсов (рекламный, обывательский, политический, юридический и т. д.), воплощает «нулевую степень общей культуры» (Ж.-Ф. Лиотар). Как отмечает Лиотар, постмодерное мировоззрение отмечено расщеплением веры в «великие метаповествования», такие как просветительская вера в разум, гегелевская диалектика духа, эмансипация личности и пр. Вместо них приходят локальные, расщепленные, более простые нарративы, что подчеркивает кризис детерминизма, сохранившегося лишь в виде «маленьких островов» в мире неста-

бильности, в котором «консенсус стал устаревшей и подозрительной ценностью» (цит. по: [3, с. 132]).

Выводы. Полидискурсивность современного художественного текста подразумевает отказ от систематизации, что, как видится, и порождает своеобразную форму романа В. Сорокина «Норма». Особенностью архитектоники романа является его мозаичность, конструирующая стереоскопическую картину мира, неприводимого к «общему знаменателю», «правильному» мнению. Можно говорить об отсутствии персонажа как такового, его непроявленности или принципиальной неартикулируемости; героем романа становится сам язык.

Как представляется, литература должна «преодолеть» язык, уличить его в манипуляции, указать на иллюзорность происходящего, чтобы избежать ситуации, в которой сознание человека может быть поглощено очередной системой ценностей / идеологией / «нормой». Эта борьба с языком проявляется в деконструкции художественного дискурса как единой, монолитной формы, реализуется в полидискурсивности, в раздробленности и непереводаемости полученного текста в какую-либо другую систему знания, что воплощает континуальность течения жизни и нарратива. Литератор находится в поиске новых форм изображения, которые были бы адекватны объекту описания: на первый план выдвигается непредставимое, невообразимое, неартикулируемое. Эти искания неизбежно приводят к получению новых способов изображения, т. е. к принципиально новому типу художественного нарратива, что и обуславливает **перспективность** дальнейших исследований, которые предполагается осуществить на материале романов В. Пелевина, Л. Улицкой, Саши Соколова.

Библиографические ссылки

1. **Бабай П. Н.** Опричнина как русская метаисторическая универсалия в романе Владимира Сорокина «День опричника» / П. Н. Бабай // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2006. – № 745. Сер. : Філологія. – Вип. 49. – С. 134–138.
2. **Бахтин М. М.** Собр. соч. : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – 880 с.
3. **Ильин И. П.** Постмодернизм: словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.
4. **Квадратура смысла:** Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
5. **Сорокин В.** Норма / Владимир Сорокин // Собр. соч. : в 3 т. – М. : Ad Marginem, 2002. – Т. 1. Норма. Очередь. Первый субботник. Месяц в Дахау. – С. 7–315.
6. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М. Н. Кожинной; чл. редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
7. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
8. **Человеческий фактор в языке:** Коммуникация, модальность, дейксис / [Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А. и др.]; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Наука, 1992. – 281 с.
9. **Чернявская В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

References

1. Babaj, P. N (2006), "Oprichnina as a Russian metahistorical universal in the Sorokin's novel «Day of the Oprichnik»" ["Oprichnina kak russkaja metaistoricheskaja universalija v romane Vladimira Sorokina «Den' oprichnika»"], *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im V. N. Karazina*, No 49, pp. 134–138.

2. Bakhtin, M. M. (2012), *Collected works Vol 3: The theory of the novel* [*Sobranie sochinenij v 7 t. T. 3: Teorija romana*], Moscow, 880 p.
3. Il'in, I. P. (2001), *Postmodern: dictionary terms* [*Postmodernizm: slovar' terminov*] Moscow, 384 p.
4. *Quadrature of meaning: French school of discourse analysis* (1999), [*Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa*], Moscow, 416 p.
5. Sorokin, V. (2002), *Collected works Vol 1. «The Norm». «The Queue». «The First Saturday Workday». «Month in Dahau»* [*Sobranie sochinenij v 3 t. T.1. «Norma». «Ochered'». «Pervyj subbotnik». «Mesjac v Dahau»*], Moscow, pp. 7–315.
6. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language* (2006), [*Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka*], Moscow, 696 p.
7. Tjupa, V. I. (2006) *Analysis of literary text* [*Analiz hudozhestvennogo teksta*], Moscow, 336 p.
8. *Human factor in the language: communication, modality, deixis* (1992), [*Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikacija, modal'nost', dejksis*], Moscow, 281 p.
9. Chernjavskaja, V. E. (2006), *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence* [*Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija*], Moscow, 136 p.

Надійшла до редколегії 18.01.2017

УДК 811:801.6

Т. И. Манякина

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ФАКТУАЛЬНЫХ ВСТАВОК В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАТИВНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Рассмотрены количественные параметры и коммуникативно-прагматические функции фактуальных вставок в профессиональных переводах с немецкого языка на русский культуроведческих текстов в параллельном многоязычном издании «Kulturchronik» (ФРГ). Показано, что фактуальные добавления в текстах переводов уточняют и детализируют исходную информацию, способствуя её адекватному восприятию русскоязычным читателем. Отмечен высокий обучающий потенциал сопоставительного анализа иноязычных культуроведческих текстов с их профессиональными переводами в подготовке специалистов по иностранным языкам.

Ключевые слова: информативный перевод, культуроведческий текст, исходный текст, текст перевода, фактуальная вставка, уровень адаптации, сопоставительный переводоведческий анализ.

Манякіна Т. І. Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна. **СТРУКТУРА І ФУНКЦІЇ ФАКТУАЛЬНИХ ВСТАВОК У СУЧАСНИХ ІНФОРМАТИВНИХ ПЕРЕКЛАДАХ**

Розглянуто кількісні параметри та комунікативно-прагматичні функції фактуальних вставок у професійних перекладах з німецької мови на російську культурознавчих текстів у паралельному багатомовному виданні «Kulturchronik» (ФРН). Показано, що фактуальні добавлення в текстах перекладів уточнюють та деталізують вихідну інформацію, що допомагає їй адекватному сприйняттю російськомовним читачем. Відзначено високий навчальний потенціал порівняльного аналізу іншомовних культурознавчих текстів з їх професійними перекладами у процесі підготовки фахівців з іноземних мов.

Ключові слова: інформативний переклад, культурознавчий текст, вихідний текст, текст перекладу, фактуальна вставка, рівень адаптації, порівняльний перекладознавчий аналіз.

Manyakina T. I. Lazaryan Dnipropetrovsk National University of Railway Transport.
THE STRUCTURE AND THE FUNCTIONS OF FACTUAL ADDITIONS WHILE TRANSLATING CONTEMPORARY INFORMATIVE TEXTS

The subject-matter of this paper is the use of informative additions while translating contemporary non-literary texts. Such type of translation is called informative translation.

Factual additions can be found, for example, in cultural texts translated from German into Russian in a periodical magazine «Kulturchronik» (FRG) containing parallel multilingual texts. The paper deals with the examples taken from «Kulturchronik». These examples show that informative additions may either be composed of one word / several words or have the form of a long commentary. A target language text may include one or two additions. Informative additions are generally found in the exposition of a text which describes its subject-matter. Furthermore, informative additions highlight politically correct, reverent style of writing (about important cultural events around the world) that is typical of Russian academic and cultural periodicals.

The informative translation has its own methods and rules. A comparative analysis of source texts and target texts (translations done by professionals) enable translators to understand and acquire these methods. This approach is necessary for training students, the future specialists in foreign languages.

Key words: informative translation, cultural text, source language texts, target language texts, informative addition, level of adaptation, comparative analysis of source and target texts.

Актуальность данного исследования обусловливается отсутствием теоретических материалов, обобщающих наблюдения над опытом перевода публицистических текстов в современных двуязычных (или многоязычных) периодических изданиях. Они предназначены для информирования общественности страны-источника информации и страны, на язык которой осуществляется перевод, о значимых событиях и явлениях в различных областях современной жизни и истории страны-«издателя». Таковым является, например, журнал «Kulturchronik», который выходит в ФРГ на пяти языках (немецком, английском, французском, испанском и русском) [10]. Одновременно это издание призвано способствовать изучению немецкого языка за рубежом.

Информативный перевод, т. е. перевод нехудожественных текстов (имеются в виду прежде всего публицистические, культуроведческие и научно-популярные тексты), не ставит перед переводчиком столь высоких требований, как это имеет место при переводе художественной прозы. Переводчик художественного произведения должен, как известно, обеспечить полную и точную передачу всех элементов содержания, а также, не нарушая норм родного языка, максимально полно воспроизвести стилистические особенности исходного текста, т. е. авторский индивидуально-стилевой почерк, и в конечном итоге воссоздать эстетический потенциал данного произведения [2; 5; 6]. Таким образом достигается самый высокий, семантико-стилевой, уровень адекватности перевода [1, с. 35].

Что же касается информативного перевода, то здесь на первый план выдвигается содержательный аспект, а полное воспроизведение индивидуально-стилевых особенностей оригинала хоть и не исключается, но в значительной мере является факультативной задачей. Относительным оценочным критерием здесь выступает обеспечение так называемой функционально-прагматической адекватности перевода [Там же, с. 39].

Но и исходный объём фактуальной информации не является здесь неприкосновенным. Имеющиеся наблюдения показывают, что в информативных переводах второстепенные, с точки зрения переводчика, сведения могут изыматься (например, из-за форматных ограничений издания) [4, с. 293]. В то же время здесь можно наблюдать обратный феномен, – когда переводчик вводит фактуальные уточнения, дополняющие исходное содержание [3, с. 203]. Мы рассматриваем их как один из приёмов фактуальной адаптации, которая подготавливает текст перевода к предполагаемому читательскому запросу, основывающемуся на определённой познавательной традиции и культуроведческой осведомлённости.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности уточняющих и дополняющих (адаптивных) вставок в официальных переводах с немецкого языка на русский культуроведческих текстов, публикуемых в издании «Kulturchronik».

В этой связи возникают следующие задачи: 1) проанализировать количественные параметры адаптивных вставок; 2) рассмотреть их коммуникативно-прагматический потенциал, т. е. а) взаимодействие с исходной, авторской, информацией и б) потенциальную роль в обеспечении адекватного восприятия этой информации русскоязычным читателем.

Отобранный иллюстративный материал мы разделили на две группы по количественному принципу: одно уточнение – несколько уточнений. Однократные уточнения будут представлены в первой части анализа (под условным индексом «А»), неоднократные – во второй (под условным индексом «Б»). Рассматриваемые тексты будут пронумерованы, а уточняющие вставки – подчеркнуты. В анализе не предполагаются ссылки на имена исполнителей переводов, поскольку, будучи отмечены в редакционном списке издания, они не указываются непосредственно под переводами.

А. Рассмотрим примеры единичных переводческих уточнений.

1. Одно из них представлено в тексте «Берлин – архитектурная столица [9]».

Характеризуя развернувшееся в Берлине после объединения Германии гражданское строительство, автор статьи отмечает архитектурные и функциональные особенности ряда новых общественных зданий, воплощающих новейшие строительные технологии и дизайнерские концепции архитекторов. В частности, он отмечает здание, возведённое по проекту кёльнского архитектора Освальда Унгера. Особенностью дизайна этого сооружения является использование ризалитов. В оригинале этот термин не разъясняется. В переводе читаем: «*Кёльнский архитектор... чтобы разнообразить свой 13-этажный комплекс, украсил его фасад ризалитами-выступами*» [Там же, с. 4]. В сочетании с фотографией здания, приведённой в статье среди прочих снимков, этой краткой экспликации, как думается, вполне достаточно для любознательного читателя – не специалиста в области архитектуры. Красивое же звучание термина даёт надежду на то, что читатель запомнит его, пополнив тем самым свою эрудицию.

2. В первом номере журнала «Kulturchronik» за 1999 год помещена заметка о выходе в свет альбома, в котором представлены фотографии ряда современных немецких писателей за работой и их высказывания о том, в каких условиях им лучше всего пишется. Название публикации: «Герлинде Кёльбл: Как писатели берутся за работу» [15].

Открывается эта заметка фразой: «*Schiller, das wissen wir von Goethes Eckermann, benötigte zum Dichten und Denken den Duft fauler Äpfel*» [Ibid., s. 34].

В переводе она воссоздана следующим образом: «*Как мы знаем из записок секретаря Гёте Эккермана, Шиллеру необходим был для вдохновения запах гниющих яблок*» [15, с. 34].

Для немецкого читателя сжатый вариант «Гётевский Эккерман» или просто Эккерман (в соответствующем контексте) не требует комментариев, подобно тому, как у нас избыточным выглядело бы в ординарном разговоре напоминание о том, что «Евгений Онегин» – это поэма Пушкина. Переводчик же передал сочетание *Goethes Eckermann*, используя уточнение «из записок секретаря Гёте Эккермана». Это вполне соответствует традиции, сложившейся в русскоязычной среде, в частности, в среде германистов: имя Эккермана принято сопровождать указанием на его роль в жизни и творчестве Гёте, а также в сохранении памяти о нём (необходимо отметить, что наряду с опубликованием «Бесед с Гёте» огром-

ной заслугой Эккермана является подготовка к посмертному изданию 40-томного собрания сочинений великого поэта) [12, с. 282].

Для тех же читателей, кто не знает, кем был Эккерман при Гёте, данная экспликация является существенным фактуальным уточнением. В то же время эта вставка (как, впрочем, и некоторые другие в последующих примерах) является не только элементом информативного дополнения, но и элементом стилевой адаптации текста к традициям читательской среды, которой адресован перевод.

3. Среди разнообразных материалов, помещённых в № 4 «Kulturchronik» за 1996 год, нельзя не обратить внимания на биографический очерк об Альбрехте Дюрере, опубликованный в связи с выставкой почти полного собрания его гравюр, устроенной в одном из парижских музеев. Очерк озаглавлен «Альбрехт Дюрер в Париже» [7]. Уже в первое предложение его перевода введён комментарий о месте этого блестящего художника в истории немецкого искусства: «...в экспозицию... вошли почти все графические работы выдающегося основоположника искусства немецкого Возрождения...» [Там же, с. 13]. Так кратко и исчерпывающе переводчик отметил значимость героя очерка в истории культуры Германии.

Далее в тексте перевода (в соответствии с текстом оригинала) так же кратко и деловито излагается творческий путь Дюрера. Эта деловитость, продиктованная оригиналом, несколько контрастирует с исходной возвышенной проекцией, заданной переводчиком, хотя, с другой стороны, текст содержит ряд интересных фактов из жизни и творчества художника, не акцентируемых обычно биографами и искусствоведами, несколько приземляющих, но одновременно и приближающих его личность к читателю. И именно на этом фоне думается, что переводчик не зря напомнил о более привычной для наших знатоков европейского искусства вполне справедливой традиции именовать Альбрехта Дюрера «титаном немецкого, или северного Возрождения».

4. Наконец, остановимся на статье с неброским заголовком «Реформа высшей школы» [8].

В этой публикации за 1998 год речь идёт о причинах, цели и «сценарии» стартовавшей в Германии реформы высшей школы. В оригинале читаем: «*Des weiteren sollen Hochschulen in Zukunft etwa ein Fünftel ihrer Studenten selbst aus-suchen und neue international anerkannte Abschlüsse wie Bachelor und Master anbieten dürfen*» [Ibid., s. 51].

Перевод этого фрагмента выглядит следующим образом: «*Кроме того, примерно двадцать процентов своих студентов университеты будут принимать по своему усмотрению (в Германии нет вступительных экзаменов, и сейчас все студенты централизованно распределяются по вузам в зависимости от места жительства, «наполняемости» факультетов и других формальных критериев) и получают возможность выдавать дипломы бакалавра и мастера (таких званий сегодня в ФРГ нет)*» [8, с. 51]. Как видим, в текст перевода введён один, но довольно пространственный комментарий. Его познавательная значимость для читателей СНГ (на момент выхода публикации) и в этой связи уместность не вызывают сомнения. Как видим, однократные комментарии в текстах переводов могут быть разными по протяженности, что обуславливается адаптивной необходимостью.

Б. Обратимся теперь к материалам, где наблюдаются неоднократные переводческие уточнения и добавления.

1. Характерные приёмы фактуальной адаптации находим в переводе текста, повествующего о восстановлении в городе Клеве (Нижний Рейн) архитектурно-паркового комплекса, заложенного в середине XVII века. Текст называется «Провинциальное чудо» [13].

Особую ценность в этом комплексе представляет парк в стиле барокко, обустроенный знаменитым парковым архитектором Якобом ван Кампеном. В исходном тексте его имя приведено без каких-либо комментариев, как общеизвестное. Переводчик вполне уместно и органично включает в свой текст уточняющую ремарку: «*Якоб ван Кампен, известный архитектор и мастер садово-паркового искусства тех времён, построил...*» [13, с. 8]. Далее необходимо было сообщить русскоязычному читателю специфику устройства барочного парка, и переводчик перечисляет его атрибуты более подробно, чем это сделано автором текста. В исходном тексте в качестве напоминания перечислены такие детали «сада искусств», как *фонтаны, каскады, пруды, статуи и канал*. В переводе к ним добавлены *грот, беседки, искусственные озёра, острова, статуи «в классическом стиле»* [Там же, с. 8].

Интересным представляется также ход, предпринятый переводчиком при передаче архитектурных особенностей центрального здания бывшего курортного, а теперь музейного комплекса, являющегося частью парка. Здание значительно моложе парка, оно было возведено в первой трети XIX века. Автор текста отмечает в качестве ценной архитектурной особенности этого здания его чёткий позднешинкелевский фасад (*klare spätschinkelsche Fassade*) [Ibid., s. 10]. В переводе читаем: «*Фасаду, выполненному в позднеклассическом стиле, был возвращён первоначальный вид*» [Там же, с. 10]. Как видим, переводчик проявил находчивость и необходимую эрудицию, сославшись на эпоху в истории архитектуры и на доминирующий в то время архитектурный стиль – классицизм, который в Германии связывают с именем выдающегося архитектора Карла Фридриха Шинкеля (1781–1841). Использованный здесь приём генерализирующей замены позволил переводчику обойтись без дополнительного исторического комментария, но в то же время дать подсказку читателю, мобилизующую его знания и воображение.

2. Следующим источником иллюстративного материала нам послужит рецензионно-рекламный текст, посвящённый новому изданию перевода Корана на немецкий язык, который был осуществлён в начале XIX века известным немецким востоковедом, переводчиком и поэтом Фридрихом Рюкертом (1788–1866). Текст имеет название: «Новое издание старого перевода Корана» [14]. Переводчик вводит в свой текст уточнения и дополнения, призванные сообщить русскоязычным читателям (по преимуществу атеистического воспитания и поэтому слабо знакомым или вообще не знакомым со спецификой мусульманского вероисповедания) существенные сведения или информационные штрихи, не получившие отражения в переводимом тексте. О сути священной книги мусульман в исходном тексте сказано кратко: «*Er [der Koran] ist das Herzstück des islamischen Rechts*» [Ibid., s. 16]. Наш перевод: «*Он [Коран] является сердцевиной исламского права*». Переводчик в этом месте помещает более развёрнутое пояснение: «*Эта священная для всех мусульман книга – главный источник вероучения ислама, его правовая основа, собрание заповедей и речей пророка Мухаммеда ...*» [Там же, с. 16].

В исходном тексте сообщается также, что лишь в начале XX века арабский мир дал согласие на перевод Корана на другие языки, с тем, чтобы его могли читать мусульмане различных стран, не владеющие арабским языком. Но вот в переводе мы обнаруживаем очень интересное замечание: оказывается, перевод Корана на латынь появился уже в XII веке. Переводчик также добавил, что перевод Корана Рюкертом «*считается одной из самых выдающихся переводческих работ Германии XIX века!*» [Там же, с. 16]. Восклицательный знак отражает личную оценочную позицию переводчика, что также симптоматично для переводов этого типа. Очевидно, что привнесённые в текст перевода дополнения и интонации информативно обогатили его и своеобразно оживили стиль перевода, что в конеч-

ном итоге способно стимулировать интерес читателя к различным аспектам затронутого культуроведческого ареала, каковым является религиоведение.

3. В завершение презентации иллюстративного материала отметим элементы фактуальной адаптации, использованные в переводе статьи, посвящённой 100-летию Эриха Марии Ремарка. В переводе текст называется «Космополит против воли» [11].

Как известно, широкую и прочную славу писателю принёс его роман «На западном фронте без перемен» (1929 г.), имеющий антивоенную, пацифистскую направленность. Несмотря на то, что Первая мировая война привела к очевидным огромным и бессмысленным жертвам – и это даёт понять своим произведением Ремарк, – у него вскоре после выхода романа появились, мягко говоря, оппоненты – как в политических кругах, так и в среде коллег по перу. В качестве идейного оппонента Ремарка в писательской среде в статье назван Эрнст Юнгер, «воспевший» в своём романе «Стальная гроза» безоговорочную и осознанную «жертвенность солдатского послушания» [Там же, с. 27]. Чтобы чётче обозначить позицию Э. Юнгера, переводчик ввёл в текст метафорическую перифразу: «...писал по тому же поводу “певец войны” Эрнст Юнгер» [Там же, с. 27].

Следующим примером фактуальной адаптации в переводе является частичное уточнение должности гауляйтера. Это слово часто звучит в фильмах и упоминается в публицистике о Второй мировой войне, но, как правило, без каких-либо толкований, служа, скорее, звуковым элементом исторического колорита. В переводе статьи читаем: «Руководил акцией [по дискредитации Э. М. Ремарка] “сам” Йозеф Геббельс, который был тогда гауляйтером столицы (секретарём берлинского комитета [нацистской] партии)» [Там же, с. 27].

Также не бесполезным для читателя является уточнение переводчиком даты, когда был опубликован роман «Триумфальная арка»: описываемые в нём события происходят в 1938 году, а вышел он в свет в 1946 году [Там же, с. 27]. Переводчик, видимо, посчитал необходимым точно обозначить временную дистанцию между творческими этапами писателя.

Наконец, отметим ещё одно уточнение, введённое в контекст, где речь идёт о весьма запоздалом, лишь за два года до кончины писателя, избрании его действительным членом немецкой академии языка и литературы. Переводчик отмечает, что это событие состоялось «в западногерманском городе Дармштадте» [Там же, с. 28]. Данное уточнение представляется нам принципиальным, поскольку оно предупреждает вполне возможное и логичное заблуждение российского читателя, могущего подумать, что пацифист и антинацист Ремарк был избран (в 1968 году) академиком в ГДР.

Статья (т. е. исходный текст) углубляет понимание личности писателя, даёт представление об отношении к его творчеству в современном немецком литературоведении и литературной критике, а введённые в её перевод уточнения способствуют более чёткому и адекватному восприятию изложенных здесь биографических сведений и оценочных рассуждений.

Таким образом, фактуальные вставки являются типичным компонентом современных переводов культуроведческих текстов в параллельном, двуязычном, немецко-русском издании «Kulturchronik». Они бывают разного объёма: от одного слова до сравнительно развёрнутого комментария. Количество фактуальных вставок в тексте перевода может колебаться от одной до нескольких. Они могут быть сосредоточены на одном участке или присутствовать в разных фрагментах текста.

Достаточно часто дополняющие вставки можно наблюдать в экспозиционной части статьи, где презентуется предмет сообщения. Прагматика таких вставок имеет двойную направленность: 1) они выступают средством адаптации читателя

к предмету текста, стимулируя его познавательный интерес; и 2) одновременно служат средством адаптации исходного текста к предполагаемому читательскому запросу, который основывается на определённой (достаточно известной переводчику) познавательной традиции и, отсюда, на определённом уровне осведомлённости потенциального русскоязычного читателя, интересующегося вопросами теории, истории и современного состояния европейской, в частности немецкой, культуры. Это находит отражение, например, в более подробных и более высокого «пиететного тона» (по сравнению с исходным текстом) дефинитивных комментариев, приводимых переводчиком в текстах о великих представителях культуры далёкого и недавнего прошлого Германии.

Включение в текст перевода дополнительных сведений отражает как типологический аспект технологии перевода, так и индивидуальный почерк переводчика, приоткрывая его собственные познавательные пристрастия, свидетельствуя о его эрудиции и об умении проецировать информацию на потенциального читателя. В этой связи бесспорна познавательная и обучающая роль сопоставительного анализа иноязычных культуроведческих текстов и их профессиональных переводов при подготовке специалистов по иностранным языкам.

В русле *дальнейших исследований* особенностей современного информативного перевода (на материале перевода культуроведческих статей) интерес может представлять, в частности, вопрос о соотношении экспрессивного тона исходного текста и текста перевода в семантическом и прагматическом аспектах.

Библиографические ссылки

1. **Ванников Ю. В.** Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности / Ю. В. Ванников // Текст и перевод. – М., 1988. – 164 с.
2. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : НВИ-ТЕЗАРУС, 2000. – 280 с.
3. **Серая В. И.** К специфике переводов на русский язык немецких текстов в издании «Kulturchronik» / В. И. Серая, Т. И. Манякина // Філологічні науки: зб. матер. підсумк. наук. конф. студ. та викл. Дніпр. нац. ун-ту ім. О. Гончара. – Д., 2013. – С. 200–205.
4. **Серая В. И.** Особенности современных переводов культуроведческих текстов с немецкого языка на русский / В. И. Серая, Т. И. Манякина // Філологічні науки: зб. матер. підсумк. наук. конф. студ. та викл. Дніпр. нац. ун-ту ім. О. Гончара. – Д., 2014. – С. 290–294.
5. **Фёдоров А. В.** Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров – М. : ООО Изд. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
6. **Чуковский К. И.** Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Сов. писатель, 1988. – 352 с.
7. **Bellet Harry.** Albrecht Dürer in Paris / Harry Bellet // Kulturchronik. – 1996. – № 4. – S. 13–15.
8. **Billes Gertrud.** Hochschulen Machen Reform / Gertrud Billes // Kulturchronik. – 1998. – № 2. – S. 51–52.
9. **Jaeger Falk.** Architekturhauptstadt Berlin / Falk Jaeger // Kulturchronik. – 1996. – № 1. – S. 8.
10. **Kulturchronik:** Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. – Bonn: INTER NATIONES (Kulturchronik: Вести и сообщения из Федеративной Республики Германия. – Bonn: INTER NATIONES e.V).
11. **Kuprecht, Holger.** Weltbürger wider Willen / Holger Kuprecht // Kulturchronik. – 1998. – № 5. – S. 27–28.
12. **Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart:** in 2 Bd. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1968. – Bd.1. – S. 281–282.
13. **Rossmann, Andreas.** Wunder in der Provinz / Andreas Rossmann // Kulturchronik. – 1997. – № 4. – S. 8–10.

14. **Stahr, Volker S.** Neuedition von Rückerts Koranübersetzung / Volker S. Stahr // *Kulturchronik*. – 1996. – № 3. – S. 16.
15. **Weinzierl, Ulrich.** Herlinde Koelbl: “Wie Schriftsteller zu Werke gehen” / Ulrich Weinzierl // *Kulturchronik*. – 1999. – № 1. – S. 34–36.

Reference

1. Vannikov, Yu. V. (1988), *Problems of the adequacy of translation. Types of adequacy, types of translation and translation. Text and translation* [Problemy adekvatnosti perevoda. Tipy adekvatnosti, vidy perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti. Tekst i perevod], Moscow, 164 p.
2. Latyshev, L.K. (2000), *Technology of Translation* [Tekhnologiya perevoda], Moscow, 280 p.
3. Seraya, V. I., Manyakina, T. I. (2013), “To the specifics of translations into Russian of German texts in the publication “Kulturchronik””, *Philology: Proceedings of the final conference Oles Honchar Dnepropetrovsk National University* [“K spetsifike perevodov na russkiy yazyk nemetskikh tekstov v izdaniy “Kulturchronik”, *Filologichni nauki: zb. materialiv pidsumk. nauk. konf. stud. ta vinkl. Dnipro. nats. un-ta im. O. Gonchara*], Dnipropetrovsk, pp. 200–205.
4. Seraya, V. I., Manyakina, T. I. (2014), “Features of modern translations of cultural texts from German into Russian”, *Philology: Proceedings of the final conference Oles Honchar Dnepropetrovsk National University* [“Osobennosti sovremennykh perevodov kul'turovedcheskikh tekstov s nemetskogo yazyka na russkiy”, *Filologichni nauki: zb. materialiv pidsumk. nauk. konf. stud. ta vinkl. Dnipro. nats. un-ta im. O. Gonchara*], Dnipropetrovsk, pp. 290–294.
5. Fedorov, A.V. (2002), *Fundamentals of the general theory of translation* [Osnovy obshchey teorii perevoda], Moscow, 416 p.
6. Chukovsky, K. I. (1988), *High art* [Vysokoye iskusstvo], Moscow, 352 p.
7. Bellet, Harry. (1996), “Albrecht Dürer in Paris”, *Kulturchronik*, № 4, pp. 13–15.
8. Billes, Gertrud. (1998), “Hochschulen Machen Reform”, *Kulturchronik*, № 2, pp. 51–52.
9. Jaeger, Falk. (1996), “Architekturhauptstadt Berlin”, *Kulturchronik*, № 1, p. 8.
10. *Kulturchronik: Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland*. – Bonn: INTER NATIONES (Kulturchronik: Вести и сообщения из федеративной республики Германия. – Bonn: INTER NATIONES e.V).
11. Kuprecht, Holger. (1998), “Weltbürger wider Willen”, *Kulturchronik*, № 5, pp. 27–28.
12. *Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart: in 2 Bd.*, (1968), VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, Bd. 1, pp. 281–282.
13. Rossman, Andreas (1997), “Wunder in der Provinz”, *Kulturchronik*, № 4, pp. 8–10.
14. Stahr, Volker S. (1996), “Neuedition von Rückerts Koranübersetzung”, *Kulturchronik*, № 3, pp. 16.
15. Weinzierl, Ulrich (1999), “Herlinde Koelbl: “Wie Schriftsteller zu Werke gehen”, *Kulturchronik*, № 1, pp. 34–36.

Надійшла до редколегії 24.01.2017

УДК 801.161.1'367

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПОЛОГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ КАК ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Предложена общая типология согласования как подчинительной синтаксической связи, выделены три основных типа согласования: 1) полное, когда уподобление осуществляется во всех общих для определяемого и определяющего грамматических категориях; 2) неполное,

когда в какой-то части таких категорий уподобление есть, а в остальных отсутствует; и 3) нарушенное, когда при уподоблении словоформ в некоторых грамматических категориях имеет место нарушение согласования, расподобление этих словоформ в других категориях и главное слово употреблено в одной грамматической форме, зависимое – в иной.

Ключевые слова: согласование, подчинительная синтаксическая связь, уподобление словоформ, расподобление, типология, полное согласование, неполное, нарушенное.

Меншиков І. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

ТИПОЛОГІЯ УЗГОДЖЕННЯ ЯК ПІДРЯДНОГО ЗВ'ЯЗКУ

Запропоновано загальну типологію узгодження як підрядного зв'язку, виділено три основні типи узгодження: 1) повне, коли уподібнення здійснюється в усіх загальних для слів визначуваного та того, що визначає, граматичних категоріях; 2) неповне, коли в якійсь частині таких категорій уподібнення є, а в інших – відсутнє; і 3) порушене, коли при уподібненні словоформ у деяких граматичних категоріях має місце порушення узгодження, розподібнення цих словоформ в інших категоріях і головне слово використано в одній граматичній формі, а залежне – в іншій.

Ключові слова: узгодження, підрядний синтаксичний зв'язок, уподібнення словоформ, розподібнення, типологія, повне узгодження, неповне, порушене.

Menshikov I. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk national university. **TPOLOGY OF THE AGREEMENT AS A SUBORDINATE SYNTACTIC CONNECTION**

In the article is suggested more general, comparing to the traditional one, typology of agreement as a subordinate syntactic connection, which is based on two fundamentals: 1) agreement is one of the types of the subordinate connection; 2) agreement exists in case, and only in this case, when there is an assimilation of the dependent word with the form of the main one. In correspondence with these fundamentals is created general typology of the agreement as a subordinate syntactic connection, including three main types of the agreement: 1) full agreement – the assimilation of the dependent word with the main one in all common grammatical categories (*новая книга, моим другом, разбитому окну*); 2) partial agreement – form of the dependent word assimilates with form of the main word in some common grammatical categories, formally is not corresponding with the rest of grammatical categories and corresponding grammatical meanings (*мои, окна; с самим собой* – agreement in number and case, but not in gender; and 3) violated agreement – the assimilation of the dependent word with the form of the main one is made in some grammatical categories, but in the other categories (when there is no such an agreement) the dependent word is used not in the same form as the main word and it shows the dissimilation of the forms – violation of the agreement, as it can be presented in such constructions as *два красных карандаша; наша декан; молодая доктор наук*, when agreement in number and case, but different grammatical meaning of the gender for the dependent and main words.

Key words: agreement, subordinate syntactic connection, assimilation of the wordforms, dissimilation, typology, full agreement, partial, violated.

Согласование традиционно считается самым простым, легко узнаваемым и системно маркируемым видом одной из подчинительных синтаксических связей, поскольку формальные показатели согласования как уподобления формы зависимого слова форме главного в каких-то общих для этих слов грамматических категориях или, по А. М. Ломову, как уподобления зависимого компонента главному по некоторым общим для них грамматическим значениям [7, с. 348] имеют место как у синтаксической доминанты, так и у зависимого компонента соответствующих словосочетаний. И тем не менее при описании согласования далеко не всё излагается в достаточной степени адекватно, а главное – непротиворечиво, в особенности когда речь идёт о различного рода видах и подвидах именно этой синтаксической связи, а не о каких-то её аналогах типа, скажем, согласования времён [1, с. 438; 8, с. 287] или уподобления при сочинительной связи [3, с. 85–92; 4, с. 169–177], при предикативных отношениях [5, с. 134], а также при синезисе [15, с. 544] и др., аналогах, сопровождающихся формальной соотнесённостью тех или иных словоформ некоторой речевой цепи, но реально не вступающих между собой в иерархические отношения.

Лингвисты выделяют и описывают самые различные виды согласования. Чаще всего при этом говорится о полном и неполном согласовании как о согласо-

вании по всем общим для соответствующих слов грамматическим категориям (как правило, категориям рода, числа и падежа – *новый дом*) или только по некоторым из них (скажем, в числе и падеже – *новые дома*) [11, с. 346], а также о согласовании смысловом, когда выбор той или иной формы зависимого слова осуществляется не с ориентацией на форму главного слова, а в соответствии со смыслом всего высказывания и синтаксической функцией зависимого слова [1, с. 405; 15, с. 64]. Есть и более детальные классификации согласования. Так, например, А. М. Ломов, наряду с полным, неполным и смысловым, говорит ещё о двух типах согласования: скрытом и ассоциативно-грамматическом [7, с. 349]; у Е. С. Скобликовой четыре основных типа согласования: собственно-грамматическое, смысловое, условно-грамматическое и ассоциативно-грамматическое [1, с. 45–47], а у А. П. Загнитко в предметном указателе к Теоретической грамматике украинского языка фиксируется шесть типов согласования: ассоциативно-грамматическое, собственно-грамматическое (формально-грамматическое), неполное, полное, смысловое и условно-грамматическое [2, с. 645]. Используются также термины *грамматическое согласование* [8, с. 287], *нарушенное согласование* [1, с. 438], *синезис* [1, с. 405; 8, с. 266; 14, с. 544], *взаимосогласование* для конструкций типа *юноша-студент* [11, с. 320], *частично-падежное (частково-відмінкове) согласование* для конструкций типа *п'ятьма книжками, у п'яти книжках* [15, с. 644] и др. Не все такого рода типы согласования, однако, как и три приведенных выше более употребительных и чаще используемых термина: полное, неполное и смысловое согласование – отвечают логике вещей и требованиям, предъявляемым к научной, в том числе и к лингвистической, терминологии.

Обозначим реальное содержание используемых в предлагаемом исследовании терминов, введя несколько необходимых для этого постулатов, базирующихся не только на объективных реалиях, но и, как это нам представляется, на самых общих принципах изучения и описания семантико-грамматических отношений между компонентами речевой цепи.

Первое и самое, пожалуй, главное, из чего в соответствии с объективными реалиями и трактовкой согласования подавляющим большинством лингвистов мы, по-видимому, должны исходить, – это квалификация согласования в качестве **подчинительной** синтаксической связи между компонентами словосочетания [7, с. 348; 6, с. 47; 9, с. 44; 13, с. 47 и др.]. И принятие уже только этого постулата снимет вопрос о наличии согласования, а соответственно и об определении его типа в целом ряде синтаксических конструкций, и в частности: между подлежащим и сказуемым, поскольку, во-первых, они не образуют собственно словосочетания и, во-вторых, между этими членами предложения имеют место не иерархические (подчинительные) отношения, а предикативные, хотя при координации форм главных членов двусоставного предложения может, как известно, иметь место и уподобление соответствующих словоформ [1, с. 208; 6, с. 479], но это не будет согласованием как одним из видов подчинительной связи. Снимется вопрос о согласовании в аппозитивных конструкциях, связь между определяемым и определяющим в которых квалифицируется не как связь подчинительная, а как корреляция [5, с. 138; 10, с. 248–250]. Нет, очевидно, смысла говорить о согласовании и в целом ряде конструкций с внесистемными, по терминологии И. С. Поповой, синтаксическими отношениями, такими, например, как расчленение и сцепление, когда некоторое слово той или иной речевой цепи синтаксически подчиняется какому-либо одному её компоненту, а уподобляет свою форму другому (*Учебник лежит открытым; Он подошёл к девушке, с которой не был знаком*, и т. п.) [10, с. 268, 285]. Не следует поэтому декларировать согласование в конструкциях типа *Мальчик вернулся из пионерского лагеря повзрослевшим*, как это делает

О. С. Ахманова в своём Словаре лингвистических терминов [1, с. 438], и *Вспоминаю его молодым и весёлым*, как, например, у Т. В. Матвеевой в её Полном словаре лингвистических терминов [9, с. 441]. В первом из этих словарей неправомерно, на наш взгляд, используется и термин **нарушенное согласование**, иллюстрируемый такими примерами: *Свадьба Наташи... было последнее радостное событие; Первое лицо, которое он увидел... была Наташа* [1, с. 438]. Надо полагать, что только сопутствующее слову *согласование* определение *нарушенное* делает в данном случае вообще возможным обращение к этому термину в его основном значении даже при том, что уподобляются в приведенных примерах формы слов, не образующих словосочетание.

Второй постулат мы свяжем с толкованием самого понятия согласования как наличия или отсутствия грамматического уподобления форм слов, вступающих в иерархические отношения, и сформулируем этот постулат, опираясь на суть соответствующего явления, таким образом: как один из трёх основных типов подчинительной синтаксической связи, согласование (полное или неполное) имеет, очевидно, место тогда и только тогда, когда в том или ином виде наличествует грамматическое уподобление формы зависимого слова форме главного либо во всех (*старшая сестра* – уподобление в роде, числе и падеже), либо только в некоторых (*голубыми глазами* – уподобление в числе и падеже, но нет уподобления в роде) из общих для этих слов грамматических категориях. При отсутствии указанных или подобных им случаев уподобления нет, очевидно, смысла вообще говорить о согласовании, в том числе, конечно же, и о смысловом.

И в самом деле. В субстантивных словосочетаниях типа *наша врач* и *молодая профессор* есть зависимые слова, выраженные адъективным местоимением и прилагательным, которые, уподобляя свою форму форме существительного в числе и падеже, не соотносятся с ним в форме рода и не уподобляются ему в этой категории. Форма женского рода у соответствующего определения выбрана на основании каких-то семантических, а не грамматических параметров синтаксической доминанты и к согласованию как уподоблению форм, в том числе и к так называемому смысловому согласованию, если вообще при этом можно говорить об уподоблении словоформ, никакого отношения не имеет, как не имеет никакого отношения к согласованию, скажем, выбор формы родительного или какого-либо иного падежа у субстантивного определения к существительному (*чтение книги, подарок имениннику* и *увлечение музыкой*).

Можно, конечно, при отсутствии уподобления формы зависимого слова форме главного оперировать понятием нарушенного согласования, как это делает О. С. Ахманова [Там же, с. 438], поскольку в наших примерах имеет место явное, если можно так выразиться, рассогласование, т. е. нарушение собственно уподобления: определяемые существительные стоят в форме мужского рода, а детерминанты к ним – в форме женского. Однако важно иметь в виду, что и при нарушенном согласовании эта подчинительная связь в приведенных словосочетаниях так или иначе проявляет себя (пусть не во всех, а только в отдельных грамматических категориях), т. е. сам факт уподобления форм слов налицо, а значит, о согласовании, хотя и неполном, частично нарушенном, здесь говорить можно. Нужно лишь, как нам кажется, оговорить именно частный характер такого нарушения, его избирательное, т. е. только для некоторых грамматических категорий и лишь в определённого рода коммуникативных ситуациях, проявление, обусловленное особенностью морфологии компонентов словосочетания или, скажем, отсутствием формального выражения грамматического значения какой-либо категории у зависимого слова вступающих в иерархические отношения компонентов словосочетания, как это мы уже выше отметили у адъектива, подчиняющегося имени су-

ществительному, употребленному во множественном числе. Ср.: *мой дом, моя комната, моё окно*, но *мои дома, комнаты, окна*. Нарушенное согласование может стать нормой, а зачастую даже и не замечаться носителями языка, как, например, это имеет место, когда мы говорим и пишем что-нибудь вроде *Принеси мне, пожалуйста, два/три/четыре красных карандаша*, употребляя при этом подчиняющееся существительному прилагательное *красных* во множественном, а не в единственном числе, как у стоящего в единственном числе имени существительного, которому это прилагательное уподобляет свою падежную форму (значит, согласование, пусть только и в одной категории, всё же есть), но оно нарушено.

В качестве смыслового согласования (согласования по смыслу, синезиса) обычно толкуется такая форма зависимого слова, которая, как уже было отмечено, определяется не формой главного, а либо его синтаксической функцией в данной речевой цепи (*Он купил новое пальто; У него нет нового пальто; Он доволен новым пальто*), либо общим смыслом высказывания и какими-то экстралингвистическими факторами (*Я говорю это самому/самой себе; Побеспокойся, пожалуйста, о нашем/нашей сироте*). Уподобления словоформ, а соответственно и согласования при этом нет, и такая ситуация, как правило, возникает при морфологической, условно говоря, ущербности стержневого слова словосочетания, когда те или иные грамматические значения не находят своего формального выражения у определяемого компонента словосочетания, в том числе и тогда, когда он является, скажем, неизменяемым существительным. Грамматическое уподобление формы одного слова форме другого здесь в принципе невозможно, а ориентация на какие-то иные факторы выбора формы зависимого слова объективно ничем не обуславливает и не требует собственно согласования как подчинительной связи, каким бы определением мы ни попытались сопроводить термин, обозначающий эту синтаксическую связь, назвав согласование смысловым, скрытым, ассоциативно-грамматическим или каким-то иным. Термин же *нарушенное согласование* представляется нам вполне приемлемым, но с учётом сделанных выше замечаний.

Грамматическое уподобление форм слов в некоторой синтаксической конструкции – явление, довольно распространённое не только в русском, но и в других славянских языках, однако уподобление – это не один из чётко обозначенных в украинистике трёх основных видов синтаксической связи: предикативной, подчинительной и сочинительной, – выделяемых на основе одного из направлений синтаксической зависимости: 1) двустороннее направление зависимости – предикативная связь; 2) одностороннее направление зависимости – подчинительная связь; 3) отсутствие зависимости – сочинительная связь [2, с. 28; 10, с. 217; 15, с. 549]. Это по сути своей лишь некое средство, один из способов материального обозначения какого-либо частного проявления любого из указанных основных видов синтаксической связи, причём чаще всего подчинения, средство, которое может быть реализовано при маркировке и иных семантико-грамматических отношений между компонентами речевой цепи, таких, в частности, как координация (*Мама очень устала*) и корреляция (*Я живу в городе Киеве*), но здесь не подчинительная связь, и, следовательно, факт уподобления тех или иных словоформ не означает того, что они находятся в иерархических отношениях и между ними имеет место согласование или какой-либо из видов этой синтаксической связи.

Общая типология согласования как подчинительной синтаксической связи, при которой форма зависимого слова уподобляется форме главного в общих (всех или некоторых) для этих слов грамматических категориях, может быть, таким образом, представлена только тремя основными типами этой связи:

1) **полное согласование** – уподобление зависимого слова главному имеет место во всех общих для этих слов грамматических категориях (*новая книга, моим другом, разбитому окну*);

2) **неполное согласование** – форма зависимого слова уподобляется форме главного только в некоторых общих для этих слов грамматических категориях, формально не соотносясь с остальными грамматическими категориями, а значит, и с соответствующими грамматическими значениями (*мои окна; с самим собой* – согласование в числе и падеже, нет согласования в роде);

3) **нарушенное согласование** – уподобление формы зависимого слова форме главного в некоторых грамматических категориях осуществляется, а в некоторых (когда нет такого уподобления) зависимое слово употреблено не в той форме, в какой употреблено главное и налицо расподобление форм, т. е. нарушение согласования, как это имеет место в конструкциях *два красных карандаша; наша декан; молодая доктор наук*, когда есть уподобление в числе и падеже, но разные грамматические значения и формы рода у определяемого и определяющего.

При описании каждого из трёх указанных основных типов согласования, в особенности неполного и нарушенного, могут быть выделены те или иные их подтипы или разновидности. И если случаи полного согласования можно связать, скажем, с характером парадигматических классов слов, образующих словосочетание, в котором уподобляются все грамматические формы главного и зависимого слов (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие), то в качестве основания для классификации неполного согласования естественно, по-видимому, принять комплекс тех грамматических категорий, в рамках которых уподобление осуществляется или не осуществляется (теоретически здесь максимум шесть вариантов: род, число, падеж, род и число, род и падеж, число и падеж), а нарушенное согласование может быть подразделено на конструкции с тем или иным характером рассогласования, расподобления в комплексе тех же, что и при неполном согласовании, грамматических категорий. Однако это уже предмет особых поисков и специальных исследований.

Библіографічні посилання

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. **Загнітко А. П.** Теоретична грамати́ка української мови. Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк : Дон НУ, 2001. – 662 с.
3. **Коник Т. В.** Упорядкування в системі синтаксичних зв'язків слів / Т. В. Коник // Вісн. Дніпропетр. нац. ун-ту. Мовознавство. – 2005. – Вип. 11. – Т. 4. – С. 169–177.
4. **Коник Т. В.** Метамовні аспекти узгодження як одного із типів сурядного зв'язку / Т. В. Коник // Дослідження з лексикології і граматики української мови. – Д. : Пороги, 2005. – С. 85–92.
5. **Кроте́вич Є. В.** Словник лінгвістичних термінів / Є. В. Кроте́вич, Н. С. Родзе́вич. – К. : Вид-во АН УРСР, 1957. – 236 с.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
7. **Ломов А. М.** Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : Восток-Запад, 2007. – 416 с.
8. **Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 436 с.
9. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 563 с.
10. **Попова І. С.** Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) : моногр. – Д. : Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.

11. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – Изд. 2-е, испр. – М. : Рус. язык, 1990. – 640 с.
12. **Русский язык. Энциклопедия** / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
13. **Синтаксис современного русского языка** / под ред. С. В. Вяткиной. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 347 с.
14. **Скобликова Е. С.** Очерки по теории словосочетания и предложения / Е. С. Скобликова. – Куйбышев : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 140 с.
15. **Стариченок В. Д.** Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
16. **Українська мова. Енциклопедія** / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

References

1. Ahmanova, O. S. (1966), *Vocabulary of linguistic terminology* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 608 p.
2. Zagnitko, A. P. (2001), *Theoretical Grammar of the Ukrainian language. Syntax* [*Teoretichna gramatika ukraïns'koï movi. Sintaksis*], Donetsk, 662 p.
3. Konik, T. V. (2005), *Assimilation in the system of the syntactic connections of words* [*Upodibnennja v sistemi sintaksichnih zv'jazkiv sliv*], Dnipropetrovsk, 169–177 p.
4. Konik, T. V. (2005), *Metalanguage of the agreement as one of the types of syntactic connections* [*Metamovni aspekti uzgodzhennja jak odnogo iz tipiv surjadnogo zv'jazku*], Dnipropetrovsk, pp. 85–92.
5. Krotevich, E. V. (1957), *Vocabulary of linguistic terms* [*Slovník lingvistichnih terminiv*], Kiev, 236 p.
6. Jarceva, V. N. (1990), *Linguistic encyclopedic dictionary* [*Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*], Moscow, 688 p.
7. Lomov, A. M. (2007), *Vocabulary-reference in syntax of the modern Russian language* [*Slovar'-spravochnik po sintaksisu sovremennogo russkogo jazyka*], Moscow, 416 p.
8. Maruzo, Zh. (1960), *Vocabulary of linguistic terms* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 436 p.
9. Matveeva, T. V. (2010), *Full vocabulary of linguistic terms* [*Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov*], Rostov n/D, 563 p.
10. Popova, I. S. (2009), *Fundamental categories of the metalanguage of the Ukrainian syntax (unit, connection. model)* [*Fundamental'ni kategorii metamovi ukraïns'kogo sintaksisu (odinicia, zv'jazok, model')*], Dnipropetrovsk, 432 p.
11. Shvedova, N. Ju, Lopatin, V. V. (1990), *The Russian Grammar* [*Russkaja grammatika*], Moscow, 640 p.
12. Filina, F. P. (1979), *The Russian language. Encyclopedia* [*Russkij jazyk. Jenciklopedija*], Moscow, 432 p.
13. Viatkina, S. V. (2008), *Syntax of the modern Russian language* [*Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka*], St. Petersburg, 347 p.
14. Skoblikova, E. S. (1990), *Review in theory of word-combination and sentence* [*Očerki po teorii slovosochetanija i predlozhenija*], Saratov, 140 p.
15. Starichenok, V. D. (2008), *Big linguistic dictionary* [*Bol'shoj lingvisticheskij slovar'*], Rostov n/D, 811 p.
2. Russaniv's'kiy, V. M., Taranenko, O. O. (2000), *The Ukrainian language. Encyclopedia* [*Ukraïns'ka mova. Enciklopedija*], Kiev, 752 p.

Надійшла до редколегії 15.11.2016

А. Моради

*Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина***ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ СОЗДАНИЯ
ЭМПОРОНИМОВ И ТРАПЕЗОНИМОВ**

Рассмотрен один из способов образования эмпоронимов и трапезонимов – трансономизация, т. е. переход имени из одного разряда в другой. На материале названий предприятий торговли и питания многонационального г. Харькова продемонстрировано многообразие процесса перехода антропонимов и топонимов в названные разряды эргонимов. Показано, что языковые процессы в ономастике г. Харькова отражают особенности функционирования русского языка в полилингвальном украинском городе в сфере номинации городских объектов торгового и ресторанного бизнеса. Подчеркнуто, что происходящие в этой сфере изменения свидетельствуют о вхождении Украины в мировое экономическое пространство.

Ключевые слова: ономастика, язык города, урбонимы (урбанонимы), эргонимы, эмпоронимы, трапезонимы, трансономизация, трансантропонимизация, транстопонимизация.

Моради А. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. **ТРАНСОНИМІЗАЦІЯ ЯК ОДИН ІЗ ШЛЯХІВ СТВОРЕННЯ ЕМПОРОНІМІВ І ТРАПЕЗОНІМІВ**

Розглянуто один із способів утворення емпоронімів і трапезонімів – трансономізація, тобто перехід імені з одного розряду в інший. На матеріалі назв підприємств торгівлі й харчування багатонаціонального м. Харкова продемонстровано різноманіття процесу переходу антропонімів і топонімів до вказаних розрядів ергонімів. Показано, що мовні процеси в ономастичній м. Харкова відбивають особливості функціонування російської мови в полілінгвальному українському місті у сфері номінації міських об'єктів торгового і ресторанного бізнесу. Наголошено, що зміни, які відбуваються у цій сфері, свідчать про входження України у світовий економічний простір.

Ключові слова: ономастика, мова міста, урбоніми, ергоніми, емпороніми, трапезоніми, трансономізація, трансантропонімізація, транстопонімізація.

Moradi A. V. N. Karazin Kharkov National University. **TRANSONYMISATION AS ONE OF THE WAYS OF CREATING EMPORONYMS AND TRAPESONYMS**

The article deals with one of the methods to create emporonyms and trapesonyms – transonymisation. The purpose of the present article is an analysis of emporonyms and trapesonyms which have anthroponyms and toponyms as the producing base. A variety of a transition process of anthroponyms and toponyms to the mentioned ergonyms categories is demonstrated as exemplified in the names of trade enterprises and names of restaurant business and in multicultural Kharkiv city. Transanthroponymisation is being the most active from common and having national-cultural connotations of Slavic (Russian, Ukrainian and Belarusian) names and surnames, less active – from foreign names and surnames, names of historical figures, famous people, writers. Transtophonimisation is observed in names constructed from regional and Ukrainian toponyms, non-regional hydronyms and oronyms, from the names of other States, their capitals, cities, districts, streets, and towns. In addition to the Russian and Ukrainian languages means, foreign language means (graphic, lexical) of varying degrees of maturity are actively used in the formation of these groups of ergonyms. Analyzed language processes reflect peculiarities of Russian language functioning in the polylingual Ukrainian city in the naming unit area of city objects of trade and restaurant business. The ongoing changes in this area indicates Ukraine's entering the world's economic space.

Key words: onomastics, city language, urbonyms (urbanonyms), ergonyms, emporonyms, trapesonyms, transonymisation, transanthroponymisation, transtophonimisation.

В современной ономастической науке активно развиваются исследования, посвященные изучению эргонимии – собственных имён «деловых объединений людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [5, с. 166]. Из этого принятого в российской онома-

стике определения следует, что эргонимы (от греч. «дело, труд; деятельность» + *оним*) – это большая и неоднородная группа городских онимов (урбонимов/урбононимов), которая включает в себя собственные наименования как коммерческих (магазинов, ресторанов, парикмахерских, ремонтных мастерских, производственных фирм и под.), так и некоммерческих (государственных и общественных организаций, ассоциаций, кружков и секций, клубов по интересам и под.) деловых объединений*. Эргонимы выделены из урбонимов и классифицируются по признаку вида деятельности именованных предприятий, организаций, объединений.

Среди эргонимов выделяют разряды эмпоронимов и трапезонимов (о классификации урбонимов и эргонимов см.: [7]. – *А. М.*). В русистике первый термин используется для наименований предприятий торговли (*эмпороним* – от греч. «торговля» + *оним*) – ларьков, павильонов, магазинов, супермаркетов и подобное; второй термин – для предприятий питания (*трапезонимы* – из ст.-сл. «трапеза» «еда за столом» + *оним*) – ресторанов, кафе, баров и подобное. Среди объектов эргонимической номинации предприятия торговли и питания объединяет коммерческий характер их деятельности, преследующей в качестве основной цели извлечение прибыли через предоставление товаров и услуг для любого потребителя независимо от социальных, возрастных, гендерных, статусных, национальных и других характеристик. Эмпоронимы и трапезонимы репрезентируют «письменное» языковое пространство города и являются важными составляющими в лингвистическом описании современного города.

Актуальность рассматриваемой темы определяется тем, что наименования городских объектов отражают не только социально-экономические изменения, но и процессы, происходящие в «живом языке» города. В данной статье мы рассмотрим один из способов образования эмпоронимов и трапезонимов – трансонимизацию. Материалом для исследования послужили названия предприятий торговли и питания многонационального г. Харькова, расположенного в восточной части Украины. Можно предположить, что языковые процессы, происходящие в ономастике г. Харькова, в значительной степени отражают особенности функционирования русского языка в полилингвальном украинском городе в сфере номинации городских объектов торгового и ресторанного бизнеса.

Эмпоронимы и трапезонимы находятся на периферии ономастического пространства и длительное время не были предметом самостоятельного исследования, а служили, наряду с другими группами урбонимов, наглядными примерами в процессе исследования эргонимов. В силу наличия системно-структурных отношений и связей в ономастическом пространстве города выявленные исследователями закономерности создания и функционирования эргонимов можно считать изоморфными по отношению к эмпоронимам и трапезонимам. Их активная коммуникативно-прагматическая направленность на потребителя товаров и услуг именованных заведений порождает многообразие используемых способов создания новых онимов и творческий подход имядателя к созданию наименования своего торгового или ресторанного предприятия.

Наиболее продуктивными лексико-семантическими способами образования имён собственных ономатологи считают: 1) онимизацию апеллятива, т. е. переход любого «несобственного слова» в класс онимов; 2) трансонимизацию, т. е. переход онима из одного разряда в другой; 3) заимствование готового собственного

* В классификации имен собственных, принятой Международным советом по ономастике ICOS (The International Council of Onomastic Sciences), предлагается общий термин *chrematonym* (название политико-экономического, или коммерческого, или культурного учреждения, или вещи), а также термин *ergonym* для названия учреждения или коммерческой фирмы.

имени из другого языка. Применительно к эргонимам (в том числе и к эмпоронимам и трапезонимам), которые относятся к явлениям вторичной номинации, исследователи называют и другие не менее продуктивные в наше время способы: 1) онимотрансонимизацию – одновременное комбинирование онимизации и трансонимизации по модели: *онимизация + трансонимизация* и 2) имятворчество (словопроизводство) – искусственное создание имени собственного по существующим моделям языка, т. е. креативное, творческое комбинирование словообразовательных моделей языка, его графических возможностей [1–3].

Трансонимизация – один из распространенных путей образования новых имён собственных посредством перехода собственного имени в иной ономастический класс. Семантическая трансонимизация происходит без формальных изменений производящего онима, грамматическая трансонимизация сопровождается аффиксацией или сложением основ [4, с. 43]. Возможно также образование сложных номинативных единиц, один из компонентов которых – уже существующий оним. Семантическая трансонимизация приводит к возникновению омонимии, так как производящий и производный онимы являются фактами разных ономастических полей [6, с. 46–47].

Как показывает проанализированный лексический материал, в качестве исходного, производящего эмпороним или трапезоним, онима могут употребляться антропонимы (личное имя человека), топонимы (наименования географических объектов, населённых пунктов), теонимы (имена богов), мифонимы (имена героев мифов, сказок, былин), космонимы (названия зон Вселенной), астронимы (названия небесных тел); фитонимы (наименования растений), зоонимы (клички животных) и другие разряды собственных имён.

В данной статье мы рассмотрим использование лишь антропонимов и топонимов в качестве производящей основы в процессе создания эмпоронимов и трапезонимов. Процессы образования эргонима от антропонима или топонима называют трансантропонимизацией и транstopонимизацией соответственно.

Анализ эмпоронимов и трапезонимов г. Харькова показал, что **трансантропонимизация** – продуктивный способ образования наименований предприятий торговли и ресторанного бизнеса. Она представлена следующими группами:

от женских личных имён: *Юлия*_магазин женской одежды и белья, *Алеся*+женская одежда, белорусский трикотаж, *Алеся*+жіночий одяг, *Марія*+парфюмерия косметика, подарки, канцтовары, бытхимия, посуда, *Мария*_кафе, *Наталі*_кафе, *Норма*_кафе, *Анжелика*_кафе, *Lada*_cafe, *Bogdana*_свадебный магазин-салон;

от мужских личных имён: *Алекс*+кожаная фабричная обувь, *Антош*-ка+мережа дитячих мрій, *Саша* + *Маша*+подростковая и детская мода, *Хома*_домашняя кулинария, *Дмитро*_магазин шашлыка.

Как видим, трансантропонимизация происходит от традиционных русских имен, от славянских женских имен – украинских и белорусских, а также от обрусевших, освоенных иностранных (*Норма*, *Анжелика*). У большинства коренных жителей многонационального города Харькова кириллическая графика русского, украинского и белорусского языков не вызывает затруднений в прочтении названий. Поэтому имядатели применяют написание одних и тех же имён в названиях магазинов и кафе в одних случаях по-русски (*Алеся*, *Мария*), в других – по-украински (*Алеся*, *Марія*). И русские, и украинские (*Хома*, *Дмитро*), и белорус-

* В приводимых примерах эмпороним или трапезоним отделяется от типа заведения знаком подчёркивания (_). За знаком плюс (+) даётся дополнительная характеристика товара или услуги, указанная на вывеске.

ские (*Алеся*) имена воспринимаются жителями Восточной Украины как свои, не заимствованные. Скорее, написанное латиницей украинское имя *Богдана* (*Bogdana_свадебный салон*) или русское Лада (*Lada_cafe*) будут восприняты как иностранные, на что, вероятно, и рассчитывают имядатели, желая подчеркнуть престижность заведения.

Интересно, что в эмпоронимах, образованных от мужских и женских имён, часто используется не полное официальное имя, а его сокращенный, неофициальный вариант (гипокористическое имя), образованный путём изменения или усеечения основы полного имени с использованием иногда суффикса: *Алекс* и *Саша* от *Александр*, *Маши* от *Мария*, *Антошка* от *Антон*. Если в эмпорониме антропоним в большинстве случаев отражает ориентированность на потребителя предлагаемых товаров (для мужчин, для женщин, для детей или подростков), то в трапезониме мужское или женское имя часто указывает на хозяина заведения, а женское имя, кроме того, должно, вероятно, вызывать благоприятные ассоциации и позитивно настраивать потенциального потребителя. Встречается предложно-падежная форма эмпоронима и трапезонима по модели «у + антропоним в Родительном падеже», содержащая имя собственника заведения: *У дяди Саши*+фрукты и овощи, *У Галины*+овощи и фрукты, *У Галины_кафе*, ресторан. Такая форма выполняет дополнительную функцию воздействия: хозяин дружески как бы приглашает потребителя купить товар у него или побывать в гостях в его кафе или ресторане. Здесь мы наблюдаем омонимию собственного имени: одинаковые названия имеют магазин и ресторан, которые принадлежат разным хозяевам, имеющим одинаковые личные имена.

от иностранных женских личных имён: *Амели_магазин* модной одежды, евросток, *Валери_магазин* мужской и женской одежды, *Марго_кафе*, *Лорени_кафе-бар*+итальянская пицца, домашняя кухня, шашлык, *Elizabeth*+стильная женская одежда, *Jianetta*+женская одежда, *Laura_магазин-салон* красоты, *ADELE*+для мужчин и женщин итальянские куртки и пуховики, головные уборы, *Микаель*+елітний жіночий одяг, *Amelie_французский ресторанчик*;

от иностранных мужских личных имён: *Тамир*+мужская коллекция, *Батона Буба*+грузинская кухня, *Лучіано®*+торти, тістечка, *Stanislav*+мужская классическая одежда, *Асэна_boutigue*+100 % турецкое качество, *Kemal_кафе*+туркменская кухня.

В современной социально-экономической обстановке, когда иностранный язык активно входит в употребление во многих сферах деятельности человека, а международные торговые отношения Украины расширяются, появление заимствованных собственных имён на вывесках магазинов, ресторанов и подобных заведений ожидаемо. Эти имена собственные известны населению как заимствованные личные имена людей, а вторичное их использование в наименовании магазинов и ресторанов есть процесс трансантропонимизации. Иностранные личные имена используются в транслитерации на русский (*Амели, Марго, Лорени; Тамир, Авад, Буба, Асэна*) или украинский языки (*Валери, Лучіано, Микаель*), а также пишутся латиницей (*Elizabeth, Jianetta, Laura, Amelie, ADELE, Stanislav, Kemal*). Кроме того, желая выделить свой магазин из ряда подобных и привлечь внимание потребителя, имядатель может создать некий гибрид – графическую композицию из букв латиницы и кириллицы: *Сальвадор*. Выбор мужского или женского имени для эмпоронима диктуется ассортиментом товара для мужчин или для женщин. Магазины, одновременно предлагающие товары для мужчин и для женщин, подбирается имя, которым может быть названо лицо и мужского и женского пола: *Валери_магазин* мужской и женской одежды, *ADELE*+для мужчин и женщин итальянские куртки и пуховики, головные уборы. Использование иностранного

имени в названии магазина, вероятно, должно подчеркнуть страну происхождения, современность, изысканность, стильность, высокое качество продаваемого товара. Иногда (совместно с дополнительной информацией на вывеске) заимствованное имя указывает на страну, откуда привезён товар: *Асэна_boutigue*+100 % турецкое качество. Мужское или женское имя в трапезониме однозначно указывает на национальный характер подаваемых блюд: *Батоно Буба_грузинская кухня*, *Ketal_кафе+туркменская кухня*. Для потребителей, которым не известно происхождение имени, рядом с названием даётся указание на национальный колорит кухни: *Amelie_французский ресторанчик*.

от русских и иностранных фамилий: *Авад_кафе+восточно-европейская кухня*, *Тестовъ_пироговая*, *Товарищ Одевайкин_Центр Сток+одежда на вес*, *Шарикoff_ресторанъ*, трактирь, *Хлеб от Свистунова*, *Frau Strudel_кафе-пекарня штруделей*, *Смит+Компьютеры и сети*

от фамилий исторических деятелей, художников, писателей, спортсменов: *Хмельницкий_продукты* [*Богдан Хмельницкий* – полководец и государственный деятель, гетман Войска Запорожского в первой половине XVII века], *Гоголь_Coffee* [по фамилии русского писателя XIX века Н. Гоголя], *Чеховъ_Restorant* [по фамилии русского писателя XIX века А. Чехова], *Старик Хэм_паб* [по фамилии американского писателя Э. Хэмингуэя], *Сальвадор_материалы для художников и творчества* [по имени художника XX века Сальвадора Дали], *Али+Боксерская экипировка+Спортивное питание* [по имени американского боксера-профессионала Мохаммеда Али – одного из самых известных боксёров в истории мирового бокса].

Фамилия – это одно из личных имён человека, его наследственное имя, указывающее на принадлежность человека к одному роду, к одной семье, поэтому фамилию тоже относят к антропонимам. В производящей основе харьковских эмпоронимов и трапезонимов встречаются как реальные фамилии (*Авад* – арабская фамилия, *Шари́ков*, *Свистунов* – русские фамилии) и фамилии реальных лиц – исторических деятелей, известных людей, писателей (см. выше), так и фамилии, вероятно, искусственно созданные имядателем по существующим в языке моделям для слов этого типа (*Тестовъ*, *Одевайкин**, *Strudel*). Многие из них являются прецедентными именами – лингвокультурологическими единицами, обладающими коннотациями, способными передавать культурную информацию. Для усиления коннотаций имядатель использует устаревшую орфографию, например твёрдый знак (Ъ) в конце фамилии, заканчивающейся на твёрдый согласный: *Чеховъ*, *Тестовъ*. Вымышленные фамилии (их можно назвать неузуальными антропонимами) создаются при помощи специфических для русских фамилий суффиксов -ов, -(к)ин, они семантически связаны с характером деятельности заведения, для названия которого они придуманы: *Тестов* (от *тесто* – густая масса из муки и жидкости для приготовления хлеба и пирогов) – для кафе, в котором подают традиционную для русской кухни еду – пироги с различными начинками; *Одевайкин* (от императива глагола *одевать*) – для магазина, в котором продается одежда, а демократичный ценовой уровень продаваемого в нём товара подчёркивается словом *товарищ*, которое было принято как обращение в советском обществе: *Товарищ Одевайкин*. Форма обращения к женщине и модель образования фамилии в немецком языке проявились в трапезониме *Frau Strudel*: (нем.) *frau* – «госпожа», «женщина» и *Strudel* (рус. штрудель) – десертное блюдо из муки в форме рулета с начинкой (сравни с немецкой фамилией *Меркель*). Фамилия *Шари́ков* в названии ресторана ассоциируется с персонажем известного произведения М. Булгакова

* Мы не нашли фамилию *Одевайкин* в существующих Словарях русских фамилий.

«Собачье сердце» (а интерьер ресторана оформлен в стиле эпохи 20–30-х годов XX столетия, один из залов – имитирует кабинет профессора Преображенского). В то же время графическое оформление названия ресторана выполнено по аналогии с известными мировыми марками, носящими фамилии владельцев (например, *Smirnoff*, *Davidoff*), т. е. с помощью заимствованного суффикса *-off* (*Шарикoff*) вместо русского суффикса *-ов*. Надо полагать, само название ресторана намекает на высокое качество обслуживания. Данные примеры подтверждают тезис о том, что при создании эргонимов имядатели могут одновременно использовать несколько способов образования названий, руководствуясь разными мотивами.

Кроме трансантропонимизации в номинации городских торговых и ресторанных объектов г. Харькова наблюдается активная **транстопонимизация**. Было выявлено большое количество эмпоронимов и трапезонимов, мотивированных географическими названиями:

от названий улиц и площадей г. Харькова, на которых находится городской объект. Такие названия ориентируют потребителя в городском пространстве, т. к. указывают адрес объекта: *Автомаркет на Гагарина* [на проспекте Гагарина], *Second Hand на Гагарина* [на проспекте Гагарина], *Данилевский_гастроном* [на улице Данилевского], *На Поэзии_детский магазин+всё для детей* [на площади Поэзии], *Блинная на Шляху_кафе* [на улице Полтавский Шлях (укр.)], *Петровский_магазин* [на улице Петровского], *Ярославский_ресторан* [на улице Ярославской], *AVENUE LENIN 7=Проспект Ленина 7+всё для женщин* [на проспекте Ленина, дом 7]. Сюда же можно отнести и образованный от экклезионима эмпороним *Покровский_магазин* [магазин находится рядом с Покровским монастырём].

от региональных топонимов, связанных с Харьковом и Харьковской областью: *СалтОвский хлеб* [*Салтовский* от *Салтовка* – неофициальное название одного из районов г. Харькова, в котором расположен хлебозавод], *Оптика Алексеевская* [*Алексеевская* от *Алексеевка* – неофициальное название одного из районов г. Харькова, в котором расположен магазин оптики], *Кулинички+караваи и торты на заказ* [*Кулинички* – посёлок городского типа, в котором расположен хлебозавод], *Заречье+молочные продукты* [неофициальное название одного из районов г. Купянска в Харьковской области, в котором расположен молокозавод], *Слободская усадьба_книжная лавка* [*Слобода* – в истории России, Украины и Белоруссии вид поселения рядом с городом, жители которого имели освобождение («свободу», «слободу») от государственных обязанностей по выполнению общественно полезного труда], *Перша Цукерня Слобожанщини* [*Слобожанщина* (укр.) – наименование территории украинских областей историко-этнографического региона Слободская Украина, центром которого являлся Харьков], *Перша столиця+ковбасні вироби* [*Перша столиця* (укр.) – Харьков был первой столицей Украины в 1919–1934 гг. в составе Советского Союза].

от общеукраинских топонимов: *Днепропетровская обувь* [*Днепропетровск* – город, в котором изготовлена продаваемая в магазине обувь], *Львівські меблі_меблі, окна* [*Львівські* (укр.) от *Львов* – город в западной части Украины, в котором производится продаваемая в магазине мебель], *Чернігівське супермаркет* [*Чернігівське пиво* (укр.) от *Чернигов* – город в центральной части Украины, в котором производится пиво соответствующей марки], *Львівське з 1715* [*Львівське пиво* (укр.) от *Львов* – город в западной части Украины, в котором с 1715 года производится пиво соответствующей марки], *Живые вина Крыма_винный магазин* [*Крым* – полуостров, на котором выращивается виноград и производятся натуральные вина на местных винозаводах], *Массандра_Massandra The Crimea Массандра* – посёлок на южном берегу Крыма, в котором выращивается виноград и

работает винзавод, производящий натуральные вина этой марки], *Одеса*+завжди модно та доступно [(укр.) Одесса – город в Украине на побережье Чёрного моря].

от названий других государств, их столиц, городов, районов, улиц, посёлков в кириллической и латинской графике: *Белорусская косметика*_комиссионный магазин, *Белорусский трикотаж* [*Белоруссия* – название нынешнего государства *Беларусь* в составе Советского Союза в форме республики], *Беларусь прадукт* [(белорус. язык) *Беларусь* – государство в Восточной Европе], *Двері Білорусії* [*Білорусія* (укр.), *Беларусь* – государство в Восточной Европе], *Авлабар_ресторан* [*Авлабари* или *Авлабар* (груз. ავლაბარი) – один из древнейших районов столицы Грузии – Тбилиси], *Арчи_ресторан+банкетный зал* [*Арчиб* или *Арчи* – селение на юго-востоке Дагестана, Россия], *Япония Авто=Японія Авто*+все для японских та корейских авто [*Япония* – островное государство в Восточной Азии], *Рижский трикотаж* [*Рига* – столица Латвии – прибалтийского государства в Восточной Европе], *Parma_магазин женской одежды* [*Парма* (итал. Parma) – город в Италии], *Riccione обувь* [*Риччоне* (итал. Riccione) – город в Италии], *Марсель_кафе* [*Марсель* (фр. Marseille) – город на юго-востоке Франции, крупнейший морской порт страны], *Версаль_свадебный салон* [*Версаль* (фр. Versailles) – город во Франции, в настоящее время пригород Парижа, бывшая резиденция французских королей], *Старый Амстердам_бутик сыров* [*Амстердам* (гол. Amsterdam) – столица и крупнейший город Нидерландов], *Сувениры Амстердама*=Souvenirs from Amsterdam [*Амстердам* (гол. Amsterdam) – столица Нидерландов], *Санта Барбара_кафе* [*Санта-Барбара* (англ. Santa-Barbara) – город в США, в штате Калифорния, топоним стал популярен после демонстрации по ТВ американского сериала «Санта-Барбара» (1984–1993 гг.)], *Broadway_магазин* [*Бродвей* (англ. Broadway) – самая длинная улица в американском городе Нью-Йорк], *Атланта Шоу+музыкальные инструменты* [*Атланта* (англ. Atlanta) – город в США, столица и крупнейший город штата Джорджия], *baker Street 75_bakery & coffee_кондитерская* [*Бейкер стрит* (англ. Baker Street) – улица в Лондоне, наиболее известная тем, что на ней якобы жил литературный персонаж Конан Дойля частный детектив Шерлок Холмс], *Гринвич_салон годинників* [*Гринвич* (англ. Greenwich) – исторический район современного Лондона, знаменит Королевской обсерваторией, через которую был проведен меридиан нулевого часового пояса – гринвичский меридиан], *Аттика_сеть табачных киосков* [*Аттика* – юго-восточная историческая область Центральной Греции].

Активно используется макротопоним *Европа*. Эмпоронимы образуются от слова *Европа* не как названия континента, а как названия социально-экономического и политического объединения государств – Европейского Союза, промышленная продукция которого отличается высоким качеством, а значит, престижна в Украине, даже если это товар из категории second hand. Слово *Европа* часто является частью сложного или составного названия: *Европа_магазин* (секонд-хенд), *Бытовая химия из Европы*, *Евроток_магазин одежды*, *ЕвроОкна*+окна, двери, *ЕврОбайк+Creating History Together*TM.

от нерегиональных гидронимов (название реки, озера или другого водоема) и **оронимов** (название рельефа): *Борисфен_продукты, напитки, Борисфен_универсам* [*Борисфен* – древнее название самой длинной реки Украины Днепр], *Славутич Шато_пивоварня* [*Славутич* – украинское фольклорное название реки Днепр], *Аракс_Радио-рынок* [*Аракс* – река в Закавказье], *Астор_модная мебель* [*Астор* – река в Индии, один из притоков реки Инд], *La-Mansh_ресторан, караоке-бар* [*Ла-Маниш* (фр. La Manshe, англ. English Channel) – пролив между по-

бережьем Франции и островом Великобритании], *Казбек_грузинська кухня* [*Казбек* – название горы на Кавказе, на границе России и Грузии].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в последние годы значительно расширился и изменился облик имени собственного в составе эмпоронимов и трапезонимов. Помимо средств русского и украинского языков в образовании этих групп эргонимов активно используются иноязычные средства разной степени освоенности. На вывесках мирно сосуществуют русские, украинские и освоенные, а также не полностью освоенные или вовсе не освоенные слова и словосочетания, вошедшие в русский язык из других языков. Полагаем, что это явление не только дань моде или стремление таким образом повысить престижность заведения, но и отражение полиэтничности и многоязычности населения города. Это также может быть косвенным показателем расширения Украиной экономических связей с разными странами.

За пределами статьи остались другие разряды онимов, которые участвуют в трансонимизации при создании эмпоронимов и трапезонимов: теонимы и мифонимы, космонимы и астронимы, фитонимы и зоонимы, а также фирмонимы, представляющие на вывесках известные брэнды, компании, сети магазинов и ресторанов разных форматов. Анализ трансонимизации этих разрядов в эмпоронимы и трапезонимы позволит представить более полную картину языковых процессов, происходящих в номинации предприятий торгового и ресторанного бизнеса и в городском ономастическом пространстве в целом.

Бібліографічні посилання

1. **Вайрах Ю. В.** Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска [Электронный ресурс] / Ю. В. Вайрах. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-naimenovaniy-kommercheskih-predpriyatij-irkutskaja>
2. **Долганова А. Ю.** Процессы трансонимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) [Электронный ресурс] / А. Ю. Долганова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-transonimizatsii-v-ergonimii-na-materiale-nazvaniy-magazinov-izhevskaja>
3. **Курбанова М. Г.** Трансонимизация в эргонимии современного русского языка [Электронный ресурс] / М. Г. Курбанова. – Режим доступа: http://seanewdim.com/uploads/3/2/1/3/3213611/kurbanova_m.g._transonymization_in_the_ergonims_of_the_modern_russian_language.pdf
4. **Подольская Н. В.** Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) / Н. В. Подольская // *Вопр. языкознания*. – 1990. – № 3. – С. 40–54.
5. **Подольская Н. В.** Словарь ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. **Суперанская А. В.** Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
7. **Шмелёва Т. В.** Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken: Lar Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.

References

1. Vajrah, Ju. V. (2010), "Methods of the derivation of names of commercial enterprises of Irkutsk" ["Sposoby slovoobrazovaniya naimenovaniy kommercheskih predpriyatij Irkutskaja"], available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-naimenovaniy-kommercheskih-predpriyatij-irkutskaja>
2. Dolganova, A. Ju. (2006), "Processes of the transonymisation in ergonyms (based on Izhevsk stores names)" ["Processy transonimizatsii v jergonimii (na materiale nazvaniy

- magazinov Izhevskaja”], available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-transonimizatsii-v-ergonimii-na-materiale-nazvaniy-magazinov-izhevskaja>
3. Kurbanova, M. G. (2013), “Transonymisation in ergonymy of modern Russian language” [“Transezimizacija v jergonimii sovremennogo russkogo jazyka”], available at: http://seanewdim.com/uploads/3/2/1/3/3213611/kurbanova_m.g._transonymization_in_the_ergonims_of_the_modern_russian_language.pdf
 4. Podol'skaja, N. V. (1990), “Problems of the onomastic derivation (to the issue)”, *Problems of linguistics* [“Problemy onomasticheskogo slovoobrazovanija (k postanovke voprosa)” *Voprosy jazykoznanija*], No 3, pp. 40–54.
 5. Podol'skaja, N. V. (1988), *Onomastic terminology dictionary* [Slovar' onomasticheskij terminologii, 2-e izd., pererab. i dop.], Nauka, Moscow, 192 p.
 6. Superanskaja, A. V., Podol'skaja, N. V., Vasil'eva, N. V., (1989), *Common terminology: questions of the theory* [Obshhaja terminologija: Voprosy teorii], Nauka, Moscow, 246 p.
 7. Shmel'jova, T. V. (2014), *Onomasticon Russian city* [Onomastikon Rossijskogo goroda], Lar Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 137 p.

Надійшла до редколегії 14.02.2017

УДК 811.161.1'38'36

Е. Л. Некрылова

Харьковский национальный экономический университет имени С. Кузнеця

О СТИХИЙНОЙ КОМПЕНСАЦИИ УТРАТЫ ПЕРЕХОДНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ИХ ПРЕФИКСАЦИЕЙ: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты когнитивно-эволюционного исследования возможностей стихийной компенсации носителями русского языка значительной утраты глагольной переходности префиксальной деривацией переходных глаголов. Проанализированы транзитивные концепции А. М. Гильбурда, М. Н. Эпштейна, дана характеристика когнитивно-эволюционного подхода к языковым фактам, реализуемого в работах С. Л. Попова. Проведено сравнение лексических значений утраченных переходных значений, форм и их префиксальных коррелятов. Предложена когнитивно-эволюционная интерпретация результатов, полученных в ходе исследования.

Ключевые слова: глагол, переходность, префиксация, восприятие, эволюция.

Некрылова О. Л. Харківський національний економічний університет імені Семена Кузнеця. **ЩОДО СТИХІЙНОЇ КОМПЕНСАЦІЇ ВТРАТИ ПЕРЕХІДНОСТІ РОСІЙСЬКИХ ДІЄСЛІВ ЇХ ПРЕФІКСАЦІЄЮ: КОГНІТИВНО-ЕВОЛЮЦІЙНИЙ АСПЕКТ**

Презентовано результати когнітивно-еволюційного дослідження можливостей стихійної компенсації носіями російської мови значної втрати дієслівної перехідності префіксальною деривацією перехідних дієслів. Подано транзитивні концепції А. М. Гільбурда, М. Н. Епштейна та характеристику когнітивно-еволюційного підходу до мовних фактів, який реалізується у працях С. Л. Попова. Здійснено порівняння лексичних значень втрачених перехідних значень, форм та їх префіксальних корелятивів. Запропонована когнітивно-еволюційна інтерпретація результатів, отриманих у ході дослідження.

Ключові слова: дієслово, перехідність, префіксація, сприйняття, еволюція.

Nekrylova E. L. Kharkiv National Economic University named after S. Kuznets. **TO THE SPONTANEOUS COMPENSATION OF LOSS OF TRANSITIVENESS OF RUSSIAN VERBS BY THEIR PREFIXING: COGNITIVE-EVOLUTIONARY ASPECT**

The article presents the results of cognitive-evolutionary studies of possibilities of spontaneous compensation by the Russian speakers who has a significant loss of verbal transitivity prefixes deri-

vation of transitive verbs. Historical facts of the loss of transition Russian verbs are demonstrated. The concept of transitive by A.M Gilburd, M.N Epstein is introduced. The characteristic of cognitive-evolutionary approach to linguistic facts, realized in the works by L. Popov is described.

Cognitive-evolutionary approach involves attention to the perception of quality and to the logic. Quality perception involves three levels: syncretism, superficiality and alternativeness.

Perceptual quality due to the logic of a system of thought determines the appropriate logic quality of the grammatical structure of the language. Loss of transitivity is the result of syncretic non-perception by Russian speakers' communicative and epistemological advantages of co-existential alternative of transitive and intransitive verbs. Comparison of lexical meanings and values of the lost transitional forms and lexical meanings of their prefixed correlates allows fixing their significant semantic differences. According to this, the prefixing cannot be considered as a compensation for loss of transitivity in the Russian language.

The propose of the revival of the loss of transitivity, given by M.N Epstein, is the only possibility not to lose it and this trend in Russian grammar is exist.

Key words: verb, transitivity, prefixing, perception, evolution.

Десять лет назад М. Н. Эпштейн в статье, посвященной переходности русских глаголов, обратил внимание на то, что в современном русском языке две трети глаголов являются непереходными, то есть не могут беспредложно управлять формой винительного падежа (аккузатива), из чего следует, что только треть русских глаголов являются переходными. В данной статье автор подчеркнул, что это не изначальное состояние русской глагольной системы, поскольку столетия назад в русском языке было значительно больше переходных глаголов, чем сегодня. Это в свою очередь доказывает, что русские глаголы переходность утрачивали (под такой утратой обобщенно понимаются два случая: утрата переходности с сохранением глагола и утрата самого глагола за счет добавления к нему постфикса *-ся*): «На протяжении многих веков своей истории русский язык впадал в непереходность. Ряд глаголов, употреблявшихся как переходные, впоследствии перешли в разряд непереходных. Раньше говорили: *воевать врага, править народ, работать сапоги* (сейчас такое словоупотребление сохранилось у художников: «работать вещь, картину, скульптуру»). Многие непереходные глаголы образовались посредством возвратного постфикса *-ся* от переходных, которые постепенно вышли из употребления. Раньше в языке были глаголы **бороть, каять, сомневать, отчаивать, трудить** (у А. С. Грибоедова в речи Чацкого: «Чтоб не трудить себе ума...»); но их вытеснили соответствующие непереходные глаголы с постфиксом *-ся*. И вот уже люди трудятся, но никого и ничего не **трудят**. Общаются, но никого не **общают**. Улыбаются, но не **улыбают**. Каются, но не могут никого **каять**. Гордятся и сомневаются, борются и лениются, стремятся и отчаиваются – но никого не **гордят** и не **сомневают**, не **борют** и не **леният**, не **стремят** и не **отчаивают**» [1].

М. Н. Эпштейну не приходится доказывать факт постепенной утраты русскими глаголами переходности, поскольку до него об этом сообщали и другие лингвисты. Например, Ф. И. Буслаев писал, что «в старину можно было сказать: *очутить, жаловать* (в смысле «жаловаться»), *намеревать, повиновать* и проч.» [1, с. 347]. В. В. Иванов отмечал постепенное увеличение количества безличных глаголов с постфиксом *-ся* [3, с. 372].

Еще одним из таких ученых, а именно автором концепции эволюции глагола от «аморфности» доисторических времен до частеречной полноценности исторического периода развития этносов, и в частности скрупулезным исследователем переходности-непереходности глаголов в корреляции с их возвратностью и залоговостью, был А. М. Гильбурд. «Падение удельного веса переходных глаголов в языке, – пишет автор в 1969 году, – происходит не только из-за количественного роста группы непереходных глаголов, но также и потому, что целый ряд переходных глаголов после появления у них соотносительных пар постепенно выходит из употребления. Применительно к процессу неграмматического включения объекта

в глагол высказанная мысль хорошо иллюстрируется на примере глагола “воевать”, который, как известно, в древнерусском языке употреблялся с прямым дополнением (воевати землю Половецкую). Появление в языке его непереходного коррелята (воевать за Родину, воевать с врагами) привело к тому, что переходный коррелят “воевать” постепенно выходит из употребления. Еще нагляднее исчезновение переходных коррелятов иллюстрируется существованием в современном русском языке многочисленной группы глаголов с -СЯ, лишенных соотносительных невозвратных пар: смеяться, надеяться, бороться, улыбаться, бояться и мн. др. Существование в прошлом переходных глаголов смеять, надеять, бороться, улыбаться, бояться не вызывает сомнений». Автор исследовал глаголы из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и пришел к выводу, что «и на современном этапе явление корреляции по признаку переходности-непереходности, ведущее к утрате многими глаголами свойства переходности или к исчезновению из языка части переходных глагольных форм, развито довольно широко» [2, с. 12–13].

Данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) в целом подтверждают транзитивные сведения А. М. Гильбурда, М. Н. Эпштейна и других лингвистов, фиксирующих утрату русскими глаголами переходности, и позволяют отследить своеобразную кривую падения частотности переходности для каждого из показанных авторами глаголов. Так, инфинитив *трудить* имеет в корпусе 34 вхождения, а инфинитив *трудиться* – 2199 вхождений (дата последнего обращения – 17.02.2017 г.). Из 34 вхождений инфинитива *трудить*, приходящихся, в обратном порядке (в скобках указано количество вхождений в один год), на 2003, 2000, 1997, 1994, 1979 (2), 1944, 1937 (2), 1928, 1916, 1905 (2), 1879, 1856, 1846, 1841, 1823 (2), 1801, 1797, 1795, 1786 (2), 1750 (2), 1726 (2), 1725 (2), 1724 (2), 1721, 1714 годы, на первую половину XVIII века приходится 10 вхождений (и важно учесть, что в это время печатных текстов было существенно меньше, чем в следующие десятилетия и столетия), на вторую половину XVIII века – 4, на первую половину XIX века – 5 (причем текстов А. С. Грибоедова среди них нет), на вторую половину XIX века – 2, на первую половину XX века (века интенсивного развития печатного дела) – 7, на вторую половину XX века – 5 (из них 3 принадлежат перу Юрия Нагибина и 1 – Галины Щербаковой, то есть писателей старшего поколения), на первые 16 лет XXI века (века компьютеризированного, характеризующегося высокой продуктивностью издательского процесса) приходится 1 вхождение (наблюдаемое в религиозно-христианском контексте, представляющем собой мнение о контекстуальной синонимии глаголов *трудиться* и *трудить*). Следовательно, на XVIII и XIX века (при относительно малом количестве текстов в этот период) приходится 21 вхождение, а на XX и XXI века (период наиболее интенсивной публикации разного рода текстов) – 13, причем 4 из 5 вхождений второй половины XX века наблюдаются в произведениях писателей старшего поколения. Налицо постепенное снижение частотности формы инфинитива переходного глагола *трудить*.

Очевидно, что постепенная утрата русскими глаголами переходности как способности беспредложно управлять винительным падежом не может быть признана позитивно-эволюционной, о чем вполне определенно пишет М. Н. Эпштейн: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет» [11].

Поскольку сложившаяся ситуация представляется А. М. Гильбурду и М. Н. Эпштейну неприемлемой, оба автора склонны видеть в языке тенденции, компенсирующие утрату переходности.

А. М. Гильбурд, ссылаясь на общепризнанность описываемой им тенденции, пишет: «Исчезновение из словаря “старых” переходных глаголов автоматически компенсируется за счет появления в языке новых продуктивных способов образования переходных глаголов. В русском языке таким способом, как известно, явилась префиксация. Так, семантическим преемником глагола “воевати” является “завоевывать”, у глаголов “надеять” и “смеять” – преемник соответственно “обнадеживать”, “осмеивать” и т. д.» [2, с. 12].

М. Н. Эпштейн считает, что переходность русских глаголов постепенно – через детскую и разговорную речь – возвращается в виде, к примеру, *работать кого-что*, *плавать кого-что*, *летать кого-что*, *гулять кого* (такие явления закрепились в романских и германских языках, например: *I can fly a plane* – это дословно *Я могу летать самолет*) [11]. Значительная часть таких примеров, конечно, носит стилистически сниженный, нередко игровой характер, но история языков знает примеры «олитературивания» того, что вначале возникало как «игра с неправильностями». Однако М. Н. Эпштейн полагает, что возможные иногда, на первый взгляд синонимичные, замены типа *выгуливать собаку* = *гулять собаку* не являются абсолютными синонимами, так как «переходное употребление переходных глаголов служит “экономии мышления”, поскольку оно позволяет сразу обозначить не процесс, а результат каузации: “ты упал чашку” – “чашка упала из-за тебя”. Неважно, уронил ты ее, сбросил со стола, нечаянно задел или сдвинул – важен результат действия, падение чашки. Ускорение мыслительных процессов в современном информационном обществе, стремление сразу обозначить результат действия – вот что лежит в основе транзитивации переходных глаголов. Одним глаголом обозначается и действие-результат, и действие-причина, которое к нему приводит» [Там же].

Комментируя слова М. Н. Эпштейна о каузации переходностью соответствующего мировоззрения, С. Л. Попов замечает: «Переходность большинства русских глаголов естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической (то есть непознаваемой) силой, которой человек противостоять не в состоянии» [9, с. 263]. Такая междисциплинарная оценка лингвистических событий является логическим следствием когнитивно-эволюционного подхода, предложенного эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания человеком явлений действительности [10; 4; 5] и примененного С. Л. Поповым к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов [9] и к изучению фонетических и лексических закономерностей, наблюдаемых в истории русского языка [6–8]. В основе данного подхода в его применении к грамматическим явлениям лежит когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть: 1) синкретичным, не позволяющим дифференцировать признаки и, как следствие, категоризировать познаваемую информацию; 2) поверхностным, ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым происходит категоризация, чаще всего ошибочная; и 3) альтернативным, ориентированным на все имеющиеся признаки, благодаря чему может быть воспринят признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом см.: [9, с. 52–92]).

Обратимся к примерам А. М. Гильбурда и М. Н. Эпштейна.

Показанные А. М. Гильбурдом компенсаторные замены прежних глаголов *воевати*, *надеять* и *смеять* соответственно глаголами *завоевывать*, *обнадежи-*

вать и *осмеивать* вряд ли могут быть признаны семантически полноценными, поскольку, по данным толковых словарей, в частности «Словаря русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), вторые корреляты имеют другие лексические значения.

Так, *воевати* – направлять войну на кого-, что-либо, в то время как *завоевывать* – покорять вооруженной силой, овладевать чем-либо. У этих коррелятов наблюдается также разная сочетаемость: можно *воевати* не только землю, но и врага, в то время как *завоевывать* врага, то есть нечто одушевленное, невозможно.

Надеять – давать надежду, причем без каких-либо условий, в то время как *обнадеживать* – подавать, вселять надежду, но при условии обещания чего-либо или заверения в чем-либо. То есть *обнадеживать* – весьма «условный» компенсатор утраты *надеять*.

Смеять – вызывать, каузировать смех кого-либо, в то время как *осмеивать* – подвергать насмешке, представлять в смешном виде, высмеивать. Здесь, как можно убедиться, значения глаголов даже противоположны по признаку направления смеха: от объекта и к объекту.

Добавим свой пример «компенсаторной корреляции»: глаголы *стремить* – *устремлять*. *Стремить* – каузировать чье-либо стремление, в то время как *устремлять-1* – направить, стремительно двинуть что-либо; *устремлять-2* – придавать какое-либо направление чему-либо или располагать в каком-либо направлении; *устремлять-3* – направлять, обращать на кого-, что-либо, сосредоточивать на ком-, чем-либо. Очевидно, что все три ЛСВ глагола *устремлять* отличаются от значения глагола *стремить* дополнительными семами, к которым можно добавить еще одну, придаваемую префиксом у-: сему начала действия.

В целом можно согласиться с М. Н. Эпштейном, что *гулять кого* экономнее *выгуливать кого* и что это свидетельствует об ускорении мыслительных процессов. Но дело здесь, очевидно, и в том, что у этих глаголов имеются семантические различия. Во-первых, толковые словари, НКРЯ и сам пример из статьи М. Н. Эпштейна свидетельствуют, что *выгуливают* обычно собак, а в применении к людям данный глагол по меньшей мере – средство создания комичного. Во-вторых, в семантике глагола *выгуливать* присутствует подчеркивание территориально определенной, по сути географической процессуальности, отсутствующее в более широкой, по сути альтернативной семантике глагола *гулять*.

Следовательно, префиксальные корреляты утративших переходность глаголов или переходных глаголов, утраченных по причине постфиксации, не могут считаться компенсаторами утраты переходности, а мнение о компенсаторной сущности префиксальных коррелятов представляет собой логический вывод, основанный на поверхностном восприятии компенсаторных возможностей префиксальных коррелятов. Сравнительный анализ семантики таких коррелятов показывает, что семантические структуры утраченных переходных свойств или форм неизменно проще семантических структур префиксальных коррелятов, что подтверждает выводы М. Н. Эпштейна.

С когнитивно-эволюционной точки зрения утрата переходности является утратой переходности не глаголами, а носителями языка. Такая утрата есть результат синкретичного невосприятия носителями языка коммуникативных и эпистемологических преимуществ коэкзистенциальной альтернативы непереходности и переходности глаголов, например невосприятия возможности сосуществования по аналогии с *жениться* – *женить*, *храниться* – *хранить* таких непереходно-переходных альтернатив, как *трудиться* – *трудить*, а по аналогии с *он умеет писать* – *он пишет письмо* непереходно-переходных альтернатив типа *он любит гулять* – *он гуляет ребенка*.

Судя по всему, единственной возможностью справиться с проблемой подавляющей непереходности русских глаголов является не компенсация утраченной переходности созданием новых форм, а возрождение переходности, то есть то, что предлагает М. Н. Эпштейн. И примеры таких возрождения и развития в НКРЯ имеются:

*Оставим личность императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как божий помазанник, обязанный **стремить** вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает бог...* [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)];

*...избыток внутренних сил должен непременно **стремить** ее вырваться из опеки Бисмарка и вернуть себе всю прежнюю независимость...* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь – ноябрь 1877 года (1877)].

Примеры из текстов Гоголя и Достоевского могут наводить на мысль об их уходящей рудиментарности, но НКРЯ содержит и другие примеры, «спрягаемые»:

*Эта затаённая сила, скрытая в милом плеске, в солнечных бликах, в колыбании кувшинок, вдруг обнаруживает неумолимую злобность воды – крушит камень, с безумной скоростью **стремит** лопасти турбины.* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // Октябрь, 1989];

*Там, где мощно **стремит** свои воды к близкому морю красавица Бзыбь, по ее скалистому ущелью вьется шоссе.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)];

*Познали ли мы тогда то особое, высшее и сокровенное, что присутствует в любви и **стремит** друг к другу по свету тех, кого Платон считал дополняющими друг друга половинками?..* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)];

*Дерево **ветвит** и **стремит** к небу мысли...* [Владимир Чивилихин. Моя мечта – стать писателем: из дневников 1941–1974 гг. (2002) // Наш современник, 2002.06.15].

Это далеко не все современные примеры «покинувшего русский язык» глагола *стремить*: только в форме 3-го л. ед. ч. наст. вр. по состоянию на 22.02.2017 г. он зафиксирован 22 раза. Очевидно, у создателя поссибилизма как философского направления Михаила Наумовича Эпштейна есть основания для транзитивного оптимизма.

Библиографические ссылки

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. Гильбурд А. М. О логико-философском и структурно-лингвистическом аспектах глагольной переходности // Уч. зап. Свердлов. пед. ин-та и Тобольск. пед. ин-та. – 1969. – Сб. 142. – С. 3–13.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Просвещение, 1983. – 399 с.
4. Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2003. – Т. 1. – 471 с.
5. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – Т. 2. – 416 с.
6. Попов С. Л. Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение / С. Л. Попов // Jazykovedný časopis. – № 1. – Roč. 67. – Bratislava, 2016. – S. 31–44.

7. **Попов С. Л.** О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: гласные / С. Л. Попов // Наук. вісник Міжнар. гуманітарного ун-ту. – Сер. : Філологія. – Вип. 20. – Т. 1. – Одеса, 2016. – С. 38–41.
8. **Попов С. Л.** О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: согласные / С. Л. Попов // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2016. – Вип. 22. – С. 129–135.
9. **Попов С. Л.** Русская грамматическая вариантность в когнитивно-эволюционном освещении: моногр. / С. Л. Попов. – Харьков : Міськдрук, 2014. – 304 с.
10. **Поппер К. Р.** Эволюционная эпистемология / К. Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / [сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. Д. Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Садовского; послеслов. В. К. Финна]. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 57–74.
11. **Эпштейн М. Н.** О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ znamia/2007/3/ep18.html>

References

1. Buslaev, F. I. (1959), *Historical grammar of the Russian language* [*Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*], Uchpedgiz, Moscow, 623 p.
2. Gil'burd, A. M. (1969), "On the logical-philosophical and structural-linguistic aspects of verbal transitivity" ["O logiko-filosofskom i strukturno-lingvisticheskom aspektah glagol'noj perehodnosti"], *Uchenye zapiski Sverdlovskogo pedagogicheskogo instituta i Tobol'skogo pedagogicheskogo instituta*, Sb. 142, pp. 3–13.
3. Ivanov, V. V. (1983), *Historical grammar of the Russian language* [*Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Ucheb. dlja studentov filol. spec. fak. un-tov i ped. in-tov, 2-e izd., ispr. i dop.*], Prosveshhenie, Moscow, 399 p.
4. Merkulov, I. P. (2003), *Evolutionary epistemology: problems, perspectives* [*Evoljucionnaja jepistemologija: problemy, perspektivy, t. 1*], Izd-vo RHGI, St. Petersburg, 471 p.
5. Merkulov, I. P. (2006), *Epistemology (cognitive-evolutionary approach)* [*Epistemologija (kognitivno-jevoljucionnyj podhod), t. 2*], Izd-vo RHGI, St. Petersburg, 416 p.
6. Popov, S. L. (2016), "Metonymy and metaphor as correlates of two stages of a compulsorily superficial perception of the possibility of creating a new lexical meaning" ["Metonimija i metafora kak korreljaty dvuh jetapov vyznuzhdenno poverhnostnogo vosprijatija vozmozhnosti sozdat' novoe leksicheskoe znachenie"], *Jazykovednyj časopis*, № 1, Roč. 67, Bratislava, pp. 31–44.
7. Popov, S. L. (2016), "On the perceptive-logical evolution of the phonetic structure of the Russian language: vowels" ["O perceptivno-logicheskoj jevoljucii foneticheskogo stroja russkogo jazyka: glasnye"], *Naukovij visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Serija «Filologija»*, Vip. 20, T. 1, Odesa, pp. 38–41.
8. Popov, S. L. (2016), "On the perceptive-logical evolution of the phonetic system of the Russian language: consonants" ["O perceptivno-logicheskoj jevoljucii foneticheskogo stroja russkogo jazyka: soglasnye"], *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija «Movoznavstvo»*, vip. 22, pp. 129–135.
9. Popov, S. L. (2014), *Russian grammatical variation in cognitive evolutionary lighting: Monograph* [*Russkaja grammaticheskaja variantnost' v kognitivno-jevoljucionnom osveshhenii: Monografija*], Mis'kdruk, Har'kov, 304 p.
10. Popper, K. R. (2000), "Evolutionary epistemology", *Evolutionary epistemology and the logic of social sciences: Karl Popper and his critics* ["Evoljucionnaja jepistemologija"], *Evoljucionnaja jepistemologija i logika social'nyh nauk: Karl Popper i jeho kritiki, sost. D. G. Lahuti, V. N. Sadovskogo i V. K. Finna; per. s angl. D. G. Lahuti; vstup. st. i obshh. red. V. N. Sadovskogo; posleslov. V. K. Finna*, Jeditorial URSS, Moscow, pp. 57–74.
11. Epshtejn, M. N. (2007), "On the creative potential of the Russian language. Grammar of transitivity and transitive society" ["O tvorcheskom potenciale russkogo jazyka. Grammatika perehodnosti i tranzitivnoe obshhestvo"], available at: <http://magazines.russ.ru/ znamia/2007/3/ ep18.html>.

Надійшла до редколегії 27.01.2017

И. В. Острецова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РОЛЬ СИРКОНСТАНТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ОПИСАТЕЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ (на материале специальных текстов)

На материале учебных текстов по металлургии, медицине и праву рассмотрены типы сирконстантов, участвующих в организации пропозициональной структуры высказываний с описательными предикатами. Обнаружено, что для специальных дискурсов типичны обстоятельственные сирконстанты, детализирующие ситуацию действия с точки зрения цели, причины и средств ее протекания. Установлены частота употребления сирконстантов каждого выделенного типа в высказываниях с ОП и соответствие частотности разных сирконстантов профилю специального текста.

Ключевые слова: пропозициональная структура высказывания, сирконстант, специальный текст.

Острецова І. В. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
РОЛЬ СИРКОНСТАНТІВ У ВИСЛОВЛЮВАННЯХ З ОПИСОВИМИ ПРЕДИКАТАМИ
(на матеріалі спеціальних текстів)

На матеріалі навчальних текстів з металургії, медицини й права розглянуто типи сирконстантів, які задіяні в організації пропозиційної структури висловлювань з описовими предикатами. Виявлено, що для спеціальних дискурсів типовими є обставинні сирконстанти, що деталізують ситуацію дії під кутом мети, причини й засобів її здійснення. Встановлено частоту вживання сирконстантів кожного виділеного типу у висловлюваннях з ОП та відповідність частотності різних сирконстантів профілю спеціального тексту.

Ключові слова: пропозиційна структура висловлювання, сирконстант, спеціальний текст.

Ostretsova I. V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE ROLE OF CIRCUMSTANCES IN THE STATEMENTS WITH DESCRIPTIVE PREDICATES (based on special texts)**

The purpose of the article: on a material of educational texts on metallurgy, medicine and law to consider the types of circumstances involved in the organization of the propositional structure of utterances with descriptive predicates.

Objectives of the study: 1) to identify the types of circumstances involved in the organization of the propositional structure of the utterance with the DP; 2) to establish the frequency of use of each of the allocated types of circumstances in the statements from the DP; 3) to compare the frequency of use of circumstances a type with a special section of the text.

The results of the study: For special discourse typical of the adverbial circumstance detailing the situation of the action from the point of view of the purpose and means of its occurrence. Set the frequency of the use of circumstances of each selected type in the statements from the OP and the compliance of the frequency of different circumstances profile special text to show that all special discourses in the statements from DP important is the indication of the mode of action. In all the discourses the maximum detail of the action is carried out by introducing into the sentence structure of locative and comparative, especially significant for the fields of metallurgy and medicine. Circumstance with the semantics of the reason the percentage is dominated by medical discourse.

Key words: propositional structure of the utterance, circumstance, special text.

Как известно, вопрос о структуре предложения может рассматриваться с разных точек зрения – формально-конструктивной, семантической, прагматической и др. В связи с этим выделяют несколько аспектов синтаксиса. Так, Н. А. Слюсарева предлагает различать структурный, аналоговый (ролевой), актуальный и логический синтаксис [9, с. 188]. Многие авторы говорят о трех, а не че-

тырех, аспектах синтаксиса, которые можно сопоставить с тремя измерениями знака в семиотике – грамматический, семантический и прагматический. В частности, Ю. А. Левицкий выделяет внутреннюю семантику предложения (грамматический уровень), внешнюю семантику (семантический) и коммуникативную семантику (прагматический) [4].

Описательные предикаты, представляющие собой глагольно-именные словосочетания, обнаруживают новые возможности, по сравнению с однословными лексемами, в организации предложения [3, с. 105; 2, с. 92–93]. Высказывания с ОП организуют событийную пропозицию, «портретируя» ситуации объективной действительности [6, с. 28]. Понятие пропозиции зародилось в недрах семантического синтаксиса в исследованиях, ориентированных на структуру события, ситуацию как денотат предложения. В русистике одним из первых в этом направлении, по мнению В. А. Белошапковой [1, с. 767], начал работать Т. П. Ломтев, понимавший содержание предложения как «систему с отношениями», центром которой является выразитель отношений – предикат, задающий места для предметов, определяющий их количество и характер [5]. Это направление в разных его модификациях представлено во многих работах.

Будучи семантической моделью отображаемого в предложении фрагмента действительности – ситуации, пропозиция состоит из определенных компонентов, эту ситуацию передающих. Обязательным, центральным компонентом пропозиции является предикат, который воплощается в предикатной лексике, т. е. в словах с признаковой семантикой: это глаголы, слова категории состояния, существительные отглагольные и отадективные (*отъезд, распоряжение, изучение, гордость, белизна* и под.), качественные прилагательные. Термин **предикат** используется для обозначения и пропозициональной функции (значение предиката), и пропозициональной формы (словесное выражение). В структуре пропозиции важна и предметная лексика – обозначение предметов, которые являются участниками ситуации, – актанты. Значение актантов заложено в семантике предиката, определяется его валентностью. Например, предикат **рад** имеет два актанта: субъект и объект: *кто-то рад кому-то (чему-то)*; предикат **весело** имеет один актант – субъект: *кому-то весело*.

Предикат и субъектно-объектные актанты составляют ядро пропозиции, это обязательные ее компоненты. За пределами ядра, на периферии пропозиции находятся сирконстанты – компоненты, значение которых не предусмотрено предикатом, но возможно в ситуации: время, место, причина, цель, условие и под. Например: *По вечерам она шьет* (значение времени не прогнозируется действием «шить»), *Без вас мне скучно* (значение условия не прогнозируется состоянием «скучно») [10].

Рассмотрение возможных в специальных текстах типов сирконстантов и является **целью** предлагаемой публикации, продолжающей ряд наших работ, посвященных изучению описательных предикатов сферы специальной коммуникации [7; 8]. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) сформировать корпус высказываний с описательными предикатами (далее ОП. – *И. О.*), функционирующими в учебных текстах по металлургии, медицине и праву; 2) выявить типы сирконстантов, участвующих в организации пропозициональной структуры высказывания с ОП; 3) установить частоту употребления каждого из выделенных типов сирконстантов в высказываниях с ОП; 4) сопоставить частоту использования сирконстантов того или иного типа с профилем специального текста.

Переходя к конкретному анализу пропозиционального строения высказываний с ОП, подчеркнем, что в центре нашего внимания находится не внутренняя

структура описательных предикатов, а такие элементы структуры предложений с ОП, которые на поверхностно-синтаксическом уровне выполняют функцию обстоятельств разного вида. При этом важно подчеркнуть отличие сирконстантов от обстоятельственных актантов [8]. Обстоятельственный актант определяется валентностью предиката. Например: *очутиться в незнакомом месте*. Значение предиката *очутиться* («появиться в результате перемещения в неожиданном месте») предполагает значение места. Сирконстант же не определяется предикатом, а имеет значение внешнего по отношению к пропозиции обстоятельства, например: *В незнакомом месте мне стало страшно*.

По нашим наблюдениям, описательные предикаты специальной сферы коммуникации не предполагают наличия при них обстоятельственных актантов и сочетаются, как правило, с сирконстантами, которые детализируют ситуацию действия с точки зрения места, времени, цели, причины и способа его протекания.

Перейдем к характеристике возможных в специальных дискурсах типах сирконстантов, начав с сирконстантов с семантикой цели действия.

В общем случае **цель действия** может задаваться его природой и восприниматься неотделимо от действия: толкуют (законы), чтобы разъяснить, растолковать; прокатывают (металл), чтобы прокатать, получить изделие; лечат, чтобы вылечить и т. д. В норме такого рода цели ассоциируются с пределом действия и выражаются аспектуальными средствами [6, с. 32]. Цель эксплицируется тогда, когда необходимо актуализировать назначение действия, его конечный результат, направленность. В этом случае в высказываниях появляются конструкции со значением цели, оформленные разными способами.

В исследуемых дискурсах целевые актанты чаще всего выражаются предложно-именной конструкцией с предлогом **для**: *Нагрев полуфабрикатов для получения прутков и катанки осуществляют в электрических печах сопротивления...* (ПММ, с. 196); *Осуществляют исследование крови беременной для выявления ВИЧ-инфекции...* (Ак., с. 23); *Для применения норм права необходимо проводить сознательно ряд действий* (ТГП, с. 424).

Целевой актант может оформляться и конструкциями с предложными лексемами **с целью, в целях**: *Прессование из порошка ... выполняют с целью получения исходных заготовок определенной формы и размеров...* (ПММ, с. 125); *В целях объективной оценки состояния здоровья ... проводятся беседы с больным...* (Офт., с. 346); *Современное реформирование законодательства проводится с целью установления единообразия законов Союза и штатов* (ТГП, с. 620). Целевая конструкция может представлять собой придаточное предложение: *...чтобы разгрузить подшипники рабочих и шестеренных валков, производят их уравнивание* (ХПМ, с. 112); *...проводят обследование матки, чтобы исключить нарушение ее целостности...* (Ак., с. 304); *Толкование закона, чтобы сделать его доступным для населения, осуществляют с точки зрения закона* (ТГП, с. 581). В правовом дискурсе встречаются целевые конструкции с предложно-именным комплексом **во имя**, придающим всему контексту патетичное, высокое звучание: *Их (органов милиции – И. О.) деятельность осуществляется во имя торжества законности...* (ТГП, с. 491).

Временные и пространственные параметры действия вводятся в высказывание с ОП с помощью сирконстантов – локатива и темпоратива. Формы выражения временных и пространственных параметров действия в предложениях с ОП разнообразны: это наречия, предложно-падежные группы, придаточные предложения и т. д.

Во всех исследуемых сферах локатив и темпоратив в немногих случаях могут быть единственными конкретизаторами действия в высказываниях с ОП, без экспликации субъекта и объекта, ср.:

локатив: *Все упаковочные работы выполняют на полу участка упаковки или на специальных линиях с роликовыми конвейерами* (ХПМ, с. 201); *Происходят выраженные изменения в пульпе* (ТС, с. 125); *В Украине конституционный контроль осуществляет Конституционный суд* (ТПП, с. 250).

темпоратив: *Обдирку производят после перековки слитка на круглое сечение* (ТПО, с. 374); *Операции осуществляют в первые 3 года жизни ребенка* (Офт., с. 122); *Профилактический контроль осуществляется до принятия нормативно-правового акта* (ТПП, с. 577).

Чаще всего временные и пространственные параметры детализируют действие в совокупности с другими актантами и сирконстантами.

В специальной сфере коммуникации значимым является и указание на **причину действия**, которая чаще всего эксплицируется с помощью предложно-именных комплексов с предлогами: а) **вследствие:** *Замену валков производили вследствие износа замковых участков бочки валков* (ПММ, с. 226); *Повреждения брюшной стенки могут произойти вследствие прямой травмы* (СДХ, с. 377); б) **благодаря:** *Процесс прокатки осуществляется благодаря наличию сил трения, действующих между поверхностями валков и металла* (ХПМ, с. 47); *...благодаря гидратному слою осуществляется ионный обмен* (ТС, с. 50); в) **в результате:** *Осуществляется пластическая деформация твердого тела в результате действия внешних сил* (ХПМ, с. 14); *В результате этих процессов происходит нарушение кровоснабжения тканей и органов...* (Ак., с. 320); г) **за счет:** *Изменение цвета очага деминерализации происходит за счет увеличения размера микропространств и проникновения красящих веществ органической природы* (ТС, с. 144); д) **в связи:** *В связи с увеличением ионов калия происходит сдвиг ацидоза* (СДХ, с. 239); е) **под + воздействие/влияние** чего-л.: *Под влиянием эстрогенов происходит расширение сосудов* (Ак., с. 76); ж) **при + наличие** чего-л.: *При наличии язвы в выходном отделе желудка может произойти резкое сужение этого отдела* (СДХ, с. 357) и др.

Каузативные сирконстанты чрезвычайно показательны для медицинского дискурса, что обусловлено решением одной из задач, стоящих перед медициной, – объяснить происходящие в организме человека процессы, назвать причину появления болезни, охарактеризовать ее течение и т. д.

В высказываниях с ОП, принадлежащих специальной коммуникации, значимым является и указание на **способ осуществления действия**. При этом формы выражения обстоятельственных компонентов, характеризующих действие по способу его осуществления, разнообразны и безотносительны к описательному или однословному способу выражения предиката.

Отражая подробности, детали ситуации описываемого действия, обстоятельственные комплексы, характеризующие способ действия, вводятся в предложение в соответствии с коммуникативными потребностями и замыслами авторов. К наиболее типичным формам выражения способа действия относятся следующие:

а) наречия и наречные группы: *Нагрев слитков... выполняют ступенчато...* (ПММ, с. 15); *Местно проводят обезболивание...* (ТС, с. 431); *...созревание фолликулов происходит редко и бессистемно* (Ак., с. 51); *Создание Экономического и валютного союза должно было происходить постепенно...* (ЕП, с. 166);

б) имя существительное или именной комплекс в творительном падеже: *Горячее цинкование осуществляют погружением труб в ванну с расплавом цинка* (ТПО, с. 347). В составе таких комплексов могут присутствовать предлоги **посредством, путем**: *Через станину люнета проходит натяжной болт, который посредством вращения гайки осуществляет натяжение волоочильной цепи* (ХПМ, с. 156); *Подавление активности панкреатических ферментов осуществляется путем назначения ингибиторов трипсина* (СДХ, с. 295); *Местные об- щие суды осуществляют правосудие путем рассмотрения и решения граждан- ских, уголовных, административных дел* (ТГП, с. 138);

в) предложно-именные конструкции с различными предлогами: *Пластиче- скую деформацию на НШПС в непрерывной группе осуществляют за счет мно- гократной деформации с небольшими промежутками* (ТПО, с. 186); *Палате предписано осуществлять проверку под углом зрения «чистого финансового управления»* (ЕП, с. 429);

г) деепричастные обороты: *Свои функции суд призван осуществлять, руко- водствуясь только законом, правом* (ТГП, с. 108).

Естественно, что в одном высказывании с ОП может находить формальное выражение как один из сирконстантов, так и несколько, например: *Операции про- водят под общей анестезией (способ) в возрасте 2–3 лет (темпоратив) (Офт., с. 332); В неотложных случаях (темпоратив) может быть проведено голосование в письменной форме (способ) (ЕП, с. 366)*. В целом же отметим, что конфигурация актантов и сирконстантов в пределах высказывания может быть весьма разнооб- разной и разнотипной [7, с. 156].

Представление о частоте появления сирконстантов в высказываниях с ОП можно получить из таблицы 1. Здесь приведены данные, касающиеся ОП с наибо- лее частотными ГК *осуществлять/осуществляться, производить/производиться, проводить/проводиться* и *происходить*. В таблице приняты следующие сокраще- ния: Т – темпоратив, Л – локатив, Сп. – способ действия, Сaus – сирконстант с се- мантикой причины; Цель – сирконстант с семантикой цели; Мт. – сфера метал- лургии, Мд. – медицины, Пр. – права.

Таблица 1

Данные о частоте сирконстантов в высказываниях с ОП

	Осуществлять/ся			Производить/ся			Проводить/ся			Происходить		
	Мт.	Мд.	Пр.	Мт.	Мд.	Пр.	Мт.	Мд.	Пр.	Мт.	Мд.	Пр.
Сп.	157	124	124	84	58	16	90	114	20	41	52	40
Л	147	91	32	51	34	5	36	30	12	57	68	12
Т	60	160	35	22	71	8	30	88	17	71	130	20
Сaus	20	42	2	5	–	–	1	–	–	18	37	2
Цель	12	10	4	13	14	2	–	16	2	1	–	–

Если суммировать данные о наличии сирконстантов в структуре высказы- ваний с ОП по каждой конкретной специальной сфере, то получается следующая картина, представленная в таблице 2:

Таблица 2

Сводные данные о частоте обстоятельственных сирконстантов

	Металлургия		Медицина		Право	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Сп. действия	372	43,9	348	30,6	200	56,7
Локатив	291	34,4	223	19,6	61	17,3

Темпоратив	113	13,3	449	39,4	80	22,7
Причина	44	5,2	79	6,9	4	1,1
Цель	27	3,2	40	3,5	8	2,2
Всего	847	100	1139	100	353	100

Выводы. Для всех специальных дискурсов в высказываниях с ОП значимым является указание на способ действия. Во всех дискурсах максимальная детализация действия осуществляется за счет введения в структуру предложения локатива и темпоратива, особенно показательных для сфер металлургии и медицины. Сирконстанты с семантикой причины и цели в процентном отношении преобладают в медицинском дискурсе. Очевидно, особенностью языка медицины является высокий процент сирконстантов, характеризующих временные параметры действий, последовательность их осуществления и т. д.

Выбор той или иной предикатно-аргументной структуры и выбор актантов и сирконстантов для построения функциональной перспективы высказывания определяется коммуникативным намерением автора. Коммуникативная значимость высказываний с ОП в специальных дискурсах вполне может стать предметом дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Белошапкова В. А. Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык : учеб. / под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 1999. – С. 606–869.
2. Грошева М. А. Номинативный потенциал глагольно-именных сочетаний типа «*принять решение*» и «*to give a smile*» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Грошева Мария Анатольевна. – Тюмень, 2004. – 239 с.
3. Дидковская В. Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных словосочетаний) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Дидковская Виктория Генриховна. – СПб., 2000. – 350 с.
4. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса : уч. пособие по спецкурсу / Ю. А. Левицкий. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 236 с.
5. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 200 с.
6. Макович Г. В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке / Г. В. Макович. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – 148 с.
7. Острцова И. В. Описательные предикаты специальной сферы коммуникации в системно-функциональном и когнитивном аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Острцова Ирина Владимировна. – Днепропетровск, 2009. – 220 с.
8. Острцова И. В. Репрезентация объектных актантов в высказываниях с описательными предикатами (на материале специальных дискурсов) / И. В. Острцова // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2011. – Вип. 17 (3). – С. 129–137.
9. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М. : Просвещение, 1981. – 206 с.
10. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка [Электронный ресурс] / Е. А. Стародумова. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/025/41025>.

Источники фактического материала

Металлургия

- ПММ – Прокатка малопластичных металлов с многосторонним обжатием : [учеб. пособие для вузов] / Л. А. Барков, В. Н. Выдрин. – Челябинск : Металлургия, 1988. – 304 с.
- ТПО – Технология процессов обработки металлов давлением / [П. И. Полухин, А. Хензель, В. П. Полухин и др.]. – М. : Металлургия, 1988. – 408 с.

- ХПМ – Зотов В. Ф. Холодная прокатка металла : учеб. пособ. [для СПТУ] / В. Ф. Зотов, В. И. Елин. – М. : Металлургия, 1988. – 288 с.
- Медицина**
- А – Акушерство : учеб. для мед. вузов / под ред. Э. К. Айламазяна. – 2-е изд., испр. – СПб. : СпецЛит, 2000. – 494 с.
- ТС – Терапевтическая стоматология / [Бобровский Е. В., Барышева Ю. Д., Максимовский Ю. М. и др.]. – М. : Медицина, 1988. – 560 с.
- Офт. – Ковалевский Е. И. Офтальмология : учеб. / Е. И. Ковалевский. – М. : Медицина, 1995. – 480 с.
- СДХ – Кузнецова В. Н. Сестринское дело в хирургии / В. Н. Кузнецова. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 416 с.
- Право**
- ТПП – Скакун О. Ф. Теория государства и права : учеб. / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
- ЕП – Топорнин Б. Н. Европейское право : учеб. / Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – 456 с.

References

1. Beloshapkova, V. A. (1999), *Syntax. Modern Russian language* [Sintaksis. Sovremennyy russkij jazyk], Azbukovnik, Moscow, pp. 606–869.
2. Grosheva, M. A. (2004), *Nominative potential of verb-noun combinations like "decide" and "to give a smile": dissertation* [Nominativnyj potencial glagol'no-imennyh sochetanij tipa «prinjat' reshenie» i «to give a smile»: dis. ... kand. filol. nauk], Tyumen, 239 p.
3. Didkovskaja, V. G. (2000), *Systemic-functional description of phraseological combinations of the modern Russian language (based on verbal-nominal word-combinations): dissertation* [Sistemno-funkcional'noe opisanie frazeologicheskikh sochetanij sovremennogo russkogo jazyka (na materiale glagol'no-imennyh slovosochetanij: dis. ... d-ra filol. nauk], St. Petersburg, 350 p.
4. Levickij, Ju. A. (2002), *Fundamentals of the theory of syntax : textbook for the course* [Osnovy teorii sintaksisa : uch. posobie po speckursu], Editorial URSS, Moscow, 236 p.
5. Lomtev, T. P. (1972), *The sentence and its grammatical categories* [The sentence and its grammatical categories Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii], Publisher MGU, Moscow, 200 p.
6. Makovich, G. V. (1995), *Descriptive predicates with a value specific actions, behaviors, and cognitive / cognitive and speech activity in the modern Russian language* [Opisatel'nye predikaty so znacheniem konkretnogo dejstvija, povedenija, kognitivno-poznavatel'noj i rechevoj dejatel'nosti v sovremennom russkom jazyke], Publisher ChGU, Chelyabinsk, 148 p.
7. Ostretsova, I. V. (2009), *Descriptive predicates of a special sphere of communication in systemic-functional and cognitive aspects: dissertation* [Opisatel'nye predikaty special'noj sfery kommunikacii v sistemno-funkcional'nom i kognitivnom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk], Dnepropetrovsk, 220 p.
8. Ostretsova, I. V. (2011), Representation object actants in sentences with descriptive predicates (based on the special discourses) [“Reprezentacija ob'ektnyh aktantov v vyskazyvanijah s opisatel'nymi predikatami (na materiale special'nyh diskursov)”], *Visnyk Dnepropetrov. Un-tu. Movoznavstvo*, Pub#17, vol. 3, pp. 129–137.
9. Sljusareva, N. A. (1981), *Problems of functional syntax of modern English* [Problemy funkcional'nogo sintaksisa sovremennogo anglijskogo jazyka], Prosveshhenie, Moscow, 206 p.
10. Starodumova, E. A. (2005), “Syntax of modern Russian language” [“Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka”], available at: <http://window.edu.ru/resource/025/41025>

Надійшла до редколегії 25.01.2017

УДК 811.161

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИННОВАЦИОННАЯ СКОРОГОВОРКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрена скороговорка как особый сжатый жанр фольклора, отражающий различные сферы жизни современного общества. Определено, что инновационная скороговорка имеет определенный прототип, который обыгрывается с целью отразить экстралингвистическую ситуацию и учесть фонетические особенности текста.

Ключевые слова: малый текст, фольклор, скороговорка, инновация, семантическая инновация.

Панченко О. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ІННОВАЦІЙНА СКОРОМОВКА ЯК ВІДБИТТЯ ЕКСТРАЛІНГВІСТИЧНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

Розглянуто скоромовку як особливий стислий жанр фольклору, який відбиває різноманітні сфери життя сучасного суспільства. Визначено, що інноваційна скоромовка має певний прототип, який обіграється з метою відобразити екстралінгвістичну ситуацію та врахувати фонетичні особливості тексту.

Ключові слова: малий текст, фольклор, скоромовка, інновація, семантична інновація.

Panchenko O. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **INNOVATIVE TONGUE-TWISTER AS EXTRALINGUISTIC REALITY REFRACTION**

This article generally raises the problem of the study of compressed, emotional and phonetically dependent text, which is the tongue-twister. This issue is in line with current research, because, firstly, the tongue-twister is a special small folk genre that has signs of expressiveness and conciseness, secondly, the tongue-twister has an ability to refract extra-linguistic environment. Tongue twisters received some coverage in the modern linguistic literature. Some tongue-twister texts are thus a kind of pragmeme, which in concentrated form give popular assessment of the relevant facts of reality, making it not a "head-on" (sententiously) method, but a seemingly frivolous language jokes. After analyzing about 200 modern and new variants of known tongue twisters, we marked their two important features: there is a limited range of "classic tongue twisters," as the basis for further variation, and there are several most popular areas of public life, which are reflected in the tongue-twister. Of considerable interest in terms of the combination of extra-linguistic and linguistic properties tongue-twister are those social vectors by which they are updated. Thus, this study allows us to conclude that in such a minimalist and strictly phonetically dependent, difficult to construct genre they recognized spheres of human activity such as politics, economy, daily life, that is, almost the entire picture of the world. The prospect of further research we can see in the analysis of the phonetic side of tongue twisters.

Key words: brief text, folklore, tongue-twister, innovation, semantic innovation.

В данной статье в общем виде ставится проблема исследования сжатого, эмоционально окрашенного и фонетически зависимого текста, каковым является скороговорка. Данная проблема находится в русле актуальных исследований, поскольку, во-первых, скороговорка представляет собой особый малый фольклорный жанр, обладающий признаками экспрессивности и сжатости, во-вторых, скороговорка обладает особенностью своеобразно преломлять экстралингвистическое окружение.

Скороговорки получили определенное освещение в современной лингвистической литературе. А. А. Егорова отмечает, что актуальными вопросами изучения звукоизобразительности в межкультурном аспекте с позиций типологического языкознания занимаются В. П. Аникин, М. А. Балаш, О. А. Барташова, И. Б. Братусь, Л. З. Лапкина, О. В. Мазанаев, в связи с проблемами психолингви-

стики – А. П. Журавлев, И. И. Валуйцева, Е. А. Гурджиева, О. Д. Кулешова, стилистики и поэтики – А. С. Штерн, этимологии – С. В. Климова, словообразования – Д. Болингер, Э. Фирт [1]. Однако, насколько нам известно, современные скороговорки с элементами семантических инноваций еще не получили отдельного освещения в лингвистической литературе.

Целью данной статьи является описание инновационных скороговорок, отражающих экстралингвистические реалии современной жизни. Для достижения данной цели необходимо решить такие **задачи**, как подбор соответствующего фактического материала, сравнительный анализ исходных вариантов и новых скороговорок, классификация их семантического наполнения.

В работе И. Муль скороговорка определяется как малый жанр детского потешного фольклора, представляющий собой искусственно, ради забавы созданную фразу, которая намеренно выстраивается затруднённым для произнесения образом [2, с. 12]. И. Муль рассматривает скороговорки с позиции языковой игры. К механизмам создания игрового эффекта могут быть отнесены нарушение семантических и прагматических канонов использования языковых единиц, нарушение системных (парадигматических, синтагматических) отношений между единицами разных уровней языка в речи, эксплуатация асимметрии языкового знака. Стремление языковой игры к малым текстовым формам, какими являются жанры скороговорки и частушки, согласуется с требованиями художественности. Языковая игра требует от говорящего проявления лингвокреативных способностей, активности в конструировании и интерпретации порождаемых и воспринимаемых текстов, что в полной мере согласуется с основными функциями скороговорки как жанра, ориентированного на деятельностное отношение к фольклорному тексту со стороны коммуникантов. Скороговорка выстраивается вопреки действующему в языке закону экономии речевых усилий с тем, чтобы говорящий мог испытать свои артикуляционные возможности. Скороговорки рассматриваются И. Муль как особое игровое поле, оформленное в соответствии с требованиями жанровых канонов и стимулирующее игровой эффект, который продуцируется специфическими операциональными лингвистическими механизмами и приёмами языковой игры. Центральным элементом игрового поля скороговорки является акцентированный труднопроизносимый звуко-ряд, созданный морфо-деривационными и фонетическими механизмами, реализованными в конкретных приёмах языковой игры. Скороговорочный код, как правило, осложняется дополнительными приёмами создания игрового текстового поля – инверсированным построением конструкций, входящих в скороговорку, обыгрыванием внутренней формы лексических единиц и типовых семантических пропозиций, лежащих в основе содержания скороговорки, рифмо-ритмической игрой и т. д.

А. А. Егорова подчеркивает, что «повтор согласных является неизменным фонетическим приемом, использующимся в скороговорках, цель которых заключается в овладении трудностями произношения определенных звуков в их последовательности. Скороговорки учат говорить, правильно произносить слова и побуждают ребенка делать это с удовольствием» [1, с. 15].

Некоторые скороговорочные тексты являются, таким образом, своего рода прагмемами, которые в концентрированном виде представляют народную оценку соответствующего факта действительности, делая это не «лобовым» (сентенциозным) способом, а в виде внешне несерьёзной языковой шутки [2].

Скороговорка и частушка обнаруживают тенденцию к взаимопроникновению, что проявляется в формировании жанра политскороговорки. Развлекательная функция политскороговорок сопряжена с функцией характерологической.

Проанализировав около 200 современных вариантов известных и новых скороговорок, мы отметили две их важные особенности: существует ограниченный круг «классических скороговорок», являющихся базой для дальнейшего варьирования, и можно выделить несколько наиболее популярных сфер общественной деятельности, которые получают отражение в скороговорке.

К числу наиболее востребованных «классических» скороговорок относим:

Карл у Клары украл кораллы (1).

Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали (2).

На дворе трава, на траве дрова (3).

Шла Саша по шоссе и сосала сушку (4).

Приведем несколько примеров «обновления» перечисленных скороговорок.

(1) Карл у Клары украл доллары, а Клара у Карла – квартальный отчёт.

Карл у Клары угнал McLaren.

Гурбангулы Бердымухамедов украл у Танирбергена Бердонгарова кораллы.

(2) Скороговорун скороговорил скоровыговаривал, Что всех скороговорок не перескороговоришь, не перескоровыговариваешь, Но заскороговоришься, выскороговорил, что все скороговорки перескороговоришь, да не перескоровыговариваешь.

Рапортовал, да не дорапортовал, дорапортовал, да зарпортовался.

(3) На дворе дрова, на дровах братва, у братвы трава, вся братва в дрова.

В Воркуте Варька в квартире тверкает, во дворе – воркаут на траве.

(4) Саша – счастливчик шустрый, суши из лужи сушит.

Время ушло, когда сушили уши, чтобы сошла лапша.

Шёл Шива по шоссе, сокрушая суще.

Значительный интерес с точки зрения сочетания экстралингвистических и лингвистических свойств скороговорки представляют те общественные векторы, согласно которым обновляются скороговорки. Так, значительное место здесь занимает политика, то есть возникают упомянутые выше политскороговорки, например:

*Истерически разнервничавшегося конституционалиста Константина на-
шли акклиматизировавшимся в конституционном Константинополе.*

Деидеологизировали-деидеологизировали, и додеидеологизировались.

Три либерала коллаборировали-коллаборировали, да не выколлаборировали.

Среди проблем, связанных с политикой, обращают на себя внимание:

- использование геополитических реалий:

– Это колониализм?

– Нет, это не колониализм, а неоколониализм!

За разгосударствление! (тост);

- упоминание личностей политиков и причастных к политике лиц:

Загрызли гризли Грызлова;

Борис Грызлов грызет козлов;

Подарил овцу Немцов немцам, а Фриске триста стринго;

*Толоконникова ткани ткала в колонии, толпу толкнула ткани не ткать, то-
пот поднять. Вон Толоконникову из колонии! (участница группы «Пусси Райот»);*

- проблемы коррупции, получающие отражение в разнообразных скороговорок:

Депутат воровал, да не доворовал, а стал доворовывать, да доворовался;

*Под крышей коробки квартирного дома в укромной каморке укрылись хо-
ромы;*

*Мэры хапают не в меру. Не знакома мера мэрам. Установим меру мэру. Ко
всем мэрам примем меру;*

Коррумпированные чиновники коррумпировали, коррумпировали, да не выкоррумпировали;

- высмеивание сложных отношений между высшими эшелонами власти и «другими товарищами»:

Высшие эшелоны подшофе шествовали к подшефным по шоссе;

Не тот, товарищи, товарищу товарищ, Кто при товарищах товарищу товарищ. А тот, товарищи, товарищу товарищ, Кто без товарищей товарищу товарищ!

- проведение выборов:

Маня модным модна, в одномандатном округе;

- ожидание безвизового режима:

Получил Гоша нагишом шенген.

Неотделимы от политических проблем проблемы экономические. В их число входит:

- инфляция:

Нищий шуришит тыщами и пятидесятитысячными;

Не видно – ликвидны акции или не ликвидны;

- воровство на рабочем месте:

Токарь Раппопорт пропил пропуск, рашипил и суппорт;

Работники предприятие приватизировали, приватизировали, да не выприватизировали;

- налоги и налоговая политика:

Обладаешь ли ты налогооблагаемой благодатью?

- засилие бюрократии в делопроизводстве:

Протокол про протокол протоколом запротоколировали.

Редкими являются позитивно окрашенные «экономические» скороговорки», хотя их понимание может быть амбивалентным:

Кто не работает, тот не ест то, что ест тот, кто работает.

Личности и особенности развития шоубизнеса – еще один источник инноваций в скороговорках:

Дай кирку Киркорову корки откалывать.

В стрингерной стрингер в стрингах со стразами страдает от стресса.

У «Гаража» жди друга Джигурды – гуру джиги диджея Гурджу.

В Гатчине Галкин и Алка чинно гуляли с галчатами.

Дима Билан бил дебила, но про дебила уже было.

После Доширака широко дышала Кадышева, еле дошла Кадышева до душа.

Куролесил Крючковский с Крачковской в Карачаево-Черкесии.

Не было бы бьеннале – на Бали было б банально.

Всё более значительное место в нашей жизни занимает компьютер и Интернет, что также не осталось неотмеченным в скороговорках:

На винте, видать, видна виды выдавшая Винда.

Второй уровень Варкрафта.

Модератор модерировал, модерировал, да не выдомодерировал.

Ищет Яна яблоки в Яндексe, а Рубен рыщет рыбу в Рамблере.

Ворует провайдер-варвар драйвера – дрова, выдворяя провайдера.

Магистра «Инстаграма» со ста граммами мигом санитар настиг.

Штрейкбрехеровы шутки на «Хабрахабре» храбры, кратки, хороши.

Интересной группой современных скороговорок являются так называемые философские скороговорки, включающие сложные философские термины и имена философов:

Их псевдопсихологи, псевдопсефологи и псевдопсихотерапевты оболгали наших психологов, псефологов и психотерапевтов, а наши психологи, псефологи и психотерапевты разоблачили их псевдопсихологов, псевдопсефологов и псевдопсихотерапевтов.

Аэронавт узрел ауру у Шри Ауробинды.

В ХМАО читают Мао, а в ЯНАО Ху Цзинтао.

Кум инкубент вовремя не скумекал на выборах в Кумертау.

В транспорте под транспарантами, размышляя о транспарентности, трансвеститы постигли трансцендентальную сущность, а транссексуалы трансцендентную.

У Аристотеля бритвой бородобрея бровь брита, а у Стагирита – выбрита.

Марксисты, ленинисты, сталинисты, маоисты, модернисты, постмодернисты, интуитивисты и эксгибиционисты демонстрируют бицепсы в Битцевском парке.

Вашингтон, Франклин, Джеферсон, Мэдисон, Пэйн – отцы, а Абелья и Сы-ма Цзянь – скопцы.

На ура у гуру инаугурация прошла.

В скороговорках, хотя и ограниченно, но представлены исторические события:

После Юрского или периоды не юрские до ракеты с Юрием (полет Гагарина).

Эйфьятлайокудль эйфьятлайокудляли, эйфьятлайокудляли, но не выэйфьятлайокудляли. Надо Эйфьятлайокудль перезейфьятлайокудлевать да перезейфьятлайокудлевать (извержение вулкана в Исландии, 2010 год).

Обычное бытовое окружение современного человека в скороговорках создает картину мира, неотъемлемой частью которой являются телевизор, телефон, социальные сети:

Квадратным ртом своим огромным взирает телевизор в мир.

Слала Лариска эсэмэской слово киска.

Чатится Таня с Хачиком в чате, а Хачик чахнет, чихая в Чероки.

При просмотре интересных программ традиционно необходим попкорн:

Пакет из-под попкорна, из-под попкорна пакет.

Ванна джакузи тоже нашла отражение в скороговорке:

Моем Кузя пузо в джакузи.

В скороговорках упоминаются популярные породы собак:

Стаффордширский терьер ретив, а черношерстный ризеншнауцер резв.

В свободное от работы время современная молодежь увлекается бодибилдингом:

Бил бодибилдер Данила фельтикультяпистого дебила, а дебил бил бодибилдера Данилу.

Невелик бицепс у эксгибициониста.

Бритвенное лезвие «Астра» возникает в скороговорке как некая дань ностальгии:

Астра спросит остро и трезво: «Разве зря я взрываюсь лезвиями?»

Отрицательные стороны нашего быта получают в скороговорках такое воплощение:

- наличие плохих продуктов из-за химических обработок: *Их пестициды не перепестицидят наши по своей пестицидности;*
- плохое качество транспортного обеспечения: *Еду я по выбоинам, из выбоин не выведу я.*

Наши поезда – самые поездатые поезда в мире, и ни какие поездатые поезда не перепоездают наши поездатые поезда по поездатости!

- то, что ест современный человек:

*Милости прошу к нашему шалашу: я шаурму покрошу и покушать попрошу.
Мачо на ранчо в пончо ест лечо и харчо. Киллер на вилле ест вилками чили.
Рыжие тролли ели роллы, летя на лыжероллерах.*

Скороговорка подсказывает, какие книги, фильмы, актеры, спортсмены пользуются популярностью:

Ингеборга Дапкунайте.

Уле-Эйнар Бьорндален.

Орда оседлая драконов Таргариенов – дань сладкая в ладони карликовые лорда Ланнистера.

Лана дель Рей одрала колени на ралли, деру дала и орала.

Лаура потратила три талера на литературу о троллях и «Теллурию».

Караул! Лагерфельд Карл у Ральфа Лорена франки и транки, фланель и кафтаны драные украл.

Майли Сайрус с Марса смылась, на Сириус намылилась.

Роман Кармен положил в карман роман Ромена Роллана и пошёл в «Ромэн» на «Кармен».

Банда бандерлогов голодна в берлоге и ограблена орлами догола.

Некоторые скороговорки представляют собой своеобразные афоризмы, касающиеся повседневной жизни человека:

А мне не до недомогания.

Нет серьёзных преград для прогресса, кроме непреодолимых преград, порождённых прогрессом.

Бабы на бабки падки.

Бессмысленно осмысливать смысл неосмысленными мыслями!

И, наконец, «абстрактные», ничего не означающие, но развлекающие скороговорки:

Дыбра – это животное в дебрях тундры, Вроде бобра и выдры, враг кобры и пудры. Бодро тыбрит ядра кедра и дробит добро в недрах.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в минималистическом и строго фонетически зависимом, то есть сложном для построения, жанре скороговорки отражаются такие сферы человеческой деятельности, как политика, экономика, быт, то есть практически вся картина мира. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в анализе фонетической стороны скороговорок.

Библиографические ссылки

1. **Егорова А. А.** Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии (на материале Nursery Rhymes) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А. А. Егорова. – М., 2008. – 20 с.
2. **Муль И. Е.** Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах : на материале скороговорки и частушки : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. Л. Муль. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
3. **Невзглядова Е. В.** О звуко-смысловых связях в поэзии / Е. В. Невзглядова // Филол. науки. – 1968. – № 4. – С. 23–34.
4. **Павловская И. Ю.** Фоносемантический анализ речи / И. Ю. Павловская. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 292 с.
5. **Поливанов Е. Д.** Общий фонетический принцип всякой поэтической техники / Е. Д. Поливанов // Вопр. языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99–112.
6. **Путилов Б. Н.** Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа / Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору; сост. Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю. – М. : Наука, 1975. – С. 162–179.

7. **Чередникова М. П.** Голос детства из дальней дали (Игра, магия, миф в детской культуре) / М. П. Чередникова. – М. : Лабиринт, 2002. – 224 с.
8. **Штерн А. С.** Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символики» / А. С. Штерн // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С. 69–73.

References

1. Egorova, A. A. (2008) *Sound expressivity in traditional English child poetry: Author's thesis* [Zvukoizobrazitel'nost' v tradicionnoy anglijskoj detskoj poezii (na materiale Nursery Rhymes): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Moscow, 20 p.
2. Mul', I. E. (2002), *Word play mechanism in small folklore genres: Author's thesis* (Mekhanizmu yazykovoy igry v malyh fol'klornykh zhanrah : na materiale skorogovorki i chastushki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Ekaterinburg, 20 p.
3. Nevzglyadova, E. V. (1968), "On sound-sense links in poetry" ["O zvukosmyslovyyh svyazyah v poezii"], *Filologicheskie nauki*, № 4, pp. 23–34.
4. Pavlovskaya, I. Yu. (2001), *Phonosemantic speech analysis* [Fonosemanticheskij analiz rechi], Izd-vo S.Peterb. un-ta, St. Petersburg, 292 p.
5. Polivanov, E. D. (1963), "General phonetic principle of any poetical technique" ["Obshchij foneticheskij princip vsyakoj poehticheskoy tekhniki"], *Voprosy yazykoznaviya*, № 1, pp. 99–112.
6. Putilov, B. N. (1975), "Folklore problems in Propp's works" ["Problemy fol'klora v trudah V. Ya. Proppa"], *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*, Nauka, Moscow, pp. 162–179.
7. Cherednikova, M. P. (2002), *Childhood voice from far away* [Golos detstva iz dal'nej dali (Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture)], Labirint, Moscow, 224 p.
8. Shtern, A. S. (1969), "Objective criteria of sound symbol effect" ["Ob'ektivnye kriterii vyavleniya ehffekta «zvukovoy simvoliki»"], *Materialy seminara po probleme motivirovannosti yazykovogo znaka*, Leningrad, pp. 69–73.

Надійшла до редколегії 09.02.2017

УДК 811.111'373

С. А. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТЕНДАП КАК НОВЫЙ ЖАНР РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Рассмотрено понятие стендапа как особого жанра развлекательного дискурса. Проанализированы лингвостилистические и структурные особенности текстов русскоязычного стендапа. Определено, что этот жанр заимствован из американских и английских развлекательных заведений, но на современном этапе он приобрел новые черты и представляет собой специфический жанр популярного текста, который имеет как общие, так и отличительные от англоязычного предшественника черты.

Ключевые слова: жанр, дискурс, развлекательный дискурс, стендап, шутка.

Панченко С. А. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **СТЕНДАП ЯК НОВИЙ ЖАНР РОЗВАЖАЛЬНОГО ДИСКУРСУ**

Розглянуто поняття стендапу як особливого жанру розважального дискурсу. Предметом дослідження є лингвостилістичні та структурні особливості текстів російського стендапу. Визначено, що цей жанр запозичено з американських та англійських розважальних закладів, але у сучасності він набув нових рис і являє собою специфічний жанр популярного тексту, який має як спільні, так і відмінні риси від англomовного попередника.

Ключові слова: жанр, дискурс, розважальний дискурс, стендап, жарт.

Panchenko S. A. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *STANDUP AS A NEW GENRE OF ENTERTAINMENT DISCOURSE*

This article sets the problem of studying stand-up genre, which has recently become increasingly popular. This issue is in line with current research as entertainment discourse, one embodiment of which is the genre of stand-up, is a powerful means of communication organization and exposure to a wide audience. Genre stand-up is widely covered in the media and specialized publications. There are papers dealing with the English-language stand-up, which has a significant difference, but certain similarities with stand-up in Russian. The purpose of this article is linguistic description of the genre «stand-up» as a special linguistic construct. Stand-up (standup, standup-gum, stand-up comedy; English stand-up comedy) is a humorous solo performance in front of a live audience, one of the entertainment genre. This genre originated and took shape in the United States and then in the UK in accordance with the traditions of the American entertainment, which used to be the subject of export from Britain, and then to Britain. Often such interventions are organized by special comedy clubs (Engl. Comedy club). This study allows us to conclude that the stand-up genre is successfully developing in the Russian material, borrows a significant amount of the principles and specific techniques of its predecessor – the English-language stand-up and develop their own techniques for creating comic. The prospect of further research we can see in the study of the genre as a stand-up creolized text.

Key words: genre, discourse, entertainment discourse, standup, joke.

В настоящей статье в общем виде ставится проблема исследования жанра «стендап», который в последнее время приобретает всё большую популярность. Затронутая проблема находится в русле актуальных исследований, поскольку развлекательный дискурс, одним из вариантов которого является жанр стендапа, является мощным средством организации коммуникации и воздействия на широкую зрительскую аудиторию.

Жанр стендапа широко освещается в средствах массовой информации и специальных изданиях (см.: [1–4, 6–10]). Имеются работы, посвященные англоязычному стендапу [5], который характеризуется как значительными отличиями, так и определенным сходством со стендапом русскоязычным. Насколько нам известно, русскоязычный стендап еще не получил отдельного освещения в лингвистической литературе, что делает предмет нашей работы актуальным.

Целью данной статьи является лингвистическое описание жанра «стендап» как особого лингвистического построения.

Стенда́п (стэ́ндап, стэ́ндап-каме́ди, стенда́п-коме́дия; англ. stand-up comedy) представляет собой сольное юмористическое выступление перед живой аудиторией, один из жанров развлекательных программ. Этот жанр возник и оформился в Соединенных Штатах Америки, а затем в Великобритании в соответствии с традициями американского энтертейнмента, которые в свое время были предметом экспорта из Британии, а затем в Британию. Из американского и английского мюзик-холла этот жанр унаследовал дух веселой и дерзкой вольности, радость свободной импровизации и затейливых, на грани риска, игр с публикой. Часто для таких выступлений организуются специальные комедийные клубы (англ. comedy club).

В СССР подобная сценическая комедия шла совсем по другому пути, и нельзя сказать, что она была некачественной или не смешной, просто другой. Поэтому на данном этапе в том, что касается стендапа, русскоязычный жанр только начинает развиваться.

Стендап считается очень индивидуалистичным жанром, так как комики полагают, что всем должны быть интересны истории, которые они рассказывают. Мысли в стендапе бывают, но это не «признак жанра», а признак любого стоящего произведения искусства – автор вкладывает в него душу, эмоции, размышления.

Как отмечает О. Лобова, отличительными чертами стендап-комедии в рамках данного дискурса являются разнообразные шутки, комическая тональность, игровой модус коммуникации, динамичность, ненормативность, нарушение валоративных, логико-понятийных, онтологических норм, а также когнитивные меха-

низмы инконгруэнтности и реверсивности. Клоунада, комический мюзикл, эксцентричная комедия, телекомедия, стэндап-комедия – жанры англоязычного комического институционального дискурса. Институциональный статус этого дискурса эксплицируется на основании таких признаков: участники – комик и зритель; цель – рассмешить; хронотоп – театр комедии; прецедентные тексты – из религиозной и художественной литературы, а также текстов песен; дискурсивные формулы – вступительные и заключительные трафаретные фразы, часто комического характера; сложившаяся система жанров. Стэндап-комедия содержит основные черты других жанров комического институционального дискурса, что объясняется богатой историей становления и популярностью в англоязычном социуме. Для стэндап-комедии характерны импровизация, современность/реальность, которые проявляются в использовании форм настоящего времени. Функционирование комического институционального дискурса обусловлено социальной потребностью в институте комизма, который обеспечивает комическое общение. Метафункцией комического институционального дискурса является гедонистическая, т. к. основная цель стэндап-комика – развеселить зрителя. К другим функциям комического институционального дискурса относятся критическая, обозревательная, аксиологическая и функция детабуизации [5].

Популярность стендапа обусловлена психологическими особенностями слушателя, так как люди, в основной массе, любят слушать о себе. Негативное внимание приятнее, чем равнодушие, поэтому даже едкие шутки юмористов посетителей подобных шоу не пугают: им нравится быть в центре внимания хоть на миг, то есть наблюдается своеобразный экстрим: что именно «зацепит» комик, заметит ли он конкретно эту личность; в этом случае возникает возможность стать своего рода спарринг-партнером, попытаться «отбрить» юмориста, что является определенным вызовом для зрителей, помогающим развить чувство юмора. С Запада пришла мода выглядеть уверенными в себе, беспроблемными. Только такие зрители могут игнорировать подколки или «троллить» в ответ. Обидчивым и неуверенным подобные шоу вряд ли понравятся.

В настоящее время во многих городах есть свои стендап-клубы. К наиболее известным среди них относятся Humorlab в Харькове, O'city в Одессе, Stand up WEST в Ровно. Кроме того, появились стендап-фестивали, которые обещают стать регулярными – Independent Stand Up Festival, Лиха Смеха – Стендап, International StandUp Comedy Week, Stand Up O'Fest. Студия «Мамахохотала» стала первой в Украине, кто вывел жанр стендап-комедии на телевидение. В течение трёх лет было проведено большое количество как сольных, так и совместных стендапов и открытых микрофонов.

Стендап – такая форма выступления, когда артист со сцены произносит заранее заготовленный текст, создавая впечатление, будто бы он берет его на лету из головы, в расчете на то, чтобы вызвать смех аудитории. Стендап-комик обращается к своему опыту, своему видению реальности. Стендап-комик рассказывает о том, в чем именно он видит правду и боль, что ему кажется странным, неправильным, страшным, глупым и т. д. Это могут быть мысли и ощущения по поводу детства, библии, политики, секса, расовых заморочек, культурных конфликтов и т. п. По словам комика Фрэнклина Айе, суть стэндап-комедии сводится к «представлению жизненных ситуаций с комической стороны, из которых можно “вывести” шутки» [11, с. 11].

В каждом стендапе комик моделирует ситуации в соответствии со своим мировоззрением, мнением и т. д., следовательно, тематика шуток сугубо индивидуальна. Субъективная модальность защищает комика от плагиата, столь популярного в шоу-бизнесе. Заимствовать чужую шутку или комический рассказ, если

в нем содержится личная точка зрения комика, сложно, т. к. в шутке проявляется индивидуальность, характер комика. Субъективная модальность в шутках американских стендап-комиков имеет в основном иронично-сатирическую тональность и выражена приемами гиперболизации, мейозиса, литоты.

К наиболее актуальным темам стендапа относят детство, смех над другими, работу, человеческие отношения. Наиболее распространенные стилистические приемы создания юмора: гипербола, ирония, метафора, совмещение сеттингов, каламбуры, инверсия, сравнение и другие. Очень важна конечная шутка монолога, которая может представлять собой философскую мысль, вывод из выступления, в целом общий позитив.

В целом, говоря о сходстве английского русскоязычного стендапа, мы можем согласиться с мнением О. Лобовой: «Інтегруючи вербальні та невербальні засоби комічного, стендап-комік має на меті створити ігрову комічну тональність спілкування. Стендап-комедії притаманні такі жанрові риси: залучення різних за обсягом жартів, які можуть бути малими (нарративні жарти, однорядкові жарти, жарти-інвективи) або великими за формою (комічні монологи); репертуар лінгвостилістичних засобів комічного (у жартах превалюють гіпербола, іронія, алогічний висновок); динамізм у розкритті ідеї жарту стендап-коміка, вживання простих за синтаксичною структурою речень, імпровізація, сучасність / реальність (використання форм теперішнього часу), емоційність» [5].

Однако важной особенностью развития стендапа на русскоязычной основе являются определенные отличия между русским языком и английским, который гораздо лаконичнее и проще. Часто комик пытается рассказать историю, которая вызывает претензии («очень долго», «слишком медленная раскачка»), потому что в русском языке аналогичная по смыслу фраза занимает втрое больше времени. Русскоязычная аудитория под влиянием дискурса КВН и других подобных передач привыкла к ситуационным шуткам, гэгам, которые помещаются в одну строку, и в стендапе она начинает слушать историю, которую комик должен успеть рассказать. Стендап-шоу – это сплошная импровизация, которая всегда в почете и намного интереснее молодому поколению.

Отметим также роль прецедентности в стендапе. Когнитивная категория интертекстуальности определяется тем, что прецедентные феномены включаются в шутку и создают интеллектуальный юмор. Для понимания комизма адресат использует свои фоновые знания, поскольку эффективность интерпретации шутки зависит от объема его энциклопедических знаний. Прецедентные феномены дают дополнительную интеллектуальную нагрузку адресату и обогащают его когнитивную базу. Диссонанс между стереотипными ситуациями и их представлением стендап-комиком в новом ракурсе приводит к комическому эффекту.

Стендап – это умение смешно рассказывать истории и импровизировать, работать с любой аудиторией: от друзей, родственников или незнакомых людей до начальника и клиентов так, чтобы подшутить, развеселить и при этом не обидеть. Стендап – это умение красиво и смешно рассказать любую историю; умение шутками вызывать смех, а не обиду; умение подать любую презентацию и любой отчет по работе увлекательно и с юмором.

Шутка – это один из главных приёмов для захвата и удержания внимания. Шутка, в терминологии стендапа, состоит из настройки (Setup) и изюминки (Punch), использование этой схемы является правильным с точки зрения западного стендапа. Есть и другие термины, которые понятны только представителям данного вида развлекательного дискурса:

- a heckler* – зритель, который вмешивается в выступление стендап-комика;
- a blue joke* – шутка на непристойную тему;

a punch-line – кульминация шутки.

Комик говорит первую часть шутки, и когда он произносит вторую, то удивляет, так как говорит не то, что от него ожидали.

В жанре стендап существует ряд распространенных способов построения шутки экспромтом. К ним относятся следующие.

1. Созвучие, когда внутри определенного слова звучит другое слово, отличное по смыслу. К примеру, «удачное» от слова «удача», но внутри звучит слово «дача», не имеющее ничего общего с удачей. Шутка строится путем присоединения второй части к «звучанию». Ср.: *Неудачные шутки лучше рассказывать в пригороде*; или *Наблюдательные люди немного голубые...* (наБЛЮдательный, blue=голубой).

2. Присоединение к шаблону, когда при использовании устойчивого выражения (*Одна голова хорошо, а две – лучше*) шаблон не меняется, но меняется содержимое одной из частей: *Одна голова хорошо, а две больше выпьют*.

3. Разрыв шаблона, когда при использовании устойчивого выражения его продолжение является совершенно не связанным с ним, например: *Одна голова хорошо, ...а шо плохого в том, чтоб быть евреем?* или *Одна голова хорошо. И сиамские близнецы это знают лучше других*.

4. Выявление внутреннего противоречия, которое потенциально содержится в том или ином слове, возможно термине. Например, термин *солнцезащитные очки* в буквальном смысле означает, что очки защищают солнце. На самом деле очки защищают глаза от солнца. На этом противоречии строится шутка: *Купил солнцезащитные очки. Оказались бракованными. Не, глазам стало лучше. Но Солнце по-прежнему в опасности*.

5. Намеренный обман ожиданий, при котором первая часть шутки (сетап) формирует ожидание, а вторая (punch-line) его разрушает: *Чувствую себя очень бодро. Пробежал с утра пять километров* [построенное ожидание – человек занимался пробежкой]. *Правильно ведь говорят – паркуешься на горке, не забудь ручник*. Или: *Чувствую себя очень бодро. Пробежал с утра пять километров. Знаете, после того как понаоткрывали фитнес-центры, кража сумки у бабушки превращается в тяжелую работу*.

6. Замена на синонимы с юмористическим эффектом, например: *Для кого собачий корм, а для кого и Жучкина жаренка*; или *Учитель труда, между прочим, это гуру молотка и стамески*.

7. Игра слов строится на том, что у одного и того же слова есть много разных значений. Выстраивается предложение, в котором слово имеет определенный смысл, а потом смысл этого же слова изменяется второй частью шутки, например: *Штирлиц стрелял вслепую. Слепая упала*.

8. Обыгрывание слова/предложения, когда задумывается над смыслом слова, устойчивого выражения или предложения. Например, шутки строятся на сочетании «органы власти»: *Для спасения жизни оппозиционера срочно требуется донор органов власти*; или *У органов власти наблюдается цирроз судебной системы* (или что-то в этом роде).

Еще одним примером является слово *фундаментальный* (фундаментальный – фундамент – подвал): *А я лично не считаю, что подростков надо вытаскивать из подвалов. Может, они там решают фундаментальные проблемы человечества?*

«Возврат прав» (надпись на юридической консультации): *Возврат прав человека. Быстро, недорого, выезд на место. Amnesty International*.

9. Самоцитирование (Self-Referential), суть которого заключается в том, что шутка опирается на саму себя: *У хорошей шутки всегда неожиданный...;* или *Есть одно замечательное крылатое выражение... вылетело из головы*.

10. Абсурдистский юмор, например: *Неописуем. Мог бы привести пример, но смысл.*

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что жанр стендапа успешно развивается на материале русского языка, заимствует значительное количество принципов и конкретных лингвостилистических приемов из своего предшественника – стендапа англоязычного и развивает свои собственные приемы создания комического.

Перспективу дальнейшего исследования мы видим в исследовании жанра стендапа как креолизованного текста.

Библиографические ссылки

1. **Бартошевич А.** Откуда взялась stand-up comedy / А. Бартошевич // OpenSpace. – 11 июня 2008.
2. **Григорьева Н.** Без четвертой стены: Игорь Меерсон и Антон Борисов о будущем стендапа / Н. Григорьева // РИА Новости. – 20 марта 2013.
3. **Груева Е.** Тренд: становление русского стендапа / Е. Груева // TimeOut. – 12 декабря 2012.
4. **Денисов И.** Шутки с тёмной стороны (к 35-летию выхода фильма «Ленни») / И. Денисов // Синематека. – 10 ноября 2009.
5. **Лобова О. К.** Англомовна стендап-комедія як жанр комічного інституційного дискурсу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.04 «Германські мови» / О. К. Лобова. – Харків, 2013. – 20 с.
6. **Миловидов В.** Всем встать: 10 лучших стендап-комиков на свете / В. Миловидов // Look At Me. – 1 апреля 2012.
7. **Остры на язык** [Спецномер журнала про стендап] // TimeOut. – Март 2013.
8. **Педосенко А.** 10 самых смешных стендап комиков современности / А. Педосенко // Tochka.net. – 21 сентября 2012.
9. **Филиппов А.** Одеты и смешные: стиль стендап-комиков / А. Филиппов // FURFUR. – 18 сентября 2013.
10. **Юмор-00** / [Гусятинский Е. и др.] // Русский репортер. – № 12 (190). – 31 марта 2011.
11. **Ajaye F.** Comic Insights: the art of stand-up comedy / F. Ajaye. – Los Angeles : Silman-James Press, 2002. – 289 p.

References

1. Bartoshevich, A. (2008), "Where is stand-up comedy from" ["Otkuda vzyalas' stand-up comedy"], *OpenSpace*, 11 iyunya.
2. Grigor'eva, N. (2013), "Without the fourth wall" ["Bez chetvertoj steny: Igor' Meerson i Anton Borisov o budushchem stend-apa"], *RIA Novosti*, 20 marta.
3. Grueva, E. (2012), "Trend: Russian stand-up development" ["Trend: stanovlenie russkogo stendapa"], *TimeOut*, 12 dekabrya.
4. Denisov, I. (2009), "Dark side jokes" ["Shutki s tyomnoy storony (k 35-letiyu vyhoda fil'ma «Lenni»)"], *Sinemateka*, 10 noyabrya.
5. Lobova, O. K. (2013), *English stand-up-comedy as a genre of comic institutional discourse: Author's thesis [Anhlomovna stendap-komediya yak zhanr komichnoho instytutsiynoho dyskursu: avtoref. dis ... kand. filol. nauk]*, Kharkiv, 20 p.
6. Milovidov, V. (2012), "Stand up, everyone" ["Vsem vstat': 10 luchshih stendap-komikov na svete"], *Look At Me*, 1 aprelya.
7. "Sharp-tongued" (2013) ["Ostry na yazyk"] [Specnomer zhurnala pro stendap], *TimeOut*, Mart.
8. Pedosenko, A. (2012) "10 best stand-up contemporary actors" ["10 samyh smeshnyh stendap komikov sovremennosti"], *Tochka.net*, 21 sentyabrya.
9. Filippov, A. (2013), "Dressed and funny : stand-up actors style" [Odetye i smeshnye: stil' stendap-komikov], *FURFUR*, 18 sentyabrya.
10. "Yumor-00" (2011) ["Humor-00"], *Russkij reporter*, № 12 (190), 31 marta.

- 11 Ajaye, F. (2002) *Comic Insights: the art of stand-up comedy*, Silman-James Press, Los Angeles, 289 p.

Надійшла до редколегії 11.01.2017

УДК 81.411.2

Н. Д. Писаренко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ СЕМАНТИЧНОЇ СТРУКТУРИ ОДНОСКЛАДНИХ РЕЧЕНЬ

Розглянуто динаміку структури українського синтаксису. Розкрито вплив внутрішніх чинників на семантичну повноту односкладних речень, роль семантико-синтаксичної валентності. Проаналізовано форми економії вираження смислу в односкладних реченнях, збереження їх інформативності. Визначено вагому роль суб'єкта та його форми. Виділено семантико-функціональні типи односкладних речень.

Ключові слова: односкладне речення, семантична структура речення, валентність, семантичне гніздо, еліipsis, інформативність.

Писаренко Н. Д. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

Рассмотрена динамика структуры украинского синтаксиса. Раскрыто влияние внутренних факторов на семантическую полноту односоставных предложений, роль семантико-синтаксической валентности. Проанализированы формы экономии выражения смысла в односоставных предложениях, сохранения их информативности. Определена роль субъекта и его форм. Выделены семантико-функциональные типы односоставных предложений.

Ключевые слова: односоставное предложение, семантическая структура предложения, валентность, семантическое гнездо, эллиipsis, информативность.

Pisarenko N. D. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **PECULIARITIES OF SEMANTIC STRUCTURE OF ONE-MEMBER SENTENCES**

There has been a major change in the language for the last decade. The syntactical elements, which are used by the recipients are also changing, – that is why they have to be seen in a new point of view. The novelty of this research is characterize by syntactical constructions, particularly one-member sentences, which tend to economize speech; the usage of these constructions in publicistic style. Considering the main goal, our tasks are: 1) to research the linguistic points of view on the one-member sentences and their incompleteness; 2) characterize semantic and syntactic structure of one-member sentences; define its peculiarities and types.

Semantic structure of the sentences is based on the meanings of the verb's components – semantic connections. On the concrete linguistic levels these semantic connections can be either fulfilled or not, which gives us an opportunity to talk about semantic completeness/incompleteness of the sentence. One-member sentences are independent types of semantic constructions, which are constantly used by the modern recipients in socializing. Semantic types, which we emphasized in the process of research, demonstrate its informative completeness with the ellipsis of some components they don't need the external «informants». These syntactic constructions are actively used in publicistic style, which means Ukrainians actively use them.

Key words: one-member sentence, semantic structure of the sentence, semantic connections, ellipsis, informative.

Інформативність – одна з важливих властивостей речення, тому фрази, які виконують цю функцію, не можуть мати «нерухому» структуру. Як досягається і зберігається інформативність у фразі – питання, яке ми поставили перед собою, досліджуючи особливості семантичної структури односкладного речення.

В українській мові, гнучкій і багатоваріативній, можливо передати одну й ту ж думку, інформацію різними синтаксичними конструкціями. У зв'язку з численними соціально-політичними перетвореннями і науково-технічним прогресом в останні десятиліття в мові відбуваються значні зміни, змінюється й структура синтаксичних одиниць, якими користуються реципієнти, спілкуючись один із одним. Тому вони, безумовно, потребують сучасного переосмислення.

В українському синтаксисі існує чимало питань, які й до сьогодні є недостатньо вивченими або визначення яких не є однозначним. Такими, на наш погляд, є односкладні речення.

О. Шахматов першим не тільки виділив односкладні речення в окремий структурний тип речень, а й обґрунтував їх особливості. Характерно, що учений виокремив односкладні речення від двоскладних не за граматичними значеннями, а за способом вираження «психологічної комунікації», тим самим розмежував неповні та односкладні речення [13]. Віднесення вищеназваних синтаксичних конструкцій до неповних не є загальновизнаним, а має різні тлумачення, тому вивчення таких синтаксичних конструкцій щодо їх повноти/неповноти ми маємо за *метою* нашого дослідження.

Новизну роботи ми бачимо в характеристиці нових явищ українського синтаксису, а саме: синтаксичних конструкцій, котрі тяжіють до економичності, зокрема односкладні речення; а також використання цих конструкцій у текстах публіцистичного стилю, які раніше не були предметом дослідження.

Досягнення поставленої мети зумовило розв'язання таких завдань: 1) простежити лінгвістичні погляди на односкладні речення щодо їх неповноти; 2) охарактеризувати семантико-синтаксичну структуру односкладних речень, визначити особливості її складників та їх типи.

Методологічним підґрунтям цієї розвідки слугували лінгвістичні принципи І. Р. Вихованця, П. С. Дудика, А. П. Загнітка, О. С. Мельничука, І. І. Меньшикова, О. І. Панченко, К. Ф. Шульжука та ін.

Важливо зауважити, що у більшості сучасних праць із синтаксису питання про односкладність/двоскладність вивчаються з урахуванням шахматовської кваліфікації речень. Неповні речення з пропущеним підметом учений називає «недостатніми», з пропущеними присудками – «порушеними» [Там само, с. 395]. Учений визначає неповноту/повноту фрази через розуміння її структури. Граматичний центр односкладного речення нерідко й сьогодні кваліфікують або як присудок, або як підмет, ототожнюючи з граматичною основою двоскладного речення.

Певна група учених визначає не підмет чи присудок граматичною основою односкладних речень, а головний член речення, через те що для вияву повноти, характеру свого змісту він самодостатній і не потребує доповнення/корегування другим головним.

Різний компонентний зміст фрази, що вкладається в поняття «структурної схеми речення», зумовив, у свою чергу, розбіжність у класифікації простого речення і у російській мові. Якщо у «Граматичі сучасної російської літературної мови» ще збережено поділ простих речень на односкладні і двоскладні, то вже в «Російській граматичі» враховується тільки кількість компонентів предикативного центру, їх не більше двох – підмет і присудок [9].

Питання про обов'язкову співвідносність присудка і підмета в сучасному мовознавстві є також проблематичним. У зв'язку з цим «до сих пір невирішеним залишається питання про те, чи правильне твердження, що підмет і присудок обов'язково співвідносні, наявність одного члена обов'язково тягне за собою необхідність у наявності іншого члена» [11, с. 311].

Твердження про обов'язкову двоскладність речення виникло під певним впливом учення про судження з обов'язковими двома членами – суб'єктом і предикатом. Що стосується так званих односкладних або одночленних речень, виділення яких є улюбленим аргументом противників теорії двоскладності речення, то вони породжуються в ході подальших трансформацій, у результаті чого певні елементи речення, найчастіше іменна група, можуть за певних умов (наприклад, при переході від глибинної структури до поверхневої) піддаватися «стиранню» або, інакше кажучи, еліпсису.

Точку зору, близьку до вищезазначеної, зустрічаємо в наукових працях Е. А. Седельнікова, який вважає, що один із членів синтагми, що утворює речення, може бути представлений нулем [10]. Позиція підмета може бути і не представлена особовим займенником, і тоді речення є неповним [2, с. 132]. Безумовно, у даному випадку мова йде про структурну неповноту. Говорячи ж про речення перш за все як про комунікативну одиницю, ми повинні враховувати і його семантичне наповнення.

З кінця минулого століття посилюється інтерес філологів-науковців до семантики речення, у тому числі і до пропущеного компонента.

У нашому дослідженні ми розглядаємо питання повноти/неповноти односкладних речень на основі сучасних концепцій семантичного синтаксису, де говоримо про суб'єкт як носій предикативної ознаки. Поняття *суб'єкт* ми розуміємо значно ширше, ніж головний член речення. У нашому розумінні останній – це визначення структурних елементів-компонентів певної схеми-структури речення.

Що стосується речень із пропуском підмета, то і сьогодні щодо них існує багато різних точок зору. Важливим є, на наш погляд, те, що відсутність підмета, вираженого іменником у називному відмінку, не веде до структурної або семантичної неповноти речення. Їх можна назвати семантико-стилістичними різновидами вираження категорії особовості. Тому що підмет як такий не цікавить реципієнта, для нього важлива достатність інформативності самої фрази. У цьому випадку, безперечно, ми говоримо не про підмет, а про суб'єкт, який може проявлятися / не проявлятися залежно від умов і потреб контексту чи ситуації – це прояв семантичної/значеннєвої особи.

В українській мові як мові номінативної будови підметом може бути слово тільки в формі називного відмінка. Підмет розуміємо як основну і пряму форму вираження семантичного суб'єкта. Суб'єкт же має три форми: 1) форма вираження суб'єкта через особові закінчення дієслова (*Маємо знову депутатські канікули / Ми маємо знову депутатські канікули*); 2) форма вираження суб'єкта через непрямі відмінки суб'єкта (*Мене вразила ваша відвертість / я у захваті від вашої відвертості*); 3) форма вираження суб'єкта через валентність компонентів іменної групи (*Позафракційний знову не проголосував / позафракційний блок знову не проголосував*).

Суб'єкт, що позначає учасника комунікації, може бути виражений іменником або займенником. Особливо слід виділити суб'єкт першої і другої особи, що позначає того, хто сприймає і дає інформацію: *я, ми, ти, ви*. Заміна підмета займенником – перший етап трансформації речення, за яким слідує другий етап – еліпсис компонента, наприклад: *Я передаю привіт Світличній Каті від Маши і Наташі; Передаю привіт Родіоновій Владі; Привіт Жені, Інні, Іллі. Вероніка* [Evroinform]. Відсутність підмета, що вказує на комунікатора, можлива тільки за умови, що суб'єкт виражений додатковою формою – особовим закінченням дієслова-присудка. Це можливо тоді, коли дієслово має одну з форм теперішнього (*Живу зараз у Дніпрі*) або майбутнього часу (*Приїду в березні*), або форму наказового способу (*Затишить мій номер телефону*) [УНІАН].

Сучасне українське мовознавство досліджує семантичну структуру речення з урахуванням семантичного типу предиката й особливостей його лівобічної та правобічної валентності [14]. Поняття валентності в семантичному синтаксисі українські науковці, такі як А. П. Загнітко [3–5], І. І. Меньшиков [6; 7], І. С. Попова [8] використовують для визначення меж семантично елементарних простих речень.

У випадку, коли суб'єкт виражений особовою формою дієслова-присудка, тобто семантична функція підмета виконується присудком, структурна функція не виконана, позиція підмета матеріально не заповнена, і з цієї точки зору подібні фрази розглядаються як односкладні речення.

Присудкові односкладні речення утворилися різними способами. Поширеною є точка зору, що з двоскладових речень у результаті усунення підмета зі структури речення виділилися, наприклад, означально-особові речення. Але є думка, і ми більш схилиємося до неї, що різні за структурним наповнюванням фрази існували паралельно – в залежності від ситуації їх використання.

Еліпсис підмета в односкладних реченнях необхідний у зв'язку з широкими можливостями особових дієслів висловлювати семантику «опущеного» підмета. Речення такого типу досить зрозумілі й інформативні. «Опущення» підмета не завжди веде до неповноти фрази, тобто збереження семантичної повноти фрази з еліпсисом її структурних компонентів реальне. На наш погляд, фрази такого типу структурно неповні, але семантично достатні і являють собою особливі синтаксичні конструкції.

Виходячи з розуміння речення як бінарної одиниці, вчені визнають наявність у слов'янських мовах речень, у яких «мінімальна структура може бути виражена і однієї граматичною формою – особовою формою дієслова без необхідної присутності підмета», підкреслюючи тим самим інформативну самостійність вищеназваних речень.

Саме в межах мовно-семантичного рівня встановлюється семантична структура речення, що перебуває в тісному зв'язку з його формально-синтаксичною організацією. Такої ж думки дотримується і А. Загнітко [4].

Речення є основною синтаксичною одиницею, яка характеризується неперервністю синтаксичних зв'язків і семантико-синтаксичних відношень, а також є мінімальною, відносно завершеною одиницею спілкування та вираження думки. Розрив синтаксичних зв'язків призводить до формальної неповноти, хоча й не обов'язково до семантичної. Порушення ж семантико-синтаксичних відношень призводить до семантичної неповноти, що приводить до нерозуміння фрази і непорозуміння реципієнтів.

Предикат та його валентність відіграють найбільшу роль у формуванні семантико-синтаксичної структури простого речення. Незаповнення валентних гнізд, що відносяться до предиката, засвідчує незаміщення синтаксем. У такому разі спостерігаємо еліпсис компонента/компонентів у процесі комунікації.

У сучасній лінгвістиці під поняттям *валентність* розуміють основні закономірності сполучуваності одиниць певної мови. Семантико-синтаксична валентність відображає той факт, що певні компоненти фрази вимагають конкретних контекстних компонентів-партнерів, які мають відповідні семантичні характеристики. Відбір же відповідних партнерів здійснюється на основі відповідності/невідповідності семантичних ознак обох компонентів, базового і залежного, наприклад:

(1) *Не така була велика таємниця щодо збільшення пенсійного віку, **О** вам розкрию **О*** [УНІАН].

(2) *Сьогодні вирішальними були позафракційні **О*** [УНІАН].

Так, у прикладі (1) розірваність семантичних зв'язків, валентність предиката потребує семантичну характеристику тільки одну, що дозволяє безпомилково прогнозувати сему пропущеного компонента-суб'єкта **Я** (*Не така була велика таємниця щодо збільшення пенсійного віку, Я вам розкрию її*). У прикладі (2) семантико-синтаксична валентність базового компонента *позафракційні* вимагає конкретного семантичного партнера *голосу* (*Сьогодні вирішальними були позафракційні голоси*). Але, звичайно, можливі семантичні варіанти.

Необхідно відмітити, що суб'єкт та його валентність теж відіграють суттєву роль у формуванні семантико-синтаксичної структури простого речення: у прикладі (2) семантичним базовим компонентом є компонент групи суб'єкта *позафракційні*.

Нульове лексичне вираження суб'єкта дії у формально-граматичній структурі речення і те, що предикат дії не змінює своєї якості, фраза не зменшує своєї інформативності, підтверджує природну необхідність еліпсиса/елімінації суб'єкта. Із таким їхнім статусом не усі лінгвісти погоджуються, адже на наявність суб'єктної синтаксеми завжди вказує валентність відповідного предиката. Через це й існує потенційна можливість функціонування суб'єктної синтаксеми тільки у формі називного відмінка власне-іменника або займенникового іменника, на що вказує також граматична форма відповідного предиката. Такі утворення на семантико-синтаксичному рівні слід кваліфікувати як реченнєві конструкції з еліпсом суб'єкта, який може мислитися означеним, неозначеним або узагальненим: **О Готуйтеся до великих і крутих змін; О відкладайте гроші у Пенсійний фонд – і вам О віддячать**) [Київський телеграф].

Семантична структура речення ґрунтується на семних компонентах дієслова – валентних гніздах. На конкретно-мовленнєвому рівні ці гнізда можуть заповнюватися або не заповнюватися, що, в свою чергу, дає всі підстави говорити про семантичну повноту/неповноту речення.

Так, у реченні *Згодом Березенко справиться ОО майже стовідсотково, але перед тим Раді необхідно скласти перший тест для засвідчення готовності до марафону майже у добу ми спостерігаємо розрив синтаксичних зв'язків і відповідну дію семантичної валентності: Згодом Березенко справиться з чим / з ким майже стовідсотково...* Безпосередньо, базовий компонент *справиться* потребує точної семантичної відповідності – залежний компонент повинен відповідати тільки на запитання *з чим / з ким* і використовуватися з прийменником *справиться з проблемою / із завданням...* тощо.

У фразі *Копали О вони біля церкви дуже швидко* базовий компонент *копали* вимагає семантичної узгодженості з іншими компонентами; валентне гніздо вірогідне: 1) локатив *копали де* (біля церкви); 2) спосіб дії з його оцінюванням *Копали як* (дуже швидко); 3) об'єкт дії – інструмент *Копали чим* (лопатою/сапою/мотигою...). Як бачимо, у фразі позиція локативу і позиція способу дії з його оцінюванням матеріально заповнені. Тільки об'єкт дії – інструмент потребує семантичного відновлення: *Копали чим (лопатою/сапою/мотигою...)*.

Вивчаючи односкладні речення щодо їхньої інформативності, ми виділили такі семантико-функціональні типи:

1) реченнєві конструкції з еліпсисом предиката (Ми сьогодні **О** не на Майдані; Усі **О** у парламент);

2) реченнєві конструкції з еліпсисом субстанційних синтаксем:

а) конструкції з еліпсисом суб'єкта і предиката (*Людей було забагато, єдине щастя – О О не на вулиці; Три роки О О без Януковича*);

б) конструкції з еліпсисом локатива (*Заступник голови фракції БПП з ранку не поспішає О та випромінює упевненість, прогулюючись коридором*);

в) конструкції з еліпсисом об'єкта (*Порошенко доручив **О** створити штаб з ліквідації ЧП на нафтобазі; Ніде, крім нашої туристичної фірми, ви більше не знайдете такої спокусливої і цікавої пропозиції **О**; Згодом Березенко справиться **ОО** майже стовідсотково, але перед тим Раді необхідно скласти перший тест для засвідчення готовності до марафону майже у добу*) [Київський телеграф].

г) конструкції з еліпсисом об'єкта-інструмента (*Копали вони **О** біля церкви дуже швидко*);

г) конструкції з еліпсисом адресата (*Точно буде **О** проти **О** «Опоблок», точно **О О** проти **О** «Батьківщина», – розповів нардеп кореспонденту Тижня*) [Тижень].

Отже, односкладні речення – самостійний тип синтаксичних конструкцій, які сучасні реципієнти активно використовують у процесі спілкування. Виділені нами семантичні типи односкладних речень свідчать про свою семантичну повноту й інформативну достатність: при еліпсисі певних компонентів вони не потребують зовнішніх «інформаторів». Те, що такі синтаксичні конструкції (односкладні речення з різним еліпсисом) поширені у публіцистичному стилі, свідчить про їх активність у мовленні – а це означає, що вони сучасні й затребувані українськими громадянами.

Бібліографічні посилання

1. Дудик П. С. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення. Просте речення, еквіваленти речення / П. С. Дудик. – К. : Наук. думка, 1973. – 289 с.
2. Загнітко А. П. Дієслівні категорії у синтагматиці і парадигматиці / А. П. Загнітко. – К. : НМК ВО, 1990. – 132 с.
3. Загнітко А. П. Структура та ієрархія валентних значень дієслова / А. П. Загнітко. – К. : НМК ВО, 1992. – С. 7–37.
4. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови: Синтаксис: моногр. / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.
5. Меньшиков І. І. Речення як предикативна, комунікативна та функціональна одиниця мовлення / І. І. Меньшиков, І. С. Попова. – Д. : ДНУ, 2002. – 48 с.
6. Меньшиков І. І. Структура простого речення в сучасній українській літературній мові / І. І. Меньшиков, І. С. Попова. – Д. : РВВ ДНУ, 2004. – 64 с.
7. Попова І. С. Фундаментальні категорії синтаксису української мови у формально-граматичному та метамовному аспектах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / І. С. Попова. – Чернівці, 2012. – 40 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Высш. шк., 1980. – Т. 2. – 709 с.
9. Седелников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений / Е. А. Седелников // Филол. науки. – 1961. – № 3. – С. 67–77.
10. Современный русский язык : в 2 ч. / под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис. – М. : МГУ, 1964. – 638 с.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
12. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови : підруч. / К. Ф. Шульжук. – К. : Академія, 2004. – 408 с.

References

1. Dudyk, P. S. (1973), *Syntax of modern Ukrainian language. Simple sentence, equivalent sentence* [Syntaksys suchasnoho ukrayinskoho rozmovnoho literaturnoho movlennya. Proste rechennya, ekvivalenty rechennya], Kyiv, 289 p.
2. Zahnitko, A. P. (1990), *Verb category in syntagmatic and paradigmatic realia* [Diyeslivni katehoriyi u syntahmatytsi i paradyhmatytsi], Kyiv, 132 p.

3. Zahnitko, A. P. (1992), *Structure and hierarchy of the verb's meanings* [Struktura ta iyerarkhiya valentnykh znachenij diyeslova], Kyiv, pp. 7–37.
4. Zahnitko, A. P. (2001), *Theoretical grammar of Ukrainian language; Syntax* [Teoretychna hramatyka ukrayinskoyi movy: Syntaksys], DonNU, Donetsk, 662 p.
5. Menshykov, I. I. (2002), *Sentence as a predicative, communicative and functional elements of speech* [Rechennya yak predykatyvna, komunikatyvna ta funktsional'na odynytsya movlennya], Dnipropetrovsk, 48 p.
6. Menshykov, I. I., Popova I. S. (2004), *Structure of the simple sentence and modern Ukrainian language* [Struktura prostoho rechennya v suchasniy ukrayinskiy literaturniy movi], Dnipropetrovsk, 64 p.
7. Popova, I. S. (2012), *Fundamental categories of syntax of Ukrainian language in formal and grammatical aspects: Author's thesis* [Fundamentalni katehoriyi syntaksysu ukrayinskoyi movy u formalno-hramatychnomu ta metamovnomu aspektakh: avtoref. dys. ... d-ra filol. nauk], Chernivtsi, 40 p.
8. *Russian grammar* (1980), [Russkaya hrammatyka], Moscow, 709 p.
9. Sedelnykov, E. A. (1961) "Structure of the simple sentence from the point of view of syntagmatic and paradigmatic relations" ["Struktura prostoho predlozheniya s tochky zreniya syntahmaty cheskykh y paradyhmatycheskykh otnosheniy"], *Fylolohycheskye nauky*, № 3, pp. 67–77.
10. *Modern Russian language* (1964), [Sovremenny russkyy yazyk. Morfolohyya. Syntaksys, pod redaktsiyey prof. E. M. Halkynoy-Fedoruk], MHU, Moscow, 638 p.
11. Shakhmatov, A. A. (1941), *Syntax of the Russian language* [Syntaksys russkoho yazyka], 620 p.
12. Shulzhuk, K. F. (2004), *Syntax of the Ukrainian language* [Syntaksys ukrayinskoyi movy], Kyiv, 408 p.

Надійшла до редколегії 11.01.2017

УДК 811.161.1'38

Н. В. Подмогильная, Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ ЧЕРЕЗ ЭПИСТОЛЯРНУЮ ОПТИКУ

Проанализированы адресованные жене письма Ф. М. Достоевского 1866–1871 гг., осуществлены текстологические сопоставления писем и романа «Игрок». Показано, что письменный диалог между Ф. М. Достоевским и А. Г. Достоевской – важное дополнение в процессе рецепции творчества всемирно известного романиста. Не только жизненные впечатления и наблюдения писателя могут составлять содержание его произведений, а и отдельные мысли, высказанные в письмах, – впоследствии повторяться в текстах этих произведений, и опыт, уже получивший художественное осмысление в романе «Игрок», играет важную роль в дальнейших событиях жизни Достоевского, что находит отражение в содержании и стилистике его писем жене.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, письмо, А. Г. Достоевская, эпистолярный текст, обращение, роман «Игрок».

Підмогильна Н. В., Куварова О. К. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ОСОБИСТІСТЬ ПИСЬМЕННИКА КРИЗЬ ЕПІСТОЛЯРНУ ОПТИКУ**

Проаналізовано листи Ф. М. Достоевського 1866–1871 рр. до його дружини, здійснено текстологічні зіставлення листів і роману «Ігрок». Показано, що письмовий діалог між Ф. М. Достоевським і А. Г. Достоевською є важливим доповненням у процесі рецепції творчо-

сті всесвітньо відомого романіста. Не лише життєві враження та спостереження письменника можуть складати зміст його творів, а й окремі думки, висловлені в листах, – згодом повторюватись у текстах цих творів, а також досвід, який вже отримав художнє осмислення в романі «Ігрок», відіграє важливу роль у подальших подіях життя Достоевського, що знаходить відображення у змісті та стилістиці його листів до дружини.

Ключові слова: Ф. М. Достоевський, лист, А. Г. Достоевська, епістолярний текст, звертання, роман «Ігрок».

Podmogilnaya N. V., Kuvarova O. K. Oles' Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE PERSONALITY OF THE WRITER THROUGH THE EPISTOLARY OPTICS**

The article provides the analysis of the letters written by F. M. Dostoyevsky and addressed to his wife in 1866–1871. Comparison of the letters and a novel «The Gambler» was carried out.

The stylistics and the composition of some letters by Dostoyevsky to his wife serve as a vivid illustration of inner writer's contradictory and the high tension of emotions. In his letters Dostoyevsky proves to be an expert of the verbal forms of addressing the text which are typical to the spoken language (dialogue): exclamations, address to the recipient, pronouns and verbal forms of the second person, interrogatory sentences including rhetorical questions. There by such a property of the text as its dialogueness which is considered to be one of the main categories of the epistolary text is forming. In the letters Dostoyevsky uses expletives extensively, that creates an impression of the face-to-face extemporary communication on the recipient.

It is shown that the written dialogue between F. M. Dostoyevsky and A. G. Dostoyevskaya is an important supplement to the process of reception of the worldwide famous novelist's work. Not only life impressions and outlook of the writer can compose the content of his work, but also certain thoughts expressed in his letters (these thoughts can occur again in the texts of these works afterwards) and experience, that has already gained artistic insights in the novel «The Gambler», plays an important role in the further events of Dostoyevsky's life, that reflects in the content and the stylistics of his letters to the wife.

Key words: F. M. Dostoyevsky, letter, A. G. Dostoyevskaya, epistolary text, address, novel «The Gambler».

Как ненавистны мне всегда были письма!

Ф. М. Достоевский

Слова, послужившие эпиграфом к статье, взяты из письма Ф. М. Достоевского, но именно этот «ненавистный» писателю жанр мы выбрали в качестве объекта исследования.

В XIX веке в рамках русской эпістолярної традиції сформіровался літературний жанр дружеского листа – явлення унікальне і ставшее предметом изучения не только русских, но и зарубежных филологов (Н. И. Белунова [3], Е. А. Маймин [8], Н. Л. Степанов [10], У. М. Тодд III [11], А. Б. Черняева [13] и др.). Семейная, интимная переписка как эпістолярний жанр исследована гораздо меньше. Письма И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова широко представлены в полных собраниях сочинений этих писателей, однако, естественно, без ответных писем. Отдельным изданием вышли в 1986 г. письма А. С. Пушкина к жене, но, как отмечают издатели, писем Натальи Николаевны к Пушкину не сохранилось. Лишь позже, на рубеже XX и XXI вв., публикация писательского (и не только) эпістолярія в виде письменного диалога вошла в практику издательств: опубликована переписка И. С. Шмелёва и О. А. Бредиус-Субботиной, П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк, М. И. Цветаевой и Н. П. Гронского, Екатерины II и Г. А. Потёмкина и др.

Анализируя письмо как речевой жанр, ни лингвисты, ни литературоведы не акцентируют моменты, касающиеся его содержания, что, вероятно, легко объясняется тем, что никаких ограничений в этом плане не существует и любые попытки типологии содержания письма породили бы громоздкие построения. Подобно отдельному предложению с его установкой на цель высказывания письмо может быть ориентировано на выполнение любого коммуникативного задания: что-то сообщать, о чём-то спрашивать, содержать прямой императив, состоять из оптативных конструкций, быть той или иной письменной реакцией на полученный

вопрос. К примеру, О. В. Зуева определяет эпистолярные тексты как «произведения письменной речи, созданные с целью осуществления дистантного общения в различных сферах межличностных отношений и потому неизбежно грамматически и прагматически ориентированные на второе лицо – конкретного адресата, обладающие стереотипной композицией, реализующие систему принятых в данное время и данным коллективом коммуникативных формул» [7, с. 137]. В письмах Ф. М. Достоевского также затрагивается широкий спектр тем: семейные отношения, здоровье жены и детей, родственные и дружеские контакты, вопросы, касающиеся написания и издания его произведений, финансовые проблемы семьи писателя и тесно связанная с ними тема игры, казино, одержимости игровым азартом. Последняя тема – и на ней мы сосредоточим внимание – особенно наглядно и интенсивно представлена в письмах Достоевского к жене.

Письмо предполагает ритуальные – рамочные – элементы, как-то: приветствие, обращение, подпись. У разных адресантов можно встретить самые необычные обращения, включающие неустойчивые формы имени, экзотизмы, окказионализмы и мн. др. Зачин письма обычно включает обращение к адресату, и именно личное обращение считают тем литературным приёмом, который определяет композицию и стиль послания и позволяет квалифицировать, например, текст публицистического или личного письма. Обращение в письме ориентировано на получателя текста и допускает широкий выбор способов его номинации. Осуществляя этот выбор, адресант может назвать адресата по имени или использовать другой антропоним, указать на родственные отношения и т. д. Обращение в начале письма и подпись в конце репрезентируют один и тот же по сути объект – участника эпистолярной коммуникации, поочередно исполняющего роли адресанта и адресата, что и определяет изоморфизм рамочных элементов письма. Обращение так же, как подпись, включает имя адресата в той или иной форме или его аналог. На исключительную функциональную значимость в письме приветствия (включая обращение) и подписи как элементов, наиболее очевидно регулирующих степень близости между коммуникантами, указывает исследователь английской переписки XIX века К. Паттерсон [15].

Понятен интерес к обращениям, использованным Достоевским в письмах к жене, среди которых наиболее частыми являются такие: *милый ангел мой; Аня, милочка; Аня, ясный свет мой, солнце мое; радость моя, свет мой; ангел мой, Аня; милый, бесценный мой ангел; кроткий ангел мой; милая моя, бесценная, единственная; милый мой дорогой голубчик Анечка*. Нельзя не отметить, что обращение к жене «ангел» сохраняется у Достоевского вплоть до последних написанных им писем, и оно весьма точно и емко отражает основные черты характера этой женщины – ангельские терпение и кротость. Экспрессивно-характеризующие обращения, которым Достоевский отдает предпочтение в письмах жене, запечатлели не только ее образ; языковые средства и способы адресации эпистолярного текста могут многое сказать также и об авторе писем, о его отношении к своему адресату. Повышенная эмоциональность писем, в которых Достоевский рассказывает, как надежда на выигрыш сменяется отчаянием от осознания своей вины, раскаянием в том, что его страсть к игре приносит страдания любимой женщине, проявляется многократным в пределах одного письма обращением к адресату. Так, например, в письме от 22 мая 1867 г. – 12 обращений: *милый мой ангел... Аня... милая моя, ангел мой бесценный, сокровище мое... голубчик мой... дорогая моя... ангел мой... ангел мой... милая... Аня, милая, радость моя! ...милая Аня ...Аня ...ангел бесценный*, и почти каждое из них представляет собой новую номинацию адресата. Десять обращений в письме от 23 мая: *ясный ты мой ангельчик... милая... милочка... голубчик... мой ангельчик... милочка... ангел мой...*

бесценная моя... ангел мой... милая; подобные комплексы обращений находим и в следующих письмах: *Аня, милая, друг мой, жена моя... Аня... друг мой... Аня... Аня... ангел мой... ангел мой* (24 мая); *Аня, ангел мой, единственное мое счастье и радость... Аня... Аня... Аня, ангел... Аня, сердце мое ...ангел ...сердце мое* (25 мая) [6, с. 17–23] и т. п. Такой повтор обращения в сравнительно небольшом тексте письма не только помогает поддержать контакт с адресатом, уже установленный начальным обращением в зачине послания, но и передает взволнованность автора письма, выражает постоянно ощущаемую им потребность в близости и понимании со стороны любимой женщины.

Чем больше читаешь писательские письма, тем более утверждаешься в мысли, что панорамное и объемное представление о личности художника, создавшего всемирно известные или мало кому известные произведения, невозможно составить только после знакомства с этими произведениями. Исследователи и критики нередко весьма убедительно определяют, какой из созданных тем или иным автором персонажей является его *alter ego*, в каком из героев в большей или меньшей мере воплотились автобиографические моменты, в каком сюжете упомянуты реальные, имевшие место в жизни писателя ситуации. Вряд ли стоит высокомерно отвергать как безусловный анахронизм отдельные положения теорий предшествующих исторических эпох, пусть даже весьма отдаленных, поскольку почти в каждой из этих теорий, скажем, в культурно-исторической школе или психоанализе, обнаруживаются нюансы, не подлежащие сомнению или не могущие обветшать по причине их безусловной справедливости. Пожалуй, именно в таком удивительном и оригинальном артефакте, как письмо, можно найти подтверждение или опровержение устоявшимся или своим собственным представлениям о своеобразии творчества и об индивидуальности писателя. Текст литературно-художественного произведения – это производное как таланта, так и личности автора, в нем кристаллизуются глобальные проблемы и частные вопросы, взволновавшие его на определенном этапе жизни и ставшие толчком к написанию книги. Но изданный текст – это отфильтрованный, отредактированный, возможно, многократно правленный вариант первоначального замысла. Другое дело письмо: его нередко пишут наспех, не правят вообще, или правки в нем имеют совсем незначительный, никак не влияющий на общее содержание документа характер, письмо адресуется одному конкретному человеку и не рассчитано на прочтение такой же широкой и многочисленной аудитории, какой адресуется роман или поэма. Разумеется, история знает примеры, когда самодостаточный художник слова каждую написанную им мелочь – будь то письмо или записка приятелю – оценивает как культурный факт, не должный затеряться в архивной пыли. Однако несомненно и то, что адресованные жене, близкому другу, родственникам письма аккумулируют в себе напряженную интимность, прикосновение к которой с неизбежностью ставит исследователя перед нравственной дилеммой. Можно только догадываться о мыслях Достоевского, когда он обращался к жене с такой просьбой: «Аня, дай мне слово, что никогда никому не будешь показывать этих писем» [Там же, с. 12]. Солидаризуемся с мнением одного из авторитетнейших исследователей жизни и творчества Федора Достоевского профессора Б. И. Бурсова: «...гениального писателя можно понять и оценить, лишь рассматривая его без изъята тех или иных сторон его деятельности» [4, с. 94], – и этот тезис будем считать своей «охранной грамотой».

Подобные мысли не могут не возникнуть, когда знакомишься с перепиской таких титанов мировой литературы, как Ф. М. Достоевский. Благодарно воспринимая уже тот факт, что письмо в XIX веке – самое распространенное письменное средство коммуникации, что эти документы сохранились, что нам выпала воз-

возможность с ними ознакомиться, с особой ответственностью обращаемся к письмам Достоевского, адресованным жене – Анне Григорьевне. Объемный, увесистый том переписки Ф. М. Достоевского с А. Г. Достоевской [6] – уникальное издание, подготовленное с академической скрупулезностью, аккуратностью и точностью, вводит в тот мир отношений между двумя людьми, который обычно не является всеобщим достоянием, не выставляется намеренно на обозрение и с посторонними не обсуждается. Переписка Ф. М. Достоевского с женой, опубликованная в 1979 г., – это одно из первых изданий, в котором женщина, жена писателя из бесплотного адресата, чей образ воссоздается лишь как отражение, запечатленное в текстах, ей направленных, превращается в полноценного участника диалога, «обретает голос» в своих собственных письмах.

Следуя исторической логике, составители издания избрали начальной датой переписки самый конец 1866 года (в 1867 г. А. Г. Сниткина стала женой Достоевского), а конечной – последние дни жизни великого писателя. Как сообщают составители, в издание включено 164 письма Ф. М. Достоевского жене и 75 писем А. Г. Достоевской мужу (составители издания упорядочили материал, сопроводив все письма порядковыми номерами; придерживаясь этого принципа, при цитировании указываем в круглых скобках номер письма); причем если письма Достоевского уже издавались, то многие письма его жены опубликованы впервые. Расположенные в хронологическом порядке письма супругов формируют дискурс, подобный эпистолярному роману, и, как отмечает И. С. Андрианова, изучавшая письма А. Г. Достоевской, в своей переписке Федор Михайлович и его жена становятся творцами «единого художественного текста, который требует специального исследования» [1, с. 71].

Своеобразный психологический фон и эмоциональное интонирование, если судить по письмам, присутствовали во взаимоотношениях между супругами практически всегда, с первых месяцев их брака. В 1867 году переписка между ними весьма интенсивна, что вполне понятно и легко объяснимо, но содержание писем заставляет по-новому взглянуть на поэтологические особенности тех вещей Достоевского, что были уже написаны к этому времени, и тем более тех, которые будут написаны позднее, т. е. между эпистолярием и художественным творчеством писателя просматривается живая связь. Обращает на себя внимание блок писем, написанных Достоевским жене, точнее сказать, ежедневно писавшихся: 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 мая 1867 года. За нежными, естественными обращениями к молодой супруге следуют описания подробностей жизни за границей, в Германии, откуда по причине безденежья Достоевский никак не мог выехать, хотя почти в каждом письме говорит о желании вернуться домой. Здесь необходимо вспомнить о тех материальных затруднениях, которые испытывал Достоевский после смерти старшего брата и которые преследовали его почти постоянно. После брата, на что есть указание в письме Достоевского к А. Е. Врангелю, осталось всего 300 рублей, на которые и похоронили брата, и около 25 тысяч рублей долга. Исследователи отмечают, что, приняв на себя долги брата, который был юридическим издателем журнала «Эпоха», Достоевский «уже до конца дней оставался в лапах кредиторов» [4, с. 385]. Содержать семью умершего брата – тяжелое бремя, чтобы нести его, Достоевскому нужно было работать постоянно и много. Но это под силу только физически здоровому человеку, а Достоевский не отличался отменным здоровьем. Тема испытываемых Достоевским в течение многих лет материальных трудностей стала едва ли не общим местом в работах о писателе. Составители тома «Неизданный Достоевский» из серии «Литературное наследство» специально отмечают, что «параллельно с черновыми набросками к роману «Преступление и наказание», сделанными торопливой, нервной скорописью, на сосед-

них свободных страницах Достоевский тщательно ведет подсчеты своих долгов и расходов» [9, с. 15], т. е. можно предположить, что финансовые вопросы беспокоили писателя постоянно и даже творческий процесс не мог отодвинуть их на второй план. Попытаемся соотнести, так сказать, объективную и субъективную составляющие такого положения, используя для прояснения этого вопроса письма Достоевского к жене.

Из писем Достоевского следует, что он надеялся игрой в рулетку решительно исправить свое материальное положение и даже разъяснял жене, как он вывел свою теорию выигрыша: «Я сделал опыт, что если играть хладнокровно, спокойно и с расчетом, то нет никакой возможности проиграть!» (№ 9). Нужно постоянно оставаться невозмутимым, сдерживать эмоции – и тогда можно выиграть сколько угодно. Именно такие слова – «сколько угодно» – использует Достоевский, убеждая жену, что огромных размеров выигрыш требует усидчивости, долгой игры – может быть, в течение многих часов, и если даже сначала не повезло и проигрываешь, то нельзя бросать игру, нужно играть еще и еще, пока тебе не улыбнется удача. Но игровой азарт, запал, горячка не только не помогали выбраться из долговой зависимости, но доводили до полного краха, до отчаяния. Собравшись немедленно ехать домой, бежать от игорных домов, Достоевский не имел денег даже на дорогу, поэтому в нескольких подряд написанных письмах он просит жену найти или занять небольшую сумму денег, которых хватило бы рассчитаться за квартиру и на дорогу. Давая себе самому жесткую и беспощадную самооценку («Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!») (№ 5), уже в следующем письме Достоевский признается в том, что вчера для него был прескверный день, потому что он проиграл все имеющиеся у него деньги, просидев за игрой около десяти часов подряд, а своей ошибкой считает не отсутствие твердости в характере, не неспособность победить свою болезненную страсть к игре, а то, что, когда начинает везти, он предпринимает рискованные шаги и поэтому проигрывает. Этим объясняется невозможность немедленного приезда к жене и возвращения на родину, поскольку есть надежда отыграться. Надежда не оправдалась, поэтому в следующем письме, от 20 мая 1867 г., сказано, что вчера день был «решительно пакостный и скверный», потому что проиграно все до последней копейки, потому что пришлось заложить едва ли не последнюю ценную вещь – часы, за которые часовщик дал всего половину их подлинной стоимости. Но несмотря на то, что «все это бесполезно, глупо и низко» (№ 7), Достоевский говорит о невозможности оторваться от своей идеи и ехать к жене, которой клянется в вечной любви и преданности, человечность которой ценит превыше всего, которую считает своим ангелом-хранителем.

Даже стилистика и композиция одного из писем Достоевского жене чрезвычайно показательны в том смысле, что служат выразительной иллюстрацией внутренней противоречивости этого человека и высокого накала испытываемых им эмоций: «Теперь пишу тебе, а сам весь дрожу: ну что если я ошибся и сегодня не будет от тебя письма? Ну что тогда будет? О, не дай бог! Теперь спешу на почту. Аня, милая, что же ты для меня такое значишь, наконец, что я так мучаюсь? Ведь я никогда, никогда еще до такой степени не мучился и не боялся, как вчера, в тот ужасный час! Нет, Аня, сильно надо любить, чтоб так чувствовать! Господи, ну что если и сегодня не получу. Тороплюсь закончить это письмо и побегу. Если от тебя опять нет письма, то каково мне: надо ехать, а денег нет. Я и закладные за часы почти *проиграл*... (курсив наш. – Н. П., Е. К.)» (№ 8). Приводим простран- ный отрывок именно из этого письма, поскольку считаем его весьма показатель-

ным и красноречивым. Достоевский мастерски использует в письменном послании речевые формы адресации текста, характерные для устного диалога: восклицания, обращения к адресату, местоимения и глагольные формы второго лица, вопросительные предложения, в том числе риторические вопросы. Тем самым формируется такое свойство текста письма, как его диалогичность, которая рассматривается лингвистами в качестве одной из главных категорий эпистолярного текста [3, с. 43]. Имитируя (вольно или невольно) спонтанность неподготовленной устной речи, Достоевский допускает самоперебивы (*Нет, Аня, сильно надо любить...*), повторы: *Теперь пишу тебе, а сам весь дрожу... Что будет, то будет.* <...> *Не сердись за это бестолковое письмо; я спешу из всех сил, чтоб поскорей узнать судьбу мою на почте, т<о> е<сть> есть от тебя письмо или нет? Даже весь дрожу теперь. Получу письмо и буду счастлив! Обнимаю тебя, друг мой, не тужи, не горюй, а обо мне не беспокойся: только бы от тебя письмо сегодня получить, и я буду счастлив. До свидания, до близкого, обнимаю тебя, не мучайся, не горюй.* <...> *Такие ли бывают неудачи в жизни, у каждого, у самого счастливого. Я же, за эти деньги, купил себе избавление от дурацкой идеи и это, может быть, еще дешево заплатил. Ну, что будет, то будет. Обнимаю тебя крепко* (№ 8).

Самой, пожалуй, регулярно используемой риторической фигурой в цитируемом письме является парентеза: предложения прерываются разного рода вставками, которые создают впечатление естественного, живого мышления. Примеры использования разнообразных по структуре вставок (это может быть слово, словосочетание или предложение) многочисленны: *Наконец, весь проигравшись (а меня это даже и не поразило в ту минуту) ходил часа два в парке...; Тут я воротился и пошел опять заложить часы (которые по дороге на почту успел выкупить), заложил тому же, как и третьего дня...; В субботу ты получила мое первое письмо, отвечала мне тут же на почте, затем уж в субботу и не писала более, потому что уж отвечала утром на почте (два лоскуточка). Поэтому в воскресенье и не послала мне письма; в воскресенье же, получив мое письмо (второе), отвечала мне в тот же день...* (№ 8) и т. п. В следующем письме возникают уже двойные вставки: вставное слово вводится во вставное предложение: *«Тут-то бы и остановиться, и уйти, по крайней мере до вечера, чтоб успокоить возбужденные нервы (к тому же я сделал замечание (вернейшее), что я могу быть спокойным и хладнокровным за игрой не более как полчаса сряду). Но я отходил только чтоб выкурить папироску и тотчас же бежал опять к игре»* (№ 9). Вставные элементы характерны для синтаксиса неподготовленной речи в условиях непосредственного общения, когда первоначальное коммуникативное намерение может изменяться в процессе построения высказывания, а многочисленные вставки в эпистолярном тексте создают стилистический эффект общения в разговорном регистре. Исследователи эпистолярного творчества Ф. М. Достоевского неоднократно отмечали небрежность стиля его писем [6, с. 368], однако искусность интонирования откровенного эмоционального рассказа о своих поступках и о сопутствующих им переживаниях позволяет разглядеть в этой небрежности стилистический прием художника слова, которым писатель остается даже в своей интимной переписке, абсолютно не предназначенной для посторонних читателей.

Если занять позицию реципиента, не посвященного в перипетии взаимоотношений писателя с женой, то восприятие письма, отрывки из которого приведены выше (№ 8), последовательно формируется на фоне довольно большого количества экспрессивных фраз в одном фрагменте текста и акцентированных признаний в испытываемых адресантом сильных чувствах к женщине, получение письма от которой составляет основной смысл прожитого дня, а отсутствие письма озна-

чает бессодержательность этого дня. Финальные фразы приведенного абзаца из письма носят очевидные следы новеллистической развязки сюжета, поскольку читательское ожидание обмануто: оказывается, речь идет не об иступленном состоянии ожидания письма от любимой женщины, а об ожидании письма с чеком на получение денег от любимой женщины. Обращает на себя внимание еще такой момент: композиционно текст выстроен так, что после фразы «Тороплюсь докончить это письмо и побегу» можно бы ожидать традиционных слов прощания («Твой вечный Ф. Достоевский», «Твой весь и всегда», «Твой муж Ф. Достоевский», «Твой весь, до последней капли Ф. Достоевский» и т. п.). Но структура письма от 21 мая 1867 г. тем интересна, что оброненное мимоходом слово «побегу» не означает конца текста письма – после него следует текстовый массив, вдвое превышающий написанное ранее. В следующем фрагменте Достоевский просит жену поскорее заняться *его делами*, т. е. срочно выслать деньги, поскольку он оказался в крайне затруднительном положении: нужно выкупить из заклада часы и оплатить счет в отеле, иначе хозяйка может обратиться в полицию. Далее следует подробная инструкция о том, как нужно переслать деньги, точнее, вексель, по которому он сможет получить деньги у банкиров-корреспондентов. Стилетика этой части письма характерна скорее для инструкции или какого-либо делового документа: подробно и пошагово расписаны все действия, которые надлежит выполнить жене, и даже сумма перевода, указанная цифрами, дублируется в скобках прописью. Переживая по поводу ситуации, в которой он оказался, и желая морально поддержать жену, Достоевский в этом письме дважды дает обещание прекратить играть: «Слушай же: игра кончена...» (№ 8), «...не беспокойся, теперь уж не буду играть» (№ 8). Успокаивая жену в связи со своим проигрышем и почти совершенным отсутствием денег, Достоевский просит ее не роптать, не унывать и не упрекать его: «Замучил я тебя, ангел мой!» (№ 8).

Уже на следующий день, 22 мая 1867 г., Достоевский пишет, что, отправив вчера письмо с просьбой прислать денег, он отправился ...в игровую залу и «все, все проиграл, до последней копейки» (№ 9). В этом письме Достоевский трижды повторяет, что не укоряет (?) жену, а просит понять его и, в точности повторяя невыполненное обещание, данное в предыдущем письме, заверяет: «Но уж конечно я играть не буду!» (№ 9). По сути, в письме от 22 мая повторяются сюжетные контуры романа «Игрок».

В коротком письме от 23 мая 1867 г. Достоевский выражает недоумение, что письмо от жены он получил, а денег – нет, а именно с их получением он связывал свое немедленное возвращение к Анне Григорьевне. Сетую на дождливую и холодную погоду, Достоевский замечает, что простудился, а поэтому не станет спешить с отъездом, чтобы в дороге не разболеться окончательно. *Святая душа, ясный ангельчик, хочется обнять тебя, цалую бессечно, бесценная моя, милая, бесконечно любящий муж* (№ 10) – традиционная лексика в письмах Достоевского к жене, но почему-то кажется, что письмо от 23 мая перегружено уверениями в любви, если учесть сравнительно небольшой его объем. Но согласимся с тем, что это нормальное, естественное проявление чувств к молодой жене, с которой писатель в данное время в разлуке. Однако отмеченная чрезмерность в выражении чувств на бумаге оставляет некоторое сомнение...

Сомнения рассеивает написанное на следующий день, 24 мая 1867 г., письмо, зачин которого характеризуется высоким эмоциональным накалом: «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл! Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно, и только одно ужасает меня: что ты скажешь,

что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался» (№ 11). После настоятельной просьбы прислать скорее, «сию мину-ту», денег на дорогу, даже если это последние имеющиеся в наличии деньги, следует уже обычная ремарка: «Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл» (№ 11).

25 мая 1867 г. Достоевский пишет обстоятельное письмо о творческих планах на будущее, о том, что вещь, которую он сейчас задумал, будет лучше «Преступления и наказания», о том, как надеется получить финансовую помощь от издателя, совершенно не упоминая о вчерашнем проигрыше.

В октябре того же года супруги снова в разлуке. Письма к жене из Saxon les Bains, куда Достоевский поехал один, потому что Анна Григорьевна ждала ребенка, очень напоминают содержанием и тональностью письма из Гомбурга: «Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к 10 часам вечера был в чистом выигрыше 1300 фр. Сегодня – ни копейки. Все! Все проиграл!» (№ 15). Виновником случившегося Достоевский назначил лакея отеля, забывшего разбудить его в указанное время, отчего он опоздал на поезд, а потому решил занять время до следующего поезда на Женеву, где тогда жила Анна Григорьевна, игрой. Но – «Люблю тебя безумно. Теперь чувствую, как ты мне дорога» (№ 15).

Спустя чуть больше месяца, 17 ноября 1867 г., вновь представился случай скоротать время игрой: «Приехал я сюда без четверти четыре и узнал, что рулетка до 5 часов. Стало быть, час оставался, я побежал» (№ 16). В этот день удача сопутствовала игроку, выигравшему почти в пять раз больше имевшейся в начале игры суммы. После долгих раздумий, не послать ли 100 франков жене, Достоевский счел эту сумму слишком незначительной (хотя бы 200!) и дает «себе честное великое слово, что вечером <...> буду играть благоразумнейшим образом, клянусь тебе» (№ 16). Обещания и клятвы оставить игру заменяются честным словом играть благоразумно.

Но, как видно из письма 18 ноября, игра не задалась: «Аня, милая, бесценная моя, я все проиграл, все, все! О, Ангел, мой, не печалься и не беспокойся!» (№ 17). Учитывая положение Анны Григорьевны, волновать ее, в самом деле, не стоило, хотя трудно читать спокойно слова: «Друг мой, не печалься, что я разорил тебя, не мучайся за наше будущее. Я все, все поправлю!» (№ 17).

В апреле 1868 г., уже после рождения дочери, письма об игре пугающе однообразны: «...я все проиграл, как приехал, в полчаса все проиграл» (№ 18). Теперь уже обычной кажется и просьба: «Пришли мне как можно больше денег. Не для игры (покаялся бы тебе, но не смею, потому что я тысячу раз тебе лгал). <...> Ангел мой, пришли 100 фр. У тебя останется 20 или меньше, заложи что-нибудь. <...> Играть не буду. <...> Так как ничего мне с этими деньгами нельзя будет сделать, а жить здесь для меня ужас, то я пойду их поставлю» (№ 18). В одном абзаце дважды повторяется обещание не играть, но уже в следующем – признание неизбежности такого шага. Процитированное письмо написано 4 апреля утром, но уже вечером того же дня написано еще одно: «Какой я отец? <...> я пошел играть – и все проиграл!» (№ 19).

В том переписки Достоевского с женой опубликовано только 2 письма за 1868 год, ни одного за 1869 год и одно за 1870 год. Возможно, эти письма не сохранились, возможно, их не было вообще, но возможно также, что Анна Григорьевна не сочла нужным их публиковать. Но в письмах, датированных 1871 годом, до отъезда в Россию, повторяются сюжеты ранее написанных писем.

Это было время, когда уже опубликован роман «Преступление и наказание», когда Достоевский как художник уже имел серьезный творческий опыт изо-

бражения душевных переживаний, терзаний, надломов людей, не способных противостоять, а потому легко поддающихся своим слабостям и порокам (достаточно вспомнить чиновника Мармеладова из «Преступления и наказания» или Алексея Ивановича из «Игрока»). Эти слабости могли стать причиной тяжелых испытаний и даже гибели других людей; понимая это, Достоевский признается жене: «Ах, ангел мой, я тебя бесконечно люблю, но мне суждено судьбой всех тех, кого я люблю, мучить!» (№ 18). Как диссонирует глубокое понимание писателем тайников человеческой души, темных ее сторон с часто повторяемой просьбой к жене быть снисходительной к его слабостям!

Автобиографичность романа «Игрок» (1866) очевидна, и это отмечали многие исследователи. Так, в комментариях к изданию сочинений Достоевского 1956 г. И. З. Серман прямо указывает, что «Обе темы романа – и безудержная страсть к игре и мучительная любовь – автобиографичны. Известно увлечение Достоевского рулеткой в его летние поездки за границу в 1862, 1863 и 1865 годах; отношения Алексея Ивановича и Полины во многом воспроизводят историю любви Достоевского и Аполлинии Прокофьевны Суловой, как позволяют судить об этом опубликованные уже в наше время письма и воспоминания А. П. Суловой» [5, с. 604]. Г. М. Фридлендер подчеркивает типологическое сходство между героями «Преступления и наказания» и «Игрока»: это роман «о молодом человеке, учители-разночине, одаренном, как и Раскольников, большими силами души, но ставшем игроком и растратившем их впустую» [12, с. 728]. Думается, можно проследить некоторое сходство не только между *опытами*, которые ставят Раскольников и Алексей Иванович, но и между «Игроком» («Я решительно не вижу ничего грязного в желании выиграть поскорее и побольше» [5, с. 294]) и написанным позднее романом «Подросток»: в обоих произведениях стремление к быстрому обогащению символизируется именем Ротшильда, а душевное смятение Алексея Ивановича и Аркадия Долгорукого имеет общую природу, генетически сходную и восходящую к «Пиковой даме» и «Скупому рыцарю» А. С. Пушкина.

Текстологическое сопоставление позволяет обнаружить некоторые параллели между письмами Достоевского к жене и его романом «Игрок»:

В письмах к жене	В тексте романа «Игрок»
Главное, все это бестолково, глупо и низко. А все-таки оторваться от моей идеи не могу... (№ 7).	Как это ни смешно, что я так много жду для себя от рулетки, но мне кажется, еще смешнее рутинное мнение, всеми признанное, что глупо и нелепо ожидать чего-то от игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег, например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один. Но – какое мне до этого дело? [5, с. 293].
Аня, милая, не надейся очень на выигрыш, не мечтай. Может быть, я проиграюсь, но, клянусь, буду благоразумен (№ 16).	
А вчера был день решительно пакостный и скверный (№ 7).	Сегодня был день смешной, безобразный, нелепый [Там же, с. 303]. Я поставил самую большую позволенную ставку... и проиграл. Затем, разгорячившись, вынул все, что у меня оставалось, поставил на ту же ставку и проиграл опять... [Там же, с. 305].
...я все проиграл, все, все! <...> Я заложил и кольцо и зимнее пальто и все проиграл (№ 17).	О, это был замечательный случай решимости: я проиграл тогда все, все... [Там же, с. 293].

Аня, Аня, вспомни тоже, что я не подлец, а только страстный игрок (№ 22). Ах, голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только проснулся – сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют (№ 16). Но прийдя в воксал, я стал у стола и начал мысленно ставить: угадаю иль нет? Что же, Аня, раз десять сряду угадал, даже Zero угадал (№ 22).	Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. У меня руки-ноги дрожали, в голову ударило. Конечно, это был редкий случай, что на каких-нибудь десяти ударах три раза выскочил zero; но особенно удивительного тут не было ничего. Я сам был свидетелем, как третьего дня вышло три zero <i>сряду</i>... [Там же, с. 361]. – А ты, Алексей Иванович, не пробовал еще счастья? – Нет, бабушка. – А у самого глаза горели, я видела. – Я еще попробую, бабушка, непременно, потом. – И прямо ставь на zero! Вот увидишь! [Там же, с. 363–364].
--	--

По приведенным примерам можно судить о том, что чувства, охватывавшие героя романа перед игрой, при виде рулетки, совпадают с чувствами, испытываемыми самим писателем в аналогичной ситуации. К тому же из всех известных символов рулетки знаковым и в письмах и в тексте романа оказывается zero. Эмоциональное состояние Алексея Ивановича в «Игроке» и писателя, их восприятие конкретного дня во многом определяются состоявшейся накануне игрой: проигрыш означает несчастный, бесцветный, впустую прожитый день. Встречаются в «Игроке» и рассуждения о том, что для достижения цели, для выигрыша, нужно выдержать характер – эти же мысли присутствуют в письмах к жене, причем в романе и в письмах самого тревожного и психологически сложного для молодых супругов 1867 года упоминается один и тот же город – Гомбург.

Жизненные впечатления и наблюдения писателей часто становятся импульсом к созданию художественных произведений и составляют их содержание, отдельные мысли, высказанные в письмах, могут в дальнейшем повторяться в их текстах. В этом смысле Достоевский – не исключение.

Письма Ф. М. Достоевского уже становились объектом филологического исследования: так, К. А. Баршт [2] сопоставил ранние письма Достоевского и его роман «Бедные люди» и пришёл к выводу, что письма стали творческой лабораторией будущего романа, а переписка с братом подготовила писателя к созданию художественного произведения. Н. В. Шевцова [14] соотносит личные письма Ф. М. Достоевского и использование им эпистолярной формы в художественном и публицистическом творчестве, анализирует использование реального эпистолярного материала в «Дневнике писателя». Весомым аргументом в наших рассуждениях считаем замечание исследователей переписки Достоевского с женой: «Очень скоро Анна Григорьевна узнала, что она стала женой *игрока*...» [6, с. 361]. Позволим себе высказать парадоксальное, но небезосновательное предположение, базирующееся на содержании переписки Достоевского с женой: создав автобиографический роман «Игрок», в котором отразились некоторые глубоко личные переживания и страсти писателя, Достоевский не простился со своим героем, Алексеем Ивановичем, – роман словно бы остался незавершенным, и его основные сюжетные повороты и тональность проигрываются автором снова и снова в собственной жизни. Возможно, в «Игроке» выведен, если так можно выразиться, самый автобиографический персонаж: процесс творчества в данном случае предстает как замкнутый цикл, в котором жизнь становится темой творчества, а творчество проецируется на жизнь, или в линейном выражении – жизнь → сюжет → жизнь.

Авторы развернутого анализа переписки Достоевского с женой С. В. Белов и В. А. Туниманов, включенного в качестве приложения в рассматриваемое издание, предлагают весьма взвешенную, корректную, продуманную оценку многочисленных документов, касающихся жизни и творчества Достоевского, и прежде всего его писем. Письма, адресованные писателем жене, которых сохранилось много больше, чем писем родственникам, друзьям, литераторам-современникам (А. Н. Майкову, И. С. Аксакову), издателям (М. Н. Каткову), сохранились именно благодаря стараниям Анны Григорьевны. Примечательно, что благоговейно относясь к письмам мужа и с пиететом – к самому мужу, несмотря на его внятно проговоренную просьбу никому не показывать эти письма, после его смерти Анна Григорьевна сама готовит их к печати. Не переступая границ тактичности и уважительности, комментаторы переписки не смогли затушевать легкой иронии по отношению к Анне Григорьевне, сквозящей где-то на уровне подтекста, интонации, построения фразы, направленность которой понятна. Если бы А. Г. Достоевская не сохранила писем мужа, которые, по ее мнению, имеют не только литературный, но и общественный интерес и знакомясь с которыми, как не без внутренней гордости она полагает, читатели этих писем позавидуют ей, Анне Григорьевне, не будь этих писем, суждено было бы остаться в тени гениального мужа, быть упомянутой как бы в скобках, петитом – «жена Достоевского». При наличии же писем она обретает и голос, и статус личности, повлиявшей на творческие замыслы Достоевского и их реализацию. Подчеркивая, что муж обсуждал с ней и серьезные темы, а не только говорил «о кофе да о сахаре», конкретных примеров Анна Григорьевна не приводит, что и дало повод комментаторам заметить: «Тщетно искать в дневниках, что именно говорил Достоевский о “важных и отвлеченных предметах”» [5, с. 357]. Однако, с одной стороны, Анна Григорьевна выходила замуж за автора уже известных произведений – «Бедные люди» (эпистолярный по форме роман!), «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», – и, вероятно, человеческое и женское тщеславие давало силы выдерживать материальные невзгоды и возникавшие супружеские размолвки. Материальные трудности, понятно, могут взорвать спокойную семейную жизнь. Но, с другой стороны, Анна Григорьевна, которая была младше мужа на четверть века, стоически претерпевает подобные испытания: она в случае необходимости закладывала свои туалеты и драгоценности, чтобы срочно найти средства; супруги прибегали к финансовой помощи родственников и друзей, хотя иногда крайняя нужда возникала как следствие необдуманного, даже легкомысленного поведения Достоевского.

Письменный диалог между Ф. М. Достоевским и А. Г. Достоевской – важное дополнение в процессе рецепции творчества всемирно известного романиста. Противоречивая натура Достоевского, его мятущаяся, беспокойная душа, в которой жили рядом и сталкивались высочайший гуманизм и гуманизм абстрактный, острое сострадание к людям и способность причинять страдания конкретному человеку, требование быть правдивым и нарушение собственных обещаний и клятв, очень выразительно и рельефно запечатлена в его творчестве. «Размышления Достоевского о неосуществимости заповедей Христа, нравственного идеала христианства “на земле” замечательны тем, что они освещают одно из центральных противоречий философского и этического мировоззрения Достоевского» [9, с. 107], – эти справедливые суждения исследователей подтверждают наш тезис о прямой связи между философским учением, творчеством и эпистолярием писателя. Письма Достоевского помогают существенно уточнить те характеристики личности писателя, которые иногда остаются непроясненными, иногда кажутся

вторичними, иногда воплощаются как отдельные черты в характерах героев художественных произведений.

Библиографические ссылки

1. Андрианова И. С. Эпистолярный жанр в творчестве А. Г. Достоевской / И. С. Андрианова // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 1. – С. 70–73.
2. Баршт К. А. «Маленькая рама» эпистолярного романа. Ранние письма Ф. М. Достоевского и «Бедные люди» / К. А. Баршт // Литературная учёба. – 1982. – № 4. – С. 172–177.
3. Балунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Балунова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. – 140 с.
4. Бурсов Б. И. Личность Достоевского / Б. И. Бурсов. – Л. : Сов. писатель, 1979. – 680 с.
5. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 10 т. / под общ. ред. Л. П. Гроссмана и др. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 4. Произведения 1862–1869. – 612 с.
6. Достоевский Ф. М. Переписка / Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская / изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. – М. : Наука, 1979. – 484 с.
7. Зуева О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О. В. Зуева // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 года) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – Т. 1. – С. 137–139.
8. Маймин Е. А. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики / Е. А. Маймин // Пушкинский сборник. – Псков, 1962. – С. 77–87.
9. Неизданный Достоевский / Литературное наследство. Записные книжки и тетради. – М. : Наука, 1971. – Т. 83. – 728 с.
10. Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики : [сб. статей]. – М. : Худож. лит., 1966. – С. 66–90.
11. Тодд III У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. – СПб. : Академический проект, 1994. – 207 с.
12. Фридендер Г. М. Ф. М. Достоевский / Г. М. Фридендер // История русской литературы : в 4 т. – Л. : Наука, 1982. – Т. 3. – С. 695–760.
13. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Черняева Алла Борисовна. – СПб., 2008. – 187 с.
14. Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Шевцова Наталья Вячеславовна. – Челябинск, 2004. – 228 с.
15. Patterson K. The «Anna Jameson and her Friends Database» : Mapping Anna Jameson's Associative Links with the Victorian Intellectual Community [Electronic resource] / Katharine Patterson; [Simon Fraser University, University of British Columbia]. – CHWP A. 17, publ. October 2000. – Access mode : <http://chwp.arts.ubc.ca/patterson/#3>

References

1. Andrianova, I. S. (2014), “Epistolary genre in the creative activity of A. G. Dostoevskaja”, *Transactions of Petrozavodsk State University. Philology* [“Jepistoljarnyj zhanr v tvorchestve A. G. Dostoevskoj”, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*], № 1, pp. 70–73.
2. Barsht, K. A. (1982), “Little frame” of epistolary novel. Early letters of Ф. М. Dostoevsky and the “Poor people”, *Literary studies* [«Malen’kaja rama» jepistoljarnogo romana. Rannie pis’ma F. M. Dostoevskogo i «Bednye ljudi», *Literaturnaja uchjoba*], № 4, pp. 172–177.
3. Belunova, N. I. (2000), *Friendly letters of creative intelligentsia of the late 19th and early 20th centuries (Genre and text of letters)* [Druzheskie pis’ma tvorcheskoi intelligencii konca XIX – nachala XX v. (Zhanr i tekst pisem)], St. Peterbourg, 140 p.
4. Bursov, B. I. (1979), *The Dostoevsky’s Personality* [Lichnost’ Dostoevskogo], Leningrad, 680 p.

5. Dostoevsky, F. M. (1956), *Edition in 10 volumes, V. 4. Works 1862–1869* [*Sobranije sochinenij v 10-ti t., T. 4. Proizvedenija 1862–1869*], Moscow, 612 p.
6. Dostoevsky, F. M., Dostoevskaja, A. G. (1979), *Correspondence* [*Perepiska*], Moscow, 484 p.
7. Zujeva, O. V. (2007), “About the problems of linguistic study of epistolary texts of Medieval Rus”, *V. A. Bogoroditsky: scientific heritage and modern linguistics: labours and materials of the International scientific conference (Kazan, on May, 4–7, 2007)* [“O problemah lingvisticheskogo izucheniya jepistoljarnyh tekstov Srednevekovoj Rusi”, *V.A. Bogorodickij: nauchnoe nasledie i sovremennoe jazykovedenie: trudy i materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Kazan', 4–7 maja 2007 goda)*], Kazan, V. 1, P. 137–139.
8. Majmin, E. A. (1962), “Friendly correspondence of Pushkin from the point of view of stylistics”, *Pushkin collection* [“Druzheskaja perepiska Pushkina s tochki zrenija stilistiki”, *Pushkinskij sbornik*], Pskov, P. 77–87.
9. *Unpublished Dostoevsky. Literary heritage. Notebooks & copy-books* (1971) [*Neizdannyj Dostoevskij / Literaturnoe nasledstvo. Zapisnye knizhki i tetradi*], Moscow, V. 83, p. 728.
10. Stepanov, N. L. (1966), “Friendly letter of beginning of the 19th century”, *Poets and novelists* [“Druzheskoe pis'mo nachala XIX veka”, *Pojety i prozaiki*], – Moscow, pp. 66–90.
11. Todd III W. M. (1994), *Friendly letter as literary genre at the Pushkin epoch* [*Druzheskoe pis'mo kak literaturnyj zhanr v pushkinskuju jepohu*], St. Peterbourg, 207 p.
12. Fridlender, G. M. (1982), “F. M. Dostoevsky”, *History of Russian literature, in 4 volumes, V. 3* [“F. M. Dostoevskij”, *Istorija russkoj literatury : V 4-h t. – T. 3*], Leningrad, pp. 695–760.
13. Chernjajeva, A. B. (2008), *Functioning of appeal in the friendly letter of creative intelligentsia of the late 19th – first quarter of the 20th century: dissertation* [*Funkcionirovanie obrashhenija v druzheskom pis'me tvorcheskoj intelligencii konca XIX – pervoj chetverti XX veka: dis. ... kand. filol. nauk*], St. Peterbourg, 187 p.
14. Shevcova, N. V. (2004), *Epistolary genre in the heritage of F. M. Dostoevsky: dissertation* [*Epistoljarnyj zhanr v nasledii F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. filol. nauk*], Cheljabinsk, 228 p.
15. Patterson, K. (2000), *The «Anna Jameson and her Friends Database» : Mapping Anna Jameson's Associative Links with the Victorian Intellectual Community* [Simon Fraser University, University of British Columbia], CHWP A. 17, publ. October 2000, URL: <http://chwp.arts.ubc.ca/patterson/#3>

Надійшла до редколегії 10.12.2016

УДК 811.161.1

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФЕМИНИТИВЫ В АСПЕКТЕ НЕОЛОГИИ (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке)

Рассмотрены наименования лиц женского пола по роду их деятельности, активно внедряемые в русский язык представителями фем-сообществ. Кратко очерчена социально-языковая ситуация, обусловившая появление и использование феминитивов. Представлен анализ феминитивов с точки зрения источника их происхождения, структурных и словообразовательных моделей, вариантов; проведено сопоставление феминитивов, предлагаемых фем-публиками, с феминитивами, зафиксированными в толковых словарях русского языка; охарактеризован неологический потенциал феминитивов, сделаны предположения об их дальнейшей судьбе в русском языке.

Ключевые слова: *potina feminina, феминитивы, русский язык, неологический потенциал.*

Пристайко Т. С. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ФЕМІНИТИВИ В АСПЕКТІ НЕОЛОГІЇ (на матеріалі найменувань жінок за родом їх діяльності у російській мові)**

Розглянуто найменування осіб жіночої статі за родом їх діяльності, які активно упродовжуються у російську мову представниками фем-спільнот. Коротко окреслено соціально-мовну ситуацію, що зумовила появу та використання фемінітивів. Надано аналіз фемінітивів з погляду джерела їх походження, структурних та словотвірних моделей, варіантів; проведено зіставлення фемінітивів, що пропонують фем-пабліки, з фемінітивами, зафіксованими у тлумачних словниках російської мови; схарактеризовано неологічний потенціал фемінітивів, зроблено припущення про їх подальшу долю у російській мові.

Ключові слова: nomina feminina, фемінітиви, російська мова, неологічний потенціал.

Prystaiko T. S. Oles Honchar Dnipropetrovsk State University. **FEMINITIVES IN TERMS OF NEOLOGY (using the material of titling women in the Russian language according to their occupations)**

Objective of the paper is to identify and evaluate both neological and word-formative potential of feminitives. Tasks of the paper are as follows: 1) to consider feminitives from the viewpoint of: a) a source of their origin; b) structural models and word-formative ones; c) alternate relations; 2) to compare feminitives proposed by fem-publics with feminitives listed in explanatory dictionaries of the Russian language.

Results are as follows: more than 400 analyzed feminitives have been coined with the help of modification suffixes with feminine meaning differing in frequency of use, more specifically: *-к(а)* – 37,12 %; *-(н)иц(а)* – 32,82 %; *-ш(а)* – 14,14 %; *-ин(я)* – 8,84 %; *-ец(а)* – 5,55 %; *-иц(а)* – 0,75 %; *-их(а)* – 0,75 %. Most of all, feminine alternations are coined with the help of *-ка* and *-ша* words. «Large Explanatory Dictionary of the Russian Language» (LED) registers almost 160 feminitives to be 36 % of their total number. To compare with data from «Dictionary of the Russian Language» published in 1981–1984, LED, published in 2000, demonstrates more loyal attitude to the presentation of feminitives and «reduce» in a degree of markedness of titling sequence moved from substandard to colloquial and from colloquial to neutral. It is quite possible that in future feminitives will become general words for Russophones. However, it will take time and certain social environment should be established as it is quite clear today that gender correction of the Russian language being artificially imposed today is rejected by many native speakers.

Key words: nomina feminina, feminitives, the Russian language, neological potential.

Русский язык сам собой правит.
А. К. Югов. Судьбы русского слова

И Цезарь не выше грамматиков.
Крылатое выражение

Для русского языка конца XX – начала XXI в. характерны многочисленные изменения, которые отмечают учеными на всех уровнях языковой системы, но в первую очередь – на лексико-семантическом и словообразовательном. Одной из заметных тенденций в развитии языка наших дней стало стремительное увеличение количества наименований лиц женского пола, среди которых большую часть составляют номинации женщин по роду деятельности, профессии, должности [2, с. 3; 4, с. 64; 6, с. 147–154]. Основную причину роста таких номинаций ученые усматривают в изменении социальных условий жизни современных женщин: с одной стороны, активное вовлечение их в те сферы деятельности, которые раньше считались традиционно мужскими, с другой же – интенсивное развитие женского движения за равные права с мужчинами во всех областях жизни. Именно эти социальные факторы обусловили появление в русском языке наряду с описательными терминами *nomina feminina*, имена женщин, наименования женщин, наименования лиц женского пола и др. однословной номинации *феминитивы*.

Феминитивами, по определению «Словаря гендерных терминов», называются «слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола: летчик – летчица, писатель – писательница, профессор – профессорша, директор – директриса

и т. д.» [9]. Чем же вызвано такое преднамеренное акцентирование на дифференциации номинативных единиц по полу и для чего нужен термин *феминитивы*? Обращение к толковым словарям показывает, что приведенные в качестве иллюстрации слова *летчица*, *писательница*, *директриса* и *профессорша* фиксируются в толковых словарях наряду с соотносительными словами мужского рода [1; 10]. В силу этого на первый взгляд кажется, что языковая ситуация не дает повода для использования особого термина и сам термин *феминитивы* – не более чем еще один синоним в ряду существующих в русском языке номинаций для обозначения лиц женского пола по роду занятий. Однако это не совсем так. В цитированной выше словарной статье «Словаря гендерных терминов» отмечается, что «феминитивы часто используют для борьбы с *гендерной слепотой* и для усиления *гендерной чувствительности*. По мнению некоторых феминистов, современные языковые нормы способствуют дискриминации женщин и завышению значимости мужчин, в то время как задача феминитивов – восстановить гендерно-лингвистическое равенство» [10]. Таким образом слово *феминитивы* оказывается не просто лингвистическим термином, а своеобразным «гендерно-лингвистическим орудием» борьбы за равные права женщин. Примечание, сопровождающее дефиницию, в латентном виде объясняет причины активного продуцирования феминитивов в русском языке последних лет и пунктирно очерчивает комплекс социально-психологических проблем, породивших как сам термин, так и сравнительно молодое научное направление – гендерную лингвистику, или лингвогендерологию.

Для адептов феминистского движения ситуация с феминитивами в русском языке осложняется еще и проблемами лингвистического характера, связанными с особенностями реализации категории грамматического рода при обозначении женщин по роду занятий. Как известно, в русском языке наименования женщин по роду деятельности продуцируются в рамках модификационной словообразовательной категории «женскости»: они «всегда выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме. Отношения иного рода, т. е., когда имя лица мужского пола вторично по отношению к имени лица женского пола, редки и производят впечатление аномальности» [6, с. 148]. Подчеркивая регулярность категории «женскость» в русском языке, Е. А. Земская в то же время отмечает, что она резко отличается от регулярности соответствующей категории «в других славянских языках, таких, например, как польский и чешский, в которых наименования женщин образуются без исключений» [Там же, с. 148].

Для понимания обсуждаемой ситуации важно и то, что «русский язык неоднороден и с точки зрения... широты употребительности женских коррелятов» [Там же, с. 148]. По наблюдениям ученых, языковой стихией, порождающей многие женские корреляты, и основным пространством, где они используются, является разговорная речь, в то время как кодифицированный литературный язык в его официально-деловом стиле для подобных женских наименований остается непроницаемым.

Таким образом, несмотря на наличие в русском языке механизма, позволяющего продуцировать производные социально-профессиональные номинации женского рода от аналогичных мужских (*летчик* – *летчица* и др.), во многих обозначениях лиц по профессии, должности, званию и т. д. соотносительные слова женского рода отсутствуют, в силу чего слова мужского рода применяются и по отношению к женщинам, ср.: *доцент Иванова*, *инспектор Смирнова*, *лейтенант Петрова* и др.

Социально-исторические причины сложившейся в этом сегменте русского языка ситуации, как и суть обозначенной выше проблематики, в свое время объ-

яснил В. В. Виноградов, отметивший, что «в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие формы *человечица*)» [3, с. 62, 65]. По мнению ученого, «слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке – его социальную, профессиональную или иную квалификацию – независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию особей» [Там же, с. 66]. Феминитивы же, как мы выяснили, появляются именно с «упором на половую дифференциацию».

Активное (и нередко искусственное) продуцирование и неустанные попытки внедрения феминитивов в повседневное и официальное употребление делают **актуальным** рассмотрение их как номинативных единиц в плане новизны и способов образования последних. Не углубляясь в социально-психологическую, социально-культурную и отчасти социально-идеологическую проблематику, связанную с появлением и использованием феминитивов, остановимся в своей публикации на рассмотрении этого лексического пласта в сугубо лингвистическом, насколько это возможно, аспекте. Заявленным обуславливается основная **цель** настоящей статьи, а именно: выявить и оценить неологический и словообразовательный потенциал феминитивов, активно внедряемых в последнее время в русский язык и русское языковое сознание через профеминистские и феминистские публичные интернет-страницы (фем-паблики). Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть феминитивы с точки зрения: а) источника их происхождения; б) структурных и словообразовательных моделей; в) вариантных отношений; 2) провести сопоставление феминитивов, предлагаемых фем-пабликами, с феминитивами, зафиксированными в толковых словарях русского языка.

Фактическим материалом для исследования послужили около 450 феминитивов, зафиксированных на публичной странице «Феминитивы» [12] на 4 января 2017 г.* Выбор в качестве основного источника именно этого паблика обусловлен тем, что здесь, во-первых, представлено наиболее полное собрание лексических единиц, интересующих нас, и, во-вторых, отмеченные в нем феминитивы сопровождаются авторскими толкованиями, которые, в свою очередь, могут включать феминитивы-неологизмы. Поэтому в сформированный нами корпус вошли не только феминитивы – заголовочные слова словарных статей, но и феминитивы, присутствующие в текстах дефиниций, но не представленные самостоятельной статьей. Например: **Выходица** – «1. *Пришелица*, переселенка из другой страны, края»; «**Электрикесса** – специалистка в области электричества, электротехники; **электротехница, электромонтёрша**» (здесь и дальше толкования даются в том виде, в каком они представлены на интернет-странице. – Т. П.).

В целом в толкованиях всех феминитивов отражается нарочитая установка на последовательное употребление в качестве слов-идентификаторов (*женщина, работница, специалистка, рабочая* и т. д.) и конкретизаторов существительных женского рода, ср.: «**Кузнечиха** – это мастерица, занимающаяся обработкой металла»; «**Менеджерка/менеджерша** – наемная профессиональная руководительница, управляющая, начальница, директриса. Профессионалка своего дела, наделённая исполнительной властью»; «**Доцентка** – учёное звание и должность преподавательницы высшего учебного заведения (ниже профессорши и выше ассистентки); женщина, имеющая это звание и занимающая эту должность». Это пра-

* Ограничение датой связано с тем, что страница, существующая более трёх лет, постоянно обновляется и пополняется новыми феминитивами и материалами о них.

вило розповсюджується і на общеупотребительные слова, попавшие в словник: «**Владелица** – жінчина, володуща чим-небудь»; «**Водительница** – жінчина, управляюча транспортним засобом (автомобіль, повозка, автобус і др.)». Зачастую словами-ідентифікаторами в дефініціях і таких слів виступають окказіональні фемінітиви, ср.: «**Создательница** – *твориця*, та, хто створила що-н.»; «**Строительница** – спеціалістка по будівництву, то єсть по возведенію і реконструкції будівель і споруджень; или *человечица*, которая создает что-либо. Например, строительница феминистического общества». І лише в одній словарній статті в тлумаченні не був зроблений (очевидно, по недосмотру) упор на полову приналежність: «**Персонажка** – дійсуюче лице в драмі, романі, повісті, поезії і т. п.».

Слідует відмітити, що сформований нами на основі фем-пабліка корпус фемінітивів свідечує про произвольном характері їх підбору і образования. Частіше всього це слова, пропонуємі різними авторами, которые руководствуются в більшій мірі вкусовими пристрастями (нравиться / не нравится), чим правилами словообразования. Відвідувачі сторінки відзначають, що її створителі «пропонуємі не стеснятися в словообразовании і вибирати таку форму, которая нравится: называйтесь хоть *блогеркой*, хоть *блогиней*, хоть *блогерицей*» (<https://cont.ws/post/252442>).

В будь-якому випадку взяті як готові номінативні одиниці або ж створені преднамеренно по аналогії з існуючими в мові моделями фемінітиви представляють собою інтересний, хоча і зачастую спірний в лінгвістическому плані мовного матеріалу і заслуговують системного описання, к которому ми і переходим.

Більша частина аналізованих фемінітивів (87 %) представляє собою найменування жінок по професії (*дирижёрка*, *каменщица*), посади, займаємому посту (*директриса*, *президентка*), роду діяльності, занять (*пиратка*, *египтологиня* ('учена, присвятивша себе вивченню єгипетських древностей')). Рештову частину вибірки (13 %) складають номінації жінок по відношенню до когось, чому-л., приверженності когось, чому-л. і т. д. (*апологетка/апологиня*, *товарка*, *участница*), а також оціночно-характеризуючі номінації (*гурманша*, *сорваница/сорванка*, *счастливица* і др.).

З усієї кількості розглядаємих фемінітивів лише три можна віднести до умовно заїмствованим (*барвумен*, *бизнесвумен*, *конгрессвумен*), так як вони могли виникнути і в російській мові шляхом складання перших частин слів з компонентом *вумен* по аналогії до слів *бармен*, *бизнесмен* і *конгрессмен*.

Інші лексическі одиниці створені при допомозі словообразовательних засобів російської мови і з точки зору структури діляться на однословні, включаючі похідні, складні, в основному юктапозитні (*артистка-эстрадница*, *премьер-министресса*, *слесарша-сантехница* і др. – 10 ед.), і складні (*ветеринарная врачиня*, *редакторка сайтов*, *операторша системы связи*, *промышленная альпинистка* і др. – 15 ед.). Незначительна частина однословних фемінітивів виникла в результаті субстантивации імен прикметельних або причастий (*военная*, *полицейская*, *управляющая* і др. – 9 ед.).

Похідні фемінітиви, являючіся основним предметом нашої дослідження і складаючі подавляюче кількість в нашій вибірці, образуються при допомозі традиційного для цього пласта лексики набору модифікаційних суфіксів з значенням жіночості, которые различаются частотой ис-

пользования, а именно: **-к(а)** – 37,12 %; **-(н)иц(а)*** – 32,82 %; **-ш(а)** – 14,14 %; **-ин(я)** – 8,84 %; **-есс(а)** – 5,55 %; **-ис(а)** – 0,75 %; **-их(а)** – 0,75 %. К единичным относится суффикс **-j(а)**, использованный в феминитиве *генія* (‘женщина с чрезвычайно выдающимися творческими способностями’).

Производящей основой для практически всех суффиксальных моделей являются существительные мужского рода, обозначающие лицо по роду деятельности, в том числе и устаревшие, например: *данница* (‘та, кто платит дань’) < *данник* (‘в Древней Руси: тот, кто платил дань’ [1]). В некоторых случаях феминитивы образованы от слов мужского рода, не зафиксированных словарем, например: *каллиграфистка* (‘женщина, искусная в каллиграфии’) < *каллиграфист*, в то время как словарь фиксирует только форму *каллиграф* [Там же]; *рекламищица* < *рекламщик* (в БТС – *рекламист* [1]). Исключение составляют феминитивы *товарка* (‘женщина, связанная с другими лицами принадлежностью к одному коллективу, организации, группе, среде и т. п.; женщина, которую объединяют с кем-нибудь общие занятия, деятельность, взгляды, условия жизни и пр.; ровня в чём-либо’), *блогиня* (‘женщина, ведущая блог’, муж. р. – *блогер*), а также слова, не имеющие коррелятов мужского рода: *гадалка*, *цветочница*.

В кругу исследуемых феминитивов довольно широко представлены словообразовательные варианты (в данном случае анализируются варианты, предложенные авторами паблика, о вариантных соотношениях со словарными фиксациями речь пойдет ниже. – Т. П.). По количеству суффиксов, участвующих в образовании феминитивов, можно, прежде всего, выделить **вариантные пары**, формируемые производными с суффиксом **-к(а)** и конкурирующими с ним суффиксами **-ш(а)** (*дикторка/дикторша*, *спичрайтерка/спичрайтерша* – 23 пары), **-иц(а)** (*почвоведка/почвоведица*, *химичка/химица* – 4 пары), **-есс(а)** или **-ин(я)** (*агентка/агентесса*, *физичка/физикиня* (‘учёная, чьи научные исследования в основном посвящены физике’) – по 2 пары), **-ис(а)** (*директорка/директриса*). В формировании единичных пар феминитивов чаще всего участвует суффикс **-есс(а)**, конкурирующий с суффиксами **-ин(я)** (*логопедесса/логопедия*, *философесса/философия*), **-ш(а)**: *деканесса/деканша*, **-ис(а)** (*министресса/министриса*), **-иц(а)** (*электрикесса/электрица*). Этот же суффикс, соединяясь с разными производными, используется для вариантных номинаций специалистки по истории: *историкесса/исторесса*. Единичные вариантные пары образуются с помощью суффиксов **-ш(а)/-иц(а)** (*корректорша/корректировщица*) и **-иц(а)/-их(а)** (*дворница/дворничиха*).

В образовании немногочисленных вариантных рядов могут участвовать три (*куррьерша/куррьерка/куррьересса*; *теоретесса/теоретица/теоретичка*) и более (*авторка/авторша/авториня/авторица/авторесса*) суффиксов. Подобные ряды, однако, исчерпываются приведенными примерами.

Вариантность феминитивов может быть лексической, охватывающей разнOLEКСЕМНЫЕ номинации (*гикесса/фанатка*, *гидесса/экскурсоводка*, *электротехница/электромонтерша*, *сантехница/водопроводчица* и др. – более 10 рядов), или синтаксической, разноструктурной, при которой в отношении вариантности, а точнее синонимии, вступают однолексемные и составные номинации (*ветеринариша* – *ветеринарная фельдшерша* (специалистка со средним специальным образованием), *ветеринарная врачиня* (специалистка с высшим специальным образованием); *политикесса* – *политическая деятельница* и др. – 5 рядов).

* Существительные с суффиксом **-иц(а)** мотивированы существительными муж. р. – как немотивированными, так и с суф. морфами **-ц**, **-лец**, **-ик**, **-ник**, **-ицик**, **-чик** [8, с. 201].

Как видим, в формировании вариантов феминитивов чаще всего принимает участие суффикс -к(а), что вполне коррелирует с количественными данными, репрезентирующими продуктивность суффиксальных моделей анализируемых номинаций (см. выше), и согласуется с результатами, полученными другими авторами [5, с. 155; 13].

Перейдем к рассмотрению суффиксальных феминитивов с точки зрения их фиксации в толковых словарях русского языка, в частности в БТС [1] и МАС-2 [10]. Сопоставление анализируемого массива феминитивов с данными БТС позволило выявить около 160 номинаций женщин по роду занятий, совпадающих с феминитивами нашей выборки, что составляет 36 % от общего их количества. Феминитивы и соответствующие им номинации в полученном списке были сопоставлены по суффиксальным моделям, вариантности и стилистическим характеристикам. Затем этот список был проверен по МАС-2 для выявления динамики в словарной фиксации и стилистической окраске наименований женщин по роду занятий.

Исследование показало, что по набору суффиксальных моделей феминитивы, размещенные на публичной интернет-странице паблика, не отличаются от зафиксированных в БТС. Однако первое место по частоте использования в общей выборке занимает суффикс -иц(а), отмеченный в 69 словах (*заказчица, заводчица, настройщица, ремонтница* и др.), на втором месте находится суффикс -к(а), с помощью которого образованы 58 наименований (*баскетболистка, радистка, силачка, юристка* и т. д.), и на третьем – суффикс -ш(а), использованный в 22 производных (*дублерша, библиотекариша, репортерша* и др.); по два наименования образованы с суффиксами -ин(я), -есс(а), -ис(а), -их(а) (*геологиня, героиня; клоунесса, критикесса; актриса, директриса; дворничиха, пловчиха*).

Практически все зафиксированные в БТС лексические единицы даны здесь как производные корреляты женского рода, то есть в составе словарной статьи с заголовочным словом мужского рода*. Отдельными словарными статьями представлены 14 слов, из которых слова *гадалка* и *цветочница* не имеют, как уже отмечалось, коррелятов муж. рода; слова *рыбачка, бригадирша, директорша, дворничиха, докторша, царица, фермерша* даны в двух значениях: профессиональном (1. к Рыбак и т. д.) и «супружеском» (2. жена рыбака и т. д.), при этом все значения, кроме *рыбачка* (1. к Рыбак), маркированы как разговорные. Показательно, что «профессиональные» значения наименований женщин предъявлены в словарных статьях первыми. Слова *актриса, героиня, певица* приведены в отдельных статьях с отсылочными дефинициями (см. Актер и т. д.). Омоним *директриса* дан как разговорный коррелят к Директор. Слово *товарка* с пометой *разг.* трактуется как «девушка или женщина-товарищ; подруга».

Предлагаемые авторами фем-паблика феминитивы могут отличаться от словарных фиксаций суффиксальной моделью. В частности, феминитивам с суффиксом -к(а) в словаре соответствуют лексические единицы с суффиксом -ш(а): *агрономка, администраторка, инженерка, кондукторка* – в БТС: *агрономиша, администраторша, инженерша, кондукторша*; и наоборот: *гурманша* – в БТС: *гурманка*; окказиональным феминитивам *врачиня* и *докторица* в БТС соответствуют *врачиха* и *докторша*. Вариантным феминитивам в словаре, как правило, соответствует одно наименование, ср.: *инструкторка/инструкторша* – *инструкторша*, *профессорка/профессорша* – *профессорша*, *провизорка/провизорша* – *провизорша*,

* Способ презентации производных слов со значением женскости определяется составителями словаря, в частности в МАС-2 такие слова, в отличие от БТС, даются в отдельных словарных статьях с отсылкой *Женск. к* (такому-то слову муж. рода) [10, т. 1, с. 11].

физичка/физикия – *физичка*, *химица/химичка* – *химичка*, *докторица/докторша* – *докторша*, *бухгалтерша/бухгалтерка* – *бухгалтерша*, *дикторша/дикторка* – *дикторша*, *дворница/дворничиха* – *дворничиха* и др. Однако словарь фиксирует и варианты наименований, отмеченные нами в выборке феминитивов, в частности: *комбайнерка/комбайнёрка* и *комбайнерша* (разг.), *почтальонка* (разг.-сниж.) и *почтальонша* (разг.-сниж.).

Предпочтение феминистками имен на *-ка* при наличии в русском языке имен на *-ша* объясняется, на наш взгляд, как влиянием западнославянских языков (чешского, словацкого, польского), в которых подобные образования регулярны, так и попытками оградить себя от номинаций на *-ша*, в которых гораздо ощутимее присутствуют сниженные, просторечные, а то и пренебрежительные коннотации.

Как свидетельствуют данные словаря, стилистическая окраска наименований лиц женского пола по роду деятельности коррелирует с суффиксальной моделью слова. Так, центральную зону нейтральных номинаций занимают производные на *-ица*, среди которых к разговорным относятся только два слова: *бурильщица* и *заместительница*. В группе производных на *-ка* разговорная окраска присуща пятой части слов (*бизнесменка*, *животноводка*, *коллекционерка*, *экономистка* и др.); суффикс *-ш(а)* обеспечивает разговорную маркированность всем номинациям без исключения (*великаниша*, *репетиторша*, *репортерша*); из слов с суффиксами *-ин(я)*, *-есс(а)*, *-ис(а)*, *-их(а)* нейтральны только *героиня*, *актриса* и *пловчиха*, все остальные находятся в разговорной зоне. Таким образом, к стилистически маркированным относится четвертая часть зафиксированных словарем наименований женщин по роду занятий. Вполне ожидаемо, что на странице паблика все феминитивы подаются как нейтральные единицы.

В целом же обзор состава феминитивов, совпадающих со словарными фиксациями, особенно в части номинаций на *-ица*, наталкивает на мысль о том, что многие из них были размещены на публичной странице только с одной целью – акцентировать гендерное начало, сделать упор на половой дифференциации, о чем мы уже говорили выше. И делается с помощью толкования феминитива: если словарь, как правило, сопровождает такие номинации отсылками *см. ... Женск. к...* после которых указывается соответствующее слово мужского рода, то в паблике, как уже отмечалось, дается описательная дефиниция. Ср.: **Победительница**. Женск. к победитель [10, т. 3] и **Победительница** – та, кто победила, одержала победу [12].

Сопоставление анализируемого списка с данными МАС-2 выявило определенную динамику в сфере лексикографической фиксации наименований женщин по роду деятельности. Прежде всего следует отметить, что в БТС отмечено на 37 коррелятов больше, чем в МАС-2, что составляет почти 24 % от общего списка рассматриваемых номинаций (160 ед.). Среди них такие наименования, как *бандитка*, *барабанищица*, *бизнесменка* (разг.), *босячка*, *бурильщица* (разг.), *бухгалтерша* (разг.), *геодезистка*, *геологиня* (разг.), *гонимышница*, *дантистка*, *единомышленница*, *естествоиспытательница*, *животноводка* (разг.), *инженерша* (разг.), *инспекторша* (разг.), *инструкторша* (разг.), *клоунесса*, *коллекционерка* (разг.), *критикесса* (ирон.), *кудесница*, *облицовщица*, *овощеводка*, *пользовательница*, *провизорша* (разг.), *ремонтница*, *рецензентка*, *сапожница*, *стилистка*, *сценаристка*, *таможенница*, *физичка* (разг.), *химичка* (разг.), *экскурсоводка* (разг.), *юристка* (разг.). Для трех коррелятов МАС-2 не дает и соотносительных имен мужского рода: *бисексуалка*, *врачевательница* и *тележурналистка*.

Без пометы в БТС предьявляются корреляты, которые в МАС-2 отмечены как разговорные: *аспирантка*, *напарница*, *начальница*. Помета *прост.* (просторечное) у слов *бригадирша*, *кондукторша*, *курьерша*, *товарка* заменена в БТС на

разг. (разговорное). Коррелят *почтальонка* отмечен в МАС-2 как просторечный, а *почтальонша* – разговорный, в то время как в БТС оба слова фиксируются как разговорно-сниженные. Слово *профессорша* в МАС презентуется как просторечное в значении «женщина-профессор» и разговорное в значении «жена профессора», в БТС же оба ЛСВ отнесены к разговорным.

Как видим, на фоне сравнения с данными МАС-2, изданного в 1981–1984 гг., БТС, изданный в 2000 г., демонстрирует, с одной стороны, более лояльное отношение к презентации женских коррелятов названий профессий, считавшихся ранее преимущественно мужскими (*бурильщица, облицовщица, геодезистка, ремонтница, таможенница* и др.), а с другой – «снижение» градуса маркированности ряда номинаций, перешедших из зоны просторечных в разговорные, а из разговорных – в нейтральные.

Для определения неологического потенциала феминитивов, что является одной из целей нашей статьи, вернемся к корпусу феминитивов, зафиксированных фем-пабликом. Следует отметить, что на фоне проанализированных выше словарных фиксаций лишь немногие из размещенных в паблике феминитивов воспринимаются как малоприемлемые для филологического глаза. Иногда восприятию мешает омонимия предлагаемого феминитива, как в случае слова *столярка* ('профессиональная рабочая, ремесленница, работающая с деревом, вытачивающая и изготавливающая изделия из дерева или изделия на основе дерева'), которое в литературном языке имеет значение «Разг. Столярная мастерская или столярный цех», иногда – наличие в русском языке слов женского рода с тем же значением, что делает использование феминитивов немотивированным и ненужным. В частности, таковыми представляются феминитивы *близница* ('одна из детей, рождённых матерью одновременно'), *врачица* и *врачи́ня, докторица, дворница*, имеющие разговорные соответствия *двойняшка, врачиха, докторша, дворничиха*. Излишними нам кажутся и феминитивы *персонажка* и *сорвани́ца/сорванка*. Вместо первого давно используется слово *героиня*, а для толкования второго сам автор этого новообразования предлагает синонимы «большая проказница, озорница, хулиганка». Некоторые феминитивы, такие как *бои́ца* (от *боец*), *генети́ца* (от *генетик*), *кузнечи́ца* (от *кузнец*), *металлурги́ня* (от *металлург*), *гени́я* (от *гений*) и др., воспринимаются нами как результат чрезмерного увлечения «борьбой за гендерно-лингвистическое равенство», пересекающего черту, за которой под угрозой оказываются не только литературные нормы, но и структурный строй языка. Представляется, что языковое чутье каждого носителя русского языка будет сопротивляться таким искусственно образованным, наскоро придуманным гендерным неологизмам, будет их отторгать.

В целом же оценивая степень новизны предлагаемых на фем-паблике феминитивов, следует отметить, что разговорная стихия производит имена женского рода гораздо плодотворнее и разнообразнее. В частности, только в работе Е. А. Земской упоминается более 120 зафиксированных в словарях новых слов 70–80-х гг., СМИ или разговорной речи некодифицированных женских соответствий к наименованиям мужчин [6, с. 149–155]. Из них со списком феминитивов совпало лишь 15 имен: *аспирантка, рецензентка, юристка, геодезистка, космонавтка, почтальонка, функционерка, снобка, профессорша, деканша, геологиня, филологиня, хирургиня, критикесса, гидесса*, что само по себе показательно.

Определяя неологический потенциал феминитивов, нельзя обойтись без упоминания о том, что русский язык уже пережил несколько «волн» «феминизации» (см. работы [2; 5]), следы которых частично запечатлены в художественной и лингвистической литературе. В частности, В. В. Виноградов упоминает слово *враги́ня*, которое употребляют в своих произведениях А. П. Чехов и К. Бальмонт

[3, с. 66]. В списке анализируемых нами феминитивов это слово встречается в определении феминитива *воительница* – «та, кто сражается с *врагинею* или врагом».

Очевидно, что многие сегодняшние феминитивы, внедряемые феминистками, могут оказаться, а зачастую и являются, продуктом предыдущих эпох, так до сих пор и не завоевавшим официального гражданства в русском языке. Какая судьба ожидает их на этот раз – трудно сказать. С одной стороны, их поддерживает и питает разговорная стихия, уже оказывающая медленное, но неуклонное давление на сферу лексикографических фиксаций. С другой же стороны, пока еще рано говорить о каком-либо ослаблении в русском языке, по крайней мере в сферах официально-деловой, научной и строго публицистической речи, тенденции предпочтительного употребления слов мужского рода. К тому же нельзя не учитывать и того, что над сферой номинаций лица по роду деятельности, профессии, должности, как ни над какой другой областью русского языка, довлеет официально-деловая номенклатура должностей, профессий и специальностей, отраженная в государственных классификаторах. Показательны в отношении данные Е. И. Головановой [4] и В. Косенюк. В частности, последняя отмечает, что один из последних классификаторов профессий включает 7365 названий профессий. Из них лишь 10 – женского рода (*машинистка, сиделка, швея, сестра-хозяйка* и др.) (цит. по: [15]).

Помогут ли усилия феминисток сглаживанию конфронтации между кодифицированным литературным языком и разговорной речью на этом участке языка? Думается, что едва ли. Ведь проблема феминисток и феминитивов в существующей сегодня языковой ситуации заключается не в том, что русский язык не допускает существования и использования женских имен по роду деятельности, а в том, что представительницы фем-сообществ и современные фем-СМИ навязывают такие слова, желая, чтобы люди начали их употреблять. Но, как известно, насильно мил не будешь. И если уж «Цезарь не выше грамматиков», то и принудительное насаждение феминитивов вряд ли даст положительные результаты. Неорганичность, искусственность прихода фем-форм в русский язык отмечают многими посетителями сайтов и пабликов [11] и подтверждаются многочисленными дискуссиями на эту тему.

Вполне возможно, что в будущем феминитивы станут для русскоговорящих обычными словами. Но для этого должно пройти время и должны сложиться определенные социальные условия, ведь сама по себе гендерная коррекция языка не решит проблемы женского равенства, а лишь замаскирует ее [7]. Что же касается лингвистической стороны вопроса, то думается, что последнее слово здесь останется не за «Цезарем», а за русским языком, который «сам собой правит» [14, с. 114], определяя узус и подготавливая, пусть и не скорые, изменения литературных норм.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь русского языка** / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. **Васильева А. С.** Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX – начала XXI веков: семантика, структура, функционирование : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. С. Васильева. – М., 2016. – 24 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.

4. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке / Е. И. Голованова // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2015. – № 27. Филол. науки. – Вып. 98. – С. 60–64.
5. Дмитриева О. Л. «Женский вопрос» в наименованиях профессий [Электронный ресурс] / О. Л. Дмитриева. – Режим доступа : <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st013.shtml>
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – 2-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
7. Пророкова М. Психология свободы: насколько «авторка» и другие феминитивы вписываются в правила русского языка? [Электронный ресурс] / М. Пророкова. – Режим доступа : <http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/217475-feminitivy>.
8. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
9. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : a-z-gender.net/feminitivy.html.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Рус. язык, 1981–1984.
11. Трайден Д. Усложнение или освобождение: зачем менять язык и что из этого выйдет? [Электронный ресурс] / Д. Трайден. – Режим доступа : <http://mediakritika.by/article/4099/uslozhenie-ili-osvobozhdenie-zachem-menyat-yazyk-i-chto-iz-etogo-vyydet>
12. Феминитивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/f_fem.
13. Шалина Л. В. Новообразования категории nomina feminina в современном русском и немецком языках [Электронный ресурс] / Л. В. Шалина. – Режим доступа : elbib.bsu.by.
14. Югов А. К. Думы о русском слове / А. К. Югов. – М. : Современник, 1972. – 215 с.
15. Ćuto Eugenia. Род имен существительных в названиях профессий [Электронный ресурс] / Eugenia Ćuto. – Режим доступа : hrcak.srce.hr/file/26317.

References

1. *A large explanatory dictionary of the Russian language*, (2000) [*Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*], St. Petersburg, 1536 p.
2. Vasil'eva, A. S. (2016), *The names of females in the Russian language of the late XX – early XXI centuries: semantics, structure, functioning: Author's thesis* [*Naimenovaniya lic zhen'skogo pola v russkom jazyke konca XX – nachala XXI vekov: semantika, struktura, funkcionirovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*], Moscow, 24 p.
3. Vinogradov, V. V. (1986), *Russian language (grammatical doctrine of the word)* [*Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*], Moscow, 640 p.
4. Golovanova, E. I. (2015), “New names of persons by profession and positions in Russian” [“Novye nazvaniya lic po professii i dolzhnosti v russkom jazyke”, *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. Filologicheskie nauki*], № 27, vyp. 98, pp. 60–64.
5. Dmitrieva, O. L. “«Women's issue» in area of the names of professions” [“«Zhenskij vopros» v naimenovaniyah professij”], available at: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st013.shtml>
6. Zemskaja, E. A. (2005), *Word formation as an activity* [*Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'*], Moscow, 224 p.
7. Prorokova, M. “The psychology of freedom: how «author» and other feminists are included the rules of the Russian language?” [“Psihologija svobody: naskol'ko «avtorka» i drugie feminitivy vpisyvajutsja v pravila russkogo jazyka?”], available at: <http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/217475-feminitivy>
8. *Russian grammar* (1980), [*Russkaja grammatika*], vol. 1, Moscow, 784 p.
9. “Glossary of gender terms” [“Slovar' gendernyh terminov”], available at: a-z-gender.net/feminitivy.html
10. *Dictionary of the Russian language* (1981–1984), [*Slovar' russkogo jazyka*], Moscow.
11. Trajden, D. “Complication or release: why change the language and what will come of it?” [“Uslozhenie ili osvobozhdenie: zachem menjat' jazyk i chto iz jetogo vyjdet?”], available at: <http://mediakritika.by/article/4099/uslozhenie-ili-osvobozhdenie-zachem-menyat-yazyk-i-chto-iz-etogo-vyydet>

12. "Feminites" ["Feminitivy"], available at: https://vk.com/f_fem
13. Shalina, L. V. "Neoplasms of the category nomina feminina in modern Russian and German" ["Novoobrazovaniya kategorii nomina feminina v sovremennom russkom i nemeckom yazykah"], available at: elibrary.bsui.by
14. Jugov, A. K. (1972), *Thoughts about the Russian word [Dumy o russkom slove]*, Moscow, 215 p.
15. Čuto, Eugenia. "The genus of nouns in the names of professions" ["Rod imen sushhestvitel'nyh v nazvaniyah professij"], available at: hrcak.srce.hr/file/26317.

Надійшла до редколегії 10.11.2016

УДК 811.161.2'276.6:796.332

І. Р. Процик

Національний університет «Києво-Могилянська академія»

ВІДОБРАЖЕННЯ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ ФУТБОЛЬНИХ ФАНАТІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ

Представлено мовну картину світу українських футбольних фанатів, яку відобразили в своїх художніх творах сучасні письменники – Сергій Жадан, Оксана Забужко, Юрій Андрухович, Андрій Бондар, Олександр Ушкалов, Євген Положий та інші. З'ясовано значення лексичних одиниць фанатського соціолекту, використаних у художніх текстах згаданих авторів, та покласифіковано зафіксовану лексику за тематичним принципом. Наведено приклади функціонування в творах сучасних письменників як окремих лексем та словосполучень, так і цілих текстів із фольклору футбольних фанатів – зарядів, кричалок, скандувань.

Ключові слова: мовна картина світу, художній текст, соціолект футбольних фанатів, лексика фанатського соціолекту, тематичні групи лексики, тексти фанатського фольклору.

Процик І. Р. Национальный университет «Киево-Могилянская академия». **ОТОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Представлена языковая картина мира украинских футбольных фанатов, отображенная в художественных произведениях современных писателей – Сергея Жадана, Оксаны Забужко, Юрия Андруховича, Андрея Бондаря, Александра Ушкалова, Евгения Положия и др. Определены значение лексических единиц фанатского социолекта, использованных в художественных текстах упомянутых авторов, произведена тематическая классификация зафиксированной лексики. Приведены примеры функционирования в произведениях современных писателей как отдельных лексем и словосочетаний, так и целых текстов из фольклора футбольных фанатов – зарядов, кричалок, скандирований.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественный текст, социолект футбольных фанатов, лексика фанатского социолекта, тематические группы лексики, тексты фанатского фольклора.

Protsyk I. National University «Kyiv-Mohyla Academy». **REPRESENTING THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF FOOTBALL FANS IN WORKS OF FICTION BY MODERN UKRAINIAN WRITERS**

The aim of the article is representing the linguistic picture of the world of Ukrainian football fans which is depicted in artistic texts by modern Ukrainian writers. Meanings of lexical units of fans' social dialect used in works of fiction by the mentioned authors have been analyzed. The most lexemes in the social dialect of football fans have been created semantically due to rethinking of meanings of generally employed words. Stated vocabulary has been classified according to the thematic principle, the most important groups in particular have been singled out. They are as follows:

members of fans movement (*fany, fanaty, futbolni fanaty, ultras, khulihany, torsyda, levy, khakhly, bomzhi, krotky, khorky, kryvi, dnipriany*), aspects of fan support (*marsh futbolnykh fanativ, krychalka, skanduvannia, pereklychka, pryspivka, zariad*), fans' accessories (*prapor, roza, fanatskii shalyk, baner, faier, klubni koliory*), places of fans position (*trybuna, fan-sektor, «brekhailivka»*), fans' actions (*pidtrymuvaty komandu, skanduvaty fanatski krychalky, zariadzhaty, rytmichno aploduvaty, hnaty komandu vpered, vyvishuvaty banery, palyty na trybunakh faiery*), opposition of fans (*fanatski viiny, biiky na trybunakh, peremyria*). Examples of functioning of both separate lexemes or collocations in works of fiction by modern Ukrainian writers and whole texts from football fans folklore, such as *zariady, krychalky, skanduvannia* have been given. It has been proved that works of fiction by modern Ukrainian writers analyzed in this article are an authentic source of information about the linguistic picture of the world of Ukrainian football fans.

Key words: *the linguistic picture of the world, artistic text, social dialect of football fans, vocabulary of social dialect of fans, thematic vocabulary groups, texts of fans folklore.*

...щоб писати про футбол, треба бути виключно фанатом...

Макс Кідрук

Український футбольний дискурс викликає останнім часом щоразу більше зацікавлення науковців [3; 8; 11], проте ґрунтовних та всебічних досліджень неформального його складника – соціолекту футбольних фанатів – і надалі бракує, хоч і з'явилася низка розвідок про специфіку фанатського мовлення [5–7]. **Метою** цієї статті є презентація мовної картини світу українських футбольних фанатів, відображеної в художніх текстах сучасних українських письменників. Джерельною базою дослідження стали твори сучасних авторів, які увійшли до двох антологій української прози про футбол, що їх напередодні Євро-2012 упорядкував Сергій Жадан, – «Письменники про футбол. Літературна збірна України» [4] і «Тотальний футбол» [10], а також тексти з найновіших збірок есеїв Андрія Бондаря «І тим, що в гробах» [1] та Оксани Забужко «І знов я влізаю в танк...» [2].

Особливостям функціонування футбольної лексики в художніх творах присвячено нещодавно опубліковану статтю Юрія Струганця [9], проте лексику соціолекту українських футбольних фанатів лінгвістичним описом у ній не охоплено. Актуальність цього дослідження полягає в спробі максимального використання для аналізу всіх можливих джерел функціонування лексики соціолекту футбольних фанатів, у тому числі і художніх творів, насамперед тих сучасних українських письменників, які декларують свою вболівальницьку заангажованість (Сергій Жадан, Сашко Ушкалов, Андрій Бондар, Юрій Андрухович, Євген Положій, Макс Кідрук), тому їхні тексти можуть слугувати об'єктивним джерелом відомостей про фанатське мовлення. **Завдання** статті: 1) відібрати фрагменти текстів із творів сучасних українських письменників, у яких використано лексику соціолекту футбольних фанатів; 2) розкрити семантику лексичних одиниць із фанатського мовлення; 3) проаналізувати та згрупувати за тематичним принципом фанатську лексику, зафіксовану в художніх творах; 4) з'ясувати, наскільки повно відображено мовну картину світу футбольних фанатів у художніх творах сучасних українських авторів, які мають у своєму доробку тексти футбольної тематики.

Для аналітичного опису мовної картини світу українських футбольних фанатів, яка постає на основі зібраного ілюстративного матеріалу з художніх творів сучасних авторів, укладено картотеку зафіксованих у цих текстах лексичних одиниць, а також специфічних текстів фанатського фольклору. Ґрунтуючись на показниках цієї картотеки, здійснено тематичну класифікацію лексики соціолекту українських футбольних фанатів, адже, як відомо, саме лексичний пласт мови – це те, що вирізняє мовлення соціальної групи від мовлення загалу, є елементом ідентифікації членів цієї спільноти і, фактично, сутністю соціального діалекту.

У бутті соціальної групи футбольних фанатів найважливішу роль відіграє спільне вболівання за улюблену футбольну команду. Тому найбільш розвиненою в цьому соціолекті є лексика, яка стосується реалій уболівання. На основі розгляду фактичного матеріалу з художніх творів сучасних вітчизняних письменників вдалося змоделювати мовну картину світу українських футбольних фанатів, яка тематично охоплює такі групи лексики:

1) назви учасників фанатського руху: *фан* (прихильник футбольної команди) – «Я з дитинства є палким шанувальником футболу в цілому і зятим *фаном* «Торпедо» зокрема» [7, с. 125]; *футбольний фан* – «...цей пропагандистський шедевр (який безумовно ввійде в історію нашої “гібридної війни”!) переконував глядача, що польські й українські *футбольні фани* – то найсправжнісінькі внуки Гітлера, люті фашисти-нацисти (“правосеків” в ужитку ще не було!), і кожен, хто вибирається в ті краї, ризикує, як прокоментував Сол Кемпбелл, “повернутись додому в труні”» [6, с. 199]; *британські фани* – «BBC Panorama у скандальному репортажі Кріса Роджера обіцяла *британським фанам*, що з Польщі вони “вони повернуться в труні”...» [Там само, с. 360–361]; *динамівські фани* (уболівальники київського «Динамо») – «...можуть навіть, як бувало в *динамівських фанів*, перестрігти в аеропорту після повернення додому з якого-небудь “матчу-ганьби”, загородити шлях і вичитати, як провинним школярам...» [Там само, с. 72]; *фанат* (прихильник футбольної команди, уболівальник) – «“Хто це?” – запитав я у батька. – “*Фанати*”, – відповів він» [9, с. 39]; *футбольні фанати* – «*Футбольні фанати* почали збиратися на “брехайлівці” ще в 50-х роках минулого століття...» [14, с. 97]; *фанати донецького «Шахтаря»* – «Скажімо, одна з шахтарських команд називалася “Кроти” (нині так називають *фанатів донецького «Шахтаря»*), ще дві мали назви “Босяки” та “Голодранці”» [Там само, с. 112]; *фанати київського «Динамо»* – «Футболу це так само стосується – скажімо, на одному з матчів цього сезону *фанати київського «Динамо»* довго і злагоджено скандували “Спасибі мешканцям Донбасу за президента-підараса”...» [5, с. 68]; *фанати «Металіста»* – «До речі, саме біля цього м’яча найчастіше збираються *фанати «Металіста»*, щоб уже далі рушити на гру» [14, с. 98]; *харківські фанати* (фанати харківського «Металіста») – «*Харківські фанати* не на жарт дратуються й починають бомбардувати динамівців сніжками, варто лише комусь із них наблизитися до бокової лінії чи до кутового прапорця...» [Там само, с. 101]; *ультрас* (футбольні фанати, організовані в групи активної підтримки футбольних команд за допомогою візуальних, акустичних та піротехнічних засобів [6, с. 241]) – «З футболу кінцево зникає аматорство, а на трибунах з’явилися справжні *ультрас*» [5, с. 61]; *ультраси* (множ. від *ультрас*) – «...*ультраси* обнімаються, утворюючи довжелезні ланцюги, та ще й стрибають у такт скандуванню...» [14, с. 108]; *донецькі ультрас* (фанати донецького «Шахтаря») – «Шкода, якщо на трибунах справді не буде *донецьких ультрас* – футбол вони люблять і відчують» [5, с. 71]; *ультрас «Шахтаря»* – «Цікаво те, що вони – *ультрас «Шахтаря»* – доволі різні» [Там само, с. 62]; *харківські ультраси* (фанати харківського «Металіста») – «І то байдуже, що самі *харківські “ультраси”* – “постфутуристи”, з найвищою правдоподібністю, не то Семенка, а й Жадана могли не читати...» [6, с. 354]; *хулігани* (організовані групи радикально налаштованих футбольних фанатів [Там само, с. 240]) – «...натомість віддавався спокусі й намірював собі перші ліги, виїзні змагання, натовпи фанів та сонми *хуліганів*, що супроводжуватимуть його клуб скрізь, куди б вони не поїхали» [15, с. 301]; *кузьмичі* (звичайні глядачі на футбольних трибунах, уболівальники, які не є футбольними фанатами [6, с. 244]) – «У нас були дуже дивні місця – якогось біса ми з Тохом опинилися саме посеред сектору естонських “*кузьмичів*”» [14, с. 112]; *торсида* (група вболіваль-

ників, фанати команди) – «...харківська *торсида* святкувала успіх команди або заряджала кричалку “Мы с тобой, Металл любимый”...» [14, с. 107–108]; **фанатський рух** – «Роблять розклад *фанатського руху* – з ким товаришують, з ким війна, з ким перемир’я» [5, с. 63]; **фан-рух** – «... (зі схожою місією щодо України – за всяку ціну знайти тут у *фан-русі* расизм, неіснуючий бодай із тої причини, що Україна, на відміну від сусідньої Росії є расово гомогенна, раніше приїздив до Львова московський кореспондент Deutsche Welle Маркус Реер, який потряс українських колег вимогою організувати йому потрібні “постановочні сцени”)» [6, с. 360–361]; **леви** (прізвисько фанатів львівських «Карпат») – «Раз “*леви*”, значить – наші динамівці грають зі львівськими “Карпатами”, але сутичок не буде, фани цих двох клубів не ворогують між собою...» [Там само, с. 67]; **хахли** (прізвисько фанатів київського «Динамо» [Там само, с. 245]) – «Про банери ультрас “Шахтаря” розповіли таку історію: одного разу, коли гірники грали в Римі в Лізі Чемпіонів, на трибунах несподівано з’явилися фанати “Динамо” – “хахли” – й захопили кілька донецьких банерів» [5, с. 57]; **бомжі** (прізвисько фанатів запорізького «Металурга») – «Так ось, “*бомжі*”, виявляється, приїхали сьогодні до Донецька підтримати свій “Металург”, який грає у Першій лізі...» [Там само, с. 56]; **кרותи** (прізвисько фанатів донецького «Шахтаря») – «Після цього “*кרותи*” забили ворогам стрілку, щоб відбити трофеї» [Там само, с. 57]; **криві** (прізвисько фанатів криворізького «Кривбасу») – «Деся посеред розмови з вулиці забігає хтось із їхніх, каже, що неподалік бачив чотирьох “*кривих*” (фанатів “Кривбасу”)» [Там само, с. 64]; **хорьки** (прізвисько фанатів харківського «Металіста») – «“*Хорьками*”, через подібність звучання цього слова до “Харків”, уболівальників “Металіста” називають фанати інших клубів» [14, с. 101]; **дніпряни** (прізвисько фанатів ФК «Дніпро») – «З *дніпрянами*, тобто уболівальниками дніпропетровського “Дніпра”, у нас, до речі, найбільша ворожнеча» [Там само, с. 101–102]; **диригент** (ультрас, який, зайнявши місце на вищій, керує фанатською підтримкою у секторі, «заводить» стадіон, інша назва – *споукмен*) – «“*Диригенти*” намагаються задіювати цілий стадіон, добре, що акустика дозволяє це робити» [5, с. 69];

2) назви видів фанатської підтримки: **підтримка** – «Дирекція клубу до того ж справді зацікавлена, щоб трибуни “перлини Донбасу” не були порожніми, тож квитки на матч коштують зовсім дешево (півтора євро на фан-сектор на внутрішні ігри), і навіть під час зустрічей із аутсайдерами команда відчуває справжню підтримку» [Там само, с. 55]; **фанатська підтримка** – «...випадок безпрецедентний в історії, мабуть, не тільки українського футболу, і вже таки справді комічний – яка ж гра без *фанатської підтримки*?...» [6, с. 68]; **марш футбольних фанатів** (хода футбольних фанатів вулицями міста, зазвичай перед початком матчу) – «...я вслухалася в вуличний лемент із професійним інтересом людини, яка на своєму віку перебачила, либонь, чи не всі різновиди людської маси – керовану..., самодіяльну... безконтрольно-стихійну... самоорганізовану (*марші футбольних фанатів!*), натхненно-одухотворену...» [Там само, с. 69]; **марш харківських ультрас** (хода уболівальників харківського «Металіста» перед матчем із донецьким «Шахтарем» 30 березня 2014 року на підтримку територіальної цілісності України, під час якої вперше прозвучала тепер уже загальновідома пісня про Путіна), **кричалка** (короткий текст, який фанати злагоджено скандують під час матчу) – «Кажуть, що хотіли навіть перекласти всі свої “*кричалки*” українською, зрештою, вирішили цього не робити – все ж єдність на трибунах важливіша за ідеологічні переконання» [5, с. 63]; **футбольна кричалка** – «Нотабене, найобразливіша зпоміж українських *футбольних кричалок* не містить жодного непристойного слова і є строго “адресною”: нею фани інших клубів дразнять уболівальників нещодавно створеного, від роду “олігархічного” київського “Арсеналу”: “Гей, кур-сан-

ти, скіль-ки вам пла-тять?»...» [6, с. 72]; **скандування** (короткий текст, поділений на склади, який фанати голосно вигукують під час матчу) – «...раптом чіпка й надійна братня рука встигає схопити мене за комір і рвучко висмикує на поверхню, де вечірнє повітря знову озивається свистом та диханням, *скандуваннями* й освідченнями, і важкий непоквапливий натовп тягне нас за собою...» [3, с. 96–97]; **скандування на трибунах** – «І було ясно: не підхопили тому, що – не звикли, тут це ще в новинку, і після хорového *скандування* вдень на *трибунах* повторити те саме вночі на вулиці просто так, від повноти почуттів, іще не виходить...» [6, с. 69–70]; **перекличка** (поперемінне скандування кричалок з протилежних фанатських трибун) – «...*перекличка* “дружніх” фанатських трибун під час матчів національного чемпіонату вітанням, прийнятим в Українській повстанській армії часів Другої світової, – найпевніший знак, за яким почуттям (чи бодай його ерзацом!) пошукують ці люди, переважно мужчини боездатного віку, в “фанатському” русі...» [Там само, с. 67]; **приспівка** (коротенька пісня гумористичного характеру) – «Але впевнена, що йому (і всім іншим українським футуристам) напевно б сподобався знаменитий марш харківських “ультрас” із п’ятискладовою (коли рахувати з “ла-ла-ла”) *приспівкою*, яка за рік стала найпопулярнішим міжнародним хітом: по суті, це є втілена мрія всіх європейських футуристів, від Марінетті до “Михайля-короля”, – жива творчість індустріального мегаполіса, пряма мова майданів і стадіонів...» [Там само, с. 354]; **заряд** (короткий текст, який фанати злагоджено скандують під час матчу, кричалка) – «Прокрутивши *заряд* кілька разів, Тоха – нехай і повз ноти – затягнув славетну “Червону руту”» [14, с. 113];

3) назви фанатських атрибутів: футбольна атрибутика (прапори, шалики, футболки тощо з символікою футбольних команд) – «Кілька днів невидющими очима він спостерігав, як факультет раптом почав прикрашатися *футбольною атрибутикою*: афіші з рекламою матчу, шалики...» [8, с. 186]; **прапор** – «Всі вони як один взуті у білі кросівки, а в руках тримають вимпели, шарфики, *прапори* та іншу символіку, а головне – флаєра» [15, с. 301]; **біло-зелені прапори** (прапори в кольорах львівських «Карпат») – «Сидячи у вуличній кав’ярні, я насолоджувався відреставрованим містом і людьми, котрі з *біло-зеленими прапорами* та штандартами були повсюди» [11, с. 208–209]; **прапор з літерою Д в клубному ромбі** (прапор із символікою київського «Динамо») – «Після переможного матчу вони йшли спершу по Червоноармійській, потім по Хрещатику – тисячі хлопців у біло-синіх шаликах, із *прапорами*, на яких намальована величезна літера “Д” в клубному ромбі...» [9, с. 39]; **роза** (фанатський шалик) – «Опинившись унизу, Тоха обмотав українську “розу” довкола руки, набрав повні легені й...» [14, с. 113]; **шарфик** – «...в руках тримають вимпели, *шарфики*, прапори та іншу символіку...» [15, с. 301]; **шалик** – «Кілька днів невидющими очима він спостерігав, як факультет раптом почав прикрашатися футбольною атрибутикою: афіші з рекламою матчу, шалики...» [8, с. 186]; **біло-синій шалик** (шалик фанатів київського «Динамо») – «Після переможного матчу вони йшли спершу по Червоноармійській, потім по Хрещатику – тисячі хлопців у біло-синіх шаликах...» [9, с. 39]; **уболівальницький шалик** – «Тому про футбол пам’ятаю зазвичай самі несуттєві з погляду футбольних шанувальників деталі – наприклад, вусатого дядька у трамваї, який акуратно складає до торбинки свій *уболівальницький шалик*» [12, с. 75–76]; **зелено-білий фанатський шалик** (шалик фанатів львівських «Карпат») – «...а назустріч нам – спітнілий натовп у *зелено-білих фанатських шаликах*» [Там само, с. 76]; **клубні кольори** (офіційні барви спортивної форми, в якій виступають гравці футбольного клубу) – «Проте навіть такий конформізм не здатен позбавити тебе відчуття приналежності до *клубних кольорів* твого міста» [5, с. 50]; **банер** (рекламне полотно прямокутної форми з написом, інша назва – *розтяжка*) – «Добре, що *банер* “бомжі”

повернули» [Там само, с. 57]; **розтяжка** (довге рекламне полотно прямокутної форми з написом) – «Коридорами висіли розтяжки (стрічки) “Перший в історії антикорупційний матч”, “Fair play” та “Назустріч Євро-2012”» [8, с. 191]; **фаєр** (піротехнічний сигнальний факел, що горить яскравим сліпучим вогнем) – «...в руках тримають вимпели, шарфики, прапори та іншу символіку, а головне – *фаєра*» [15, с. 301]; **«Д»** (велика літера Д, що є символом спортивного товариства «Динамо») – «І все ж на батьковому призовому знімку Олег Базилевич, він же Базиль, круглолидий і капловухий, все ще красується у динамівській формі – специфічно написане зліва, де серце, “Д” збрехати не дасть» [1, с. 6]; **літера «Д»** – «Колись я почув від брата, який вимальовував своїм гарним почерком на стандартних аркушах великі літери “Д”, сакраментальну фразу: “Динамівцями народжуються”» [2, с. 75]; **зелено-білий карпатівський прикид** (одяг у кольорах львівських «Карпат») – «І звісно ж, на випадок, якщо раптом уболівальники ЦСКА виявляться хамелеонами і спробують у *зелено-білому карпатівському прикиді* пройти на стадіон, було затверджене паролі» [11, с. 203–204];

4) назви фанатських дій: **підтримувати** – «Не можна бути справжнім уболівальником і не *підтримувати* команду свого міста» [5, с. 50]; **приходити на сектор** (приходити у фанатський сектор, бути футбольним фанатом) – «Вони різні соціально – самі розповідають, що *на сектор приходять* як цілком успішні клерки, лікарі та менеджери, так і представники донецького маргінесу – робітники, дрібні торговці, безробітні» [Там само, с. 62]; **скандувати** (голосно вигукувати текст, поділений на склади) – «Тим не менше, понад усе мені кортіло приєднатися до них і пройти Хрещатиком, *скандуючи*: “Ки-їв, Ки-їв!”» [9, с. 40]; **скандувати назву клубу** – «Всі вони запалюють вогняні шашки, піднімають догори руки, ритмічно аплодують й *скандують назву клубу*» [15, с. 301]; **скандувати фанатські кричалки** – «...вони ...*скандували фанатські кричалки*, наприклад: “Динамо” – то є клас, “Динамо” – то є сила, “Динамо” – то є школа...» [9, с. 39]; **стрибати в такт скандуванню** – «...ультраси обнімаються, утворюючи довгезлезні ланцюги, та ще й *стрибають у такт скандуванню*...» [14, с. 108]; **заряджати** (вигукувати заряди) – «Ладно, – сказав Тоха хвилині на 15-й матчу, – я йду. – Куди? – не зрозумів я. – *Заряджати*, – кивнув він і поліз на нижній ряд сектору, розштовхуючи естонців» [Там само, с. 113]; **заряджати кричалку** – «...харківська торсида святкувала успіх команди або *заряджала кричалку* “Мы с тобой, Металл любимый”...» [Там само, с. 107–108]; **ритмічно аплодувати** – «Всі вони ...піднімають догори руки, *ритмічно аплодують*...» [15, с. 301]; **гнати команду вперед** (вигуками з трибун стимулювати футбольну команду до активних дій в атаці) – «І тоді, одного непрекрасного дня, несподівано виявиться, що можна обійтися й без фанатської трибуни. І нікому буде “*погнати*” команду *вперед*, коли вона, за п’ять хвилин до кінця матчу, залишиться в меншості...» [6, с. 71]; **проносити на сектор** (потайки приносити у фанатський сектор заборонені речі) – «Тоха взагалі набурмосено мовчав, оживши аж тоді, коли почув від стюардів, що *на сектор можна проносити пиво*» [14, с. 114–115]; **проносити на трибуни вогонь** (приховано приносити на трибуни піротехніку) – «І тепер вони продаються крізь кордони, *проносячи на трибуни вогонь* і попід, легкі, як дихання, алкогольні напої й тверді та гострі предмети, вибираються вгору, під самий дах, у пошуках своїх місць, розмахуючи газетами й шаликами, перегукуються й чіпляються об пластикові стільці» [3, с. 92]; **запалювати вогняні шашки** – «Всі вони *запалюють вогняні шашки*...» [15, с. 301]; **палити на трибунах фаєри** (запалювати піротехнічні факели) – «...усе це, весь цей футбол, робиться з думкою про вас, тож будьте вдячні й не *паліть на трибунах фаєри*...» [4, с. 14]; **вивішувати банер** – «Незабаром на секторі *вивішують банер* “Ні – натуралізації”, спрямова-

ний проти залучення до національної збірної іноземців...» [5, с. 69]; **захопити банер** (захоплені банери фанатів-супротивників вважаються трофеями, тому за ними «полюють») – «...на трибунах несподівано з'явилися фанати “Динамо”... й захопили кілька донецьких банерів» [Там само, с. 57]; **зірвати банер** – «При нападі заповожді зірвали один із донецьких банерів» [Там само, с. 57]; **відбити трофеї** (повернути собі втрачені фанатські атрибути) – «Після цього “кроти” забили ворогам стрілку. Щоб відбити трофеї» [Там само, с. 57]; **збирати прапори** – «Задоволені донеччани збирають прапори й рухаються на вихід» [Там само, с. 70];

5) назви місць локалізації футбольних фанатів: **трибуна** (трибуна футбольних фанатів) – «Андрій розповідає про плани, говорить, що ультрас намагаються бути в нормальних стосунках із керівництвом клубу, хочуть у перспективі мати цілу окрему трибуну» [Там само, с. 70]; **вболівальницька трибуна** (фанатська трибуна) – «Дісталось й кільком цілком випадковим любителям спорту, яких занесло на вболівальницьку трибуну» [5, с. 57]; **фанатська трибуна** – «...перекличка “дружніх” фанатських трибун під час матчів національного чемпіонату...» [6, с. 67]; **північна трибуна** (фанатська трибуна на харківському стадіоні «Металіст») – «І краще б померти просто зараз, тут, на руках у Саші з Се-нею, пасти смертю хоробрих на улюбленій північній трибуні, на якій я знаю кожную тріщину до ремонту і кожную після, де я прожив стільки солодких хвилин, і ще більше – гірких та непоправних...» [3, с. 93]; **сектор** (сектор футбольних фанатів) – «...а пити можете просто на секторі» [14, с. 115]; **фанатський сектор** – «Відразу говорять, що вони не “ультрас”, так – “кузьмичі” (ну, себто, з суперниками не б'ються, сидять не на фанатському секторі, хоча за “Шахтар” уболівають з дитинства)» [5, с. 53]; **фан-сектор** – «На фан-секторі “Донбас Арени” сидячих місць немає» [Там само, с. 69]; **брехайлівка** (місце зустрічі вболівальників харківського «Металіста» в міському парку) – «“Брехайлівка” доволі швидко перетворилася на найактивнішу позастадіонну точку футбольного життя Харкова» [14, с. 97]; **футбольна «брехайлівка»** – «Старожили “першої столиці” називають футбольною “брехайлівкою” одну місцину, розташовану в новому центрі міста, в саду імені Тараса Шевченка» [Там само, с. 97];

6) назви фанатських протистоянь: **війна** (ворожі стосунки між фанатами різних команд) – «Роблять розклад фанатського руху – з ким товаришують, з ким війна, з ким перемир'я» [5, с. 63]; **фанатські війни** (протистояння між фанатами-суперниками, що виявляється насамперед на словесному рівні, хоча нерідко трапляються й бійки між фанатами – махачі) – «Фанатські війни – мабуть, найбільш справедливі» [Там само, с. 61]; **бійка** (фанатські протистояння, які відбуваються за наперед встановленими правилами) – «Ти ж не знаєш, куди ми йдемо, звідки ми тут узялися, чому ми збираємось у зграї й витрачаємо свої життя в бійках, сварках і взаємних претензіях» [3, с. 103]; **бійки на трибунах** (бійки фанатів із міліцією й охороною стадіонів) – «І перші спонтанні бійки на трибунах, перші зіткнення й локальні конфлікти лише додають усім жвавості й бадьорого запалу» [Там само, с. 92]; **напад на уболівальників** (напад на фанатів-супротивників, бо з пересічними вболівальниками фанати не б'ються) – «Так ось, “бомжі”... скористалися ефектом несподіванки й учинили зухвалий напад на нечисленних уболівальників “Шахтаря”, які прийшли підтримати дубль» [5, с. 56]; **одвічні вороги** (фанати команди-супротивника, з якими віддавна склалися напружені стосунки) – «І те, що київські вболівальники переводять свою ненависть до одвічних ворогів – “кротів” – у політичну площину, добре передає загальну ситуацію в країні...» [Там само, с. 68]; **принципові вороги** (фанати команди-суперника, з якими відбуваються напружені протистояння) – «Оскільки з донецькими вони давні принципові вороги – а тут така здобич» [Там само, с. 57]; **забити ворогам стрілку** (домовитися про зу-

стріч, обумовити правила проведення фанатської бійки) – «Після цього “кроти” *забили ворогам стрілку*, щоб відбити трофеї» [5, с. 57]; *вибити з трибуни* (вигнати фанатів з їхньої трибуни) – «Донецькі незадоволено з’ясовують план подальших дій – де і коли можна буде перехопити підлих “бомжів”, які так безцеремонно *вибили їх із їхньої трибуни*» [Там само, с. 57]; *перемир’я* (тимчасові мирні стосунки між фанатами-супротивниками) – «Роблять розклад фанатського руху – з ким товаришують, з ким війна, з ким *перемир’я*» [Там само, с. 63]; *товаришувати* (бути в приятельських стосунках з фанатами інших команд) – «Виходить дещо рвано, проте чітко – з Полтавою, скажімо, *товаришують*, а ось із сусіднім Харковом – ні, щось там свого часу не поділили» [Там само, с. 63].

В аналізованих художніх текстах зафіксовано також оригінальні тексти фанатського фольклору – кричалки, заряди, скандування, що є наочним доповненням до презентації мовної картини світу українських футбольних фанатів: «*Оле-оле-оле!*» – «*Оле-оле-оле!*» [6, с. 71]; «*Оле-оле-оле!.. “Динамо-Київ”-о-о-го-го!..*» – «*Оле-оле-оле!.. “Динамо-Київ”-о-о-го-го!..*» [Там само, с. 66]; «*Слава Україні! Героям слава!*» – «Раз “леви”, значить – наші динамівці грають зі львівськими “Карпатами”, але сутичок не буде, фани цих двох клубів не ворогують між собою, салютують собі навзаєм через стадіон... – *Слава Україні! – Героям слава! – Слава Україні! – Героям слава! – Слава Україні! – Героям слава!*» [Там само, с. 67]; «*Київ! Ки-їв!*» [9, с. 40]; «*Вперед, Україно! Вперед до бою! Твої фанати завжди з тобою!*» – «– *Вперед, Україно!..* Українці, розсіпані поміж естонцями, слабенько відгукнулися. – *Вперед до б-о-о-ю-у!* І тут жовто-сині завелися. – *Твої фанати завжди з тоб-о-о-ю-у!* – горлав Тоха» [14, с. 115]; «*Динамо з Дніпра! Київ-Київ-ура!*» – «*Динамо з Дніпра! Київ-Київ-ура!*» [6, с. 66]; «*Біло-си-ні – до пере-моги!*» [6, с. 67]; «“Динамо” – то є клас, “Динамо” – то є сила, “Динамо” – то є школа...» [9, с. 39]; «“*Динамо*” *Київ – чемпіон*» – «А якби зумів, то, як і тепер, скажу їх із повною відповідальністю і святою впевненістю: “*Динамо*” *Київ – чемпіон*» [2, с. 78]; «*Зе-ле-ні леви! Зе-ле-ні леви!*» [6, с. 67]; «*Дави хохлов!*» – «Це була відповідь на прогорланене звідти “*Дави хохлов!*”» [1, с. 28].

Як показав аналіз фактичного матеріалу, зафіксованого в художніх творах сучасних українських письменників, мовна картину світу футбольних фанатів у них запрезентована різнобічно й ґрунтовно, зокрема: 1) в текстах функціонують лексеми більшості найважливіших тематичних груп лексики соціолекту футбольних фанатів; 2) найповніше в художніх текстах представлені такі групи фанатської лексики: назви учасників фанатського руху, фанатських атрибутів, видів фанатської підтримки та фанатських дій; 3) в аналізованих творах подано автентичні тексти фанатського фольклору: заряди, кричалки, скандування. Отже, художні твори сучасних українських авторів – Сергія Жадана, Оксани Забужко, Юрія Андруховича, Андрія Бондаря, Олександра Ушкалова, Олега Коцарева, Євгена Положія, Макса Кідрука, Володимира Сергієнка, Наталки Сняданко, Артема Чеха – можуть слугувати достовірним джерелом відомостей про мовну картину світу українських футбольних фанатів. У перспективі необхідно дослідити весь спектр футбольної лексики, яку використовують у своїх художніх творах сучасні українські письменники.

Бібліографічні посилання

1. Бондар А. Мій дирдир / Андрій Бондар // І тим, що в гробах: мала проза. – Львів : Видавництво Старого Лева, 2016. – С. 72–78.
2. Забужко О. «І знов я влізаю в танк...». Вибрані тексти 2012–2016: статті, есе, інтерв’ю, спогади / Оксана Забужко. – К. : Комора, 2016. – 416 с.

3. **Мандзюк Д.** Копаний м'яч. Коротка історія українського футболу в Галичині 1909–1944 / Денис Мандзюк. – Львів : Видавництво Старого Лева, 2017. – 416 с.
4. **Письменники про футбол. Літературна збірка України** / укл. С. Жадан. – Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2011. – 320 с.
5. **Процик І.** Вербальна та візуальна ідентифікація в соціолекті українських футбольних фанатів / Ірина Процик // Україноцентризм наукового сумління : зб. наук. пр. на пошану професора Зеновія Терлака. – Львів : Ліга-Прес, 2014. – С. 566–591.
6. **Процик І.** Мовна картина світу футбольних фанатів (на матеріалі української та польської мов) / Ірина Процик // *Ukrainika Poznaniensis*. – Poznań : Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 2015. – S. 239–247.
7. **Процик І.** Соціолект українських футбольних фанатів / Ірина Процик // Вісник Львів. ун-ту. Серія філологічна. – Вип. 57. – Львів: Видавничий центр Львів. нац. ун-ту імені Івана Франка, 2012. – С. 285–290.
8. **Струганець Ю. Б.** Семантика, структура, функціонування футбольної лексики в українській літературній мові початку ХХІ століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Ю. Б. Струганець. – Івано-Франківськ, 2016. – 20 с.
9. **Струганець Ю.** Функціонування футбольної лексики у художній мові [Електронний ресурс] / Юрій Струганець. – Режим доступу : <http://rmuphdpu.webnode.com.ua>.
10. **Тотальний футбол : есеї** / упоряд. Сергій Жадан. – К. : Грані-Т, 2012. – 216 с.
11. **Чорнобай І.** Історія розвитку футболу : посіб. / Ігор Чорнобай. – Львів : Львів. держ. ун-т фізичн. культури, 2016. – 648 с.

References

1. Bondar, A. (2016), *Soccer, And those in the tombs* [Mii dyrdyr, I tym shcho v hrobakh], Staryi Lev Publisher, Lviv, pp. 72–78.
2. Zabuzhko, O. (2016), *And i climb into the tank again* [I znov ya vlezaiu v tank], Selected texts 2012–2016. Articles, essays, interviews, memoirs, Komora, Kyiv: 416 p.
3. Mandziuk, D. (2017), *Football, Short history of Ukrainian football in Halychyna 1909–1944*. [Kopanyi miach, Korotka istoriia ukrainskoho futbolu v Halychyni 1909–1944], Staryi Lev, Lviv, 416 p.
4. Compiler Zhadan, S. (2011), *Writers on football. Literary team of Ukraine* [Pysmennyky pro futbol. Literaturna zbirna Ukrainy], Kharkiv, 320 p.
5. Protsyk, I. (2014), “Verbal and visual identification in social dialect of Ukrainian football fans” [“Verbalna ta vizualna identyfikatsiia v sotsiolekti ukrainskykh futbolnykh fanativ”], *Ukrainian centrism of scientific conscience: Collection of scientific works in commemoration of professor Zenovii Terlak*, Lviv, pp. 566–591.
6. Protsyk, I. (2015), “The linguistic picture of the world of football fans (on the basis of the Ukrainian and Polish languages)” [“Movna kartyna svitu futbolnykh fanativ (na materialy ukrainskoi ta polskoi mov)”], *Ukrainika Poznaniensis*, Poznań, pp. 249–259.
7. Protsyk, I. (2012), “Social dialect of Ukrainian football fans” [“Sotsiolekt ukrainskykh futbolnykh fanativ”], *Announcer of Lviv University, Philological series*, Ed. 57, Lviv, pp. 285–290.
8. Struhanets, Yu. B. (2016), *Semantics, structure and functioning of football vocabulary in the Ukrainian literary language at the beginning of the XXIst century: Author's thesis* [Semantyka, struktura, funktsionuvannia futbolnoi leksyky v ukrainskii literaturnii movi pochatku XXI stolitia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Ivano-Frankivsk, 20 p.
9. Struhanets, Yu. (2016), “Functioning of football vocabulary in artistic text” [“Funktsionuvannia futbolnoi leksyky u khudozhnii movi”], available at: <http://rmuphdpu.webnode.com.ua>
10. Compiler Zhadan Serhii (2012), *Total football: Essays* [Totalnyi futbol: esei], Hrani-T, Kyiv, 216 p.
11. Chornobai, I. (2016), *History of football development: manual* [Istoriia rozvytku futbolu: posibnyk], Lviv State University of Physical Culture, Lviv, 648 p.

Надійшла до редколегії 19.01.2017

УДК 811.161.1'38

О. П. Пушкарь

Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды

КАЛАМБУР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Рассмотрен наиболее типичный семантический механизм языковой игры в прозе Сергея Довлатова – каламбур. Проанализированы и сопоставлены семантические типы каламбура в произведениях советского и эмигрантского периодов творчества писателя. Выявлены характерные функции каламбура для каждого периода.

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, семантический механизм, комический эффект, ирония, идиостиль.

Пушкар О. П. Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди. **КАЛАМБУР У ТВОРАХ СЕРГІЯ ДОВЛАТОВА**

Розглянуто найбільш типовий семантичний механізм мовної гри в прозі Сергія Довлатова – каламбур. Проаналізовано і порівняно семантичні типи каламбуру у творах радянського й емігрантського періодів творчості письменника. Виявлено характерні функції каламбура для кожного періоду.

Ключові слова: каламбур, мовна гра, семантичний механізм, комічний ефект, іронія, ідіостиль.

Pushkar O. P. Kharkiv national pedagogical university named after G. S. Scovoroda **PUN IN SERGEI DOVLATOV'S CREATIVITY**

The article discusses a pun as the most typical semantic mechanism of language game in Sergei Dovlatov's creativity. The research is based on V. Z. Sannikov's scientific works the deal with language game. The pun is considered to be the mechanism of semantic language game, which is based on the combination in one context of different meanings of one word or different words (phrases) that are identical or similar in sounding, mostly used to create comic (or artistic) effect.

The principal semantic types of the pun are determined and compared according to soviet and emigrant periods of S. Dovlatov's creative activity. The «mask»-pun is the favorite semantic type of pun in Dovlatov's prose (according to the frequency of use). The «neighbours» pun occurs the least. The main functions of language game in Sergei Dovlatov's artistic style of different periods are distinguished as following entertaining, estimating, masking and ironical.

Prospect of research is determination of another semantic mechanisms of language game functions in Sergei Dovlatov's idiostyle of different periods.

Key words: pun, language game, semantic mechanism of creation of the language game, comic effect, irony.

Каламбур как лингвистический феномен уже давно стал объектом изучения. В отечественной лингвистике интерес к каламбуру возник в 20–40-е годы. В те времена зародилось мнение о том, что каламбур – это низший разряд юмора, так называемая «словесная побрякушка», «пустое зубоскальство». Основывалось такое суждение на узком понимании каламбура как игры слов, построенной на созвучии. В советское время статус каламбура изменился. Им стали активно пользоваться писатели и поэты для того, чтобы обойти цензуру, замаскировать свое сообщение, выразить скрытые смыслы. Сейчас каламбур является одним из самых известных приемов языковой игры (далее – ЯИ).

Целью данной статьи является установление закономерностей использования каламбура как семантического механизма языковой игры в советской и эмигрантской прозе Сергея Довлатова, а также выявление характерных для идиостиля автора коммуникативных функций каламбура.

К анализу каламбура обращались в специальных работах многие исследователи, а именно: А. А. Щербина, Н. П. Колесников, Е. П. Ходакова, В. З. Санников, Е. А. Земская, А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова и др.

По словам Н. П. Колесникова, «каламбур – основанная на звуковом сходстве игра равнозначными словами с целью произвести комическое впечатление» [2, с. 79]. Е. П. Ходакова понимает каламбур как «словесную игру, строящуюся на намеренном столкновении двух значений слова или сходных звучаний в разных словах» [7, с. 201]. Очевидно, что такое понимание каламбура слишком узкое. Оно соответствует пониманию термина «игра слов», которое предполагает обыгрывание только слов (в каламбуре обыгрыванию подлежат словосочетания и предложения). В нашем понимании каламбур является видовым понятием по отношению к игре слов.

А. М. Люксембург и Г. Ф. Рахимкулова считают, что «каламбур – это понятие, которое объединяет различные виды игровых манипуляций со словом в масштабах предложения, абзаца, иных единиц текста или же всего текста, цель использования которых в рамках традиционной стилистики определяется преимущественно стремлением к созданию комического, сатирического или пародийного эффекта, а в рамках игровой стилистики – совокупностью функций, общим элементом которых становится содействие организации текста как особой логической системы, строящейся по принципам игры» [3, с. 168–169].

В. З. Санников определяет каламбур как «шутку, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [5, с. 56].

Кроме того, Санников указывает еще несколько характерных черт каламбура: 1) в основу каламбура может быть заложена смысловая близость слов (псевдосинонимы, псевдоантонимы); 2) основная функция каламбура – развлекательная, но данный прием служит для реализации и других функций.

Итак, каламбур – это механизм семантической ЯИ, который основан на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, часто используемый для создания комического (или художественного) эффекта.

Фундаментальной представляется классификация каламбуров по характеру семантических связей между обыгрываемыми словами, предложенная В. З. Санниковым. Он выделяет три группы каламбура: 1) каламбур «соседи»; 2) каламбур «маска»; 3) каламбур «семья». Такая классификация каламбура наиболее полно отражает специфику его создания в текстах Довлатова.

Рассмотрим особенности художественного стиля советского и эмигрантского периодов творчества Сергея Довлатова в соответствии с данной классификацией каламбура.

Каламбур в творчестве Сергея Довлатова является одним из стилеобразующих средств. Об этом свидетельствуют выявленные нами многочисленные примеры с каламбурным обыгрыванием слов (96 примеров – советский период, 97 примеров – эмигрантский). Таким образом, каламбур как семантический механизм ЯИ, используемый С. Довлатовым для построения текста, является важным средством реализации художественного замысла.

Наиболее частотным в довлатовском тексте как советского (46 примеров), так и эмигрантского (47 примеров) периодов является семантический тип каламбура – «маска», его применение составляет более 45 % всех каламбуров.

Каламбур «маска» предполагает «резкое столкновение смысла обыгрываемых слов или фраз», при котором первоначальное понимание резко сменяется другим. Он может строиться на эффекте обманутого ожидания, когда слово «при-

кидывается» одним, а затем оказывается совершенно другим. По словам Санникова, этот тип каламбура наиболее ярко отражает сущность комического, в нем проявляется двуплановость, двухчастность [5, с. 500].

В советский период творчества каламбур «маска» часто используется Довлатовым для создания комического эффекта. Рассмотрим пример:

– *Что с вами? **Вы красный!***

– *Уверю вас, **это только снаружи. Внутри я – конституционный демократ.***

В данной ситуации каламбур «маска» основан на прямом и переносном значении слова «красный» – ‘покрасневший от прилива крови к коже’ и ‘сторонник или представитель партии коммунистов’. Каламбур направлен на переключение внимания собеседника со своей внешности, т. е. используется с целью уйти от обсуждения истинной причины красноты персонажа (похмелье, пьянство, повышенное давление) и перевести тему разговора в игровой аспект. Кроме того, Довлатов выражает свое негативное отношение к коммунистическому строю в стране.

Далее в тексте обнаруживаем каламбур «маску»: ***цвет** – явление идеологическое!*, где обыгрывается прямое и индивидуально-авторское значение слова ***цвет***. Это подтверждает негативную, но явно не выраженную реакцию автора на слово ***красный*** в предыдущем примере.

Ср. каламбур «маску» эмигрантского периода:

На лице у Баскина выражалось крайнее отвращение:

– *Неужели будешь **есть из одного корыта со змеями**? Стоило ради этого уезжать из Москвы?!*

– *Почему из одного корыта? Я могу захватить из дома посуду...*

В примере обыгрывается переносное и прямое значение выражения ***есть из одного корыта со змеями***. Возникает эффект обманутого ожидания: первоначально реплика воспринимается буквально из-за контекста о попытке трудоустроиться (Ср.: *Я слышал, есть место на питомнике лекарственных змей. Работа несложная. Главное – кормить их четыре раза в сутки. Кое-что убрать, там, вымыть, подмести... Платят – сто шестьдесят в неделю. И голодным, между прочим, не останешься.*

– *То есть? – гадливо настораживался Баскин.*

– *Что это значит? Что ты хочешь этим сказать?*

Беленький в свою очередь повышал голос:

– *Думаешь, чем их тут кормят? Мышами? Ни хрена подобного! Это тебе не совдения! Тут змеи питаются лучше, чем наши космонавты. Все предусмотрено: белки, жиры, углеводы...), но когда Баскин вводит риторический вопрос: *Стоило ради этого уезжать из Москвы?!* актуализируется переносное значение слова змея ‘о коварном, хитром, ехидном, злом, подлом человеке’, меняя полностью смысл фразы. Змеи в этом случае ассоциируются с людьми, находящимися у власти в Москве, а *есть из одного корыта* приобретает значение «смириться со своим положением, ничем не отличающимся от того, в котором находился в Советском Союзе». Ведь причина отъезда автора заключалась в гонении со стороны правительства, невозможности заниматься любимым делом. И вот когда всё позади, оказывается, что ничего не изменилось, эмигранты берутся за любую работу, забывая о своей цели и намерениях. Ответная реплика персонажа *Почему из одного корыта? Я могу захватить из дома посуду...* свидетельствует о неприятии им условий ЯИ. Беленький игнорирует ироническое замечание Баскина, возвращая высказывание к буквальному пониманию.*

Каламбур «семья» характеризуется тем, что обыгрываемые смыслы также резко сталкиваются, но ни один из них не отменяет другой [Там же, с. 500]. Такие

каламбуры, по мнению Санникова, наиболее интересны, в них исследователь усматривает «богатеишие возможности для выработки самых разнообразных смыслов». Каламбур «семья» встречается в довлатовских текстах намного реже. Так, в произведениях советского периода каламбуров с таким семантическим типом – 23. С помощью такого каламбура персонаж, например, демонстрирует свои способности к языковому творчеству, пытается обратить на себя внимание, выделиться:

– Мне – **полную**, – сказал он и добавил: – Люблю **полненьких**.

Каламбурному обыгрыванию поддаются два значения слова «**полный**»: 1) *содержащий в себе что-н. до возможных пределов, наполненный, занятый чем-н. целиком* и 2) *‘толстый, тучный’*. Второе значение актуализируется, когда персонаж использует уменьшительную форму слова **полный** (*полную – полненьких* – корневая игра). Обыгрываемые значения здесь равноправны. Важную роль выполняет синтаксическое оформление каламбура. Он построен на синтаксической компрессии, что позволяет читателю самому воссоздать недостающие элементы фразы и распознать каламбурную игру (Ср.: *Мне – полную рюмку*, – сказал он и добавил: – Люблю **полненьких** женщин – без соответствующего синтаксического оформления каламбур исчезает).

Рассмотрим еще один пример каламбурного употребления слова:

*Нет, как известно, равенства в браке. **Преимущество** всегда на стороне того, кто меньше любит. Если это можно считать **преимуществом**.*

Обыгрывается здесь слово **преимущество** (*‘превосходство, качество, возвышающее кого-что-нибудь, дающее кому-нибудь перевес над другими’*). Из первой фразы вытекает вывод, что лучше в браке тому, кто меньше любит. Но уже в следующем предложении ставится под сомнение этот вывод. Семантика слова **преимущество** становится зыбкой: в данном слове на первый план выдвигается не сема *превосходства кого-то над кем-то*, а возбуждается сема *глубины и силы чувства*. Именно в эту сторону клонится семантика высказывания.

Таким представляется Довлатов на страницах повести «Иностранка». Он отходит на второй план, и в тексте появляются лишь авторские комментарии, философские размышления о жизни в «каламбурной упаковке».

Каламбур «соседи», основан на «суммировании смыслов созвучных слов» [5, с. 499] По мнению А. А. Щербины, «почти неисчерпаемым источником игры слов является созвучие, звуковая схожесть слов, семантика которых остроумно перекрещивается, причем связи у этих слов обычно более гибки и многообразны, чем у омонимов» [8, с. 51].

Сергей Довлатов обращается к каламбуру «соседи» не часто. В советский период примеров с таким типом каламбура у С. Довлатова 19, в эмигрантский – 15. Общим для советского и эмигрантского периодов творчества Довлатова является обыгрывание имен собственных, где часто отношение автора уже заложено в «говорящей» фамилии персонажа. Например, Разудалов – фамилия «разудалого эстрадника» [6, с. 184], Богатыревич – «затянувшаяся фамилия», КГБ – Кокорев Гордей Борисович, Докладов, Заплатов (о себе) и др. Иногда среди каламбуров типа «соседи» встречается обыгрывание аббревиатур и явлений псевдосинонимии и псевдоантонимии. В советский период основное назначение таких каламбуров – изображение абсурдности власти. У современного читателя такой пример, безусловно, вызывает комический эффект, но для советских людей (людей, которые жили в то время) такие случаи являлись вполне реальными, и тогда это так называемый «смех сквозь слезы»:

И вот ему <Быкову> дали ответственное поручение. Позвонить Димитрову в Болгарию. Заказать поздравление к юбилею Эстонской Советской Республики. Быков позвонил в Софию. Трубку взял секретарь Димитрова.

– *Говорят с Таллинна, – заявил Быковер, оставаясь евреем при всей своей эрудиции. – Говорят с Таллинна, – произнес он.*

В ответ прозвучало:

– *«Дорогой товарищ Сталин! Свободолюбивый народ Болгарии приветствует вас. Позвольте от имени трудящихся рапортовать...»*

Каламбур здесь построен на обыгрывании созвучия топонима **Таллин** (в род. пад.) с предлогом **с** и имени собственного, главного в то время человека в Советском Союзе – **Сталин**. Сходство в звучании столицы Эстонии и фамилия вождя, видимо, сразу привлекло филологический слух Довлатова, что и помогло автору с иронией и сарказмом описать нелепость этой ситуации, указав при этом, что «советская власть – это мы».

Отношение Довлатова к несуразностям советской жизни акцентировано здесь парцелированными конструкциями: *«Через сорок минут Быковера арестовали. За кощунственное сопоставление. За глумление над святыней. За идиотизм».*

Использование в одном ряду книжных (*сопоставление, глумление*), церковно-книжных (*кощунственное, святыня*) слов и разговорно-сниженного *идиотизм* образует стилевой контраст. Последняя парцелированная фраза (*За идиотизм*) отражает отношение автора к возникшей ситуации. Кроме того, обыгрывается и «сопоставление» Быковера и Сталина: – *Я не Сталин, – добродушно исправил Быковер, – я – Быковер.* И само это «сопоставление», и тон, которым оно было произнесено, советскими органами было воспринято как осквернение образа «великого кормчего». Нейтральная фраза «*Я не Сталин*», как выяснилось, и есть «кощунственное сопоставление, глумление над святыней».

В произведениях эмигрантского периода Довлатов весьма удачно строит каламбуры, которые основаны на случайном сходстве русских и английских слов:

Муся вынула из холодильника бутылку рома и подумала:

«Напьюсь и буду плакать до утра. Потом засну в чулках...»

– *Напьюсь, – сказала вслух Маруся, – жизнь кончена...*

Вдруг чей-то голос повелительно и строго молвил:

– **Жить!**

Маруся огляделась – никого. Все тот же голос еще строже и решительней добавил:

– **Факт!**

Маруся поднялась из-за стола.

И снова:

– **Жить!**

А через две секунды:

– **Факт!**

И наконец скороговоркой:

– **Шит, шит, шит, фак, фак, фак, фак... Шит, шит, шит, шит, фак, фак, фак...**

Комизм возникает из-за смыслового расхождения и стилевого контраста созвучных слов. Довлатов обыгрывает «серьезность» русских слов *жить, факт* и их «эквиваленты», самые популярные ругательства в английском языке *шит, фак*.

Частое использование каламбура обусловлено выполняемыми им функциями в тексте.

Каламбуры с оценочной функцией преобладают. Данная функция заключается в выражении субъективно-оценочного или субъективно-психологического отношения к объекту или предмету сообщения. Например, в произведениях со-

ветского периода встречаются каламбуры, передающие отношение автора к происходящему в его жизни:

Доходили слухи о каких-то публикациях на Западе. Я старался об этом не думать. Ведь мне безразлично, что делается на том свете. Прямо так и скажу, если вызовут...

В примере актуализируется два значения выражения **на том свете**: фразеологически-связанное: *‘в загробной жизни, после смерти’* и авторское из контекста *‘на Западе’*. Автор пытается убедить себя и заодно подготовить ответ органам, которые непременно вызовут его на собеседование по поводу появления публикаций на Западе. Но ироническое отношение к ситуации сквозит в двусмысленном использовании словосочетания «на том свете».

Иногда каламбуры с оценочной функцией вызывают комический эффект, выполняя и оценочную, и развлекательную функции.

В свою очередь, каламбуров с чисто развлекательной функцией у Довлатова встречается меньше. Как правило, они выполняют и психотерапевтическую функцию одновременно. Такие каламбуры имеют цель развлечь себя и собеседника, при этом данный механизм ЯИ служит средством самовыражения личности, проявления оригинальности, демонстрации языковой компетенции говорящего. Такие каламбуры часто встречаются как в советский период, так и в эмигрантский. Например:

Девушка-экскурсовод ела мороженое в тени. Я шагнул к ней:

– *Давайте познакомимся.*

– **Аврора**, – сказала она, *протягивая липкую руку.*

– **А я**, – говорю, – **танкер Дербент**.

Здесь используется каламбур, построенный на обыгрывании имени собственного девушки и названии крейсера Балтийского флота, который являлся символом Октябрьской революции и советской власти. Актуализируется обыгрываемое имплицитное значение после реплики Довлатова – **А я**, – говорю, – **танкер Дербент** (название повести советского социалистического реализма и танкера из этой повести). Авторская шутка оживляет обстановку, вносит непринужденность в изображаемое.

В советский период творчества Довлатову свойственно использование каламбура с маскировочной функцией. Такие каламбуры позволяют автору высмеять коммунистический режим и цензуру, идеологию советской власти:

Главный редактор увидел название и сразу же заметно поскуучнел. Он ждал чего-нибудь такого: «Герои рядом» или, как минимум, – «Душа в строю». А тут – загадочные и неясные – «Пять углов». Может быть, речь идет о пятиконечной звезде? Значит, глумление над символом?

Обыгрывается название неопубликованного романа Сергея Довлатова «Пять углов» – неофициальное название перекрестка в Санкт-Петербурге, где можно увидеть пять угловых зданий и возможные догадки подцензурного редактора, который автор сам воспроизвел: – *Может быть, речь идет о пятиконечной звезде? Значит, глумление над символом.*

Посредством каламбура с маскировочной функцией автор пародирует ход мысли советского редактора, который уже в названии видит возможную угрозу и отказывает писателю.

Таким образом, каламбур является самым распространенным механизмом семантической ЯИ советского и эмигрантского периодов творчества Сергея Довлатова. Такие особенности данного механизма, как двусмысленность, многоплановость, экономность (компрессивность), спектр выполняемых функций позволяют Довлатову воплотить художественный замысел. Каламбур в наибольшей

степени отражает специфику языковой личности С. Довлатова и является характерной чертой идиостиля писателя.

Сергей Довлатов использует все типы каламбура для иронического освещения жизни советских людей в условиях коммунистического строя страны. Каламбуры часто носят комический характер, используются для оценки персонажей или предметов и явлений действительности, для самоутверждения героя, демонстрируют остроумие персонажей или, наоборот, их необразованность (каламбур «соседи»).

По частоте употребления семантические типы каламбура используются автором практически в одинаковом количестве. Каламбур «маска» является любимым семантическим типом каламбура в творчестве С. Довлатова. Следующим по частоте употребления в прозе Довлатова является самый сложный тип каламбура – «семья», а самый простой – каламбур «соседи» – встречается реже всего. В основном каламбуры последнего типа строятся на обыгрывании антропонимов и паронимов. В эмигрантский период автор обращается к обыгрыванию сходства русских и английских слов.

Нередко довлатовские каламбуры выполняют оценочную, развлекательную, психотерапевтическую и маскировочную функции. Количество каламбуров с маскировочной функцией значительно уменьшилось в эмигрантский период. Иногда каламбуры выполняют сразу несколько функций: оценочную и развлекательную, развлекательную и психотерапевтическую и др. Единичны примеры со смягчающей, компрессивной и аллюзивной функциями.

Библіографічні посилання

1. Довлатов С. Д. Собр. соч. в 4 т. / С. Д. Довлатов – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
2. Колесников Н. П. О некоторых видах каламбура / Н. П. Колесников // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 81–85.
3. Люксембург А. М. Магистр игры Вивиан Ван Бок: Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура / А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1996. – 201 с.
4. Пушкар О. П. Каламбур как стилистический прием в творчестве С. Д. Довлатова / О. П. Пушкар // Слов'янський збірник. – Київ, 2012. – Вип. 17. – Ч. 2. – С. 471–473.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
6. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Н. Сухих. – СПб. : Азбука, 2010. – 288 с.
7. Ходакова Е. П. Каламбур в русской литературе XVIII века / Е. П. Ходакова // Русская литературная речь в XVIII веке: Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. – М., 1968. – С. 201–254.
8. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) / А. А. Щербина. – К. : Изд-во Академии наук УССР, 1958. – 68 с.

References

1. Dovlatov, S. D. (2011), *Collected Works: 4 vol.* [Sobranie sochineniy: v 4 t], Azbuka Publ., St. Petersburg, Vol. 4.
2. Kolesnikov, N. P. (1971), "About certain types of pun" *Russian language at school* ["O nekotoryh vidah kalambura"], *Russkiy yazyk v shkole*, No.3, pp. 81–85.
3. Ljuksemburg, A. M., Rakhimkulova, G. F. (1996), *Magister Ludi Vivian Van Bock: Word Play in Vladimir Nabokov's Prose in the Light of a Theory of Puns* [Magistr igry Vivian Van Bok: Igra slov v proze Vladimira Nabokova v svete teorii kalambura], Izd-vo RGU, Rostov n/D.: 201 p.
4. Pushkar, O. P. (2012) "Pun as a stylistic mean in S.D. Dovlatov's creativity" *Slavic collection (collection of scientific works)* ["Kalambur kak stilisticheskij priem v tvorchestve S. D. Dovlatova"] *Slov'jans'kij zbirnik*, Kyiv, Vol. 17. Ch.2, pp. 471–473.

5. Sannikov, V. Z. (2002), *Russian language in the mirror of language game* [Russkij jazyk v zerkale jazykovoï igry], Languages of Russian culture, Moscow, 552 p.
6. Sukhih, I. N. (2010), *Sergei Dovlatov: Time, place and destiny* [Sergey Dovlatov: Vremya, mesto, sudba], Azbuka Publ., St. Petersburg, 288 p.
7. Hodakova, E. P. (1968), "Pun in Russian literature of XVIII century" *Russian literary language in the XVIII century: Idiom. Neologisms. Puns*. ["Kalambur v russoj literature XVIII veka" *Russkaya literaturnaya rech' v XVIII veke: Frazeologizmy. Neologizmy. Kalambury*], Moscow, pp. 201–254.
8. Shcherbina, A. A. (1958), *The Nature and Severity of Verbal Art (pun)* [Sushchnost' i iskusstvo slovesnoj ostroty (kalambura)], Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, Kiev, 68 p.

Надійшла до редколегії 08.02.2017

УДК 811.161.2'373.231:378.4

І. М. Серебрянська

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАСНИХ НАЗВ УКРАЇНСЬКИХ ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ

Розглянуто питання семантичної специфіки власних назв вищих навчальних закладів у різні періоди розвитку української державності. Номінації вишів із елементом «ім'я видатної особи» розподілено за тематичними групами, які є актуальними для українського суспільства: «Наука», «Література», «Громадська діяльність», «Освіта», «Мистецтво». Здійснено статистичні підрахунки, які демонструють зміну тенденцій щодо принципів найменування вищих навчальних закладів на різних етапах розвитку вітчизняної освіти.

Ключові слова: вищий навчальний заклад, університет, тематична група, номінація, власна назва.

Серебрянская И. Н. Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара. **СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ УКРАИНСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Рассмотрены семантические особенности имен собственных высших учебных заведений в разные периоды развития украинской государственности. Номинации современных вузов с элементом «имя знаменитости» распределены по тематическим группам, которые являются актуальными для украинского общества: «Наука», «Литература», «Общественная деятельность», «Образование», «Искусство». Осуществлены статистические подсчеты, которые демонстрируют изменение тенденций наименования высших учебных заведений на разных этапах развития образования.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, университет, тематическая группа, номинация, имя собственное.

Serebrianska I. M. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE PROPER NAMES OF UKRAINIAN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION**

The purpose of the article is to determine semantic peculiarities of nominations of the Ukrainian universities with the element «celebrity name», tracing their dynamics in time. Proper names of higher education institutions in Ukraine are related to the names of prominent personalities who have played a great role in different spheres of the country life in different historical periods (Kiev an Rus, the Soviet Union, Independent Ukraine etc.). Studying the names of Ukrainian universities we have obtained statistics, proving that the most frequent names of modern higher education institutions are composed of the names of prominent Ukrainians who represent: the branch of science (37 %), literature (22 %) and social activities (22 %).

Trends for naming institutions of higher education in the Ukrainian society is constantly changing: there were names of saints and princes (in the nineteenth century), names of Soviet heroes (in Soviet times), names of national heroes – scientists, writers, public figures (in the period of Ukraine's independence). The common feature of all times is a great role of extralinguistic factors, especially social and political ones: in the focus of public attention and therefore nominative processes there is always a person who, in the opinion of society, is particularly important and considered a social ideal and a good example to follow.

Key words: higher education institution, university, thematic group, nomination, proper name.

Останнім часом роль освіти в українському суспільстві зростає. Завдяки інтеграційним процесам з'являються нові поняття та їх назви, які потребують лінгвістичних досліджень. Проблеми сфери освіти сьогодні активно вивчаються науковцями різних галузей: соціологами, філософами, педагогами, психологами, істориками та ін. Для мовознавців цей об'єкт дослідження є новим. Аналіз освіти через призму мовної картини світу українського народу до цього часу не здійснювався, чим і зумовлена **актуальність** нашої наукової розвідки. Окремі спроби вивчення лексики освітньої сфери зроблено в працях А. Беляєвої [1], Л. Вергун [3], О. Савчук [5]. Неодноразово автор статті звертався до цієї теми [6; 7].

Поняття «навчальний заклад», «вищий навчальний заклад» традиційно залишаються центральними у сфері освіти. **Мета** статті – з'ясувати семантичні особливості власних назв українських вищих навчальних закладів, простеживши їх динаміку в часі.

Назви вищих навчальних закладів України пов'язані з іменами видатних особистостей, які у свій час зіграли велику роль у різних сферах життєдіяльності країни (у період Київської Русі, Радянського Союзу, незалежності України та ін.). На честь однієї й тієї самої історичної постаті можуть називатися по кілька вишів, що свідчить про її особливе значення в розвитку вітчизняної освіти й суспільства в цілому. Наприклад, ім'я Тараса Шевченка носить Київський національний університет, Луганський національний педагогічний університет і Чернігівський державний педагогічний університет; Івана Франка – Житомирський державний університет, Дрогобицький державний педагогічний університет і Львівський національний університет; Богдана Хмельницького – Черкаський національний університет, Національна академія державної прикордонної служби України і Мелітопольський державний педагогічний університет; Петра Сагайдачного – Національна академія сухопутних військ, Київська державна академія водного транспорту й Запорізький інститут МАУП; Григорія Сковороди – Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет, Харківський національний педагогічний університет; Михайла Остроградського – Полтавський обласний інститут післядипломної педагогічної освіти, Кременчуцький національний університет. При цьому зв'язок осіб, на честь яких було названо вищий навчальний заклад, із цим закладом може бути різним. В одних випадках університети беруть собі імена земляків, наприклад: імена Василя Стефаника, Володимира Даля, Івана Пулюя, Володимира Гнатюка, Михайла Остроградського, Антона Макаренка надано університетам, розташованим у тих місцевостях, де вони народилися; ім'я Миколи Гоголя – *Ніжинському державному педагогічному університету*, де навчався майбутній письменник; Степана Гжицького – Львівському зооветеринарному інституту, де науковець очолював кафедру біохімії; Василя Каразіна – одному з найдавніших, Харківському університету, який був ним заснований; Івана Огієнка – заснованого ним Кам'янець-Подільського державного українського університету (нині це Кам'янець-Подільський національний університет ім. Івана Огієнка). В інших випадках навчальним закладам надаються імена людей, які є професіоналами в тих чи інших галузях, що є профільними. Наприклад, на честь льотчика-аса Івана Кожедуба названо *Харківський університет повітряних сил*,

ім'ям російського вченого, основоположника сучасної аеродинаміки *Миколи Жуковського* – *Національний аерокосмічний університет «ХАІ»*, російського кораблебудівника *С. О. Макарова* – *Національний університет кораблебудування*. Іноді це просто імена поважних українців, які мають велике загальнонаціональне значення (Ярослав Мудрий, Богдан Хмельницький, Тарас Шевченко та ін.).

У ході дослідження власних назв українських вищих навчальних закладів із елементом «ім'я видатної особи», дібраних із переліку вишів, поданому на веб-сайті Міністерства освіти і науки України [2], нами було отримано статистичні дані, які демонструють, що найчастіше їх структурними елементами стають імена представників кількох основних галузей: науки (37 % випадків), літератури (22 %) й громадської діяльності (22 %). У складі номінацій українських університетів нами також зафіксовано прізвища представників сфери освіти й мистецтва (по 5 %). Відповідно власні назви сучасних вищих навчальних закладів розподіляємо за такими тематичними групами:

«Наука»:

– економіка: *Донецький державний університет економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського* (видатний український і російський економіст, перший економіст-східноєвропейець, наукові теорії якого визнали зарубіжні вчені різних шкіл і напрямків);

– фінанси: *Київський національний економічний університет ім. Вадима Гетьмана* (фінансист, політик, Герой України (2005 р.);

– медицина: *Вінницький національний медичний університет ім. Миколи Пирогова* (відомий хірург, анатом, засновник військово-польової хірургії, який створив перший атлас топографічної анатомії людини та започаткував використання анестезії при оперативних втручаннях), *Національний медичний університет ім. академіка Олександра Богомольця* (видатний патофізіолог, основоположник української школи патологічної фізіології, ендокринології і геронтології, засновник перших в Україні й Росії науково-дослідних закладів медичного профілю);

– ветеринарія: *Львівський національний університет ветеринарної медицини та біотехнологій ім. Степана Гжицького* (український науковець у галузі ветеринарії, основоположник ветеринарної біохімії в Україні);

– етнографія, фольклористика, мовознавство: *Тернопільський національний педагогічний університет ім. Володимира Гнатюка* (український етнограф, фольклорист, мовознавець, літературознавець, мистецтвознавець, перекладач та громадський діяч);

– філософія: *Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського*; *Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди*, *Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Григорія Сковороди*;

– математика, механіка, фізика: *Кременчуцький національний університет ім. Михайла Остроградського* (математик світової слави), *Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту ім. академіка Всеволода Лазаряна* (вчений-механік, заслужений діяч науки і техніки УРСР, доктор технічних наук, академік АН СРСР, лауреат Державної премії УРСР у галузі науки і техніки), *Тернопільський національний технічний університет ім. Івана Пулюя* (фізик і електротехнік, винахідник х-променів);

– машинобудування й сільськогосподарська механіка: *Харківський національний технічний університет сільського господарства ім. Петра Василенка* (доктор технічних наук, академік Української академії аграрних наук, член-кореспондент Національної академії наук України); *Національний університет*

кораблебудування ім. адмірала **С. О. Макарова** (рос. флотоводець, кораблебудівник);

– ракетобудування й космонавтика: *Житомирський військовий інститут ім. С. П. Корольова* (відомий конструктор); *Полтавський національний технічний університет ім. Юрія Кондратюка* (вчений-винахідник, один із піонерів ракетної техніки й теорії космічних польотів); *Національний аерокосмічний університет ім. Миколи Жуковського «ХАІ»* (російський учений, основоположник сучасної аеродинаміки);

– радіозв'язок: *Одеська національна академія зв'язку ім. Олександра Попова* (відомий завдяки винаходу радіоприймального пристрою та дослідженню радіозв'язку);

– хімія, біохімія, епідеміологія: *Тернопільський державний медичний університет ім. Івана Горбачевського* (український хімік, біохімік, гігієніст та епідеміолог, кандидат на Нобелівську премію з фізіології й медицини 1911 року);

– біологія, природознавство: *Одеський національний університет ім. Іллі Мечникова* (лауреат Нобелівської премії); *Харківський національний аграрний університет ім. В. В. Докучаєва* (основоположник наукового генетичного ґрунтознавства та зональної агрономії).

«Література». В основному це номінації вищих навчальних закладів, до складу яких входять прізвища відомих українських письменників, наприклад: *Вінницький педагогічний університет ім. Михайла Коцюбинського*, *Глухівський національний педагогічний університет ім. Олександра Довженка*, *Дніпропетровський національний університет ім. Олеса Гончара*, *Львівський національний університет ім. Івана Франка*, *Прикарпатський національний університет ім. Василя Стефаника*, *Київський університет ім. Бориса Грінченка*, *Чернігівський державний педагогічний університет ім. Тараса Шевченка*, *Кіровоградський державний педагогічний університет ім. Володимира Винниченка*, *Волинський національний університет ім. Лесі Українки*, *Полтавський державний педагогічний університет ім. В. Г. Короленка*, *Уманський державний педагогічний університет ім. Павла Тичини*, *Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича*.

Крім того, у структурі назв деяких українських вишів виділяємо прізвища російських діячів, що також має певне обґрунтування. Наприклад, *Ніжинському державному педагогічному університету* присвоєно ім'я російського письменника українського походження **Миколи Гоголя**, який у свій час навчався в Ніжинській гімназії вищих наук, на базі якої згодом виник університет; *Донецькому державному медичному університету* – російського письменника **Максима Горького**, а *Східноукраїнському національному університету* (м. Луганськ) – ім'я **Володимира Даля**, який родом із Луганська.

«Громадська діяльність». Цю групу формують номінації вищих навчальних закладів, яким присвоєно імена вітчизняних діячів, які зробили вагомий внесок у розвиток національної ідеї та української державності. Серед них знаходимо представників різної доби:

– давні часи: *Львівський національний медичний університет ім. Данила Галицького* (правитель Галицько-Волинського князівства); *Чорноморський державний університет ім. Петра Могили* (політичний, церковний і освітній діяч), *Київська державна академія водного транспорту ім. Петра Конашевича-Сагайдачного*, *Академія сухопутних військ ім. гетьмана Петра Сагайдачного* (полководець та політичний діяч); *Національна юридична академія ім. Ярослава Мудрого* (великий князь Київський), *Черкаський національний університет*

ім. **Богдана Хмельницького**, Національна академія державної прикордонної служби України ім. **Богдана Хмельницького** (гетьман Війська Запорізького);

– XIX–XX ст.: Національний педагогічний університет ім. **Михайла Драгоманова** (громадський діяч, публіцист, історик, філософ, економіст, літературознавець, фольклорист; один із організаторів «Старої громади» в Києві); Харківський національний університет ім. **Василя Каразіна** (засновник Харківського університету, учений та просвітник, належав до активних діячів харківського культурного осередку); Кам'янець-Подільський національний університет ім. **Івана Огієнка** (вчений, державний, освітній, церковний і громадський діяч, ректор і фундатор Кам'янець-Подільського державного українського університету);

– радянська доба: Харківський університет повітряних сил ім. **Івана Кожедуба** (тричі Герой Радянського Союзу, маршал авіації, радянський льотчик-ас);

– сучасність: Львівський державний інститут новітніх технологій та управління ім. **В'ячеслава Чорновола** (відомий український політик, державний діяч, публіцист і журналіст).

Причому, як показує наш аналіз, структуру власних назв українських університетів може формувати не лише конкретний образ, а й збірний образ українського народу, наприклад ліквідаторів аварії на Чорнобильській АЕС: Черкаський інститут пожежної безпеки ім. **Героїв Чорнобиля**.

«Освіта». На честь видатних українських педагогів названо такі вітчизняні університети: Миколаївський національний університет ім. **Василя Сухомлинського**, Південноукраїнський державний педагогічний університет ім. **Костянтина Ушинського**, Міжнародний економіко-гуманітарний університет ім. академіка **Степана Дем'янчука**, Сумський державний педагогічний університет ім. **А. С. Макаренка**.

«Мистецтво». Власні назви вишів цієї тематичної групи пов'язані з іменами представників різних видів мистецтва, наприклад: художника Михайла Бойчука (Київський державний інститут декоративно-прикладного мистецтва та дизайну ім. **Михайла Бойчука**); композитора Миколи Лисенка (Львівська національна музична академія імені **Миколи Лисенка**); архітектора, заслуженого діяча мистецтв УРСР, академіка О. М. Бекетова (Харківський національний університет міського господарства ім. **О. М. Бекетова**).

Маючи на меті простежити динаміку щодо принципів найменування вищих навчальних закладів у різні періоди розвитку української державності, ми дослідили також власні назви вишів у радянський період (на підставі аналізу текстів «Української радянської енциклопедії» [8]). Можна виділити такі тематичні групи власних назв українських вищих навчальних закладів за радянської доби:

«Література». Ця тематична група представлена номінаціями, до складу яких входять імена письменників як українських, так і російських (остання категорія була поширена більшою мірою, ніж сьогодні): **І. Я. Франко** (Львівський університет, Дрогобицький педагогічний інститут, Житомирський педагогічний інститут), **Лесь Українка** (Луцький педагогічний інститут), **П. Г. Тичина** (Уманський педагогічний інститут), **І. П. Котляревський** (Харківський інститут мистецтв), **В. Г. Короленко** (Полтавський педагогічний інститут), **О. М. Горький** (Київський педагогічний інститут, Запорізький інститут удосконалення лікарів, Донецький медичний інститут), **С. М. Сергєєв-Ценський** (Глухівський педагогічний інститут), **О. С. Пушкін** (Кіровоградський педагогічний інститут), **М. Островський** (Вінницький педагогічний інститут, Вінницький педагогічний інститут), **М. В. Гоголь** (Ніжинський педагогічний інститут), **Т. Г. Шевченко** (Ворошиловградський педагогічний інститут, Чернігівський педагогічний інститут).

«Державна, партійна (комуністична) та революційна діяльність». Ця група представлена номінаціями, до складу яких входять імена відомих радянських комуністичних діячів, активістів, більшовистських революціонерів, провідників сталінської політики, наприклад: **Д. З. Мануїльський** (Ровенський педагогічний інститут), **Я. О. Галан** (Тернопільський педагогічний інститут), **В. Г. Белінський** (Миколаївський педагогічний інститут), **Н. К. Крупська** (Херсонський педагогічний інститут), **О. Д. Цюрупа** (Херсонський сільськогосподарський інститут), **В. Я. Чубар** (Запорізький машинобудівний інститут), **В. І. Ленін** (Харківський політехнічний інститут), **І. З. Соколов** (Український заочний політехнічний інститут), **М. М. Борисенко** (Харківський зооветеринарний інститут), **М. І. Калінін** (Кримський сільськогосподарський інститут, Дніпропетровський інститут інженерів залізничного транспорту), **Артем** (Дніпропетровський гірничий інститут), **Ф. Е. Дзержинський** (Дніпропетровський хіміко-технологічний інститут), **М. В. Фрунзе** (Сімферопольський університет), **М. І. Арсеничев** (Дніпродзержинський індустріальний інститут).

Сюди відносимо також номінації ще двох вищих навчальних закладів, пов'язаних не з іменами осіб, а з ідеологічними поняттями – *Ленінський комсомол, 50-річчя Великої Жовтневої соціалістичної революції: Львівський політехнічний інститут імені Ленінського комсомолу, Київський політехнічний інститут імені 50-річчя Великої Жовтневої соціалістичної революції*.

«Освіта». На честь українських педагогів-новаторів названо було, наприклад, *Одеський педагогічний інститут ім. К. Д. Ушинського, Сумський педагогічний інститут ім. А. С. Макаренка*.

«Наука» – представлена іменами науковців різних галузей: **М. Є. Жуковський** (Харківський авіаційний інститут), **В. В. Докучаєв** (Харківський сільськогосподарський інститут), **М. К. Янгель** (Харківський інститут радіоелектроніки), **М. І. Пирогов** (Вінницький медичний інститут), **С. О. Макаров** (Миколаївський кораблебудівний інститут), **Г. С. Сковорода** (Харківський педагогічний інститут).

Узагалі перелік тематичних груп номінацій вищих навчальних закладів за радянської доби був дещо вужчим. Наприклад, не були репрезентовані власні назви з компонентом «Мистецтво», значно скромніше (14 %) була представлена тематична група «Наука». Натомість великої кількісної ваги (40 %) набула інша тематична група, не характерна для сьогодення, – «Державна, партійна та революційна діяльність». Так само, як і в наш час, численною була група власних назв, до складу яких входили імена письменників (40 %).

Практика присвоєння навчальним закладам чийхось імен з'явилася не так давно. Поодинокі приклади таких номінацій знаходимо в XIX ст.: *Київський університет ім. святої княгині Ольги, Київський університет святого Володимира, Гімназія вищих наук ім. князя Безбородька* в Ніжині (у 1875 р. – реорганізовано в Історико-філологічний інститут ім. князя Безбородька). Тенденція надавати університетам імена святих пояснюється давніми зв'язками освіти з релігією, імена князів – їх роллю в поширенні просвітництва (вони були засновниками та меценатами навчальних закладів).

В Україні завжди відчувався значний вплив суспільно-політичних процесів на освіту, що знайшло відображення й у мові, зокрема в номінаціях вищих навчальних закладів. Відповідні процеси легко простежити на прикладі власної назви одного з найдавніших і найбільш відомих університетів країни – *Київського національного університету ім. Т. Г. Шевченка*. У різні часи в складі назви вишу змінювалися імена видатних осіб: *св. Володимир, М. П. Драгоманов, Т. Г. Шевченко*. Одночасно відбувалися й інші зміни: до назви то додавалися, то вилучалися з неї

такі елементи: *ордена Леніна, ордена Леніна й ордена Жовтневої революції*. За роками це виглядало так: 1920–1926 – Вищий інститут народної освіти ім. М. П. Драгоманова (який у період 1870–1876 рр. працював на посаді доцента Київського університету; 1926–1932 – Київський інститут народної освіти ім. М. П. Драгоманова; 1933–1939 – Київський державний університет; 1939–1994 – Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка; 1959 – Київський *ордена Леніна* державний університет ім. Т. Г. Шевченка; 1984 – Київський *ордена Леніна й ордена Жовтневої революції* державний університет ім. Т. Г. Шевченка; 1994 – до сьогодні: Київський національний університет ім. Т. Г. Шевченка [3].

Таким чином, можна зробити висновок, що тенденції до називання вищих навчальних закладів в українській мові постійно змінювалися: цю функцію виконували то імена святих і князів, то імена радянських героїв, то імена героїв національних. Нині, коли вищі навчальні заклади в Україні стають осередками науки, на їх позначення використовуються переважно імена українських науковців, відомих у тих галузях науки, які є профільними для того чи іншого університету. Класичні й педагогічні університети отримують назви на честь відомих письменників, громадських діячів і просвітителів. Спільною ознакою для всіх часів є значний вплив екстралінгвістичних чинників, передусім соціально-політичних: у центрі уваги суспільства і, відповідно, номінативних процесів – завжди особистість, яка, на думку громадян, є особливо важливою й сприймається як суспільний ідеал, гарний зразок для наслідування. Перспективою дослідження може стати аналіз номінацій інших освітніх реалій в українській мові.

Бібліографічні посилання

1. **Беляєва А. В.** Концепт «освіта» в англійській, французькій, українській та російській мовах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Беляєва Анастасія Вікторівна. – Донецьк, 2012. – 200 с.
2. **Веб-сайт Міністерства освіти і науки України.** – Режим доступу : <http://mon.gov.ua/activity/education/vyshha/litcenziya.html>
3. **Вергун Л. І.** Перекладна взаємовідповідність англійської та української освітньої лексики : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.16 «Перекладознавство» / Л. І. Вергун. – К., 2004. – 20 с.
4. **Київський національний університет ім. Тараса Шевченка** [Електронний ресурс] // Вікіпедія. – Режим доступу : <https://uk.wikipedia.org/wiki/>
5. **Савчук О.** Концепт освіти на шпальтах часопису «Український Голос» / О. Савчук // Наук. вісник Ужгород. ун-ту. Сер. : Філологія. Соціальні комунікації. – 2013. – Вип. 2. – С. 170–174.
6. **Серебрянська І. М.** Поняття «енергозберігаюча освіта» в колі освітньої термінології / І. М. Серебрянська // Маркетингові комунікації та логістика у сфері технологій енергозбереження в Україні та світі: матер. міжнар. наук.-практ. конф. – Дніпро, 2016. – Т. 2. – С. 59–62.
7. **Серебрянська І. М.** Термін *вища освіта* та його структурно-семантичний потенціал / І. М. Серебрянська // Українське мовознавство. – 2016. – Вип. 46/2. – С. 149–155.
8. **Українська радянська енциклопедія** : [в 12 т.] / [гол. ред. М. П. Бажан; редкол. : О. К. Антонов та ін.]. – 2-ге вид. – К. : Голов. ред. УРЕ, 1977–1985.

References

1. Bieliaieva, A. V. (2012), *Concept 'education' in the English, French, Ukrainian and Russian languages: Author's thesis* [Konsept osvita v anhliiskii, frantsuzkii, ukrainskii ta rosiiskii movakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Donetsk, 200 p.
2. "Ministry of Education and Science of Ukraine", web-site ["veb-sait Ministerstva osvity i nauky Ukrainy"], available at: <http://mon.gov.ua/activity/education/vyshha/litcenziya.html>

3. Verhun, L. I. (2004), *Translated correlation of English and Ukrainian educational lexicon: Author's thesis [Pereklad na vzaiemovidpovidnist anhliiskoi ta ukrainskoi osvithoi leksyky: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Kyiv, 20 p.
4. "Taras Shevchenko Kyiv National University", *Wikipedia* ["Kyivskyi natsionalnyi universytet im. Tarasa Shevchenka", *Vikipediia*], available at: <https://uk.wikipedia.org/wiki/>
5. Savchuk, O. (2013), "The concept education in the pages of the magazine 'UkrainianVoice'", *Scientific Bulletin of Uzhgorod University* ["Kontsept osvity na shpaltakh chasopysu 'Ukrainskyi Holos'", *Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho universytetu*], Series Philology. Social Communications. Vol. 2, pp. 170–174.
6. Serebrianska, I. M. (2016), "Concept 'powersaving education' in terms of educational terminology", *Proceedings of the international scientific and practical conference "Marketing communications and logistics in the field of power saving technologies in Ukraine and abroad* ["Poniattia 'enerhozberihaiucha osvita' v koli osvitnoi terminolohii", *Materialy mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii "Marketynhovi komunikatsii ta lohistyka u sferi tekhnolohii enerhozberezhennia v Ukraini ta sviti"*], Vol. 2, Dnipro, pp. 5–62.
7. Serebrianska, I. M. (2016). "The term 'higher education' and its structural and semantic potential", *Ukrainian linguistics* ["Termin vyshcha osvita ta yoho strukturno-semantychnyi potential", *Ukrainske movoznavstvo*], Vol. 46/2, Kyiv, pp. 149–155.
8. Bazhan, M. P. (ed.) (1977–1985), *Ukrainian Soviet Encyclopedia: in 12 vol. [Ukrainska radianska entsyklopediia: v 12 t.]*, Kyiv.

Надійшла до редколегії 07.02.2017

УДК 802.0-56 (075.8)

I. P. Suima

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

MAIN TYPES OF THE RESPONSIVE SENTENCES IN THE QUESTION-ANSWER SYSTEM

Issues, connected with the question-answer system, are usually considered in a lot of scientific researches. Within the question-answer system types of replies are traditionally corresponded to the types of questions. The identification of questions typology is dealt with in different linguistic researches. Responsive sentences are interesting in structural and semantic aspects as well as in contented one. These communicative units can be characterized with a wide range of special features: 1) As it was mentioned above responsives express verbal reaction to any communicative unit; 2) Communicative structures under review always have deep semantic implication; 3) The structure of the responsives despite the other types of sentences, can vary greatly: the reaction can be presented by one word as well as a long speech or the reaction to the message can repeat the lexical units used in the message itself as well as be expressed in the most unexpected way with the help of different lexemes. This structural peculiarities influence also the contented aspect of the responsive sentences. 4) Different types of the responsive sentences are widely used practically in all spheres of human life and activity; 5) The contented loading of the responsive sentences as a rule depends not only on the initial phrase, which is reacted by means of this sentence, but also on different linguistic and extralinguistic reasons; 6) The communicative units under review can be found in all speech styles; 7) Responsive sentences can be clichéd or fixed structures as well as free, usual communicative units, which are using in everyday life etc.

Key words: responsive sentence, question-answer system, communicative unit, typology, sphere of functioning.

Суїма І. П. Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара.
ОСНОВНІ ТИПИ РЕСПОНСИВНИХ РЕЧЕНЬ У СИСТЕМІ ПИТАННЯ-ВІДПОВІДЬ

Проаналізовано респонсивні речення у системі «питання-відповідь» на матеріалі англійської мови. Респонсивні речення розглянуто як вербально виражену реакцію на питальне

речення. Особлива увага звернена на типи респонсивних речень як комунікативно значущих одиниць. Виділено три типи респонсивних речень: контентні – тобто ті, що містять у собі відповідь на поставлене запитання, неконтентні – респонсиви, що не дають необхідної інформації та часто можуть бути не пов'язані зі змістом самого питання, і латентні – респонсивні речення, які співбесідник повинен проаналізувати для того, щоб зрозуміти відповідь на своє питання, оскільки такі речення містять приховану відповідь.

Ключові слова: респонсивне речення, система питання-відповідь, комунікативна одиниця, типологія, сфера функціонування.

И. П. Суима. Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара.
ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РЕСПОНСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВОПРОС-ОТВЕТ

Рассмотрены респонсивные предложения в системе вопрос-ответ на материале английского языка. Особое внимание обращено на типы респонсивных предложений как коммуникативно значимых единиц. Выделено три типа респонсивных предложений: контентные, содержащие в себе ответ на заданный вопрос; неконтентные – респонсивы, которые не дают необходимой информации и могут быть не связаны с содержанием самого вопроса, и латентные – респонсивные предложения, которые собеседник должен проанализировать, чтобы понять ответ на свой вопрос, т. е. содержащие скрытый ответ.

Ключевые слова: респонсивное предложение, система вопрос-ответ, коммуникативная единица, типология, сфера функционирования.

Issues, connected with the question-answer system, are usually considered in a lot of scientific researches. Within the question-answer system types of replies are traditionally corresponded to the types of questions. The identification of questions typology is dealt with in different linguistic researches [1; 2; 5–8]. The classification of answers, which can be connected with the interrogative sentence as well as for example, be means of the communicative sabotage or linguistic manipulation has not its detail description yet. Very often the responsive sentence or verbal reaction to the question within the question-answer system somehow contains tautological elements, the case when the answer repeats some lexical units used in the question (*I'm willing to work hard!* – said the Dick. – *And you must not only work hard, but work in the right way*) [10]; is formal, when the reply is reduced only to words “Yes/No” or their equivalents (*Are these all the clothes you have?* – *Yes, sir; Have you ever been in any situation?* – *No, sir*) etc. The responsive sentences of such type are make the communication easier for the its participants, but in real life the other type of answers, which are containing new lexical units, are more sufficient, more pragmatically oriented and more important for the process of the communication.

It was made an attempt to classify the responsive sentences according to their structural, semantic peculiarities and lexical unite they include. The typology was made on the material of the Russian language [4, p. 98–100]. As for English, to our mind, some other types can be added. First of all the constructions under analysis can be divided into three main classes: contented responsive – a verbal reaction to the utterance, which satisfies the person who asks something, the answer/reaction, containing the needed information and representing by itself the data necessary for the conversation partner. The communicative units, belonging to this type of responsives, can be characterized with different lexical content and structural peculiar features: *What time is it?* – *Seven o'clock; Had your breakfast?* – *No* etc. empty responsive sentences – a verbal reaction, which is unsatisfied for the conversation partner and gives no information he/she asked for. Such type of responsives is usually present when the speaker does not want to give any answer, tries to avoid inconvenient question or even make the asking person answer his/her question by himself/herself: *What could you do?* – *Sometimes one thing, sometimes another!; Are you going in now?* – *That depends upon whether you have anything to show me; What is your business, sir?* – *I am a professional!* [3] To the speech units, belonging to the empty responsives, it is possible to include means of communicative sabotage, attempts to manipulate with the information received from the

content of the question or statement itself etc: *Have you got a room to let? – Is it for yourself you ask?; What building is that? – That belongs to me friend!* [Ibid.]

Sometimes the empty responsive sentences under review may show the uncertainty of the reacting/answering person in some facts and, simultaneously, pursue the speaker to prove something to his/her conversation partner: *You know I am your real friend! – Do you?; She knows everything about computer software! – Does she?; My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?* [Ibid.]. Considering the first situation, it is possible to mark that the answering/reacting person wants to hear some words proving friendly relations of the speaker and, depending on the situation, proving these words by doing some actions, for instance, *if you really my friend, you will borrow me money, pick me up to my work, help me do any task* etc. so the speaker has no possibilities to reject the request of his/her conversation partner. So, the implementation of such a responsive sentence in the conversation will help the reacting person to hide the fact of manipulation. The same with the next example: while introducing the responsive construction *Does she* the reacting or answering person make a speaker to prove his/her words about his/her sister and, apparently, the next phrase, which the speaker is made to say, will be something like this *Really, if you have questions concerning this topic or if you have problems with your computer you can address her* etc. So, by means of these responsive sentences the reacting/answering person can avoid direct asking speaker's sister help. In the third case (*My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?*) the responsive construction can be implemented for several purposes, such as for asking speaker's sister to give the receipt of the cakes or for being welcoming for eating of these cakes, and, continuing the conversation, the reacting person tries to make the speaker to say something the reacting person wants to hear.

Communicative constructions, including the positive or negative answer are considered within a lot of typologies of answers. In the given article, dealing with the peculiarities of the responsive sentences in the English language, such constructions are referred to as formal responsive sentences. The formal responsive is the simplest but at the same time one of the most interesting types of the responsive sentences. The formal responsive is communicatively meaningful in case the question does not include the direct speech unit, for example, question word, which requires to extend the lexical content of the answer: *Is the runway still blocked? – Yes; Have you got any friends there? – No* [3].

In the proposed examples with the help of the responsive sentence the participant of the communication gives only positive or negative answer, but adds nothing and gives no comments. But there is another type of the formal responsive sentences that are accompanied with some modal words or even with the information. Very often besides words *Yes, No* formal responsive sentences include the other lexical units because of linguistic or even extralinguistic reasons, for example, grammatical peculiarities of the language, etc.

In the written speech as well as in the oral one, we can find the so called "mixed" responsive sentences that consist of the elements of different subtypes of the responsive sentences including the formal ones.

The formal responsive sentences include also the following lexemes: *Ok, Certainly, Undoubtedly, good, very well, indeed, I'm for it, I don't mind, I am not against it, of course, that is not true, no go, by no means, I object to that* etc., that the same as words *Yes, No* show the agree or disagree of the speaker. The formal responsive sentences first of all contain the meaning of the positive or negative answer, and exist in the dialogical language as its integral part.

The verbal reaction to any kind of the utterance, not only to the question, can be very different: from one word, expressing the agreement or disagreement of the answering person, confirmation or objection of a fact, emotional condition of the speaker etc.: *Close the*

window, please! It's too cold – Ok., Promise you will never be late for the supper! – Yes, Yes, I hope they accept here a two-dollar bill? – No, only exact change, You can leave her a massage – No, thanks [Ibid.] to the very big speech units, where the conversation partner gives all details concerning the subject of the conversation or tries to bewilder the speaker and avoid providing the information needed for the questioner while hiding these intentions with the help of giving a lot of unnecessary facts: Tell me please your opinion concerning the newscast this morning? – Have they said something important? I heard they started again working on the solving of the international economy problems, I saw you in the city center yesterday! – What did you do there yesterday? I thought you went on business for this week. Why did you decide to postpone your travel? [Ibid.] etc.

The responsive sentences, representing the verbal reaction to the interrogative constructions, are the most interesting ones according to their structural, semantic, lexical and contented peculiarities. Verbal response to the message of any type may be dependent on a significant amount of linguistic and extra-linguistic factors. Among linguistic reasons we can primarily include the following:

- The tendency to the linguistic means economy;
- Construction of the original phrase: the use of different linguistic figures; distortion of the grammatical construction of the statements;
- Lexical material of the original phrase: speech units that are used by participants of communication; the use of clichés;
- Accuracy, pace of speech, clarity of pronunciation of the speaker; the correct interpretation of the lexical units of the original sentence;
- Change the speech genre, such as the replacement of communication;
- Style of communication, adequacy of the style of communication situations, etc.

As one of the most important linguistic factors determining the nature of responsive sentences in dialogic speech, the lexical content of the original expression should be noted. Lexical material that is used by speaker largely determines the course of communication and the nature of the response, which will be followed this type of statement. The use of different speech units – evaluative vocabulary, emotionally-colored, official ones etc. – naturally cause different reactions of the interlocutor.

Linguistic factors together with extralinguistic ones influence the verbal response to the statement or question as well as the whole communication itself. Among the most significant extralinguistic factors in the proposed article are considered the following ones: the emotional condition of the speakers, the relations between speakers, having or not having an intention to answer the question, a wish to give more information, then the speaker asks for, a personality of the individual you ask a question, having or not having information you asks for, a situation itself, an intention to bewilder the speaker, to avoid answering the question and, sometimes, a wish to get even some information from the speaker, lack of time for conversation. The responsive sentences are influenced with the extralinguistic factors as well as with linguistic ones during all stages of communication: establishing contact or introducing an issue for a discussing, continuation of the conversation and its logical development, concluding of the communication, presenting of final arguments, drawing to the conclusion.

Empty responsive itself can be also divided into subtypes: sabotaged, manipulative, expressing emotional reaction, rejection or correction of your own words, clichéd responsive etc.

Manipulative responsive sentences, being diverse and contented by significant language units, in their turn can be classified the following way: responsive sentence, where part of the whole phrase is actualized (*Have you broken the vase? – Vase?; Wash up the dishes! – Me?; What did you do there yesterday? – Yesterday?*); responsive with the whole actualized phrase (*You will go home tomorrow! – Why?!; I will never work in collaboration*

with that company! – But why?!; You room will be on the second floor! – What?!); responsive sentence requiring no additional information (*You bus arrives to the 3-rd platform. – What platform, sorry?; I can help you with new material for your newspaper! – Really?; My address is 56–34 Swinton Street. – Can you repeat, please?*) and responsives intended on gathering an additional information (*I saw you from the window. What did you do there yesterday? – What are you doing here?; Are you tired? – Why do you always ask me so stupid questions?; What are you doing here? – What do you think?*).

The word “manipulate” is defined as “to move, arrange or control something in a skilled manner” [7], so the manipulative responsive sentence is a verbal reaction with the help of which answering person tries to control the conversation and avoid giving a lot of information to the interlocutor while taking some information from the conversation partner. Consequently, such responsive sentences as in the following communicative situations – *I don't like it. – Don't you?; – She doesn't want to go with us. – Doesn't she?* etc. can be treated as sentences related to manipulative responsive. The above-mentioned type of responsive sentences is useful not only as another way of repeating the question for the purpose of specification or précising of the information in the question or statement but also as mean of manipulation of the speaker. For instance, the responsive constructions in the following communicative situations – *The letter has not come. – Hasn't it?; – Mother is not sleeping. – Isn't she?* can be of different meaning and encourage the conversation partner to the concrete actions. So, in the first example, the answering person, depending on the intonation and objective circumstances of the conversation, may express by the responsive sentence his/her surprising with the fact that the letter has not come and the hidden wish to make the speaker to check again the fact of letter receiving or to send another one. The same with the other example: the answering person can show his/her surprising with the fact that mother is not sleeping at such a late time or make a speaker ask her to go to bed or to check is everything all right with her.

In some cases such a responsive construction can pursue the speaker to think over the said words ones again, as, for example, in the following communicative situation: *I will go with you tomorrow! – Will you?; He will do his homework by 5 o'clock today! – Will he?* So, in the first situation, by means of the responsive sentence of the answering person the speaker is made to overview his/her decision to go somewhere because of different reasons: the reacting conversation partners knows that the speaker will be busy at that time or he/she will not be able to go there or someone will not let him/her to go there etc. In the second example the reacting person expresses his/her uncertainty concerning the fact will he be managed to cope with his homework by 5 o'clock and tries to make a speaking person think about his/her words ones again.

Sometimes the responsive sentences under review may show the uncertainty of the reacting/answering person in some facts and, simultaneously, pursue the speaker to prove something to his/her conversation partner: *You know I am your real friend! – Do you?; She knows everything about computer software! – Does she?; My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?* Considering the first situation, it is possible to mark that the answering/reacting person wants to hear some words proving friendly relations of the speaker and, depending on the situation, proving these words by doing some actions, for instance, *if you really my friend, you will borrow me money, pick me up to my work, help me do any task* etc. so the speaker has no possibilities to reject the request of his/her conversation partner. So, the implementation of such a responsive sentence in the conversation will help the reacting person to hide the fact of manipulation. The same with the next example: while introducing the responsive construction *Does she* the reacting or answering person make a speaker to prove his/her words about his/her sister and, apparently, the next phrase, which the speaker is made to say, will be something like this *Really, if you have questions concerning this topic or if*

you have problems with your computer you can address her etc. So, by means of these responsive sentences the reacting/answering person can avoid direct asking speaker's sister help. In the third case (*My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?*) the responsive construction can be implemented for several purposes, such as for asking speaker's sister to give the receipt of the cakes or for being welcoming for eating of these cakes, and, continuing the conversation, the reacting person tries to make the speaker to say something the reacting person wants to hear.

The responsive sentences of such type can be used also as mean of expressing irony or distrust to the person you speak with. For instance, the following examples, of course, depending on the situation can be treated in this way: – *I like this house. – Do you?*; – *She wants to help us. – Does she?* For example, if person knows, that his/her conversation partner says that he/she likes a house, but really it is not true, the responsive *Do you?* will express not only the astonishment of the reacting person (surprising with the fact, that his/her interlocutor has changed the point of view about the house), but also some distrusting to the words heard. While considering the next example, it can also be explain in the same way: an answering person knows that the woman which is spoken about has never helped them and he/she shows a hesitation concerning the fact that she will help them now.

One more aspect of the semantic specificity of the responsive sentences of such type exists in the fact, that the responsives under review may also be used just for keeping a conversation when the reacting/answering person does not know what to say more to the conversation partner, but wants to hide this fact in order not to show his/her impoliteness or to get additional time to think what to say. For instance, *My parents decided to move to our city! – Do they?*; *Director of the Microsoft company starts working on the new project! – Does he?*; *My uncle likes discuss different political events! – Does he?* etc. In all three cases the reacting/answering person by using the responsive construction shows his/her interest to the conversation and tries to make a speaker to give more information and to continue the conversation by himself or herself.

Some responsive sentences within the «question-answer system» are also considered as means of communicative sabotage (nine main figures of the communicative sabotage are identified). But it is possible to suppose, that the responsives as linguistic figures representing forms of the communicative sabotage can be used out of the «question-answer system». It is possible to find a correspondent variant for each of these figures out of the «question-answer system» [19, p. 98–99]: 1. A speaker pretends that he/she have not heard the question/statement or he/she does not understand it: *What will be the payment for such a work? – You will receive your salary in time, Do you really want to live in such a slum? – What do you mean?* And the same situation can be while providing a reaction to the declarative or imperative utterance: *I think it is time for you to find a job. – You mean, some job in my specialty?, Let's go somewhere on holidays? – You should not go to the office tomorrow?* etc.; 2. The question/statement is ignored on the emotional level as an inappropriate, irrelevant and incorrect: *What did you do there yesterday? – Just trivial issues, He thinks that I am guilty – It is not the important thing now!, The translation of this book is not so good as the original version! – It doesn't matter, you should only know the plot of this book!* etc.; 3. The answer to the question/statement requires additional time to work on and because of this fact it can be postponed: *Will all members of our group be at that conference? – I should call them first!, Show me, please, your license on these goods production! – I must send an inquiry to the main office!, I hope you will deliver my parcel as soon as possible! – I should firstly contact our delivering service;* 4. There is an answer to the question/statement, but it is determined with some requirements to the formulation of the question/statement or to the speaker: *Can you send this information via e-mail? – Only*

if you provide us with the internet access!, You should be at that factory at 3 o'clock! – Pick me up, if you have a car!, I want you to make several copies of this paper by the afternoon! – If I have time and if you tell me the exact number of the needed copies;
 5. The answering person ask the counter-question or gives counter-statement, which is impossible or very difficult to respond: *“Why are you here? – And why are you here?, What did you do there? – And what did you do there?”*
 6. The question/statement is re-addressed to another person: *“Why are you late for work? – Ask the driver of bus I took to get there!, I heard you company has new taxation policy – I don't know, speak about it with our director, Give me your time-table for tomorrow! – Ask my secretary to do it!”*
 7. The rejection of the answering the question or statement is motivated: *Who is the owner of this car? – It is confidential information, I need to speak with the deputy minister! – Sorry, he doesn't accept visitors now, Tell me where they keep documents? – It is secret information.*

And one more class of the responsive sentences – latent responsivenesses – are the most interesting structurally as well as semantically. These communicative units show a verbal reaction, that is not giving an answer to the question directly, but you can analyze the information you are said and understand the data you need: *What'll you have? – The same as you!; Do you go to school? – I'm studying with a private tutor.*

Responsive sentences are interesting in structural and semantic aspects as well as in contented one. These communicative units can be characterized with a wide range of special features: 1) As it was mentioned above responsivenesses express verbal reaction to any communicative unit; 2) Communicative structures under review always have deep semantic implication; 3) The structure of the responsivenesses despite the other types of sentences, can vary greatly: the reaction can be presented by one word as well as a long speech or the reaction to the message can repeat the lexical units used in the message itself as well as be expressed in the most unexpected way with the help of different lexemes. This structural peculiarities influence also the contented aspect of the responsive sentences. 4) Different types of the responsive sentences are widely used practically in all spheres of human life and activity; 5) The contented loading of the responsive sentences as a rule depends not only on the initial phrase, which is reacted by means of this sentence, but also on different linguistic and extralinguistic reasons; 6) The communicative units under review can be found in all speech styles; 7) Responsive sentences can be clichéd or fixed structures as well as free, usual communicative units, which are using in everyday life etc.

Bibliographic references

1. **Гуревич В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособ. / В. В. Гуревич. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 168 с.
2. **Ермолаева М. Е.** Английский язык в диалогах / М. Е. Ермолаева. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. – 136 с.
3. **Зиновьева Л. А.** Все фразы и диалоги английского языка / Л. А. Зиновьева, В. И. Омеляненко. – Ростов н/Д : Феникс, 2012. – 16 с.
4. **Меньшиков И. И.** Типология респонсивных предложений в современном русском языке / И. И. Меньшиков // Избр. труды по лингвистике. – Д. : Новая идеология, 2012. – С. 85–100.
5. **Carnie Andrew.** Syntax / Andrew Carnie. – Oxford, Blackwell Publishers, 2001. – 383 p.
6. **Crystal D.** Cambridge Encyclopedia of the English language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 491 p.
7. **Encyclopedia of language and linguistics** / ed. by Keith Brown. – 2-nd edition, Elsevier Science, 2005. – 9000 p.

8. Gleason H. A. J. *Linguistics and English Grammar* / H. A. J. Gleason. – New York.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965. – 519 p.
9. Iriskulov A. T. *Theoretical Grammar of English* / A. T. Iriskulov. – Tashkent, 2006. – 64 p.
10. Leech G. *English Grammar for today* / G. Leech, M. Deucher, R. Hoogenraad. – Macmillan, 1982. – 224 p.
11. Miller J. *An introduction to English Syntax* / J. Miller. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. – 206 p.

References

1. Gurevich, V. V. (2004), *Theoretical Grammar of the English language. Contrastive typology of the English and Russian languages* [Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov], Moscow, 168 p.
2. Ermolaeva, M. E. (2006), *The English language in dialogues* [Anglijskij jazyk v dialogah], Moscow, 136 p.
3. Zinov'eva, L. A., Omeljanenko, V. I. (2012), *All phrases of the English language* [Vse frazy i dialogi anglijskogo jazyka], Rostov-na-Donu, 165 p.
4. Men'shikov, I. I. (2012), *Typology of the responsive sentences in the modern Russian language* [Tipologija responsivnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke], Dnipropetrovsk, pp. 85–100.
5. Carnie, Andrew (2001), *Syntax*, Oxford, 383 p.
6. Crystal, D. (1995), *Cambridge Encyclopedia of the English language*, Cambridge, 491 p.
7. Keith, Brown (2005), *Encyclopedia of language and linguistics*, Oxford, 9000 p.
8. Gleason, H. A. J. (1965), *Linguistics and English Grammar*, New York, 519 p.
9. Iriskulov, A. T. (2006), *Theoretical Grammar of English*, Tashkent, 64 p.
10. Leech, G., Deucher, M., Hoogenraad, R. (1982), *English Grammar for today*, Oxford, 224 p.
11. Miller, J. (2002), *An introduction to English Syntax*, Edinburgh, 206 p.

Надійшла до редколегії 31.01.2017

УДК 811.134.2

К. В. Устименко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ ЛЕКСИЧНОЇ СИСТЕМИ РОЗМОВНОГО СТИЛЮ СУЧАСНОЇ ІСПАНСЬКОЇ МОВИ

На основі аналізу розмовної лексики іспанської мови розглянуто особливості лексичної системи розмовного стилю сучасної іспанської мови. Виокремлено основні лексичні групи в системі розмовної іспанської лексики та визначено сферу її функціонування. Зроблено висновки щодо обумовленості складу розмовної лексики тематикою повсякденного, але не виключно побутового спілкування.

Ключові слова: іспанська мова, лексична система, розмовний стиль, лексичні одиниці, міжстильова лексика, стилістичні синоніми.

Е. В. Устименко. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

На основе анализа разговорной лексики испанского языка рассмотрены особенности лексической системы разговорного стиля современного испанского языка. Выделены основные лексические группы в системе разговорной испанской лексики и определена сфера её функционирования. Сделаны выводы об обусловленности состава разговорной лексики тематикой повседневного, но не исключительно бытового общения.

Ключевые слова: испанский язык, лексическая система, разговорный стиль, лексические единицы, межстилевая лексика, стилистические синонимы.

Ustymenko K. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE FEATURES OF LEXICAL SYSTEM CONVERSATION STYLE OF CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE**

The article deals with the features of lexical system conversation style of contemporary Spanish language. The aim of the research is to outline the features of the lexical system conversational style of contemporary Spanish and to analyze conversational lexis of Spanish language. The stated objective determined the solution of the following research tasks: select and describe the features of the lexical system conversational style of contemporary Spanish.

In the course of research the basic lexical groups of the conversational style of contemporary Spanish language and the area of their usage were defined and described. Conclusions were drawn concerning basic lexical groups and their conditionality structure the conversational lexis by everyday thematic but not exceptionally social interaction. There are some differences between the literary language norm that is accepted as a standard and fixed in the academic dictionaries and conversational style of language that functions in real everyday life. These differences in language, including Spanish, conditioned by the influence of various factors, such as cognitive, cultural and etc. These differences are big in Spanish language. The perspective of further research lies in studying the Spanish conversational style and his lexical system, because today it is one of the most pressing problems in the studies of Spanish in Ukraine.

Key words: *lexical system, conversational style, lexical items, stylistic synonyms, Spanish language.*

Актуальність проблеми. Дослідження розмовного стилю іспанської мови залишається на сьогодні однією з найбільш актуальних проблем у вітчизняній іспаністиці. Як відомо, існують певні відмінності між літературною нормою мови, яка прийнята за зразок та зафіксована в академічних словниках, і розмовним стилем мови, що функціонує в умовах реального повсякденного життя. Ці відмінності у мові обумовлюються впливом різноманітних чинників, а саме когнітивних, культурних та ін. В іспанській мові такі відмінності є досить істотними.

Аналіз досліджень і публікацій. Дослідженням різних аспектів цієї проблеми у різний час займалися такі вчені, як В. Бейнхауер (1991), А. М. Вигара Таусте (1980), М. Касадо Велар-де (1985), А. Брис (2002), Х. Санчес Лобато (1992), І. Сантос Гаргальо (2000), Д. Солер-Еспьяуба (1997) та ін. Роботи іспанських лінгвістів містять великий і цікавий фактичний матеріал про особливості розмовного стилю іспанської мови та тенденції його розвитку, однак вони досить розрізнені і мають в основному описовий, прикладний або методологічний характер. На окремі особливості розмовного стилю в межах методики викладання іспанської мови як іноземної акцентовано увагу в дослідженнях провідного вченого у галузі іспанської лінгвістики Н. М. Фірсової [1–4], яка розглядає сучасне вживання стійких розмовних формул у різних ситуаціях повсякденного спілкування.

Метою даної статті є розкриття особливостей лексичної системи розмовного стилю сучасної іспанської мови та здійснення аналізу розмовної лексики іспанської мови.

Виклад основного матеріалу. У лексичній системі розмовного стилю іспанської мови можна виділити кілька основних груп. Так, основу розмовної лексики іспанської мови становить так звана міжстильова лексика, яка є стилістично нейтральна та загальна для всіх функціональних стилів літературної мови. Дана група слів представлена усіма частинами мови: дієсловами (*tomar, hacer, hablar, ayudar, trabajar*), іменниками (*mesa, coche, comida, bolsa*), числівниками (*uno, tres, segundo*), займенниками (*él, ella, nosotros, vosotros*), прикметниками (*verde, viejo, ucraniano*), прислівниками (*mañana, ayer, hace dos años*), а також службовими частинами мови. Однак відмінності між стилями у лексиці виявляються, перш за все, в силу наявності для кожного стилю власного набору означуваних предметів та понять. Для розмовного стилю це, в першу чергу, побу-

товизми (слова, семантика яких безпосередньо пов'язана зі сферою побуту: *camisa, falda, corbata, cuchillo, tetera, sortén* та інші подібні їм лексичні одиниці). Свою «розмовність» як функціонально-стильову забарвленість вони набувають у результаті їх переважного вживання у контексті побутового мовлення.

Іншу групу слів становить власне розмовна лексика. Основну частину цієї лексики утворюють стилістичні синоніми. Серед них виділяється нечисленна група слів, яку можна умовно позначити як стилістично нейтральну лексику. Нейтральними такі одиниці є не в результаті відсутності функціонально-стилістичного забарвлення, а в результаті недостатньої вираженості емоційної та експресивної забарвленості. Відомо, що з часом розмовні синоніми втрачають свою емоційну виразність, іншими словами, афективна забарвленість слів поступово стирається внаслідок частого вживання. На зміну словам, що втратили свою експресивність, приходять нові лексичні одиниці, поповнюючи синонімічні ряди стилістичних синонімів розмовного стилю. Наведемо приклади лексичних одиниць, що втратили своє емоційне забарвлення, але зберегли стильову приналежність розмовності: нейтр. *hace lo que quiere* – розм. *hace lo que le da la gana*, нейтр. *puedes limpiar la casa* – розм. *puedes recoger la casa*. Також у розмовній іспанській мові зустрічаються аналогічні з вищенаведеними прикладами випадки: нейтр. *ayudar* – розм. *echar una mano*, нейтр. *bocadillo* – розм. *bocata*, нейтр. *me resulta difícil* – розм. *me cuesta*.

Однак, як уже було відзначено вище, кількість стилістично нейтральних синонімів у складі розмовної лексики відносно невелика. Досягнувши нульової емоційності, лексичні одиниці або перестають бути вживаними, або переходять у розряд стилістично нейтральних слів, оскільки вони перестають відповідати одному з головних критеріїв розмовного стилю, а саме виразності та емоційній забарвленості.

Таким чином, основу розмовної лексики іспанської мови складають експресивно забарвлені стилістичні синоніми, що володіють конотаціями емоційності та експресивності. Наприклад: нейтр. *una situación muy mala* – розм. *una situación muy chunga*, нейтр. *la costa está llena de extranjeros* – розм. *la costa está llena de guiris*. Також у розмовній іспанській мові зустрічаються аналогічні з вищенаведеними прикладами випадки: нейтр. *fácil* – розм. *chupado*, нейтр. *extranjero* – розм. *guiri*, нейтр. *rubio* – розм. *rubiales*, нейтр. *viejo* – розм. *viejales*.

Розмовній лексиці будь-якої мови властиве переважання негативних, знижених емоційних та емоційно-оцінних додаткових значень. У лексиці іспанського розмовного стилю (і це демонструють наведені вище приклади) також переважають негативні, фамільярно-знижені емоційні та оцінні конотації.

Виникнення стилістичних синонімів у розмовному стилі іспанської мови концентрується навколо пріоритетних тем повсякденного спілкування: робота, сім'я, здоров'я, харчування, відносини з іншими людьми, характеристика людини, гроші, соціальні проблеми та т. ін. Таким чином, організовуються численні класи семантично пов'язаних між собою слів, які становлять велику лексико-семантичну єдність. У розмовному стилі іспанської мови можна виділити наступні великі семантичні єдності, що об'єднують слова відповідно до «суперсмислів» (термін О. М. Васильєвої. – К. У.) [5]: «праця – робота – професія», «розум – навчання – знання», «характер людини», «зовнішність», «фізичні стани людини», «емоційні стани, відносини і взаємини», «гроші», «ставлення до власності, спосіб її привласнення», «характеристика різкого фізичного впливу», «особливості пересування», «їжа», «смерть», «дозвілля – розваги – жарти», «здоров'я і хвороби», «спорт», «транспорт – засоби пересування», «політика – соціальні проблеми» та ін. Наприклад: суперсмісл «праця – робота – професія»

реалізується у нейтр. *él quiere ser conocido como abogado* – розм. *él quiere ser conocido como picapleitos*, нейтр. *trabajar con el ha sido muy bonito* – розм. *currar con el ha sido muy bonito*. Також у розмовній іспанській мові зустрічаються аналогічні з вищенаведеними прикладами випадки: нейтр. *administrativo* – розм. *chupatintas*, нейтр. *taxista* – розм. *pasetas*, *pesetero*, нейтр. *psiquiatra* – розм. *loquero*, нейтр. *trabajar mucho* – розм. *deslomarse*, *trabajar como un animal*, *romperse el lomo*, нейтр. *perezoso*, *holgazán* – розм. *vago*.

Особливе місце у складі розмовної лексики іспанської мови займає група слів, що не мають нейтральних та інших стильових відповідностей. Такі слова мають усі якості, властиві розмовній лексиці, але позначають предмети або поняття, що не актуальні в інших сферах; для позначення подібних денотатів у нейтральному стилі необхідно вдаватися до описового обороту. Наприклад: *marchoso* – *persona, a la que le gusta salir mucho de fiesta*, *gorrón* – *persona que siempre está comiendo de los demás y nunca se invita a nada*, *matarratas* – *producto de mala calidad*.

Згідно з розподілом по «суперсміслам» такі лексичні одиниці також неминуче належать до одного з семантичних класів розмовного стилю. Особливо багато такого роду стилістично «безеквівалентних» лексичних одиниць в іспанській мові належать до лексико-семантичних єдностей «їжа» та «спорт». Наприклад:

Їжа: *montado* – *bocadillo de carne*, *pepito* – *bocadillo pequeño de ternera*, *cordado* – *café con poca leche*;

Спорт: *azulgrana* – *aficionado o jugador del club de fútbol del Barcelona*, *chupar banquillo* – *cuando el jugador del fútbol esta en la reserva*, *pichichi* – *el máximo goleador de la liga*.

У системі розмовної лексики також знаходяться слова з суфіксами суб'єктивної оцінки. Такі слова набувають у мові вираженого розмовного функціонально-стильового забарвлення. В іспанській мові дану функцію виконують:

– суфікси зі значенням «зменшувальності» та «пестливості»: **-ito/-ita** (*barquito*, *manita*), **-cito/-cita** (*corazoncito*), **-ecito/-ecita** (*fiestecita*, *viejecita*), **-ececito/-ececita** (*piececito*), **-illo/-illa** (*teatrillo*, *sombrilla*), **-cilio/-cilla** (*galancillo*, *fiestecilla*), **-ececillo/-ececilla** (*piececillo*), **-uelo/-uela** (*espejuelo*, *ganchuela*), **-zuelo/-zuela** (*ladronzuelo*, *leyezuela*), **-ico/-ica** (*zapatico*, *llorica*), **-ecico/-ecica** (*vocecica*), **-ececico/-ececica** (*piececico*);

– суфікси зі значенням «збільшеності»: **-ón/-ona** (*hombrón*, *litrona*), **-azo/-aza** (*cochazo*, *bocaza*), **-acho/-acha** (*ricacho*), **-ote/-ota** (*machote*, *cabezota*), **-etón/-etona** (*hombretón*, *guapetona*), **-udo/-uda** (*membrudo*, *panzuda*), **-acó/-aca** (*libraco*);

– суфікси зі значенням «зневажливості»: **-astro/-ostra** (*padastro*, *poetastro*), **-ajo/-aja** (*trapajo*, *migaja*), **-ejo/-eja** (*animalejo*, *cabreja*), **-ijo/-ija** (*clavija*), **-acho/-acha** (*hombracho*, *clientacha*), **-ucho/-ucha** (*casucha*), **-ote** (*lugaroté*), **-uza** (*gentuzas*), **-uzeo/-usca** (*pardusco*, *verdusca*).

Дані суфікси не стільки вказують на розміри відповідних реалій, скільки передають емоції того, хто говорить, його суб'єктивну оцінку по відношенню до предмету розмови: схвалення/несхвалення, іронію, сарказм, презирство, милування. У ряді випадків вони передають тільки функціонально-стильове розмовне забарвлення: *¡un momentico!*, *¡ahorita mismo!*, *amiguito*, *guapetona*.

Для іспанського розмовного стилю характерно також використання великої кількості усічених слів (*palabras apocopadas*), як наприклад: *colé* (*colegio*), *profe* (*profesor*), *peli* (*película*), *mili* (*servicio militar*), *uni* (*universidad*), *bici* (*bicicleta*), *poli* (*policía*), *tranqui* (*tranquilo*). Самі по собі усічені слова мають виражене функціонально-стильове маркування, що вказує на їх приналежність до розмовно-

повсякденного стилю. Неважко помітити, що усічені слова також належать до одного з виділених відповідно до суперсміслів великих семантичних класів слів.

Окрему групу розмовної лексики складають вигуки і вигуківі конструкції, які втілюють головні риси розмовного стилю, а саме: експресивність, емоційність, еліптичність. Відзначимо той факт, що в останні десятиліття спостерігається швидке розширення цього класу слів в іспанській мові. Це пов'язано із загальною тенденцією до демократизації й «інтимізації» мовної поведінки іспанців [6]. Поряд із традиційними «старими» вигуками та вигуківими конструкціями, як наприклад: *¡Ah!*, *¡Ole!*, *¡Dios!*, *¡Jesús!*, *¡Vale!*, *¡Caramba!*, *¡No me digas!*, з'явилася (і продовжує з'являтися) велика кількість нових похідних вигуків; найбільша їх кількість утворилася від найбільш уживаних дієслів, а саме: *ir*, *venir*, *andar*, *oir*, *mirar*, *dar*, *decir* та ін. Наприклад: від *ir* – *¡vaya!*, від *andar* – *¡anda!*, від *venir* – *¡venga!*, від *dar* – *¡dale!*, від *oir* – *¡oiga!*. Всім новим похідним вигукам притаманні семантично дифузні функції, отже вони можуть використовуватися для вираження цілого спектра людських емоцій та волевиявлення, а реалізація їх значень залежить від паралінгвістичних засобів. Так, різні семантичні диференціації виявляються з опорою на мовні та позамовні засоби: інтонацію, тон, ритм, силу та тембр голосу, а також жести і загальний контекст, які є визначальними у прояві тих чи інших значень вигуків. До категорії вигуків іспанські граматисти традиційно відносять також різні мовні формули, що використовуються у розмовно-повсякденних мовних актах, наприклад: *¡Hola!*, *¡Oye!*, *¡Adiós!*, *¡Hasta pronto!*, *¡Chao!*, *¡Hasta ahora!*, *¡Muy Buenos!*, *¡Buenas!*, *¡Mil gracias!*, *¡Salud!*.

Висновки. Склад іспанської розмовної лексики змінюється під впливом культурних та когнітивних факторів і обумовлений, перш за все, тематикою повсякденного, але не виключно побутового спілкування. Цей факт має принципове значення, оскільки межі повсякденного спілкування значно ширші та більш рухливі, ніж межі побутового спілкування, хоча тематика побутового спілкування і становить його ядро.

З точки зору функціонально-стильової маркованості ми виділили у складі розмовної іспанської лексики кілька груп. Особливу групу утворюють побутовізми – слова, що є розмовними через приналежність до семантичного контексту побуту та повсякденності. Ядро розмовної лексики складає власне розмовна лексика, основу якої складають стилістично нейтральні синоніми, експресивно забарвлені синоніми та слова, що не мають стильових еквівалентів. Найчисельнішою підгрупою є експресивно забарвлені синоніми. Окреме місце серед них належить усіченим словам.

Особливе місце у складі розмовної лексики займають вигуки, що пояснюється самим характером розмовного стилю, головними властивостями якого є експресивність, еліптичність та емоційність.

Вбачаємо перспективу у подальших дослідженнях та наукових розвідках на дану наукову тематику.

Бібліографічні посилання

1. **Фирсова Н. М.** Испанская разговорная речь / Н. М. Фирсова. – М. : Восток-Запад, 2007. – 253 с.
2. **Фирсова Н. М.** Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н. М. Фирсова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 352 с.
3. **Фирсова Н. М.** Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол / Н. М. Фирсова. – М. : Высш. шк., 2002. – 352 с.

4. **Фирсова Н. М.** Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. – М. : Инфра-М, 2001. – 183 с.
5. **Васильева А. Н.** Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи / А. Н. Васильева. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 240 с.
6. **Федосова О. В.** Междометия в современной испанской разговорной речи / О. В. Федосова // Аксиологическая стилистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики : сб. науч. трудов / науч. ред. Красавского Н. А. – Волгоград, 2006. – С. 194–198.

References

1. Firsova, N. M. (2007), *Spanish conversational speech* [*Ispanskaja razgovornaja rech'*], Moscow, 253 p.
2. Firsova, N. M. (2007), *Modern Spanish in Spain and Latin American countries* [*Sovremennyj ispanskij jazyk v Ispanii i stranah Latinskoj Ameriki*], Moscow, 352 p.
3. Firsova, N. M. (2002), *Grammatical stylistics of Modern Spanish. Noun. Verb.* [*Grammaticheskaja stilistika sovremennogo ispanskogo jazyka. Imja sushhestvitel'noe. Glagol*], Moscow, 352 p.
4. Firsova, N. M. (2001), *Spanish speech etiquette* [*Ispanskij rechevoj jetiket*], Moscow, 183 p.
5. Vasil'eva, A. N. (2005), *Lecture course on stylistics of Russian language. General concepts of stylistics. Colloquial style of speech* [*Kurs lekcij po stilistike russkogo jazyka. Obshhie ponjatija stilistiki. Razgovorno-obihodnyj stil' rechi*], Moscow, 240 p.
6. Fedosova, O. V. (2006), “Interjection in Modern Spanish speech” [“Mezhdometija v sovremennoj ispanskoy razgovornoj rechi”], *Aksiologicheskaja stilistika: problemy lingvokonceptologii, semantiki i stilistiki*, Volgograd, pp. 194–198.

Надійшла до редколегії 16.02.2017

УДК 811.161.1'367.332

О. В. Шкурко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Исследована проблема синтаксической неоднозначности: прослежен генезис понятия омонимии в ее традиционном понимании и синтаксической омонимии в частности в славянской лингвистике XIX–XXI веков; рассмотрена общая классификация омонимов; определена сущность синтаксической многозначности; указаны разновидности двужначных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: лексическая и грамматическая омонимия, синтаксическая и структурная омонимия, омонимы-предикативы, омонимы-номинативы, двусторонняя синтаксическая связь.

Шкурко О. В. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

ПРОБЛЕМА ОМОНИМІЙ В СЛОВ'ЯНСЬКІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Досліджено проблему мовної неоднозначності. Простежено генезис поняття омонімії в її традиційному розумінні та синтаксичної омонімії зокрема у слов'янській лінгвістиці XIX–XXI століть. Розглянуто загальну класифікацію омонімів. Визначено сутність синтаксичної багатозначності, зазначено різновиди двозначних синтаксичних конструкцій.

Ключові слова: лексична і граматична омонімія, синтаксична і структурна омонімія, омоніми-предикативи, омоніми-номінативи, двосторонній синтаксичний зв'язок.

Shkurko E. V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **PROBLEM OF HOMONYMY IN SLAVIC LINGUISTICS**

This article traces the genesis of the concept of homonyms in the traditional sense and syntactic homonymy in particular in Slavic linguistics of the XIX–XXI centuries, general classification of homonyms is considered, syntactic ambiguities essence is determined, principles of differentiation of the two varieties of multi-valued syntax are identified. It should be noted that for a long time homonyms in Slavic linguistics were treated as a chance, not worthy of serious study. Interest in this linguistic phenomenon increased in the last decades of the twentieth century. It was connected first of all with the computer technology development, as for automatic text processing any ambiguity is contraindicated. The term *homonymy* began to be used in a wider sense: if linguists used to speak about the existence of lexical and grammatical ambiguity, today the term is used in relation to sentences.

We distinguish two homonyms species on the syntactic level: structural ones, represented by structures which contain components that can be subject to any of several possible dominants, but not altering the meaning of statements, and actual syntactic, ones which we call the ambiguous sentences including a component correlated with several dominants, where each occasion has its own semantic structure. In our opinion, the problem of ambiguity is a part of the more general problem of the relation of form and content in the language, which makes its deep theoretical study urgent necessity.

Key words: *lexical and grammatical homonymy, structural and syntactic homonymy, predicative homonyms, nominative homonyms, syntactic bilateral relationship.*

Проблема многозначности языковых единиц всегда вызывала интерес философов, лингвистов и психологов. Полисемия неизбежно присутствует во всех языках мира, поскольку является необходимым качеством языка, обусловленным самой сущностью его устройства, а также биологическими и психологическими предпосылками мышления людей: сознание человека содержит бесконечное количество образов, понятий и тому подобных единиц, однако число языковых знаков ограничено, в силу чего один и тот же звуковой или графический комплекс оказывается многофункциональным [15, с. 13–14].

Одной из форм проявления полисемии является омонимия, охватывающая лексический, грамматический и синтаксический уровни языка. Однако соответствующие типы языковой многозначности исследованы в лингвистике в различной степени: наибольший интерес у языковедов всегда вызывала лексическая омонимия, а синтаксическую неоднозначность начали детально изучать лишь с конца XX века, что было связано, прежде всего, с успехами естественных наук и техники, которые открывали новые объекты исследования. Одним из таких объектов в связи с нуждами машинного перевода стала синтаксическая омонимия: поскольку для автоматической обработки текста любая многозначность противопоказана, необходимо было найти способы построения предложения со строго однозначной структурой [8; 10; 18]. Следует отметить, что ученые до сих пор не пришли к единому мнению по ряду вопросов, касающихся омонимии: например, по-разному оценивается ее значимость для языка, существуют расхождения в классификации омонимов. Всё это позволяет нам говорить об актуальности изучения проблемы омонимии в целом и синтаксической неоднозначности в частности.

Настоящая статья предусматривает решение следующих *задач*: 1) проследить генезис понятия омонимии в славянской лингвистике XIX–XXI веков; 2) рассмотреть общую классификацию омонимов; 3) определить сущность синтаксической неоднозначности; 4) указать принципы разграничения двух разновидностей многозначных синтаксических конструкций.

Явление омонимии привлекало внимание ученых начиная со времен античности: древние мыслители в своих рассуждениях о языке отмечали факт «равноименности», то есть одинакового наименования неодинаковых вещей [2, с. 33]. Например, Анаксимен в своей «Риторике» писал: «Одни и те же слова означают иногда различные предметы: всегда в таких случаях надо подбирать слова в их основном значении» [2, с. 173].

В славянском языкознании вопрос об омонимии впервые был поднят в XVIII столетии. М. В. Ломоносов в 1748 году установил, что содержание предложения может изменяться в зависимости от того, как будет понято находящееся в нем многозначное слово. Учитывая эту особенность предложения, он в § 175 «Краткого руководства к красноречию» рекомендовал остерегаться в речи омонимов: «Должно блюстись, чтоб двузнаменательных речений не положить в сомнительном разумении, например, *Он Вергилия почитает*, что можно разуметь двояким образом: 1) он Вергилия станет несколько читать, 2) он Вергилия чтит» [17, с. 243].

Как лингвистическая проблема омонимия стала изучаться языковедами только с начала XIX века. «Практическая русская грамматика» Н. И. Греча, изданная в 1872 году, свидетельствует о том, что в первой половине XIX столетия омонимы представляли собой достаточно серьезный объект внимания: в них усматривали нечто такое, что следовало учесть; без уяснения их сущности овладение языком представлялось недостаточным. Но в «Грамматике» Греча только перечислялись слова, которые получают различные значения в зависимости от места ударения. Автор, например, сопоставлял слова *алое* – имя прилагательное среднего рода, образованное от «алый», и *алое* (растение) – имя существительное; *бездна* – имя существительное женского рода и *без дна* – имя существительное среднего рода в родительном падеже с предлогом, образованное от «дно» и т. п. [4, с. 330].

И. В. Калайдович в «Опыте правил для составления русского производного словаря» предпринял попытку классифицировать омонимы. За основу их разграничения он брал не только признаки семантической разъединенности, но и различия в формах синтаксической сочетаемости и способах образования производных слов [6, с. 3].

А. Х. Востоков в «Русской грамматике» рассматривал парадигматические омонимы, или омоформы, типа «с юношей», в которых наблюдается совпадение форм различных падежей (в данном примере – творительного единственного числа и родительного множественного) [4, с. 330].

Но уже с конца третьей четверти XIX столетия омонимии, по мнению Л. А. Булаховского, перестают придавать серьезное значение [4, с. 330]. Вплоть до середины XX века к этому языковому явлению относились как к случайности, не заслуживающей серьезного изучения. Так, В. А. Абаев писал: «За омонимией ничего не скрывается, кроме игры случая... Познавательный интерес омонимии ничтожен» [1, с. 40], а А. В. Исаченко утверждал, что проблема омонимии – это проблема сугубо лингвистическая, ибо для говорящего или слушающего ее не существует [12, с. 29]. А. А. Потебня отмечал, что неоднозначным слово можно считать «лишь в том виде, в каком оно является в словаре. Между тем действительная жизнь... всякого... слова совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, то есть каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения» [20, с. 15].

Только после ленинградской дискуссии 1957 года по вопросам омонимии, где последняя рассматривалась с точки зрения лексикологии, интерес исследователей к данной проблеме значительно возрос. В последующие годы существенно увеличилось число публикаций, в которых освещались различные стороны данного языкового явления. В частности, рассматривались проблемы разграничения омонимии и полисемии, способы образования омонимов, их классификация, виды лексической омонимии и др. С возникновением новых реалий современной жизни появились и новые аспекты в изучении омонимии. Так, с появлением машинного перевода актуальными стали проблемы омонимии предложений и их деомонимиза-

ции. Претерпел изменения и сам термин **омонимия**, который стал употребляться в более широком значении: если в 50–60-е годы, вслед за В. В. Виноградовым, омонимии признавались «лишь такие лексические единицы, которые совпадают по своему внешнему звуковому облику во всех своих формах» [6, с. 12], то сегодня этот термин используется и по отношению к предложениям и словосочетаниям.

Современная лингвистика выделяет на различных языковых уровнях следующие разновидности омонимов: 1) лексические, которые «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет как «одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанных ассоциативно» [16, с. 345], например, *наряд*¹ – «одежда» и *наряд*² – «распоряжение»; 2) грамматические, представленные двумя разновидностями: морфологические, совпадающие в звучании и написании при образовании грамматических форм слов (*поцелуй*¹ – имя существительное и *поцелуй*² – глагол в форме императива), и парадигматические, представляющие собой «разные словесные формы одного и того же слова, совпадающие в пределах одной системы парадигм» [13, с. 31]: *молдой* специалист – *молдой* женщине (многие лингвисты называют парадигматические омонимы омоформами); 3) синтаксические омонимы, которые «репрезентуют неоднозначность синтаксических отношений» [9, с. 4]. Например, в предложении *Солдата наградили медалью за храбрость* компонент «за храбрость» может быть соотнесен и с глаголом «наградили», и с существительным «медалью».

Несмотря на признание существования указанных разновидностей омонимии, типы языковой неоднозначности исследованы в славянской лингвистике в различной степени. Как говорилось выше, наибольший интерес у языковедов вызвала омонимия лексическая, которая на данный момент изучена наиболее полно. Достаточно большое число работ посвящено и вопросам грамматической многозначности, а вот проблема синтаксической омонимии исследована в меньшей степени.

Следует отметить, что на синтаксическую неоднозначность как языковое явление лингвисты обратили внимание еще в XIX веке. Так, в начале столетия профессор И. И. Давыдов указывал на способность предложения иметь два значения в зависимости от того, какое место занимает определенное слово в структуре высказывания. В качестве примера он приводил омонимичное предложение *Для чего всяк других несчастливее себя почитает*, сопровождая его вопросами: «Кто догадается, кого почитает? Себя ли несчастливее других или других несчастливее себя?» [14, с. 5].

Позже на синтаксическую омонимию указывали многие лингвисты, специально, правда, не занимаясь этой проблемой. Например, Ф. И. Буслаев замечает, что в некоторых случаях изменение словорасположения может привести к возникновению двусмысленности высказывания [5, с. 561]. Эту же мысль развивает и В. И. Чернышев, подчеркивая, что «расположение слов должно быть стройно, мысль необходимо выражать совершенно ясно. Худо, например, когда относительное местоимение отделено от своего существительного другим, к которому его можно бы было отнести» [23, с. 636]. Данное высказывание автор иллюстрирует рядом примеров, приводя в том числе и следующее предложение: *В одном из окон нижнего этажа, которых было всего три, торчал маленький красный гробик – вывеска незначительного гробовщика* (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»), смысл которого становится понятен только из контекста, содержащего информацию о том, что дом был двухэтажный, вследствие чего читающий приходит к выводу, что число *три* обозначает количество окон, а не этажей, как могло показаться при первоначальном прочтении этого предложения.

О роли местоимений в омонимизации высказываний писал А. М. Пешковский. В частности, он отмечал те случаи, когда возвратное местоимение *себя* соотносится сразу с несколькими лицами, что может способствовать возникновению некоторой неясности. В качестве примера ученый приводит следующее предложение: *Комендант велел дворнику отнести вещи жильца к себе* (к дворнику или к коменданту? [19, с. 163]. А. А. Реформатский, характеризуя такую синтаксическую связь, как примыкание, отмечает, что «при нормативной интонации в предложении *Сильно черный трубочист шатает лестницу* наречие «сильно», которое не может согласовываться со своим определяемым или быть им управляемым, все-таки понимается как определяющий член в синтагме *сильно черный* по порядку слов. Но если мы повысим мелодический тон на «сильно» и на «шатает», то, несмотря на «дальнее расстояние», в синтагму связывается *сильно шатает*» [21, с. 330].

И все же фундаментальных исследований, направленных на изучение непосредственно синтаксической неоднозначности, до 60-х годов прошлого столетия в славянском языкознании не было. Такое невнимание к синтаксической омонимии Л. Н. Иорданская объясняла двумя причинами: «Во-первых, синтаксическая неоднозначность менее заметна, чем лексическая и морфологическая; во-вторых, в лингвистике не был достаточно отчетливо поставлен вопрос о способах представления синтаксической структуры предложения» [11, с. 9].

Интерес к омонимии возрос в последние десятилетия XX века. Связан он был, прежде всего, с развитием компьютерных технологий, поскольку работа по созданию эффективных программ автоматической обработки текстов настоятельно требовала углубленного исследования проблем неоднозначности на уровне синтаксиса.

В связи с появлением нового предмета лингвистического исследования возникла настоятельная необходимость определить, что же представляет собой синтаксическая омонимия, однако ученые по-разному трактовали сущность данного языкового явления.

О. С. Ахманова считала, что синтаксическая неоднозначность – «это синтаксические модели, формально совпадающие при несовместимости их синтаксического содержания (значения)» [3, с. 287–288]. В качестве иллюстрации данного положения она приводит шуточное, но недвусмысленное предложение: *Шли два студента; один – в пальто, другой – в университет*.

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» под редакцией Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой дается такое определение рассматриваемого явления: «Синтаксическая омонимия – совпадение в синтаксической конструкции (словосочетании или предложении) двух значений» [22, с. 242]. Данная формулировка кажется нам достаточно абстрактной, поскольку не позволяет выявить сущность синтаксической неоднозначности.

Более удачной можно считать определение, предложенное А. Н. Гвоздевым, который относил к синтаксическим омонимам предложения, в которых «известное слово... допускает связь не с одним определенным словом, а с двумя разными словами или с одним словом и с группой слов» [7, с. 234]. А. Н. Иорданская выразила эту же мысль несколько точнее: «Под синтаксической омонимией (неоднозначностью) фразы понимается возможность приписать фразе более чем одну правильную синтаксическую структуру» [11, с.9]. Н. П. Колесников называет синтаксическими омонимами такие предложения, в которых «возникает дополнительное значение, не предусмотренное автором и вызванное синтаксическими факторами», к которым исследователь относит порядок размещения словесных форм при конструировании высказывания, возможность различного членения

предложения на синтагмы, омонимичность самих моделей, по которым строятся словосочетания, и совокупность всех этих факторов [14, с. 7].

Достоинство определений, предложенных А. Н. Гвоздевым, А. Н. Иорданской и Н. П. Колесниковым, заключается в том, что синтаксическая неоднозначность рассматривается в них не в качестве семантического, а в качестве синтаксико-семантического языкового явления. Однако и эти определения, на наш взгляд, нуждаются в некотором уточнении. Дело в том, что все они ориентированы на предложение, в то время как синтаксическим омонимом может быть и словосочетание. Кроме того, существует несколько видов синтаксической многозначности, каждый из которых имеет свои особенности.

В основе синтаксической неоднозначности лежит так называемая двусторонняя связь, то есть связь, при которой слово или словосочетание может быть подчинено одновременно нескольким доминантам. Например, в предложении *Директору принесли бумаги на подпись* словоформа «на подпись» подчиняется двум компонентам: 1) принесли на подпись и 2) бумаги на подпись. Другой пример: *Будда сидит под деревом с семью плодами*. В данном предложении словосочетание «с семью плодами» может быть соотнесено 1) со словом *дерево* (в этом случае высказывание имеет значение «Будда сидит под деревом, на котором растут семь плодов») и 2) с компонентом *Будда* (при этом предложение приобретает значение «Будда, имеющий семь плодов, сидит под деревом»).

Синтаксическую связь, проиллюстрированную первым примером, мы называем *структурными омонимами*. Сущность этой разновидности синтаксической неоднозначности заключается в том, что некоторое слово какой-либо речевой цепи может быть подчинено любой из нескольких возможных доминант, но смысл высказывания при этом не меняется. Конструкции, подобные второму примеру, и являются, по нашему мнению, *синтаксическими омонимами*. Данный тип синтаксической неоднозначности возникает как в предложениях, так и в словосочетаниях, поэтому мы выделяем два подтипа синтаксических омонимов: 1) омонимы-номинативы и 2) омонимы-предикативы. К омонимам-номинативам нами относятся словосочетания, представляющие собой наименования различных учреждений: *Фонд социальной защиты Самарского района* (фонд организован в Самарском районе или предназначен для социальной защиты жителей Самарского района?). Омонимами-предикативами мы называем синтаксически неоднозначные предложения, содержащие компонент, соотносящийся с несколькими доминантами, причем каждому подчинению соответствует своя семантическая структура: *Высокого гостя из Киева приехали встречать представители городских властей* (высокий гость приехал из Киева или гостя приехали встречать представители из Киева?).

Следует отметить, что структурная омонимия не является негативным языковым явлением, поскольку, во-первых, не искажает смысла высказывания и, во-вторых, придает речи большую эмоциональность, выразительность. А вот синтаксическую омонимию мы считаем явлением отрицательным, поскольку подобные высказывания ставят адресата перед необходимостью выбирать одно из нескольких значений, тем самым затрудняя процесс коммуникации, и, следовательно, нуждаются в элиминации.

Выводы. По нашему мнению, проблема многозначности является частью более общей проблемы соотношения формы и содержания в языке, что делает ее глубокое теоретическое изучение настоятельной необходимостью. Кроме того, нам представляется целесообразным расширить объем знаний о данном языковом явлении у учащихся школ и вузов, ознакомив их не только с лексической и грамматической, но и с синтаксической омонимией: ее сущностью, условиями и при-

чинами виникнення в мові, правилами виявлення синтаксических омонімів, прийомами і способами усунення подібного роду неоднозначності. Особливо важна ця інформація для студентів-філологів і журналістів, творчість яких в перспективі може стати достоянням мільйонів читачів.

Библиографические ссылки

1. **Абаев В. И.** О подаче омонимов в словарях / В. И. Абаев // *Вопр. языкознания*. – 1957. – № 3. – С. 39–41.
2. **Античные теории языка и стиля.** – СПб : Алетейя, 1996. – 365 с.
3. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Ком-Книга, 2004. – 608 с.
4. **Булаховский Л. А.** Из жизни омонимов / Л. А. Булаховский // *Избр. труды* : в 5 т. – К. : Наук. думка, 1978. – Т. 3. – С. 330–337.
5. **Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 227 с.
6. **Виноградов В. В.** Об омонимии в русской лексикографической традиции / В. В. Виноградов // *Избр. труды: Лексикология и лексикография*. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
7. **Гвоздев А. Н.** Об одной проблеме стилистики / А. Н. Гвоздев // *Очерки по стилистике русского языка*. – М. : Просвещение, 1965. – С. 380–394.
8. **Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения / А. В. Гладкий. – М. : Наука, 2007. – 152 с.
9. **Грязнухіна Т. О.** Шляхи усунення граматичної омонімії в системі автоматичного морфологічного аналізу наукового тексту / [Т. О. Грязнухіна та ін.] // *Мовознавство*. – 1989. – № 5. – С. 3–5.
10. **Ермаков А. Е.** Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. Е. Ермаков // *Труды Международного семинара Диалог'2002* : в 2 т. – М. : Наука, 2002. – Т. 2. – 2002. – С. 23–35.
11. **Иорданская Л. Н.** Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) / Л. Н. Иорданская // *Научно-техническая информация*. – 1967. – № 5. – С. 9–17.
12. **Исаченко А. В.** О грамматическом значении / А. В. Исаченко // *Рус. язык в школе*. – 1961. – № 1. – С. 28–30.
13. **Колесников Н. П.** Изучение проблем омонимии / Н. П. Колесников // *Вопросы рус. языкознания*. – Куйбышев, 1978. – С. 24–35.
14. **Колесников Н. П.** Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – 140 с.
15. **Колшанский Г. В.** Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
17. **Ломоносов М. В.** Краткое руководство к красноречию // *Полн. собр. соч.* : в 10 т. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 7. – С. 242–243.
18. **Ножов И. М.** Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы) / И. М. Ножов. – М. : Наука, 2003. – 140 с.
19. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
20. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
21. **Реформатский А. А.** Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.
22. **Розенталь Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Астрель, 2001. – 624 с.

23. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Избр. труды : в 2 т. – М. : Просвещение, 1970. – Т. 1. – С. 631–638.

References

1. Abaev, V. I. (1957), "On the filing of homonyms in dictionaries", *Problems of linguistics* [О подаче омонимов в словарях, *Voprosy jazykoznanija*], № 3, pp. 39–41.
2. *Antique theory of language and style* (1996), [*Antichnye teorii jazyka i stilja*], St. Petersburg, 365 p.
3. Ahmanova, O. S. (2004), *Dictionary of linguistic terms* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 608 p.
4. Bulahovskij, L. A. (1978), "From the Life of homonyms", *Selected works: in 5 vol., vol. 3* [Из жизни омонимов, *Izbrannye trudy : v 5-ti t., t. 3*], Kiev, pp. 330–337.
5. Buslaev, F. I. (1959), *Historical Grammar of the Russian Language* [*Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*], Moscow, 227 p.
6. Vinogradov, V. V. (1977), "On homonyms in Russian lexicographical tradition", *Selected Works: Lexicology and lexicography* ["Ob omonimii v russkoj leksikograficheskoj tradicii", *Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija*], Moscow, 312 p.
7. Gvozdev, A. N. (1965), "On a problem of style", *Essays on the style of the Russian language* ["Ob odnoj probleme stilistiki", *Očerki po stilistike russkogo jazyka*], Moscow, pp. 380–394.
8. Gladkij, A. V. (2007), *Syntactic structure of natural language in the automated communication systems* [*Sintaksicheskie struktury estestvennogo jazyka v avtomatizirovannyh sistemah obshchenija*], Moscow, 152 p.
9. Grjaznuhina, T. O. ta inshi (1989), "By removing grammatical homonyms in automatic morphological analysis of scientific text", *Linguistics* ["Shljahi usuchennja gramatichnoï omonimii v sistemi avtomatichnogo morfologichnogo analizu naukovogo tekstu", *Movoznavstvo*], № 5, pp. 3–5.
10. Ermakov, A. E. (2002), "Computational Linguistics and Intellectual Technologies" *Proceedings of the International Workshop, Dialog'2002: in 2 vol., vol. 2* ["Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii", *Trudy Mezhdunar. seminar. Dialog'2002 : v 2 t., t. 2*], Moscow, pp. 23–35.
11. Iordanskaja, L. N. (1967), "Syntactic homonymy in Russian (from the point of view of the automatic analysis and synthesis)", *Scientific and Technical Information* ["Sintaksicheskaja omonimija v russkom jazyke (s točki zrenija avtomaticheskogo analiza i sinteza)", *Nauchno-tehn. Informacija*], № 5, pp. 9–17.
12. Isachenko, A. V. O (1961), "On grammatical meaning", *Russian language at school* ["O grammaticheskom znachenii", *Russkij jazyk v shkole*], № 1, pp. 28–30.
13. Kolesnikov, N. P. (1978), "A study of the problems of homonyms", *Problems of Russian linguistics* ["Izuchenie problem omonimii", *Voprjy russkogo jazykoznanija*], Kujbyshev, pp. 24–35.
14. Kolesnikov, N. P. (1981), *Syntactic homonymy in a simple sentence* [*Sintaksicheskaja omonimija v prostom predlozhenii*], Rostov na Donu, 140 p.
15. Kolshanskij, G. V. (1980), *Contextual semantics* [*Kontekstnaja semantika*], Moscow, 149 p.
16. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, chief ed. V.N. Yartseva (2002), [*Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* , gl. red. V.N. Yartseva], Moscow, 709 p.
17. Lomonosov, M. V. (1952), "Quick Guide to Eloquence", *Complete Works: in 10 vol., t. 7* ["Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiju", *Polnoe sobranie sochinenij : v 10 t., t. 7*], Moscow, pp. 242–243.
18. Nozhov, I. M. (2003), *Morphological and syntactical text processing (software model)* [*Morfologicheskaja i sintaksicheskaja obrabotka teksta (modeli programmy)*], Moscow, 140 p.
19. Peshkovskij, A. M. (1956), *Russian syntax in a scientific light* [*Russkij sintaksis v nauchnom osvewenii*], Moscow, 511 p.

20. Potebnja A. A. (1958), *From the notes on Russian grammar* [*Iz zapisok po russkoj grammatike*], Moscow, 536 p.
21. Reformatskij, A. A. (1967), *Introduction to Linguistics* [*Vvedenie v jazykovedenie*], Moscow, 542 p.
22. Rozental', D. E., Telenkova, M. A. (2001), *Dictionary of linguistic terms* [*Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 624 p.
23. Chernyshev, V. I. (1970), "The correctness and purity of the Russian language: Russian Experience stylistic grammar", *Selected Works in 2 vol.*, t. 1 ["Pravil'nost' i chistota russkoj rechi: Opyt russkoj stilisticheskoy grammatiki"], *Izbrannye trudy v 2 t.*, t. 1], Moscow, pp. 631–638.

Надійшла до редколегії 07.12.2016

УДК 811.161.2+811.162.4]'373

I. M. Шпілько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

З ГОЛОВИ АЖ ДО НІГ / OD HLAVY AŽ PO PÄTY, АБО ПРО УКРАЇНСЬКО-СЛОВАЦЬКІ СОМАТИЗМИ: ОНОМАСІОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

На матеріалі сучасних української та словацької мов у ономасіологічному плані комплексно досліджено назви основних частин тіла людини. Визначено подібні й відмінні соматичні номени в зіставляваних слов'янських мовах, мотиваційні ознаки, які покладено в основу їх номінації, і причини наявності різнокореневих слів на позначення частин людського тіла. Описано семантичні трансформації праслов'янських та запозичених лексем, які відбулись у процесі номінування соматизмів.

Ключові слова: соматизм, мотиваційна ознака, асоціації, метафора, етимологія, номінація.

Шпілько И. Н. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. *С ГОЛОВЫ АЖ ДО НОГ / OD HLAVY AŽ PO PÄTY, ИЛИ ОБ УКРАИНСКО-СЛОВАЦКИХ СОМАТИЗМАХ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

На материале современных украинского и словацкого языков в ономасиологическом плане комплексно исследованы названия основных частей тела человека. Определены подобные и отличные соматические номены в сравниваемых славянских языках, мотивационные признаки, которые стали основой их наименования, причины наличия разнокоренных слов для обозначения частей тела человека. Описаны семантические трансформации праславянских и заимствованных лексем, действовавшие в процессе номинации соматизмов.

Ключевые слова: соматизм, мотивационный признак, ассоциация, метафора, этимология, номинация.

Shpitko I. N. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *FROM HEAD TO FOOT / OD HLAVY AŽ PO PÄTY, OR ON UKRAINIAN-SLOVAK SOMATISMS: ONOMASIOLOGIC ASPECT*

Object of the study is to see similarities and dissimilarities in naming units of body parts in terms of the Ukrainian language and the Slovak language; *task* is to identify motivational attributes being a basis of the naming units, associative relations of human body parts with things and phenomena of the outside world, reasons of various lexemes influence on designation of somatisms in the context of languages being compared.

Three similar-rooted naming units and seven different-rooted naming units have been determined as a result of comparative analysis concerning somatic naming units of four main human body parts and their components in terms of the Ukrainian language and the Slovak language. Use of available linguistic unit as a nominative unit of new designation is the most typical way to form both Ukrainian and Slovak somatisms. As a rule, various migrations of nominative units from language-

common words to parts of own bodies are connected with origin motivational lexical units by means of certain attribute. Sometimes nominative units of body parts were formed by means of linguistic borrowings of lexemes from other languages. Thus, somatic lexis is unflagging source for linguistic studies as the analysis help trace through its remote structure, either similar of different, and long-standing relations of Slavonic nations and their languages.

Key words: somatism, motivational feature, association, metaphora, etymology, naming unit.

Соматична лексика здавна є об'єктом лінгвістичних досліджень і донині знаходиться в центрі уваги багатьох науковців, свідченням чого є найновіші розвідки (див. [9]).

Назви частин тіла, на думку багатьох дослідників, – це найдавніший пласт лексики будь-якої мови [3, с. 500; 5, с. 4; 8, с. 13; 9, с. 14; 17, с. 188], який входить до ядра лексико-семантичної системи кожної з них [2, с. 116; 10, с. 234], адже формувався він протягом багатьох тисячоліть і, звісно, репрезентує не лише знання носіїв мови про навколишній світ, а й уявлення про самого себе та свій організм [8, с. 13]. Соматичні назви є мовною універсалією [1], оскільки немає мов без слів, які б не номінували тіло людини та його частини. Соматична лексика – це об'єднання лексем, переважно сформоване на основі численних асоціативних зв'язків, але в процесі подальшого функціонування набуває нових асоціативних нашарувань і конотацій у різних мовах.

У сучасній лінгвістиці межі терміна «соматизм» чітко не визначено. Причиною неоднозначності кваліфікування його є два питання: до чого варто застосовувати цей термін і які одиниці його утворюють? [9, с. 16]. У науковому доробку дослідниці В. В. Подгорної подано різні бачення цієї проблеми науковцями й визнано соматизмами найменування зовнішніх частин тіла, у тому числі номінації органів почуттів, покривів тіла, внутрішніх органів і порожнин організму людини, найменування різних тканин, тобто функціонально облігаторних частин тіла, виражених за допомогою слів із прямим та переносним значенням «тіло людини» [9, с. 17].

Сучасна лінгвістика досліджує назви частин тіла людини в різних аспектах – структурно-семантичному й функційному (В. К. Маркіна, О. В. Старих), когнітивному, лінгвокультурологічному (Ю. В. Білоус, О. М. Кочеваткін, Н. В. Масалева, Т. А. Смирнова, Н. А. Власова, Д. Балакова), психолінгвістичному (С. В. Боголєпова), контрастивному (К. Палкович, З. А. Богус), словотвірному (О. К. Степаненко) тощо, але соматична лексика споріднених слов'янських мов ґрунтовно не вивчалася з погляду ономасіології.

«Ономасіологічний аспект контрастивної лексикології має на меті вивчення формально-структурних відмінностей лексичних одиниць порівнюваних мов... Для споріднених мов ономасіологічні параметри зіставлення є найбільш показовими, видимими, оскільки вони знаходяться “на поверхні” лексиконів» [7, с. 235]. Порівняймо спільнокореневі укр. *голова* – словац. *hlava*, укр. *рука* – словац. *ruka*, укр. *нога* – словац. *noha* та різнокореневі укр. *шия* – словац. *krk*, укр. *тулуб* – словац. *trup*, укр. *спина* – словац. *chrbát* тощо. «За цією “поверхневою” структурою різних мов приховані найглибинніші процеси самої номінації, у якій відображено неповторні шляхи пізнання кожним народом предметів і явищ свідомості-реальності» [7, с. 236]. Як свідчить досліджуваний матеріал, близькоспоріднені мови в ономасіологічному плані виявляють значно більше відмінностей, аніж у семасіологічному. Напр., із-поміж десяти назв частин обличчя в українській і словацькій мовах нами було виявлено сім різних номенів (*tvár* – обличчя, *čelo* – лоб (але й чоло), *líce* – щока, *ústa* – рот (але й уста), *pera* – губа, *obočie* – брови, *vії* – *mihalnice*), які були предметом нашої уваги й ґрунтового дослідження в попередні роки [14]. Пропонована стаття продовжує серію зіставних ономасіологічних досліджень назв частин тіла людини в споріднених слов'янських мовах – словацькій

і українській, – адже фактичний матеріал засвідчує, що в цих мовах переважають різнокореневі номени. Зважаючи на це, **метою** нашого дослідження є з'ясувати подібне та відмінне в номінаціях основних частин тіла людини в українській і словацькій мовах, визначити мотиваційні ознаки, які покладено в основу цих найменувань, і причини наявності різних лексем на позначення соматизмів у зіставлюваних мовах.

З анатомічного погляду в людському тілі виділяють чотири основні частини: *голову, шию, тулуб, верхні та нижні кінцівки*, деякі з них поділяються на певну кількість складових [6; 18]. Одні найменування, яких значно менше, є тотожними в українській і словацькій мовах (*голова* – *hlava*, *рука* – *ruka*, *нога* – *noha*), інші ж, яких більше, – відмінними. Фонетико-графічні особливості лексичних відповідників ми не враховуємо, оскільки вони обумовлені неоднозначністю фонетичних рефлексів у порівнюваних мовах як представників різних підгруп слов'янської групи, які мали місце ще в період праслов'янської мовної єдності, а тому не є доказом цих розходжень. Ураховуючи будову людського тіла, про що йшлося вище, та відповідні його номінації, до аналізу безпосередньо залучено різнокореневі лексеми, які є функційно значимими для носіїв української та словацької мов, а для науковців становлять значний інтерес в ономазіологічному плані. **Об'єктом** нашого дослідження є найуживаніші різнокореневі найменування основних частин тіла та їх складові, які мають пряме номінативне значення, **предметом** – мотиваційні ознаки, що покладено в основу номінації соматизмів у сучасних українській і словацькій мовах, асоціативні зв'язки частин тіла людини з предметами і явищами навколишнього світу.

Відомо, що слова в мові утворюються кількома способами: 1) використанням наявної лексичної одиниці даної мови; 2) створенням нової лексичної одиниці, 3) запозиченням з іншої мови [4, с. 46]. Оскільки соматизми хронологічно вважаються одним із найдавніших пластів лексики, то сприймаються вони як початкові одиниці мови, що ускладнює визначення процесів їхньої номінації. Проте похідність цих найменувань може бути з'ясована лише за етимологічного чи історичного аналізу [12]. Тож більш детально розглянемо нетотожні соматичні найменування української та словацької мов.

1. Укр. *шия* – словац. *krk*

У зіставлюваних мовах частину тіла людини, яка з'єднує голову й тулуб, позначено різними номенами – укр. *шия* і словац. *krk*. Дослідники наголошують на праслов'янському походженні цих лексем – **šija* і **kьrkъ* [SESS, с. 302; ЕСУМ, т. 6, с. 423].

Український номен *шия* трактується як праслов'янський новотвір, оскільки «не має певних позаслов'янських відповідників і походить від дієслова **šiti*» [ЕСУМ, т. 6, с. 423], тобто є тим органом, який «зшиває, поєднує» голову й тулуб.

Лексема **kьrkъ*, на відміну від **šija*, є більш давньою, адже продовжує індоєвропейську назву шиї та шийного суглоба **krko-* [ЭССЯ, т. 13, с. 218]. Словацький дослідник Л. Кралік та російський О. М. Трубачов убачають близькість праслов'янського **kьrkъ* із давньоіндійською назвою *kṛkātam* «шия» та галльською *cricon* «горло», які походять з індоєвропейського кореня **(s)ker-* «крутити, гнути, вигинати» [SESS, с. 302; ЭССЯ, т. 13, с. 218]. Натомість російський етимолог припускає зв'язок лексеми **kьrkъ* із дієсловом **kьrčiti* «корчити, крутити» [ЭССЯ, т. 13, с. 219], яке активно функціонує в сучасних українській і словацькій мовах та має в семантичній структурі семи 'гнути', 'вигинати', 'крутити': *krčiti sa* «м'ятися, згинатися» [KSSJ, с. 274] – *корчитися* «вигинатися, кривитися в корчах, судомитися» [BTCCYUМ, с. 457], *krč* «судомо, корчі» (*dostat' krč do nohy* «судомою зводить ноги») [KSSJ, с. 274] – *корчі* «судомо» [BTCCYUМ, с. 457]. Про давність

лексеми **kьrkъ* та її поширеність не лише у західних слов'ян, а й східних, засвідчує українська лексема *карк*, представлена у фразеологізмах (а ці мовні одиниці, як відомо, часто зберігають у своєму складі найдавніші елементи мови) *карк ламати* [СФУМ, с. 325], тобто *ишу ламати*.

2. Укр. *тулуб* – словац. *trup*

Український номен *тулуб*, що позначає основну частину тіла між головою та кінцівками, не має єдиної етимології [ЕСУМ, т. 5, с. 673]. Існує припущення щодо його тюркського походження, яке зіставляється з чагатайським *тулуб* «шкіряний мішок», спорідненим із татарським, казахським та ін. *тулуб* «шкіряний мішок без шва з однієї шкіри» [ЕСУМ, т. 5, с. 673]. За такої етимології можна трактувати появу значення укр. *тулуб* як частини тіла людини, що виникла в результаті асоціативних зв'язків між цими двома предметами (мішок і тулуб людини), значення яких має спільні ознаки-семи 'шкіра', 'вмістилище зі шкіри', 'відсутність швів'. Також вірогідним є генетичний зв'язок укр. *тулуб* зі словами *тул*, *тулити* із праслов'янського **tul-* [ЕСУМ, т. 5, с. 673], похідного від **tuliti* «притискати, тулити, всовувати, ховати» [ЕСУМ, т. 5, с. 672]. Така етимологія може претендувати на ймовірність, адже до цієї частини тіла людини «туляться», тобто приєднуються, інші – голова, руки, ноги. Третім припущенням щодо появи соматизма *тулуб* є, на думку дослідників, контамінація запозиченого з тюркських мов слова *тул* «колчан, вмістилище для стріл» [ЕСУМ, т. 5, с. 673], спорідненого з давньоіндійським «колчан для стріл» [ЭСРЯ, т. 4, с. 117]. У цьому випадку мотиватором стала сема 'вмістилище', оскільки тулуб є частиною, яка містить інші частини, тобто внутрішні органи тіла людини. Отже, укр. *тулуб* утворено на основі метафоричних перенесень найменувань із уже існуючих слів, що позначають ті чи ті предмети, на частину тіла людини. Дві з трьох запропонованих етимологій української лексеми *тулуб* спираються на тюркські мови, а «тюрксько-слов'янські мовні зв'язки в еволюції слов'янських мов не потребують доказів, оскільки тюркські лінгвальні впливи на слов'ян охоплюють дуже широкий період» [3, с. 533; 11].

У сучасній словацькій мові цю частину тіла людини позначено лексемою *trup* [KSSJ, с. 788]. У східнослов'янських мовах за цим номеном закріпилася зовсім інша семантика – «мертве тіло людини або тварини» [ВТССУМ, с. 1272]. Між цими значеннями («основна частина тіла між головою та кінцівками» і «мертве тіло людини або тварини») існує очевидний семантичний зв'язок, який можна простежити в етимологічних розвідках. Так, праслов'янська лексема **trupъ* споріднена з лит. *traupis* «ламкий, крихкий», *trupėti* «кришитися», лтс. *trupēt* «гнити, кришитися», прус. *trupis* «колода», індоєвр. **trou-p(o)-* «колода, пень» [ЕСУМ, т. 5, с. 657]. Спираючись на зазначену етимологію, можемо стверджувати, що найдавніше значення, закріплене в індоєвропейській прамові за звуковим комплексом **trou-p(o)*, було «короткий відрізок стовбура дерева – пень чи колода». Подібну семантику визначає чеський дослідник В. Махек у давньочеській мові, констатуючи, що лексема *trup* мала в ній значення «основна дерев'яна й нерозгалужена частина дерева, стовбур» [Махек, с. 654]. Отже, первісне індоєвропейське значення лексеми *trup* «частина стовбура дерева» переноситься на одну з частин тіла людини – її тулуб на основі асоціації за подібністю форми (частина цілого) й функції (бути основою чого-небудь) і закріплюється як у чеській, так і в словацькій мовах. Саме такий шлях розвитку семантики визнає словацький етимолог В. Кралік, наголошуючи на тому, що сучасне значення словацького *trup* виникло шляхом семантичного зсуву: 'основа (основна частина)' > 'частина тіла, з якої «ростуть» кінцівки й голова» [SESS, с. 631]. Для східнослов'янських мов у формуванні значення лексеми *trup* «мертве тіло» пріоритетними виявилися семи 'гнити, кришитися,

розпадатися', які наявні в структурі семени індоєвропейської лексики **trou-p(o)*. Так різноманітні ознаки одного й того ж предмета стали основою номінації різних явищ у процесі розвитку двох споріднених слов'янських мов, що призвело до появи міжмовного українсько-словацького омоніма *trup – труп*.

Отже, назви різних реалій навколишнього світу (стовбур дерева і мішок) простежуються в основі номенів однієї частини тіла – *тулуба* – в українській і словацькій мовах.

3. Укр. *гpyди* – словац. *hrud', prsia*

З анатомічного погляду тулуб людини ділиться на чотири частини: *гpyди*, *живіт*, *спину* й *таз* [13; 20]. Передня верхня частина тулуба від шиї до живота номінована в порівнюваних мовах лексею груди (*hrud'*), яка з'являється ще в праслов'янській мові. Давня слов'янська форма **grъdъ*, за припущенням етимологів, споріднена з поняттям «пагорбок, підвищення на болоті» і походить з індоєвропейського «надиматися, набухати» [ЕСУМ, т. 1, с. 604]. Значення «височина, підвищення» знаходимо й в словацькому слові *hrúd*, що позначає «піщані дюни, які на нижній течії річки Морави під час повені залишаються сухими» [SESS, с. 211]. Отже, назва передньої частини тулуба людини є результатом вторинної номінації за подібністю форми.

У зіставляваних мовах на позначення грудей наявний і синонімічний номен *перси/prsia*, похідний від праслов'янського **pъrsi*, який успадкований з індоєвропейського **perk-* «ребро, область ребер, груди» [SESS, с. 480]. Із двох давніх слов'янських лексем – **grъdъ* і **pъrsi* – в українській мові друга лексема була витіснена першою, а сучасна словацька мова зберегла ці два номени як семантично рівноправні: *vpadnutá hrud' – vpadnuté prsia* [SSSJ, т. 2, с. 198; KSSJ, с. 600]. Словацьке слово *prsia*, на відміну від українського *перси*, характеризується потужним словотвірним потенціалом: воно є твірним для багатьох похідних із різним значенням – *prsník* «жіночі груди», *prsiar* «плавець, який пливе брасом», *prsnatá* «грудаста (про жінку)», *podprsenka* «бюстгальтер».

В українській мові лексема *гpyди* є полісемантом, оскільки розвинула й значення «молочні залози жінки», тобто жіночі груди, яке в словацькій позначено синонімічними номенами *prsia* та *poprsia* (*Prsia sú od pradávna symbolom ženskej krásy. Príliš malé poprsie býva pre mnoho žien zdrojom výrazných psychických ťažkostí* [<https://www.estheticon.sk/zakroky/zvacsenie-prsnikov-augmentacia>]).

4. Укр. *спина* – словац. *chrbát*

Різнокореневі лексеми *спина* і *chrbát* є найменуваннями задньої частини тулуба людини. Українська лексема задовільної етимології не має. З одного боку, її походження дослідники пов'язують із латиським *spina* «прут», давньоангл. *spír* «довгий пагонець» тощо, з іншого – як запозичення через польське посередництво (польс. *spina* «хребет») латинського *spīna* зі значенням «хребет» [ЕСУМ, т. 5, с. 371]. Словацька лексема *chrbát* успадкована з праслов'янської **chrъbъť* «хребет, спина» і, за припущенням дослідників, споріднена зі **chribъ* «горб», «пагорб», «хребет» [SESS, с. 223; ЭССЯ, т. 8, с. 96]. Отже, в основу назви цієї частини тіла покладено метафоричне перенесення за подібністю форми й властивості рельєфу землі на частину тіла людини. Асоціативний зв'язок між рельєфом землі і частиною тіла людини засвідчує наявність у порівнюваних мовах словосполучень на зразок *гірський хребет – horský chrbát*, а також власної назви *Chrib* (<**chribъ*), що позначає природний заповідник у Малих Карпатах, у словацькій мові [<https://cs.wikipedia.org/wiki/Chrib>].

5. Укр. *живіт* – словац. *brucho*

Частину тіла людини, у якій містяться шлунок, кишечник, печінка, або про- тилежну від спини частину людського тіла позначено в зіставляваних

слов'янських мовах праслов'янськими за походженням лексемами *brucho* – *živim* (**brjucho*, **životъ*) [ЭССЯ, т. 3, с. 33; SESS, с. 84, 697]. Лексема *brucho* збережена всіма західнослов'янськими мовами, проте й в українській мові в значенні «живіт» вона використовувалася до XVI–XVII ст., що засвідчено писемними пам'ятками [ІСУМ, с. 145]. Цей номен походить з індоєвропейського **bhreus-* «набухати», тобто основою найменування соматизма є здатність, властивість цієї частини тіла виконувати таку дію.

Історія лексеми *živim* є загальновідомою не лише в наукових колах. Віддієслівний дериват **životъ* < **žiti*, позначаючи спочатку абстрактне поняття «життя», поступово перетворився на конкретне найменування частини тіла людини. Цей процес був тривалим: «від формування багатозначності, яке відбувалося за рахунок своєрідного «нанизування» ланцюжка значень із семою «існування», до розпаду полісемантичної структури слова» [15, с. 183]. На матеріалі російської мови дослідниця І. О. Юдіна визначила лінгвальні та позамовні чинники, які вплинули як на втрату деяких значень і відтінків значень у семантичній структурі слова *живот*, так і на перехід тих чи тих значень, що сприяли утворенню омоніма *живот* [15]. У словацькій, а також інших слов'янських мовах (чеській, болгарській, македонській, сербській, хорватській) лексема *живот* зберігає початкову семантику.

6. Укр. *талія* – словац. *driek*, *pás*

Найвужчою частиною тулуба є *талія*, номінована різними за джерелами формування лексемами. В українській мові – це французьке запозичення *taille* «ріст, стан, талія», яке пов'язане з *tailler* «рубати, тяти, різати», що виникло з нар.-лат. **taliare* «т. с.», похідного від лат. *tālea* «прут, кіл, пагін, саджанець», спорідненого з давньоіндійським *tālī* «вид дерева» [ІСУМ, т. 5, с. 508]. У словацькій мові лексема *driek* у давні часи мала значення «стовбур дерева» [SESS, с. 134]. Словацький етимолог Л. Кралік припускає, що вона могла бути пов'язана з **drēk-* (**droik-*), спорідненою з литовським *draikas* «довгий (про дерево)», *driekti* «розтягувати», або реконструйованою із праслов'янського деривата **derkъ*, з індоєвропейського **der-* «обтесаний стовбур дерева» [SESS, с. 134]. У свідомості мовців, напевно, здавна було закладено розуміння того, що щось довге – це завжди вузьке, тонке, тож поняття талії могло формуватися шляхом семантичного перенесення на зразок «довга частина рослини» > «тонка частина рослини» > «тонка, найвужча частина тулуба, талія». Цей приклад яскраво демонструє універсальність людського мислення, адже в носіїв різних груп індоєвропейської сім'ї мов тотожними виявилися асоціації цієї частини тіла з рослинами і виконуваними над ними діями із семантикою «рубати».

У лексико-семантичній системі словацької мови до слова *driek* існує синонім *pás*, утворений із віддієслівного праслов'янського деривата **pojasъ* (< **pojasati*) шляхом переходу звукосполучення *-*oja-* в -*á-* [SESS, с. 424].

7. Укр. *таз* – словац. *panva*

Однією зі складових тулуба є *таз* – частина скелета людини й тварин, кістковий пояс, що спирається на нижні (у тварин – на задні) кінцівки та є опорою для хребта [ВТССУМ, с. 1227]. Ця частина тіла номінована в порівнюваних мовах різними лексемами, а саме укр. *таз* – словац. *panva*. В основі найменування зазначеної частини тулуба – метафоричне перенесення за формою з позначення предмета побуту, а саме посудини, на тіло людини. Джерелами цих номенів є різні мови: для словацької – середньовісньонімецька (*phanna* (сучасне німецьке *Phanne*), що походить з латинського *panna*, тобто блюдо) [SESS, с. 419]; для української – тюркські мови (турецька *tas* «чаша, чашка, миска, таз» тощо) [ІСУМ, с. 502]. Отже, нам видається, що спочатку слов'яни могли запозичити з різних мов лексеми на позначення посудини, можливо, і сам побутовий виріб; згодом у результаті од-

накових асоціацій цей номен почав використовуватися й на позначення однієї з частин тіла.

У результаті зіставного дослідження українських і словацьких соматичних найменувань чотирьох основних частин тіла людини та їхніх елементів нами було виявлено три спільнокореневі номени (*голова* – *hlava*, *рука* – *ruka*, *нога* – *noha*) і сім різнокоренових (*шия* – *krk*, *тулуб* – *trup*, *груди* – *hrud'*, *prsia*, *спина* – *chrbát*, *живіт* – *brucho*, *таз* – *panva*, *талія* – *driek*). Голова, руки й ноги – це, напевно, більш життєво необхідні частини тіла людини, тому лексеми на позначення їх, які є тотожними в зіставляваних слов'янських мовах, були створені в найдавніші часи, коли ні давні слов'яни, ні їхня мова не зазнавали територіального та діалектного членування. Із часом, усе глибше й глибше пізнаючи себе, можливо, у зв'язку з потребою лікування, виконання якихось дій тощо, у наших предків виникла необхідність давати назви елементам цих основних частин тіла. Зрештою, номени на позначення спини, живота, грудей та ін. формувалися значно пізніше, у період диференціації слов'ян, і кожний народ, номінуючи їх, у процесі називання за основу брав ознаки залежно від «національного» бачення світу.

Отже, найтиповішими ознаками, які стали основою номінації основних частин тіла людини та їхніх елементів, є: 1) характер виконуваної дії (поєднувати, «зшивати» – *шия*, крутити – *krk*, набухати – *brucho*); 2) ознаки, властивості певних предметів позамовного світу (тонка частина рослини – *талія*, *driek*, частина стовбура дерева – *trup*, шкіряний мішок без шва – *тулуб*); 3) характер рельєфу земної поверхні (підвищення – *груди*, *prsia*, *chrbát*). Найбільш поширеним способом формування українських і словацьких соматизмів є використання в акті номінації форми вже наявної мовної одиниці як імені для нового позначення. Здебільшого це різного роду перенесення найменувань із уже відомих у мові слів на частини свого тіла, пов'язані з вихідними лексемами-мотиваторами якою-небудь ознакою. В основі таких перенесень – асоціативний характер людського мислення. Так, пізнавши особливості рельєфу, ознак тих чи тих предметів і явищ, властивості їх, функції тощо, давні слов'яни давали назви й частинам свого тіла. Морфологічні способи творення соматизмів є малопродуктивними (*шити* – *шия*, **rojasati* > **rojasъ* > *pás*, **kъčiti* – *krk*). Зрідка назви частин тіла формувалися шляхом запозичення лексем з інших мов (із польської *спина*, французької *талія*). Отже, соматична лексика – це невичерпне джерело для лінгвістичних студій, досліджуючи яку, можна простежити глибинну структуру її, однакову чи різну, і давні зв'язки слов'янських народів та їхніх мов.

Бібліографічні посилання

1. **Бердникова Т. А.** Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Т. А. Бердникова. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/leksiko-frazeologicheskoe-pole-somatizmov-na-materiale-arkhangelskikh-govorov>
2. **Воробьева Л. Б.** Устойчивые выражения с компонентом *голова* в русском и литовском языках [Электронный ресурс] / Л. Б. Воробьева. – Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu04/wgpgu04_17.pdf. – Заглав. с экрана.
3. **Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов** / за ред. О. С. Мельничука. – К. : Наук. думка, 1966. – 596 с.
4. **Гак В. Г.** Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
5. **Кочеваткин А. М.** Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка : Лингвогеографический анализ : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки» [Электронный ресурс] /

- А. М. Кочеваткин. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/somaticheskaya-leksika-v-dialektakh-erzyanskogo-yazyka-lingvogeograficheskii-analiz>. – Заглав. с экрана.
6. **Людське тіло**. – URL: // https://uk.wikipedia.org/wiki/Людське_тіло
 7. **Манакин В. Н.** Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
 8. **Мугу Р. Ю.** Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание [Электронный ресурс] / Р. Ю. Мугу. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/polisemantizm-somaticheskoi-leksiki-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov>. – Заглав. с экрана.
 9. **Подгорная В. В.** «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Подгорная Валерия Владимировна. – Режим доступа : https://disser.spbu.ru/disser2/760/disser/Podgornaia_diss.pdf – Заглав. с экрана.
 10. **Синицына Н. В.** Роль соматической лексики в формировании картины мира [Электронный ресурс] / Н. В. Синицына. – Режим доступа : <http://www.gramota.net/materials/1/2011/6/78.html>. – Заглав. с экрана.
 11. **Стецюк В.** Давні тюрксько-слов'янські мовні зв'язки [Электронный ресурс] / В. Стецюк. – Режим доступа : <http://www.v-stetsyuk.name/uk/Iron/Culture/TurSl.html>
 12. **Телия В. Н.** Лингвистический энциклопедический словарь. Номинация [Электронный ресурс] / В. Н. Телия. – Режим доступа : <http://www.tapemark.narod.ru/les/336a.html>
 13. **Тулуб** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://uk.wikipedia.org/wiki/Тулуб>
 14. **Шпїтько І. М.** Не на одно лице, або Про соматизм *обличчя* в словацькій й українській мовах: онотомасіологічний аспект / І. М. Шпїтько // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2016. – Вип. 22 – С. 200–206.
 15. **Юдина И. А.** Формирование и распад полисемантов в процессе исторического существования слова в языке (на примере семантической структуры слова «живот») / И. А. Юдина // Филологические науки в России и за рубежом: матер. междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб., 2012. – С. 183–185.
 16. **Baláková D. K.** výskumu somatických frazém s komponentom *hlava* [Elektronický zdroj] / D. Baláková. – URL: <http://www.juls.savba.sk/ediela/varia/10/Varia10.pdf>. – Názov z obrazovky
 17. **Krajčovič R.** Pôvod a vývin slovenského jazyka / R. Krajčovič. – Bratislava: SPN, 1981. – 235 s.
 18. **Ľudské telo**. – URL: https://sk.wikipedia.org/wiki/Ľudské_telo
 19. **Palkovič K.** Názvy častí tela v češtině a slovenčině / K. Palkovič // Kúltura slova. Ročník 1. – 1967. – Č. 1. – S. 257–261.
 20. **Trup**. – URL: <https://sk.wikipedia.org/wiki/Trup>

Словники

- ВТССУМ** – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
- ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови [Електронний ресурс]: в 7 т. – Режим доступу: http://litopys.org.ua/djvu/etymolog_slovnyk.htm. – Назва з екрану.
- ІСУЯ** – Історичний словник українського языка. – Харків – Київ: Держ. вид-во України, 1930. – 528 с.
- СФУМ** – Словник фразеологізмів української мови / уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 2008. – 1104 с.
- ЭСРЯ** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986.
- ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Электронный ресурс] / под ред. О. Н. Трубачева. – Режим доступа : <http://essja.narod.ru/index.htm>. – Заглав. с экрана.
- KSSJ** – Krátky slovník slovenského jazyka. – Bratislava : VEDA, 2003. – 986 s.
- SESS** – Králik Ľ. Stručný etymologický slovník slovenčiny / Ľ. Králik. – Bratislava : Veda, 2015. – 704 s.

SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L. [2. zv.] – Bratislava : Veda, 2011. – 1088 s.

ESJČ – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – Praha : Československá Akademie Věd, 1968. – 866 s.

References

1. Berdnikova, T.A. "Lexical-phraseological field of somatisms (on the material of Arkhangelsk dialects): author's thesis" ["Leksiko-frazeologicheskoye pole somatizmov (na materiale arkhangelskikh govorov): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk"], available at: <http://www.dissercat.com/content/leksiko-frazeologicheskoe-pole-somatizmov-na-materiale-arkhangelskikh-govorov>
2. Vorobyova, L. B. "Stable expressions with a head component in Russian and Lithuanian languages" ["Ustoychivyye vyrazheniya s komponentom golova v russkom i litovskom yazykakh], available at: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu04/wgpgu04_17.pdf
3. *The entry to the portly-historical settlement of the words of the Slovaks* (1966), ed. O. S. Melnychuk [Vstup do porivnyal'no-istorichnogo vivchennya slov'yans'kikh mov, za red. O. S. Mel'nychuka], Naukova dumka, Kyiv, 596 p.
4. Gak, V. G. (1998), *Language transformations* [Yazykovyye preobrazovaniya], School Languages of Russian Culture, Moscow, 768 p.
5. Kochevatkin, A. M. "Somatic vocabulary in the dialects of the Erzyan language: Linguogeographical analysis: dissertation" ["Somaticheskaya leksika v dialektakh erzyanskogo yazyka : Lingvogeograficheskiy analiz: dis. ... kand. filol. nauk"], available at: <http://www.dissercat.com/content/somaticheskaya-leksika-v-dialektakh-erzyanskogo-yazyka-lingvogeograficheskii-analiz>
6. "The human body" ["Lyuds'ke tilo"], available at: https://uk.wikipedia.org/wiki/Людське_тіло
7. Manakin, V. N. (2004), *Comparative lexicology* [Sopostavitel'naya leksikologiya], Znannya, Kiev, 326 p.
8. Mugu, R. Yu. *Polysemanticism of somatic vocabulary (on the material of Russian and German languages): author's thesis* [Polisemantizm somaticheskoy leksiki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], available at: <http://www.dissercat.com/content/polisemantizm-somaticheskoi-leksiki-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov>
9. Podgornaya, V. V. "'Naive anatomy' in the English language picture of the world": dissertation ["«Naivnaya anatomiya» v angliyskoy yazykovoy kartine mira": dis. ... kand. filol. nauk], available at: https://disser.spbu.ru/diss2/760/diss2/760/diss2/760/Podgornaia_diss.pdf
10. Sinitsyna, N. V. "The role of somatic vocabulary in the formation of the world picture" ["Rol' somaticheskoy leksiki v formirovanii kartiny mira"], available at: <http://www.gramota.net/materials/1/2011/6/78.html>
11. Stetsyuk, V. "The long-standing Turkic-Slavic bridgeheads" ["Davní tyurks'ko-slov'yans'kí movní zv'yazki"], available at: <http://www.v-stetsyuk.name/uk/Iron/Culture/TurSl.html>
12. Teliya V. N. "Nomination", *Linguistic encyclopaedic dictionary*. ["Nominatsiya"], *Lingvisticheskij entsiklopedicheskiy slovar'*, available at: <http://www.tapemark.narod.ru/les/336a.html>
13. "Tulub", available at: <https://uk.wikipedia.org/wiki/Tulub>
14. Shpitko, I. M. (2016), "Not on one charge, or somatisms face in the Slovak and Ukrainian languages, aspect onomasiological", *Bulletin of Dnipropetrovsk University. Series: Linguistics* ["Ne na odno lytso, abo pro somatyzm oblychchya v slovatskiy y ukrayinskiy movakh: onomasiologichnyy aspekt"], *Visnyk Dnipropetrovskoho universytetu. Seriya: Movoznavstvo*, Vyp. 22, pp. 200–206.
15. Yudina, I. A. (2012) "Formation and disintegration of polysemant in the process of the historical existence of a word in the language (on the example of the semantic structure of the word "belly")", *Philological Sciences in Russia and Abroad: Materials of Intern. Sci. Conf.*

- [“Formirovaniye i raspad polisemantov v protsesse istoricheskogo sushchestvovaniya slova v yazyke (na primere semanticheskoy struktury slova «zhivot»)”, *Filologicheskiye nauki v Rossii i za rubezhom: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g)*, St. Petersburg, pp. 183–185.
16. Baláková, D. “K výskumu somatických frazém s komponentom *hlava*”, available at: <http://www.juls.savba.sk/ediela/varia/10/Varia10.pdf>. – Názov z obrazovky.
17. Krajčovič, R. (1981), *Pôvod a vývin slovenského jazyka*, SPN, Bratislava, 235 p.
18. “Ľudské_telo”, available at: https://sk.wikipedia.org/wiki/Ľudské_telo
19. Palkovič, K. (1967), “Názvy častí tela v češtine a slovenčine”, *Kultúra slova*, Ročník 1, pp. 257–261.
20. “Trup”, available at: <https://sk.wikipedia.org/wiki/Trup>

Надійшла до редколегії 12.12.2017

ЖИТТЯ, НАПОВНЕНЕ ВЩЕРТЬ (до 80-річчя з дня народження проф. І. І. Меньшикова)

У липні 2017 року відзначає свій поважний ювілей – 80 років від дня народження – професор кафедри загального та слов'янського мовознавства І. І. Меньшиков, який є однією з найпомітніших і ключових фігур філологічної освіти й науки Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Він народився 29 липня 1937 року в селі Велика Уря Канського району Красноярського краю в родині військовослужбовця.

Остання обставина, можливо, вплинула на те, що після отримання початкової освіти в місті Любань Мінської області (Білорусь) І. І. Меньшиков навчається в Курському суворівському військовому училищі.

Цей період свого життя він згадує по-особливому тепло, з великою вдячністю тим, хто дав ґрунтовні знання, зокрема з математики; саме тут він входив у самотійне життя, вчився справжніх людських взаємин, опановував закони дружби, відповідального ставлення до справи.

Утім, навчання у військовому училищі не стало вирішальним у визначенні подальшої життєвої й професійної долі Ігоря Івановича. З 1956 року його життя, педагогічна, наукова та організаторська діяльність пов'язані з нашим університетом, з філологічним факультетом.

Цього року він вступає, незважаючи на хороші математичні здібності, на спеціальність «Російська мова та література» філологічного факультету Дніпропетровського державного університету, бо його завжди вабили таїни рідного слова. Ще будучи студентом 3-го курсу, зрозумів, що хоче й буде займатися філологією по-справжньому. І безперечно, що тоді його не могли не зацікавити ті наукові напрями у філології, які передбачають застосування під час вивчення мовних явищ математичного наукового апарату, математичних методів дослідження. Він паралельно відвідує заняття на механіко-математичному факультеті, серйозно займається математикою, екстерном складає заліки та іспити з основних математичних дисциплін. Після закінчення філологічного факультету несподівано (а може, і всупереч усьому) стає аспірантом кафедри обчислювальної математики ДДУ, яку очолював професор В. М. Чернишенко, долучається до вивчення нових на той час, нестандартних, цікавих і перспективних проблем машинного перекладу. У червні 1961 року під час першого експерименту машинного перекладу в обчислювальному центрі Дніпропетровського державного університету були реалізовані алгоритми автоматичного аналізу текстів, які І. І. Меньшиков побудував ще в студентські роки. А далі йому пощастило вчитися й працювати в Експериментальній лабораторії машинного перекладу при механіко-математичному факультеті Ленінградського університету, яку очолював відомий російський мовознавець М. Д. Андреев. Саме він став науковим керівником аспіранта І. Меньшикова й до сьогодні залишається для нього Вчителем з великої літери, незаперечним авторитетом у науці. Результатом наполегливої й копіткої, хоч, безперечно, і захоплювальної праці стає захист у Ленінграді 1967 року в Інституті мовознавства АН СРСР

кандидатської дисертації «Морфолого-синтагматичний аналіз німецьких текстів під час машинного перекладу через мову-посередника».

З 1964 року І. І. Меньшиков працює на кафедрі російської мови викладачем, старшим викладачем, доцентом. Читає основні курси «Вступ до мовознавства», «Загальне мовознавство», «Основні напрямки та методи лінгвістичних досліджень», «Основи інформатики та прикладної лінгвістики» та ін.

1980 рік став етапним у подоланні нової сходинки в ієрархії наукових титулів – захист докторської дисертації «План вираження у синтаксисі сучасної російської літературної мови». 1981 року він був обраний на посаду професора кафедри російської мови (зараз – кафедра загального та слов'янського мовознавства), а 1991 року став завідувачем, доклав багато зусиль для її розвитку, забезпечення належного кадрового потенціалу. П'ятнадцять років (1988 – 2002) І. І. Меньшиков очолював філологічний факультет ДНУ, ставши справжнім організатором філологічної освіти в університеті. За його активної участі на філологічному факультеті відкрито східне відділення, зокрема спеціальності «китайська та японська мова і література». Сьогодні ці фахівці користуються неабияким попитом, а відділення має надійні перспективи розвитку. Він став ініціатором виокремлення відділення журналістики в окремий факультет систем та засобів масової комунікації – одного з найпотужніших в Україні з підготовки журналістських кадрів. 1990 року професор І. І. Меньшиков організував і спочатку очолив кафедру лінгвістичної підготовки іноземців (зараз – кафедра перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців), на якій підготовлено для подальшого навчання сотні студентів із різних країн світу і яка на тепер залишається однією із провідних не лише в нашому університеті, але й у регіоні.

Щиро переживаючи непрості події початку 90-х років, коли на тлі соціальних, економічних, політичних перипетій рвалися, наче по живому, взаємини між народами, державами, зокрема й у культурно-освітній галузі, І. І. Меньшиков водночас добре усвідомлював незворотність процесів, пов'язаних із розбудовою української незалежності, національної культури, мови. 1993 року він ініціював створення факультету української філології та мистецтвознавства, роль якого в освітньому просторі регіону була досить помітною. Маючи статус окремого підрозділу університету, факультет набирав обертів у своєму розвитку, ставав відомим, авторитетним. Його колектив без перебільшення відіграв вирішальну роль у відродженні української культури, української мови в Придніпровському регіоні. На наше глибоке переконання, у такому рішенні професор І. І. Меньшиков як керівник філологічного факультету виявив по-справжньому державницький підхід до справи, своїм кроком засвідчивши важливість змін, які відбувалися в освітньому житті України зокрема й духовному загалом. Він сам особисто багато зробив для того, щоб два окремих колективи філологів ніколи не віддалялися один від одного, щоб разом зберегли добрі традиції, які започатковано 1918 року і які вирізняли їх в університеті з-поміж інших. Два факультети так і залишилися кровно близькими, набувши, безперечно, кожен своїх імпульсів у розбудові. Тож цілком природним і логічним видається їх об'єднання 2005 року знову в одну потужну університетську структуру.

І. І. Меньшиков наділений «символами» успішного науковця – доктор філологічних наук, професор, відмінник вищої школи СРСР, заслужений працівник народної освіти України, заслужений професор ДНУ. Але за ними найосновніше – значущий науковий доробок. Бібліографічний показник ученого охоплює 279 позицій, окрім того, у його активі – наукове редагування, опонування кандидатських і докторських дисертацій, керівництво дисертаціями, загальна кількість яких також істотна, – він підготував трьох докторів і дев'ятнадцять кандидатів наук, ба-

гато з яких є успішними й працюють у нашому колективі. Им'я вченого добре знає сьогодні в науковому світі. Його праці зі структурної, прикладної та математичної лінгвістики, граматики, лексикології та стилістики російської, української та германських мов відзначаються особливою науковою сумлінністю і глибиною, переконливою аргументацією, яка базується на скрупульозно вивірених фактах.

Професор І. І. Меньшиков побудував модель контамінованих образів, принципово новий і дуже ефективний апарат вивчення та опису різних лінгвістичних явищ та процесів, уніс важливі корективи в традиційну метамову синтаксису, ввівши до неї низку нових понять та категорій, таких, наприклад, як нестандартні (позасистемні) синтаксичні зв'язки, невиражений імператив, базова синтаксична одиниця та ін., запропонував комплексну структурну детермінацію комунікативних одиниць: висловлення, речення, складного речення, надфразної єдності та тексту – за двома формальними параметрами, один з яких – наявність обов'язкового елементарного складника, другий – наявність структурної схеми як функційної моделі синтаксичної конструкції. Він створив оригінальну методику визначення обсягу й динаміки розвитку словника тієї чи тієї мови за ступенем лексичної різноманітності відповідних текстів різних мовних епох, що уможливило встановлення основних закономірностей кількісних змін у словниковому складі української й російської мов у період з XVI до XX століття. Разом з В. І. Морданем та Н. В. Підмогильною складено словники-довідники «Поетичне слово Кобзаря» (1993) та «Поэтическое слово Пушкина» (1999), у яких опосередковано представлені всі лексичні компоненти атрибутивних конструкцій з узгодженим означенням у поетичних творах двох визначних поетів, українського та російського, тих конструкцій, які відображають епітетальну творчість Т. Г. Шевченка й О. С. Пушкіна. Авторка цих рядків про І. І. Меньшикова також має спільні з ним публікації – навчальні посібники, які присвячені актуальним питанням дослідження українського синтаксису та рекомендовані Міністерством освіти й науки для впровадження й використання в навчальному процесі вищої школи: «Структура словосполучення в сучасній українській літературній мові» (2001), «Синтаксичні зв'язки слів у сучасній українській літературній мові» (2001), «Речення як предикативна, комунікативна і функціональна одиниця мовлення» (2002). Не можу не додати, що під час підготовки й захисту докторської дисертації відчувала дружню підтримку Ігоря Івановича, а його поради професіонала-синтаксиста були й залишаються для мене неоціненними.

Досить перспективним постає наукове розроблення І. І. Меньшикова, яке стосується теорії і практики побудови синтезуючих тезаурусів, нового типу словників, що дають змогу знайти слово за його дефініцією, а також за описом відповідного предмета чи явища об'єктивної дійсності. Багато наукових розроблень Ігоря Івановича з лінгвістичного забезпечення автоматизованих систем керування, навчання та інформаційного пошуку, зокрема автоматичного аналізу писемного мовлення, автоматичного контролю знань студентів, обліку кадрів, реалізовані на ЕОМ і впроваджені у виробництво. До 75-го ювілею вченого вийшов збірник «Меньшиков И. И. Избранные труды по лингвистике» (Д. : Новая идеология, 2012. 400 с.), статті якого відбивають багатогранне спрямування його наукових пошуків. Це ювілейне видання викликало великий інтерес лінгвістів, усіх, хто професійно пов'язаний з вивченням і навчанням мови, із прагматичною орієнтацією мови як засобу комунікації.

Понад десять років він очолював спеціалізовану раду із захисту дисертацій зі спеціальностей 10.02.01 – українська мова та 10.02.02 – російська мова при Дніпропетровському національному університеті, у складі якої продовжує працювати й до сьогодні.

Переконана, що І. І. Меньшиков і Дніпропетровський національний університет органічні, він пройшов у ньому шлях від студента до декана факультету. З одного боку, це шлях традиційний, а з іншого – свій, неповторний, а найосновніше – успішний, який триває й досі, а його наукова школа постійно поповнюється новими послідовниками – студентами, аспірантами, які поважають і люблять його за глибоко наукові лекції із проблем синтаксису російської мови, за оригінальні спецкурси, присвячені метамові граматики та лінгвістичного моделювання.

Я не знаю, чи є у Ігоря Івановича своє визначення долі, але, озираючись на пройдений ним життєвий шлях, зважуючи зроблене, а також з огляду на те, що пропрацювала з ним пліч-о-пліч у статусі декана майже 10 років, наважусь стверджувати, що доля для нього – це коли доля Господня дивовижно накладається на долю Людини. Наш ювіляр усе своє життя реалізовував ту особливу програму добра, яку заклад у нього Творець, а це робить людину щасливою, її життя – змістовним, гармонійним і виправданим. Сьогодні він багатий земними дарами – любов'ю, мудрістю, надійними колегами, вірними друзями, особливим талантом відкривати в слові ще не пізнане і повнокровно жити на землі. Нехай це все ще надовго буде з ним!

У мовознавстві професор І. І. Меньшиков створив свою модель контамінованих образів, що стало принципово новим явищем у світі слова. Модель своєї життєвої поведінки він також створює сам – завжди багато трудиться, залишається яскравою індивідуальністю, людиною, позицію якої з будь-яких питань поважають, до думки якої прислухаються, людиною, якій вірять. Знаючи його багато років, чи зможе хто сказати – де бере він час на все. І. І. Меньшиков – яскраве підтвердження парадоксальної, на перший погляд, думки: «Встигає завжди той, хто нікуди не поспішає».

У славний ювілейний день народження ми, його колеги, друзі, учні, однодумці, бажаємо всіх можливих земних благ. Хай попереду в нього буде ще багато цікавих і повнокровних літ, міцне здоров'я, поряд – надійні друзі, нові ідеї, а відтак нехай життя наповнюється вщерть.

І. С. Попова

*доктор філологічних наук, професор, декан факультету
української й іноземної філології та мистецтвознавства*

ЗМІСТ

Акімова Н. В. Мовленнєвий код сайтів новин: використання неологізмів.....	3
Ваняркин В. М. Экспрессивность заголовка и панхрония (на матеріалі газетно-публицистического стиля)	7
Дьячок Н. В. Особенности механизма квазиунивербации в русском языке	13
Дядя В. Н. Лексико-граматичні особливості утворення неологізмів (на матеріалі іспанської преси)	18
Галаздра С. И. Особенности гендерной дифференциации (на матеріалі французского языка).....	24
Гончаренко Е. П., Кривошея А. В. Работа зі словником як один із засобів вивчення англійської мови: Merriam Webster On-line	32
Гречухина И. Д., Сахно И. А. Современное рекомендательное письмо: жанрово-функциональная специфика.....	38
Kesselová J. Osobné zámeno <i>ja</i> ako prostriedok personálnej deixy v dialogickej komunikácii v Slovenčine	46
Ким Л. А. Составные термины с атрибутивными предложно-именными компонентами-названиями	54
Кіркоська І. С. Лінгво-філософські та культурологічні засади вивчення категорії часу (на матеріалі французької мови).....	61
Мальцева В. В. Дискурс во власті стереотипов: деконструкція мови в романі Володимира Сорокіна «Норма»	69
Манякина Т. И. Структура и функции фактуальных вставок в современных информативных переводах.....	77
Меньшиков И. И. Типология согласования как подчинительной синтаксической связи	84
Моради А. Трансонимизация как один из путей создания эмпоронимов и трапезонимов	91
Некрылова Е. Л. О стихийной компенсации утраты переходности русских глаголов их префиксацией: когнитивно-эволюционный аспект	99
Острцова И. В. Роль сирконстантов в высказываниях с описательными предикатами (на матеріалі специальных текстов)	106
Панченко Е. И. Инновационная скороговорка как отражение экстралингвистической реальности	113
Панченко С. А. Стендап как новый жанр развлекательного дискурса.....	119
Писаренко Н. Д. Особливості семантичної структури односкладних речень.....	125
Подмогильная Н. В., Куварова Е. К. Личность писателя через эпистолярную оптику	131
Пристайко Т. С. Феминитивы в аспекте неологии (на матеріалі наименований женщин по роду деятельности в русском языке).....	144
Процик І. Р. Відображення мовної картини світу футбольних фанатів у художніх творах сучасних українських письменників	155

Пушкаръ О. П. Каламбур в произведениях Сергея Довлатова	164
Серебрянская І. М. Структурно-семантична характеристика власних назв українських вищих навчальних закладів.....	171
Suima I. P. Main types of the responsive sentences in the question-answer system	178
Устименко К. В. Особливості лексичної системи розмовного стилю сучасної іспанської мови.....	185
Шкурко О. В. Проблема омонимии в славянской лингвистике	190
Шпілько І. М. З голови аж до ніг / od hlavy až po päty, або Про українсько-словацькі соматизми: ономаціологічний аспект	198
Попова І. С. Життя, наповнене вщертъ (до 80-річчя з дня народження проф. І. І. Меньшикова).....	208

CONTENTS

Akimova N. V. The speech code of news sites: using of neologisms	3
Vaniarkin V. The expressive character of headline and the panchronia (on the basis of the journalistic and publicistic style).....	7
Diachok N. V. Peculiarities of quasiuniverbation mechanism in russian language	13
Dyadya V. M. Lexical and grammatical features of neologisms' formation (based on Spanish press).....	18
Halazdra S. I. The particularities of gender differentiation (French language)	24
Goncharenko Y. P., Krivosheia A. V. Work with the dictionary as one of the ways to learn english: Merriam-Webster On-line	32
Grechukhina I. D., Sachno I. A. Modern letter of recommendation: genre and functional peculiarities	38
Kesselová J. Person pronoun "I" and person deixis in slovak dialogue communication	46
Kim L. A. Compound terms with attributive prepositional-nominal components-names	54
Kirkovska I. S. Linguistic, philosophical and cultural purposes of studying the category of tense (the case study of French)	61
Maltseva V. V. Discourse under the power of stereotypes: language deconstruction in Sorokin's novel «Norm»	69
Manyakina T. I. The structure and the functions of factual additions while translating contemporary informative texts	77
Menshikov I. I. Typology of the agreement as a subordinate syntactic connection.....	84
Moradi A. Transonymisation as one of the ways of creating emporonyms and trapesonyms	91
Nekrylova E. L. To the spontaneous compensation of loss of transitiveness of russian verbs by their prefixing: cognitive-evolutionary aspect	99
Ostretsova I. V. The role of circumstances in the statements with descriptive predicates (based on special texts)	106
Panchenko O. I. Innovative tongue-twister as extralinguistic reality refraction.....	113
Panchenko S. A. Standup as a new genre of entertainment discourse	119
Pisarenko N. D. Peculiarities of semantic structure of one-member sentences .	125
Podmogilnaya N. V., Kuvarova O. K. The personality of the writer through the epistolary optics.....	131
Prystaiko T. S. Feminitives in terms of neology (using the material of titling women in the Russian language according to their occupations).....	144
Protsyk I. Representing the linguistic picture of the world of football fans in works of fiction by modern ukrainian writers	155
Pushkar O. P. Pun in Sergei Dovlatov's creativity	164

Serebrianska I. M. Structural and semantic characteristics of the proper names of ukrainian institutions of higher education	171
Suima I. P. Main types of the responsive sentences in the question-answer system	178
Ustymenko K. The features of lexical system conversation style of contemporary spanish language	185
Shkurko E. V. Problem of homonymy in slavic linguistics	190
Shpitko I. N. From head to foot / od hlavy až po päty, or on ukrainian-slovak somatisms: onomasiologic aspect.....	198
Popova I. S. Life which is full to overflowing (in honour of 80 th anniversary of professor Ihor I. Menchikov	208

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 23 (1)

Українською, російською, словацькою, англійською мовами

Свідоцтво державної реєстрації серія КВ № 21031-10831 Р від 24.10.2014 р.

У відповідності з наказом Міністерства освіти і науки України № 261 від 06.03.2015 р. друковане видання «Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство» включено до Переліку наукових фахових видань України у галузі філологічних наук

Вісник зареєстрований у Міжнародних наукометричних базах:
Google Scholar, National Library of Ukraine Vernadsky

Коректор О. М. Гордієнко
Оригінал-макет В. В. Спіріна

Підписано до друку 01.06.2017 р. Формат 70х108 ¹/₁₆. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 19,8. Обл.-вид. арк. 19,3. Ум. фарбовідб. 19,8.
Тираж 100 пр. Зам. № 107.

ПП «Ліра ЛТД», вул. Погребняка, 25, м. Дніпропетровськ, 49010.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 188 від 19.09.2000 р. Фактична адреса: вул. Наукова, 5